

Сергей Лукьяненко
НЕПОСЕДА

Сергей
Лукьяненко

НЕПОСЕДА

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ΜΕΠΡΟΣΕΔΑ

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

НЕПОСЕДА

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Оформление А.А. Кудрявцева
Художник В.О. Бондарь

Лукьяненко, С.В.

Л84 Непоседа : [фантаст. роман] / Сергей Лукьяненко. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 477, [3] с.

ISBN 978-5-17-071331-8 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: 3Л)

ISBN 978-5-271-32541-0 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-17-071029-4 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Лукьяненко(У)Теле-1)

ISBN 978-5-271-32540-3 (ООО «Изд-во Астрель»)

Трикс Солые совершил немало славных подвигов, и его уже никто не назовет недотепой. Похоже, все его мечты исполнились — и можно спокойно учиться волшебству (пусть даже в обучение входит мытье полов и чистка картошки). Но если приходится под Новый год внезапно отправляться в жаркую и экзотическую страну Самаршан — тут уж не до учебы! Тут надо вспомнить все, что умеешь, и даже немного больше. Ведь Самаршан — ну просто очень экзотическая страна! Там правит султан (некоторые считают, что визирь), собирает армию Прозрачный Бог (некоторые боятся, что он и впрямь бог, хотя бы из мелких), а местные обычаи отличаются красочностью и непосредственностью. Тут только и остается, что полагаться на старых друзей — бродячих артистов, старых врагов — витамантов, и сводных родственников, находящихся в пожизненной ссылке. Потому что опасных встреч предстоит много — с джинном, связанным моральными ограничениями, сфинксом — никакими ограничениями не связанным, и пустынными гномами (вы считали, что таких не бывает? вы ошиблись!). А все потому, что не следует верить каждому встречному дракону. Конечно, драконы не умеют врать, но разве им это когда-то мешало?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-16-9185-8

(ООО «Харвест»)(С.: 3Л)

ISBN 978-985-16-9186-5

(ООО «Харвест»)(С.: Лукьяненко(У)Теле-1)

© С. Лукьяненко, 2010

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Часть первая

ТРИКС ОБИЖАЕТСЯ

1

Если ты в неполные пятнадцать лет выправил кривду, улучшил правду, завоевал сердце княгини, да еще и совершил Настоящее Чудо — тебе очень хочется, чтобы тебя все и всегда хвалили.

Трикс, единственный и полноправный ученик великого волшебника Радиона Щавеля, имеющий высокий статус преспешника (а ведь преспешник — это уже почти настоящий волшебник), стоял у окна в своей комнатухе на вершине магической башни и дулся.

Нет, он ничуть не жалел, что после всех случившихся за год приключений покинул отцовское герцогство, где ему когда-нибудь придется взойти на трон, и вернулся к Щавелю продолжить обучение. Мыть полы, готовить еду и чистить отхожие места — все это не очень-то приятно, но занятия магией искупают житейские неудобства.

Правда, ничему новому он за последнюю неделю так и не научился — попытка призвать новую саламандру взамен старой, уже почти не греющей воду в котле, закончилась небольшим пожаром, опыты в кулинарной магии (а ведь Щавель изначально был настроен скептически!) привели к расстройству желудка, а простенькое заклинание «таранный камень» вызвало лишь мелодичный грохот и страшные голоса, что-то угрожающе поющие на неведомом языке.

А самое обидное было в том, что Триксу по-прежнему упорно не давалась телепортация. Щавель, похоже, и сам был не слишком в ней силен, но на капитул магов, традиционно созываемый вскоре после Нового года, он все-таки отправился. Один. Оставив Трикса в своей волшебной башне с обидной просьбой не снести ее до основания.

Нет, не так представлял себе Трикс свою жизнь у Щавеля. Новые приключения, тайны, сражения, интриги... Спасение всего мира и княгини Тианы в придачу! Победа над коварными витамантами!

А вместо этого — переписывание старых, утративших силу заклинаний из древних книг и ехидные реплики Щавеля.

И грустное одинокое празднование Старого Нового года, который наступит через каких-нибудь девять часов. Учитель, конечно, Трикса очень ценил, но ради недотепы-ученика он раньше времени с капитула не вернется. А ведь это был праздник особый! Семейный, который полагалось проводить не на улице с друзьями-приятелями, а дома, с родными и близкими...

Надо сказать, что Старый Новый год праздновали только в королевстве. Так повелось со времен короля Маркеля Неожиданного, который прославился необычными реформами — то он ввел две дополнительные части света, то выкинул из алфавита три буквы, а вместо них добавил две другие и новый знак — точку с запятой, то повелел измерять вес не в фунтах, а в каких-то чудных «килах». Что такое фунт все знали прекрасно, это был вес гири, крепящейся на цепочке к церемониальной королевской булаве. А таинственное «кило», по мнению монарха, весило в два с лишним раза больше и равнялось весу одного «литра» пресной воды на уровне моря... вот только придумать, сколько пинт или кварт воды входит в этот самый «литр», чтобы его можно было взвесить и принять за эталон, Маркель Неожиданный так и не успел, охладев к своей затее.

По большому счету все реформы остроумного короля не прижились. Новые буквы из алфавита потихоньку выпали (хотя и старые не вернулись), части света остались только на старых башенных часах в Столице, в лавках все по-прежнему просили взвесить им фунт белого хлеба и налить две пинты молока, а не взвесить половину «кила» и налить «литр». И только смена календаря увенчалась частичным успехом. Однажды посреди зимы Маркель Неожиданный заявил, что, наблюдая за звездами, обнаружил — старый календарь отстал на целых тринадцать дней, и поэтому Новый год надо праздновать раньше. По этому случаю он повелел пускать фейерверки, наливать простолюдинам вина и простить всем налоги за две неслучившиеся недели. По всеобщему мнению, королю просто хотелось устроить праздник пораньше — но фейерверки... вино... налоги! Так что новый календарь приняли охотно. Но и старый не забыли... что и привело к появлению удивительного по своему названию праздника — Старого Нового года.

Говорят, что на смертном одре старенький король Маркель Неожиданный вздохнул и произнес: «Я слишком рано пришел в этот мир! Он еще не готов был принять мои идеи... но он их примет... А теперь — о главном! Записывайте! Все люди рождаются свободными и равными в своих достоинствах и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства...»

Неизвестно, чего бы еще наговорил король ошалевшим от неожиданности писцам, но, к счастью, его наследник воскликнул: «Что вы стоите, изверги? Отец бредит от боли и жара! Немедленно дайте старику хорошую порцию макового отвара!»

Порция действительно была хорошая, и поздней ночью Маркель Неожиданный мирно отошел в мир иной. По удивительной случайности это произошло как раз накануне

Старого Нового года, что было воспринято всеми как хороший знак и одобрение празднества...

Трикс вздохнул и сел за свой письменный стол. Это был хороший, хоть и старый стол — из мореного дуба, со столешницей, обитой кожей грифона, с тремя выдвижными ящиками слева (один — секретный, но с потерянным давным-давно ключом) и двумя ящиками справа. Ящики пустовали, только в левом верхнем лежала стопка бумаги, а в правом нижнем — запас перьев и ножичек для их очинки.

Раскрыв перед собой великую, хоть и древнюю, книгу по семейной магии, Трикс с выражением прочел:

— «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Это заклинание, плод моих долгих раздумий, можно пользоваться для целей благих и дурных, каковы вам более надобны. Ежели, к примеру, надо внести в семью мир и покой, изреки его громко и ясно, делая особливо упор на первой части — «все счастливые семьи похожи друг на друга». Ну а для привнесения дрязг и раздоров, упор делается на второй части — «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Употреблять заклинание надо с умом и всевозможным тщанием...

Трикс вздохнул. Наверное, когда-то это и впрямь работало. Хотя если разобраться, то смысла в заклинании не было ни малейшего. Вот, к примеру, местный босгардский кузнец то и дело дубасит свою жену — а между тем семья у них счастливая. А торговец овощами с жены пылинки сдувает — и они тоже счастливы. Ну какая тут похожесть?

Но на всякий случай Трикс переписал заклинание три раза, семь раз произнес вслух и с выражением, после чего принялся писать заданный Шавелем разбор:

«В великих строках своего великого труда великий граф-волшебник поведал великую тайну...»

Разбор заклинания не получался. Трудно писать то, во что совсем не веришь. Трикс опять вздохнул — на этот раз

совсем уж горько, достал чистый лист бумаги и принялся писать письмо домой:

Дорогие мои родители! Герцог и Герцогиня!

Я вас очень люблю. И приключения я очень люблю. И магию тоже. А вы мне не разрешаете ею заниматься. Велите учиться танцам и фехтованию. А это неправильно. Я уезжаю к Радиону Щавелю и буду там жить. Вы за меня не беспокойтесь. Я не пропаду. Я все умею делать и буду вам писать, а на трон мне еще не скоро. Только после папы.

До свидания. Ваш сын — Трикс Солье.

Перечитав написанное, Трикс подумал и решил, что все получилось очень правильно — коротко, честно и очень вежливо. Оставалось решить, как отправить письмо домой.

Подумав минуту, Трикс подошел к окну, распахнул его, впустив свежий морозный воздух, и громко произнес:

— Лети с приветом! Вернись с ответом!

Листок на его ладони слегка дрогнул, но и не подумал улетать. Требовался почтальон. Только где его взять? Вокруг башни волшебника никого не было — ну кто без нужды решится приближаться к такому опасному и непредсказуемому месту? До самого горизонта тянулись заснеженные поля, лишь вдалеке, над невысокими зданиями городишка Босгард тянулись вверх струйки дыма — да вокруг самой башни, вопреки времени года, буйно цвели розы, маки, тюльпаны и прочие любимые Щавелем цветы. Где-то там порхала и Аннет, безнадежно влюбленная в Трикса цветочная фея. Письмо бы она, пожалуй, унесла. Вот только удалившись зимой от башни, немедленно бы замерзла и уснула...

— Птица... — задумчиво сказал Трикс. — Мне нужна птица — сильная и отважная, способная лететь сквозь ночную мглу, сквозь снег и буран. Лететь без усталости и нести мое послание родителям...

С растерянным клекотом откуда-то сверху спикировала огромная белая сова. Трикс даже отшатнулся, когда она усе-лась на подоконник и недоуменно огляделась вокруг. Из клюва совы торчал мышиный хвостик.

— Ты волшебников не боишься? — на всякий случай спросил Трикс.

Сова сглотнула и подозрительно уставилась на мальчика.

— Отнеси мое письмо в графство Солье, — сказал Трикс. — Вручи лично герцогу Рату Солье. Хорошо?

Сова протянула вперед когтистую лапу. Трикс с некоторой опаской обмотал ее запиской и обвязал обрывком бечевки. Еще раз повторил:

— Значит, в графство Солье, лично герцогу...

Сова посмотрела на него с презрением и вспорхнула с подоконника.

Отправив родителям послание, Трикс сразу почувствовал себя веселее. И пусть в башне он был один-одинешенек, пусть из еды у него имелась только картошка и промерзлый кусок свинины — пища пусть и сытная, но непрасдничная. Все-таки какое-то новогоднее настроение стало появляться! Трикс закрыл окно, зажег пару свечей, потому что солнце уже клонилось к закату, и попытался честно выполнить разбор заклинания.

Заклинание упорно сопротивлялось.

Понурившись, Трикс стал изучать столешницу, на которой предыдущие ученики Щавеля оставили свои стенания, заклинания и послания. Несмотря на то, что каждый ученик начинал свое обучение с тщательного мытья стола, хорошие чернила до конца свести не удавалось. Были здесь и жалобы на изучение замшелых магических книг с давно утратившими силу заклинаниями, и едкие замечания в адрес магистра Щавеля, и восторженная ода красавице-жене босгардского барона (Трикс вспомнил старую толстую баронессу и недо-

уменно пожал плечами — по младости лет он никак не мог осознать, что каждая старуха была когда-то прелестной юной девушкой). Все это было уже неоднократно Триксом читано и перечитано, но до сих пор оставалось занимательным.

А потом Трикс заметил кое-что еще.

Под всеми старыми надписями, начисто стертая, шла еще одна надпись — от нее остались только едва заметные царапины на грифоньей коже. Наверное, свет свечей и последние лучи заходящего солнца легли на столешницу под таким углом, что проявили старые строки.

— Ключ... ключ... под... подоко... подоконником... — прочел заинтригованный Трикс. И сам себя спросил: — Какой еще ключ?

Впрочем, вопрос был излишним. Его комната на ключ не запиралась, ученику дозволялся только засов. Единственный в комнате замок был в потайном ящике стола!

Трикс схватил свечу и присел под единственным узким окном. Заглянул под выступающий подоконник.

Вначале ему показалось, что там ничего нет. Гладко оструганное дерево хоть и было пыльным и заросшим паутиной, но ничего не скрывало. Однако когда Трикс приблизил свечу и паутина с треском сторела, он заметил, что один кусочек древесины будто бы отличается от других по цвету...

Достав из стола старый, стершийся от времени ножик для очинки перьев, Трикс подковырнул деревяшку. Пошатал немного. Деревяшка неохотно вывалилась, а вслед за ней на пол упал самый настоящий бронзовый ключ — небольшой, но с затейливой бородкой.

С гулко стучащим сердцем, ощущая дыхание близкого приключения, Трикс метнулся к столу. Вставил ключ в замочную скважину — тот легко вошел и точно так же легко повернулся.

Прежде чем выдвинуть ящик, Трикс облизнул пересохшие от волнения губы. Потом потянул за ключ.

Ящик был пуст. Это был небольшой, почти плоский ящик. Без всяких секретов...

Не веря своим глазам, Трикс достал ящик, перевернул — нет ли на днище приклеенного смолой пергамента с могучим древним заклинанием? Простукал ящик со всех сторон — а вдруг найдется двойное дно или секрет в стенках?

Ничего!

Просто пустой потайной ящик!

— Ну это же нечестно! — закричал Трикс. — Это неправильно!

Весь житейский опыт, вся логика подсказывали ему, что если грустящий в одиночестве в праздничный вечер ученик волшебника находит древний ключ — ключ этот должен открыть что-то важное. Потайную дверь. Секретный ящик. Сундук с золотом и драгоценностями, на худой конец!

А тут — ничего.

Трикс задул свечи и мрачно побрел на кухню.

Смеркалось. Ветер к вечеру усилился и башня едва заметно покачивалась под его порывами. Трикс возился на кухне, готовя себе праздничный ужин.

Картошка была почищена и весело булькала в кастрюле с кипятком. Нет, наверное, картошке было вовсе не весело, но людей почему-то всегда радует бульканье готовящейся еды. Кусок свиного окорока Трикс нашпиговал найденной в овощном ларе морковкой и несколькими зубчиками чеснока, натер солью и перцем, проткнул вертелом и повесил жариться над огнем. Настроение у Трикса снова улучшилось — возможно, причиной были запахи еды, а возможно — опустевший бокал вина.

Волшебник может быть сколь угодно беден, в кладовой у него могут играть в чехарду мыши, а в кошельке — позвякивать пара незаконных (для волшебника!) медных грошей.

Но две вещи обязательно будут у волшебника в достаточном количестве — кофе и вино.

Кофе волшебнику необходим, чтобы, проснувшись поздним утром, сбросить с себя вялость и леность, усесться за рабочий стол и весь день бодро придумывать новые заклинания.

Черед вина приходит вечером, когда хорошо потрудившемуся волшебнику требуется расслабиться, снять напряжение от работы, очистить голову и спокойно отойти ко сну.

Стоит отказаться хотя бы от одного из этих двух компонентов, как работоспособность волшебника резко падает, он становится вялым, раздражительным и ничего достойного придумать не может.

Ходят слухи, что некоторые великие волшебники древности творили свои заклинания, отказавшись сразу и от кофе, и от вина. Но мысль о подобном эксперименте настолько экстраординарна, что повторить его пока никто не рискнул.

Итак, Трикс налил себе еще полбокала и уселся перед очагом, чтобы вовремя поворачивать вертел и не дать мясу пригореть.

(В некоторых мирах и временах, пожалуй, сочли бы предосудительным и достойным порицания, что пятнадцатилетний мальчик запросто попивает вино перед ужином. В оправдание Трикса и мира, где он жил, можно сказать три вещи. Во-первых, попробовав то вино, вы были бы приятно удивлены его легкостью. Во-вторых, попробовав местную воду, вы были бы неприятно удивлены последствиями для желудка. Ну а в-третьих, отберите у своего пятнадцатилетнего сына цветастые жестяные баночки с его любимыми безалкогольными напитками — и внимательно прочтите состав. Вы до сих пор уверены, что бокал вина вреднее?)

Впрочем, этим новогодним вечером Трикс и впрямь собирался пить вино по-взрослому. Ему было одиноко, ему было скучно, все про него забыли — даже Аннет осталась

праздновать Старый Новый год на лугу, в компании других цветочных фей.

Вот если бы сейчас в двери башни постучали... ну, к примеру... родители? Решили провести непутевого сына и приехали — пять карет, сорок солдат охраны, три телеги с припасами...

Трикс поморщился. По родителям он, конечно, скучал, но не настолько же!

Нет, пусть бы в двери башни постучали... постучала... княгиня Тиана! Она вошла бы вся замерзшая, усталая, покрытая снегом, дрожащая от холода и голода и сказала: «Трикс, мне нужна твоя помощь...» А Трикс усадил бы ее к огню, дал бокал горячего вина с пряностями (из пряностей был только перец, но ведь он поможет согреться?), помог бы ей снять заснеженные одежды...

Трикс почувствовал, что краснеет. Все дальнейшее представляло перед ним в очень волнующем, но каком-то туманном свете. Может, лучше пусть это будет не Тиана? А какая-нибудь другая княгиня, или дочь барона, или та симпатичная рыжая девчонка, дочь мельника... А что, дочь мельника тоже достойна помощи! Вот она стучит в дверь...

БАХ!

БАХ!

БА-БАХ!

Удары были столь сильны, что Трикс подскочил на стуле, вино расплескалось, а вертел заплясал на рогатках. С высокого потолка кухни полетела пыль и посыпались мелкие камешки.

Трикс встал, непроизвольно нащупывая на поясе свою верную заклинительную книгу. Если чья-то дочка и могла так постучаться в двери, то это должна была быть дочка великана. Или сам великан. Что тоже как-то не радовало.

Но тут с потолка донесся легкий скрежет — и Трикс сообразил, что удары доносились не снизу, а сверху! С плоской крыши магической башни!

Трудно было спорить с тем, что это начиналось приключение! Но в то же время — не совсем такое, какого хотелось Триксу. Приключение хорошо, когда оно стучится в дверь и вежливо предлагает отправиться на поиски, а не когда оно валится на голову, так что стены трясутся!

Но делать было нечего. Трикс кинулся наверх по лестнице — вначале в свою комнату, за мантией и посохом, а затем — на крышу башни...

Маленький садик, разбитый на плоской крыше башни, в окружении зубчатых стен, был весь припорошен снегом. Только елочка, которую еще Щавель два дня назад заботливо украсил цветными фонариками, темнела зеленым конусом. Волшебные огоньки на ней неярко мерцали, почти не разгоняя темноту.

Трикс, стараясь как можно громче и увереннее стучать посохом оземь, обошел всю крышу по кругу. Странное дело... никого и ничего...

Вот только почему елочка зеленая? Кто сбил с нее весь снег?

— Кто здесь? Кто посмел тревожить мой покой? — громко и властно (во всяком случае, он на это надеялся) воскликнул Трикс.

Несколько секунд царило молчание.

А потом над головой Трикса раздался громкий и при этом явно приглушенный, будто старались говорить шепотом, голос:

— Ты совсем постарел, Радион Иманил Крион Щавель. Заклинаю тебя твоим истинным именем и требую не совершать никакого зла против меня! Ты совсем постарел, ссохся, стал ниже ростом...

У Трикса сердце упало в пятки. Он стал медленно поднимать голову.

— Ну-ка, елочка, зажгись! — снова громогласно прошептали над головой — и струя пламени ударила в пушистую

лесную красавицу. Елочка вспыхнула ослепительным костром — и еще до того, как Трикс задрал голову вверх, он уже знал, что, а точнее — кого, увидит.

Метрах в трех над ним, на прочном насесте из железного дерева, сидел огромный оранжевый дракон.

Конечно, если подходить к вопросу объективно — к примеру, взять веревку, измерить дракона от шипастого кончика хвоста и до выдающихся вперед витых рожек, а потом зарисовать примерную схему дракона и сравнить с таблицей в «Энциклопедии Драконологии», то дракон был средненький. Даже небольшой. Так себе дракончик, метров десять в длину, метров двадцать в размахе крыльев. И пламя-то у него было слабое, нежаркое — елочка зажглась, а камни даже не подумали плавиться.

Но если этот небольшой дракон нависает над вами, то последнее, о чем вы подумаете, — это измерить его длину. Тем более что скорее всего это и впрямь будет последнее, о чем вы подумаете, решившись на такое.

— А... — сказал Трикс. — А-а-а-а-а...

— Ой... — простонал дракон, уставившись на Трикса круглыми, размером с хорошую тарелку глазами. — Ой... Ты не Радион Иманил Крион Щавель!

— Нет... — признался Трикс, чувствуя, что весь покрылся холодным потом.

— А ты не можешь сказать мне свое тайное имя, чтобы я защитился от тебя? — с надеждой спросил дракон.

— Н-нет... — покачал головой Трикс. Честно говоря, он бы сказал это имя, если бы понимал, о чем идет речь.

— Я знал, — пробормотал дракон, обдавая Трикса горячим дыханием. — В глубине души я знал, что все кончится плохо...

— Я тоже, — кивнул Трикс.

— Будь ты Щавелем, — продолжал дракон, — я был бы в безопасности от твоей могучей магии. Я изложил бы свою проблему, напомнил о долге чести и получил необходимую

мне помощь. Но ты совсем другой волшебник и я перед тобой абсолютно беззащитен!

Трикс немного приободрился.

— Поэтому мне придется тебя убить, — грустно закончил дракон. — Как мне этого не хочется...

Он шумно вдохнул воздух — и плюнул в Трикса огнем. Трикс едва успел отскочить, у него лишь начал тлеть край мантии.

— Ну не вертись ты так! — крикнул дракон, слегка оглушив мальчика. — Поверхностные ожоги кожных покровов очень болезненны! А если я попаду точно в тебя, ты сразу потеряешь сознание и сгоришь!

Он снова набрал воздух.

— Невидимый могучий щит из воздуха и льда прикрыл юного волшебника... — начал было колдовать Трикс, но вовремя заметил, что дракон вовсе не выглядит обеспокоенным — и предпочел отпрыгнуть.

Еще одна струя огня пролетела мимо Трикса.

— Ты чего? — удивился дракон. — Драконье пламя магией не отклоняется!

— Постой, так же нельзя! — в отчаянии воскликнул Трикс, видя, что дракон готовится вновь выдохнуть пламя.

Как ни странно, это подействовало. Дракон закашлялся, неуклюже завозился на своем насесте и сказал:

— Ну да, нельзя... Но ведь никто не видит?

— Как никто? — вдохновенно соврал Трикс. — Десятки и сотни невидимых духов-охранников витают вокруг башни! Если ты меня убьешь — это станет всем известно!

Дракон опустил голову.

— Я так и знал, — пробормотал он. — Так я и знал... Ну хорошо. Играем.

— Что? — удивился Трикс.

— Играем в загадки, как положено при первой встрече человека и дракона. Три загадки. Если я их разгадаю, я имею право тебя убить. Если нет — расходимся миром.

— А если я разгадаю твои? — спросил Трикс.

— Я открываю тебе свое тайное имя и ты получаешь надомной власть, — мрачно сказал дракон. — В известных пределах, разумеется. Ну, кто начинает?

— Вы, драконы, мастера загадывать загадки, — сообразил Трикс.

— Конечно! Хорошо, раз ты никак не соберешься с духом — вот моя первая загадка. Зимой и летом одним цветом!

Трикс недоверчиво посмотрел на дракона. Тот ждал.

— Елочка, — сказал Трикс, покосившись на догорающее дерево. — Ну, или любое другое хвойное дерево.

— Я попросил бы конкретизировать ответ! — воскликнул дракон.

— Елочка!

— Ответ принят, — печально сказал дракон. — Один-ноль в твою пользу. Хорошо, твоя очередь.

— Э... — занервничал Трикс. — Хорошо! Сколько сундуков с золотом в казне короля Маркеля Веселого?

— Восемьдесят четыре больших полных, шесть средних, три маленьких сундука. И еще четырнадцать пудов золота в виде лома и малоценных украшений.

У Трикса отвисла челюсть.

— Мы, драконы, все на свете знаем про золото, — гордо сказал дракон. — Один-один. Итак, мой вопрос... Сто одежек и все без застежек!

— Капуста, — сказал Трикс.

— Ты хорошо подготовлен, юный маг! — проревел дракон. — Два-один... Задавай свой вопрос!

— Сколько людей живет в Босгарде? — спросил Трикс, глядя на огоньки вдали. Совершенно случайно он вчера услышал об этом на городском рынке.

— Восемьсот шестьдесят четыре человека! — рявкнул дракон.

— Неверно! Восемьсот шестьдесят три! — крикнул Трикс.

— А вот и верно! Вот и верно! Час назад жена каменотеса родила девочку!

Посрамленный Трикс понурился.

— Мы, драконы, людей чуем! — гордо сказал дракон. — Это залог выживания нашего вида. Два-два! Теперь мой третий вопрос... Король Маркель Великодушный как-то раз решил казнить одного волшебника. Но у короля было хорошее настроение, и когда волшебника привели к месту казни, король сказал: «Говори свое последнее слово! Если ты скажешь правду — мы тебя повесим. А если соврешь — мы тебе отрубим голову!» Волшебник подумал и сказал свое последнее слово. После этого королю ничего не оставалось, как отменить казнь — ведь слово короля священо!

— Нечестно! — завопил Трикс. — Это совсем другая загадка!

— А я что, обещал тебе все время детские загадки загадывать? — удивился дракон. — Время пошло! У тебя ровно одна минута!

— В чем был виноват волшебник? — спросил Трикс.

— Не важно, — насмешливо ответил дракон. — Уж поверь, у короля для любого волшебника провинность всегда найдется.

Трикс напряженно думал.

Дракон начал что-то насвистывать. Из пасти вырывались тонкие язычки пламени.

— У меня есть какая-нибудь помощь? — спросил Трикс. — Или, может, паузу какую-то можно сделать?

— Осталось десять секунд, — сказал дракон.

Трикс отчаянно думал. Если правду... то повесят... Если соврет... отрубят голову... а в чем виноват — не важно... Значит, говорить надо то, что связано с казнью... со словами короля...

— Время кончилось, — торжественно сказал дракон. — Ну?

— Волшебник сказал... волшебник сказал... — У Трикса от волнения кружилась голова. Чудилось, будто он не стоит

на круглой крыше волшебной башни, а сидит в зеркальном зале в окружении толпы мудрецов... и всем мудрецам все понятно, только он, дурак, никак не сообразит, а мудрецы от волнения что-то беззвучно шепчут, хватаются за головы, водят ладонями у горла, будто перерезая себе шею... — Волшебник сказал: «Мне отрубят голову!» — воскликнул Трикс.

— Была подсказка! — завопил дракон.

— Какая? Откуда? — удивился Трикс.

— Тогда поясни мне ход своих мыслей! — угрожающе потребовал дракон.

— Ну... надо было сказать что-то такое, что противоречило бы словам короля. Волшебник и сказал — «мне отрубят голову». Если ему после этого отрубить голову, то, значит, он сказал правду и его надо было повесить. А если его повесить, то, значит, он соврал — и ему надо было отрубить голову!

Дракон помолчал и сухо произнес:

— Три-два. Ты угадал.

— Что стало с тем волшебником? — поинтересовался Трикс.

— Что-что... Просидел еще сорок лет в тюрьме и помер от старости... — ворчливо ответил дракон. — Давай свою третью загадку!

Трикс подумал. И сказал:

— Что находится в тайном ящике?

— Каком тайном ящике? — заволновался дракон.

— В моей комнате есть стол. В столе тайный ящик. Что в нем?

— Если там ничего нет, то загадка некорректна! — сказал дракон.

— Ну... нет, там кое-что есть, — промямлил Трикс. — Там есть, да. Там есть то, что необходимо тебе и мне. То, без чего мы умрем. То, что поддерживает жизнь в мире...

Дракон задумался.

— Минута, — злорадно сказал Трикс.

— Великое заклинание поддержания жизни в мире? — спросил дракон.

— Нет! — завопил Трикс. — Там воздух! Воздух в ящике! Понял, дурак чешуйчатый? Там воздух!

— Воздух — это все равно что ничего! — попробовал было спорить дракон.

— А вот нет! Без воздуха ты не мог бы летать, дышать и изрыгать пламя! Какое же это ничего? Это очень даже чего! Три-два в мою пользу! Ты проиграл! Называй свое тайное истинное имя!

— Мое тайное имя... — Дракон сглотнул. — Мое тайное имя Элин Абулла Мумрик.

Наступила тишина.

— Элин Абулла... Мумрик? — уточнил Трикс.

— Ты можешь звать меня просто Элин, — сказал дракон. — Или просто Абулла.

— Заклинаю тебя твоим тайным именем Элин Абулла Мумрик не причинять мне никакого вреда явного и неявного, открытого и тайного, умышленного и случайного! — торжественно сказал Трикс. — А я пообещаю звать тебя просто Элин.

— Спасибо, — мрачно сказал дракон. — Спасибо и на том.

— Ты из Самаршана? — спросил Трикс, почувствовав, что опасность отступила и можно расслабиться.

— Ага. — Дракон вдруг сунул голову под крыло и поджал хвост. — Из самого сердца знойной пустыни...

— Ты чего? — удивился Трикс.

— Не мешай. Я летел три дня и три ночи. Я претерпел множество опасностей. И все впустую! Мне необходимо успокоиться... я принял позу детеныша в яйце.

Триксу стало даже как-то неловко. Он закидал снегом догорающие остатки елочки, постоял у стены, глядя на яркие огоньки Босгарда, где люди готовились праздновать Старый

Новый год, а каменотес — еще и рождение шестой подряд дочери. Потом вернулся к дракону.

— Я в яйце... — бормотал дракон. — Меня ничто не беспокоит. Все хорошо. Вокруг прочная твердая скорлупа. Все хорошо. Мне тепло и спокойно. Меня ничто не беспокоит...

— Элин? — позвал Трикс.

Из-под крыла высунулся край морды и приоткрылся один глаз.

— Хочешь есть?

Элин высунул всю голову:

— А что у тебя? Юная принцесса?

— Ты ешь принцесс? — поразился Трикс.

— Нет, но люди вечно норовят предложить дракону принцессу, — горько сказал Элин. — Они что, думают, поедать сырое разумное существо интереснее, чем хорошо прожаренный, пусть даже чуть подгоревший свиной окорок?

Трикс принял.

— Ой! — воскликнул он. — Будь здесь, никуда не уходи, я сейчас!

Через полчаса они сидели на крыше (дракон даже слез с насеста и вытянулся прямо на огороде Щавеля) и ели свинину с картошкой. Дракон запивал еду пивом из бочонка, который с трудом притащил наверх Трикс. Трикс по здравом размышлении, пил дорогой и редкий горный кофе.

— Я невезучий, — сказал Элин, деликатно откусывая килограммовый кусок окорока. — У меня вся надежда была на Щавеля... говорят, он хоть и очень суров, но удивительно могуч.

— Угу, — неопределенно пробормотал Трикс.

— А у Щавеля перед моим родом — долг чести. Я решил попросить его о помощи... Что ты-то здесь делаешь, юный волшебник? Неужели ты победил Щавеля в поединке? Или он уехал, оставив тебе свою башню?

— Я его уеик, — сказал Трикс с набитым ртом.

— Что?

— Я его ученик! А он в отъезде...

Элин мгновенно поднялся. Вскинул голову и выпустил в небо струю пламени.

— Ты чего? — воскликнул Трикс (он уже понял, что за этот вечер навосклищается больше, чем за весь прошлый месяц).

— О удача! О счастье! — произнес дракон. — Ведь если ты ученик Щавеля, а его нет на месте — то долг чести переходит на тебя!

— Точно? — не поверил Трикс.

— Мамой клянусь! — воскликнул дракон, прижимая к груди когтистую лапу. — Таков закон. А закон чести — он даже важнее, чем мое тайное имя!

— И что теперь? — насторожился Трикс.

— Теперь ты отправишься со мной в Самаршан, — торжественно сказал Элин. — И поможешь спасти мир!

Трикс вздохнул и обреченно сказал:

— Я как-то даже и не сомневался, что до этого все-таки дойдет...

Хлопотны, но и радостны сборы в дорогу, когда ты собираешься на отдых. Служанки суетливо штопают белье и рубашки, кучер смазывает каретные оси, дети тащат в чемоданы все свои игрушки, жена — баночки с притираниями и ароматические соли от простуды.

Просты, но тягостны сборы в изгнание. Узелок с черствой горбушкой, смена исподнего, королевский указ с повелением пропустить тебя до границы и вытолкать взащей... ну и последний штрих — проглотить семейные бриллианты и надеяться, что по пути к границе будет не слишком сильно трясти.

Но сборы на поиски приключений — это совсем особое занятие. Что взять с собой юному магу? Заклинательную

книгу и посох. Остатки подгорелой свинины и горсть черных сухарей. Флягу с водой, ножик и коробок спичек. Чистую рубашку и вторые штаны (особо опытные приключенцы уверяют, что можно даже пожертвовать чистой рубашкой, но сменных штанов взять две пары — если они, конечно, есть).

Вот и все, пожалуй.

Осталось лишь написать записку Щавелю.

Трикс помусолил во рту карандаш. Отложил его, взял перо и аккуратно очинил. Снова взял карандаш, снова очинил перо.

И, наконец, решился.

Дорогой и глубокоуважаемый учитель, магистр Радион Щавель!

Когда Вы прочтете эти строки, я буду уже далеко. Сейчас, за час до новогодия, я отправляюсь в путь в Самаршан. Знакомый Вам дракон, чье имя я зашифрую как Э.А.М., явился в вашу башню, чтобы потребовать возвращения долга чести. Поскольку Вас не было на месте, то долг этот перешел на меня. Я не знаю, что именно дракон от меня хочет, но надеюсь, что это не послужит в урон ни чести волшебника, ни интересам нашего возлюбленного королевства. Клянусь, что буду с честью нести имя Вашего ученика и колдовать вдумчиво, с осознанием той ответственности, которая лежит на каждом настоящем волшебнике.

Ваш любимый ученик Трикс Солье...

Трикс подумал и густо зачиркал «любимый», а вместо него надписал сверху «преданный». Потом подумал еще и подписал ниже:

А вазу с гортензиями в Вашем кабинете разбил не я, она свалилась, когда Э.А.М. дышал на меня огнем. Я Вам привезу из Самаршана другую, еще красивее.

Вот теперь сборы точно были закончены...

— Поставь в конце тэ-эс, — посоветовали Триксу из-за плеча. — Трикс Солье, сокращенно. Так всегда делают, если после подписи чего-то дописывают.

— Ой, спасибо, Аннет, — сказал Трикс.

— А перед тем, что дописал, нацарапай пэ-эс, — сказала Аннет, повисшая в воздухе за спиной Трикса.

— Ага... а это что значит?

— Полная скотина! Предатель сволочной! Подлый самодур! — со слезами в голосе воскликнула Аннет.

— Ты что... ты чего... — смутился Трикс.

— Хотел без меня улететь? Хотел меня бросить?

— Аннет...

— Я же без тебя умру! — завопила Аннет. — Ты хоть это понимаешь?!

— Ну... там холодно... а в Самаршане жарко.

— Дубина! Я твой фамилиар! Волшебный спутник! Если ты будешь далеко от меня — магия развеется и я умру!

Трикс растерялся. Об этом он как-то не подумал.

— Точно? — спросил он.

— Я бы не хотела проверять, точно или нет, — сказала Аннет.

— Я тоже, — вздохнул Трикс. — Ну... полезай во внутренний карман.

— Трикс, ты точно хочешь отправиться с этим драконом? — спросила Аннет очень серьезно.

Трикс пожал плечами.

— Драконы очень умны, — сообщила Аннет. — Они живут тысячи лет и за это время набираются ума и коварства. Нет, прямо они никогда не лгут... это у них считается неспортивным. Но если можно чуть передернуть... А уж пожертвовать человеком — волшебник он или нет — это для них раз плюнуть! Огнем!

— А людей они едят? — спросил Трикс.

— Если ничего другого нет, — сказала Аннет. — Не того боишься. Ты бойся, как бы он тебя не обманул.

— Я знаю его истинное имя, — напомнил Трикс.

— Все равно, — вздохнула Аннет и вспорхнула Триксу на плечо, откуда ловко юркнула во внутренний карман мантии. — Ладно, пошли!

Честно говоря, Трикс был очень удивлен. Он ожидал, что Аннет начнет всеми силами удерживать его дома. Предложит дожидаться Щавеля, потянуть время. А тут...

Пожав плечами, Трикс взял свечу, последний раз окинул взглядом свою комнату и двинулся на крышу. Котомку с пожитками он закинул за спину.

Элин Абулла при его появлении радостно забил крыльями.

— Ты не соврал, юный маг! О, я счастливейший из драконов! Так слушай же меня! Перенесись в оазис Три Колодца, что к северу от столицы Самаршана, великого города Дахриана. Там, через три дня и три ночи, а если будет попутный ветер и благоприятные полетные условия, то и чуть раньше, мы с тобой встретимся...

— Эй! — воскликнул Трикс. — погоди, Элин! Я не могу туда перенестись!

— Почему? — удивился дракон. — Ты не владеешь телепортацией? Мы-то, драконы, не можем ее использовать, потому что потребная на то магическая сила прямо пропорциональна массе тела...

— Я ведь там не был, — выкрутился Трикс. — А перенестись в незнакомое место не может даже самый искусный маг!

— Ой... — огорченно вздохнул Элин. — Ой-ей-ей... А если я воспою тебе оазис в долгой и красивой балладе — ты не сможешь его четко и ясно представить? Вот послушай... Солнце горячее, песок горячий, верблюд горячий, губы горячие, чалма к голове прилипла, халат тяжелый как кошма, пить хочу... Никаких следов вокруг, какие следы в пустыни... Караванщик, если ты опять сбился с пути, я побью тебя палкой, которой погоняют верблюда! Три колодца, где же три колодца...

Дракон смолк и покачал головой:

— Н-да. Не получится. Знаешь, на твоём языке это звучит как-то не очень убедительно... Так что будем делать?

— Я думал, ты меня понесешь на себе, — смущенно сказал Трикс.

— Я? Тебя? Понесу? — Дракон явно растерялся. — Ты понимаешь, юный чародей...

— Зови меня просто Трикс.

— Это тайное имя? — заинтересовался дракон.

— Нет, самое что ни на есть явное.

— Жаль. Ну так вот, Трикс, дракон не верблюд. Очень стыдно дракону носить человека... если только не в когтях.

— В когтях не хочу, — замотал головой Трикс. — На спине. Я в летописях видел такие картинки.

— В летописях такие картинки бывают, что от стыда сгорishь, — сухо сказал дракон. — Нет... неприлично это. И трудно, если честно.

— Трудно? — поразился Трикс. — Ты такой огромный! А я — маленький. И тощий.

— Ну, не такой уж и маленький... — Дракон явно был смущен. — Ты думаешь, раз мы большие — можем чего угодного тягать?

— Ну...

— На самом деле мы очень легкие! — тихо сказал Элин. — Сильные, но легкие. Я вешу-то как человек.

— Что? Да ладно врать! — не поверил Трикс.

Элин вздохнул и поджал лапы.

— А ты проверь. Попробуй меня поднять.

Трикс недоверчиво подошел к дракону и потянул за огромную лапу. Поднять дракона он, конечно, не смог, но от крыши немного оторвал.

— Думаешь, как мы летаем? — спросил Элин. — Только за счет легкости. У нас все очень тонкое и легкое. Кости, чешуя... даже клыки. Когда у меня зубы выпадут, они в воде будут плавать!

— Ничего себе, — поразился Трикс. — Но я и вправду не могу перенестись в эти твои Три Колодца. Ну никак! Могу на лошади поехать. Месяца через два или три...

— Тебе придется пересечь реки и горы... — Элин вздохнул. — Ладно. Но пообещай, Трикс, что ты никому и никогда не расскажешь, что летал на драконе!

— Клянусь! — сказал Трикс.

— Забирайся на спину...

Каким бы легким ни был дракон, он и впрямь оказался очень прочным. Чешуя была жесткая, сидеть на ней было очень твердо.

И скользко.

— Я упаду, — сказал Трикс. — Непременно упаду.

Элин снова вздохнул.

— Сейчас...

Чешуя на спине дракона вдруг встопорщилась и Трикс обнаружил, что проваливается в глубокую ложбинку между лопаток, выстланную мягкой, невесомой шерсткой. Потом чешуя над его головой сошлась, оставив лишь небольшое отверстие, в котором темнело небо и блестели между туч редкие звезды.

Дракон, тяжело переваливаясь на ходу, подошел к краю крыши, вскарабкался на стену. Расправил огромные крылья, взмахнул ими.

И прыгнул вниз!

Сердце у Трикса ухнуло, голова закружилась. Но Элин легко и непринужденно перешел в ровный полет, набрал высоту — и полетел над ночной землей.

— Как здорово! — восхитился Трикс. Лежать в углублении на спине дракона было так уютно, даже лучше, чем в кровати! — На тебе так удобно летать!

— Вот потому мы и не хотим, чтобы люди об этом знали! — проревел дракон. — Представляешь, что начнется?

Трикс представлял. Вначале драконов будут уговаривать таскать людей на большие расстояния. Потом воровать или покупать яйца (страсть драконов к золоту общеизвестна). Потом просто поработят и заставят носить на себе аристократов и волшебников.

— Я никому не расскажу! — крикнул Трикс. — Честное слово!

Дракон не ответил. Он летел на юго-восток, по бокам от Трикса ритмично двигались огромные плечевые суставы, в животе у дракона временами что-то негромко бурчало. Лететь оказалось так замечательно, что Трикс, погружаясь в сон, подумал: «Это мой самый лучший Старый Новый год!» Правда, под утро, когда небо начало светать, он проснулся от холода и, ежась, позвал дракона:

— Элин! А нельзя лететь ниже? Холодно очень!

Элин не ответил, только резко вдохнул — и в животе у него забурило. Тело дракона сразу стало нагреваться.

— Спасибо, самое то! — поблагодарил Трикс.

Элин с шумом выдохнул пламя, но отвечать так и не стал.

Утром они сделали остановку на опушке леса. Здесь снега почти не было, хотя еще царила зима, воздух был холодный, а земля твердая, промерзшая. Трикс сбегал в кусты, а дракон отлетел подальше в поле и несколько минут посидел там, нахохлившись и косясь в сторону Трикса. Потом Элин улетел на охоту и вернулся с полным ртом куропаток — уже поджаренных. Трикс съел одну, остальных проглотил дракон, после чего ворчливо пожаловался:

— Мелкие тут у вас птицы. Вот у нас, в Самаршане, такие птички — с корову размером! И не летают. — Дракон почесал нос кончиком крыла, после чего честно добавил: — Правда, бегают — фиг догонишь. И легаются больно.

— Слушай, Элин, — при дневном свете Трикс наконец-то смог внимательно рассмотреть дракона. — А у тебя что, всего две лапы?

— А сколько должно быть? — возмутился дракон. — Две лапы, два крыла. Хватает!

Он вытянул вперед крыло и ловко поковырял между зубами когтями, которые росли на сгибе крыла... у человека это место можно было бы назвать локтем.

— Драконов обычно рисуют с четырьмя лапами и крыльями, — пояснил Трикс.

— А у нас человек обычно рисуют в доспехах и с огромным мечом. — Элин пожал крыльями. — Если бы у меня было четыре лапы и крылья, то я был бы с шестью конечностями. Я был бы насекомым. Что, по-твоему, я похож на муху?

— Ну что ты, вовсе не похож! — запротестовал Трикс.

— Две лапы и два крыла — вполне достаточно, — грустно сказал Элин.

На взгляд Трикса, дракон, сидящий на двух лапах, более всего напоминал гигантского оранжевого цыпленка. Но он благоразумно не стал говорить этого вслух.

— А драконы — магические существа?

— Самые что ни на есть магические! — уверил его Элин.

Под мантией у Трикса зашебуршало и Аннет вылетела наружу:

— Вранье! Никакие вы не магические!

Дракон прищурился, пытаясь разглядеть Аннет. Потом сочувственно сказал:

— Это еще что такое? Какой-то паразит, живущий на тебе?

От возмущения Аннет потеряла дар речи и затрепетала в воздухе, рассыпая вокруг разноцветную пыльцу.

— Это фея! — заступился за Аннет Трикс. — Это моя фея... мой фамилиар. Она волшебная и очень могущественная!

— Ты и вправду великий волшебник, пусть даже еще ученик, — пробормотал дракон. — Эй, фея, я не хотел тебя обидеть! Мы, магические существа...

— Это я магическое! — завопила Аннет. — Минотавры. Грифоны. Манतिकоры. Единороги. А вы, драконы, самые обыкновенные, как люди, эльфы и гномы!

— Почему? — удивился дракон.

— Да потому что у волшебных существ умение колдовать — врожденное! А вы ему учитесь! Вы просто живете очень долго, потому и умеете многое!

— Я не знал, — смутился Элин. — Я всегда полагал...

— Все волшебные существа знают! — продолжала бушевать фея. — Потому мы вас, драконов, и не любим! Вы самые обычные, а понтов-то, понтов!

— Аннет, ты простудишься. — Трикс двумя пальцами поймал бушующую фею за пояс и спрятал под одежду. — Элин, полетели.

— Мог бы и предупредить меня, что не один отправился в путь... — пробормотал дракон. Он выглядел очень смущенным.

Весь день они летели над предгорьями. Пролетели высоко-высоко над владениями барона Исмунда — люди внизу их заметили и принялись восторженно бегать взад-вперед, пуская в небо стрелы и фейерверки. Видимо, радовались. Опустились перекусить на склоне горы, рядом со стадом. Чабан куда-то делся, поэтому купить баранов не удалось, пришлось взять пару просто так.

— Тут живут очень гостеприимные люди, — успокоил Трикса дракон. — Никогда не спорят, если возьмешь барана-другого...

Аннет пришлось удовольствоваться пыльцой диких эдельвейсов, росших на горной круче.

Ночь тоже провели в полете — Элин объяснил, что драконы умеют спать во сне, продолжая лететь и не сбиваясь с курса. А утром остановились уже вблизи границы с Самаршаном, на высокогорном плато рядом с одной из рубежных крепостей. Ночью было холодно, но едва взошло солнце,

быстро потеплело. На зеленом лугу раскрылись чашечки неярких полевых цветов и приободрившаяся Аннет отправилась завтракать. Элин же со вздохом сообщил, что им придется поголодать — охотиться в этих местах не на кого.

Трикс, который уже совсем освоился и перестал обращать внимание на размеры и устрашающие клыки дракона, растянулся на травке, глядя в чистое голубое небо, и спросил:

— Элин, так что там у вас такое стряслось? Почему ты решил призвать на помощь волшебника?

— Мы, драконы Самаршана, в большой опасности, — уклончиво ответил Элин.

— Ну, это я понял. А в чем дело?

— Слышал что-нибудь про Прозрачного Бога?

— Да, немножко. Это вроде как вождь какого-то племени?

Дракон захохотал.

— Вождь какого-то племени? Да, год назад было так. И даже полгода назад. А сейчас — это без одной минуты Великий Визирь при султানে Абнувасе.

— И что с того?

Дракон вздохнул:

— Я вижу, ты хоть и могучий волшебник, но в тонкостях политики не слишком искушен. Султан Абнувас ничего в Дахриане не решает. Все зависит от Великого Визиря. Много лет им был Аблухай, учившийся в университете города Джарума, человек мирный и любящий радости жизни. При нем и в Самаршане стало спокойнее, и с вашим королевством замирились, и даже с Хрустальными Островами торговля наладилась. Но с тех пор, как вождь кочевого племени Алхазаб, да не осквернит мой рот его имя, объявил себя Прозрачным Богом — все изменилось! Сейчас уже весь Самаршан, от гор Амалай и до соляных болот Арокко, от моря Кьёрт и до пустынь Инкуш, поклоняется Алхазабу, лишь в Дахриане сохранились мир и покой. Но это ненадолго. Не позднее чем

через месяц вожди племен съедутся в Дахриан и объявят Алхазаба новым Великим Визирем. А тот первым делом пойдёт войной на ваше королевство!

От обилия непривычных имен у Трикса в голове все перемешалось.

— А этот... Абну... Аблу...

— Алха, — подсказал дракон. — Ты имеешь в виду Алхазаба, Прозрачного Бога?

— Ну да! Он что, воевать хочет?

— Нет, он за мир во всем мире. Только он хочет править этим миром.

— Подумаешь, — пожал плечами Трикс. — Так всегда бывает. Повоюем — и помиримся.

— На этот раз будет иначе, — зловеще сказал дракон. — Начнем с того, что Алхазаб не зря прозван Прозрачным Богом! Он обладает силой, превосходящей не только человеческую, но и волшебную!

— И драконью? — заинтересовался Трикс.

Элин промолчал.

— Это плохо, — огорчился Трикс. — Но у нас много великих волшебников, огромная армия и просторная территория, куда можно заманивать врага до тех пор, пока он не упадет от усталости. Мы так всегда побеждали. А вы-то, драконы, здесь при чем?

— Девятьсот девяносто девять лет назад драконы со всего мира бежали в знойные пески Самаршана, — начал Элин. — Во-первых, мы скрывались от злых людей, во-вторых, нам на юге куда лучше. Мы тепло любим. Нет, конечно, всякие упрямцы остались и на севере, и на востоке, и на западе, но почти все драконы сейчас живут в Самаршане...

— Про это я что-то слышал, — кивнул Трикс.

— Мы никому не мешали, жили себе спокойно, — с презавшейся обидой воскликнул Элин. — Ну овца, ну вер-

блюд... мешок золота иногда... чтобы принцесса — так это уж совсем редко, да ты бы видал этих южных принцесс, это же сплошной холестерин!

— Чего? — не понял Трикс.

— Не важно, — осекся Элин. — Короче, беда в том, что когда мы все поселились в пустынях Самаршана, то заключили Общий Договор с Великим Визирем. Три раза за тысячу лет все драконы обязаны подчиниться Визирю и выступить на его стороне в войне. Первый раз это было семьсот лет назад, когда из-за океана приплыли медноголовые воины. Второй раз — сто шестьдесят лет назад, когда мы помогли отбить атаку Маркеля Разумного и заключить мир с вашим королевством.

— Я читал в летописи, что Маркель Разумный остановил войска вблизи Дахриана и заключил мир только по своей доброте и нелюбви к кровопролитию! — ахнул Трикс.

Дракон только фыркнул.

— А третий раз? — спросил Трикс.

— А он случится после того, как Алхазаб придет к власти, — сказал Элин. — Мы все отправимся воевать. У нас другого выхода нет, долг чести, сам понимаешь. Мы вас всех пожжем, а вы нас всех убьете. И останется только Алхазаб со своей армией.

— Так надо что-то делать! — воскликнул Трикс. Ему очень ярко представилась жуткая картина — тысячи драконов, пикирующие на города, поливающие их струями пламени... несущиеся навстречу драконам стрелы и заклинания... а вдали, в безопасности, ожидают своего часа свирепые воины злобного Алхазаба.

— Конечно, надо! — поддержал его Элин. — Вот потому я и решил позвать на помощь Щавеля. Ну, не получилось со Щавелем — получилось с тобой. Тебе и придется что-то придумать.

2

Тягостнее всего было лететь последний день. Они мчались над пустыней, широкие крылья дракона ритмично молотили воздух. Трикс, конечно, уже не прятался в мягкой шерсти под чешуей — он сидел на спине Элина и наслаждался теплым воздухом, бьющим в лицо. Впрочем, солнце грело уж слишком тепло, на голову пришлось нахлобучить капюшон мантии.

— Далеко еще? — разглядывая проплывающие под ними белые руины, затерянные в дюнах желтого песка, спрашивал Трикс.

— Я же тебе говорил — недалеко!

На некоторое время Трикс умолкал, но после очередной дюны или очередной одинокой руинки не выдерживал и спрашивал:

— А теперь?

— Ближе!

— Почему здесь так пустынно, Элин?

— Потому что это пустыня!

— Как же здесь жить?

— А здесь и не живут. По пустыне ходят — от оазиса к оазису.

Трикс вздохнул. В его представлении Самаршан был странной жаркой, но при этом зеленой, заросшей таинственными густыми лесами. Пустыни представлялись ему чем-то вроде полянок в лесу, только покрытых не травой, а песком. На самом же деле пустыня оказалась похожей на море. Море сухого горячего песка, с барханами — волнами, с редкими островками-оазисами и древними руинами — остатками забытых кораблекрушений...

— Тебе не нравится Самаршан, — не спросил, а заявил дракон.

— Не очень! Я люблю, когда деревья. Когда речки, трава...

Трикс сказал это и загрустил. Приключения — это хорошо, и когда тепло — тоже здорово. Но пустыня навевала на него тоску.

— Не переживай, — сказал дракон, помедлив. — Здесь не так уж и плохо. Ты не видел, как пустыня оживает весной. Как вечером, на закате, поют дюны. Как по утрам солнце красит барханы в розовый цвет. Как по ночам, когда налетает холодный ветер, выбегают из нор зверьки, двигаются в путь караваны, устраивают свои набеги разбойники...

Трикс немного приободрился.

— Видишь впереди темное пятно? — спросил дракон.

— Да.

— Это Три Колодца. Оазис, где тысячу лет живет моя семья... — Дракон неожиданно вздохнул. — Ох... что сейчас будет...

— Что? — насторожился Трикс.

— Да ты не волнуйся... тебе-то что... Проблемы мои. Я отправился за волшебником без разрешения. Это была исключительно моя инициатива.

Что-то в интонациях дракона Триксу не понравилось. И даже хуже, чем не понравилось — показалось знакомым...

— Я же тебе говорила, драконы вечно недоговаривают! — шепнула из-под воротника Аннет. — Поверь моему чутью — нас ждут большие неожиданности!

Трикс крепче сжал в руках магический посох и приготовился встретить любые неожиданности во всеоружии.

И неожиданности не заставили себя ждать. От темного пятна оазиса взмыли вверх и стали стремительно приближаться навстречу Элину два дракона, один оранжевый — как и Элин, а другой зеленовато-желтый. Драконы были огромные, раза в два длиннее Элина, и выглядели очень угрожающе!

— Как ты нас напугал! — проревел оранжевый дракон, закладывая вираж и пристраиваясь к Элину с правого бока.

Зелено-желтый дракон пристроился к Элину слева и со всхлипом произнес:

— Никогда больше так не делай! Запомни, малыш, никогда!

Трикс отчетливо понял, что именно происходит. И ему крайне не понравилось это понимание.

— Я принес мага! Смотрите, это маг! Великий волшебник! — отчаянно прокричал Элин. — Это ученик Радиона Щавеля, должного нам по законам чести! И я привел его на помощь!

Две здоровенные головы (у Трикса появилось неприятное ощущение, что эти драконы могли бы проглотить его, даже не разжевывая) вытянулись к Триксу. Внимательно изучили. Потом оранжевый дракон заявил:

— Это детеныш, Элин. Даже лучшие людские волшебники слабы, а детеныш вообще ни на что не годится.

— Ну, он не совсем уж детеныш, — рассудительно добавил зелено-желтый дракон. — Полагаю, ровесник нашего дурачка. Но это дела не меняет.

— Ты попал, братец, — рассудил огромный оранжевый дракон и быстро помчался к оазису. Зелено-желтый с криком: — Нет, я расскажу! — рванулся следом.

— Элин! — завопил Трикс. — Элин Абулла Мумрик! Заклинаю тебя твоим истинным именем — ответь, сколько тебе лет?

— Сто пятьдесят! — крикнул дракон, и в его голосе слышалось что-то похожее на слезы.

— А по человеческим меркам это сколько?

— Пятнадцать!

— Врет! — пискнула Аннет. — Врет и не краснеет! По человеческим ему и десяти не будет. Я же говорила — обманет!

— Я ни в чем не обманул! — оправдывался Элин, снижаясь. — Вы же не спрашивали, сколько мне лет! И какая разница? Какая разница, в конце концов?

Но Трикс его уже не слушал. Он в ужасе смотрел на оазис.

Три Колодца представлял собой маленькое озерцо, окруженное тремя скалами. С каждой скалы сочились в озеро родники. Озеро и скалы кольцом окружали пальмы и еще какие-то незнакомые южные деревья — некоторые темно-зеленые, некоторые белесые, будто пухом покрытые, некоторые цветущие. Это было даже красиво.

Но вот что точно не показалось Триксу красивым — так это два дракона, стоящие на берегу озера. Один был оранжевый, и если бы какой-то герой сумел его измерить, он бы точно оказался длиннее полусотни метров. Второй, желтоватый, был чуть поменьше, но поплотнее, покряжистее. Драконы смотрели на Элина очень неодобрительно. А вокруг сустились, подпрыгивая, два встретивших их дракончика.

Все это очень явно напоминало банальную семейную сцену — старший брат и сестра ябедничают родителям на напроказившего младшего брата. Трикс почувствовал, как Элин под ним начал мелко дрожать.

— Влетит? — спросил Трикс тихонько. Но Элин услышал и ответил, тоже довольно тихо:

— Когда у папы так дым из ушей идет — точно влетит...

Видимо, от волнения, Элин приземлился как-то неуклюже, даже не на берег, а на мелководье. Трикс от толчка полетел с его спины и распростерся в воде. Наступила гнетущая тишина.

А потом воздух потряс такой рев, что по воде пошла рябь:

— Неужели ты не понимал, что мы будем волноваться? Неужели ты не знал, что мама будет вне себя от тревоги, будет плакать?

Уши Триксу сразу заложило и это было хорошо, потому что теперь он мог хоть кое-как терпеть разговор драконов.

— Ну, чего вы беспокоились... — проямлил Элин.

— Подумай только! — сказал желтый дракон. — А если бы ты упал в горах? Если бы мы тебя потеряли?

— Вы бы огорчились?

— А как ты думаешь? — ответил желтый дракон. — Ни за какие сокровища в мире мы не согласились бы расстаться с тобой. Ты же и сам это знаешь.

— И даже за сто тысяч миллионов королевских золотых талеров?

Снова наступила тишина.

— Ну глупостей-то не спрашивай! — рявкнул оранжевый дракон. — И не надо ставить родителей в ситуацию, когда им придется либо врать, либо выглядеть жадными бессердечными чудовищами!

— Папа! Мама! Я привез волшебника! — робко произнес Элин. Трикс кое-как выпрямился, стряхнул с себя часть воды и даже взял посох поудобнее.

Две исполинские и две огромные драконьи головы приблизились к Триксу. От драконов пахло жареным мясом, светильным маслом и почему-то болотом.

— Ученик волшебника, — сказал (явно стараясь говорить тихо) исполинский оранжевый дракон. — Уровня-преспешника. Довольно способный.

— В принципе мог бы даже считаться волшебником, — мягко добавил желтый дракон. — Ну... по человеческим меркам...

— Алхазаб его даже не заметит, — беспощадно добавил оранжевый.

— Ну почему же, милый? — сказал желтый дракон. — Заметит и мимоходом прихлопнет.

Трикс набрался смелости и сказал:

— Позвольте поприветствовать вас, уважаемые драконы. Вы, как я понимаю, отец Элина? А вы — его любезная ма-тушка?

Драконы мрачно смотрели на Трикса.

— Я — ученик Радиона Щавеля, — продолжал Трикс, ободренный тишиной. — Ваш уважаемый сын напомнил мне о долге чести Радиона перед вашим семейством. И я готов оказать всю потребную помощь.

— Может быть, съедем его? — спросил оранжевый дракон. — И сделаем вид, что никого не было.

— Ну, нехорошо как-то... — нахмурилась желтая драконесса.

— Ваш сын позвал меня на помощь! — завопил Трикс. — Мы заключили соглашение, вы не имеете права меня есть!

— Он еще несовершеннолетний! — рявкнул оранжевый дракон. — Какое еще соглашение можно заключить с ребенком?

— Но я узнал его истинное имя... — начал Трикс и тут же понял, что его язык слишком поторопился.

— Придется съесть, — вздохнула драконесса. — Ничего личного, но... Просто в целях безопасности Элина.

В минуты опасности Трикс порой соображал довольно быстро.

— Закон! — закричал он. — Закон первой встречи! Три загадки!

Оранжевый дракон, уже разинувший пасть, замер. Захлопнул рот. Смерил Элина уничижительным взглядом.

Элин попытался спрятаться за спину Трикса. Получилось плохо.

— Закон есть закон... — мрачно сказал дракон-папа. — Будешь соревноваться с каждым из нас по очереди?

— Нет, команда на команду! — заявил Трикс. — Ваша команда и моя!

— А кто в твоей? — насторожилась драконесса.

— Моя фея!

— Ну, спасибо, — прошептала Аннет, выбираясь из-под мантии и отряхивая воду с крылышек. — Ну, удружил. Всегда мечтала померяться умом с драконами!

— А что, если бы меня проглотили вместе с тобой — это было бы лучше? — огрызнулся Трикс.

Драконы тем временем неспешно отошли в сторону. Дракон-папа и дракон-мама, вытянув шеи вверх, принялись о чем-то шептаться. Шепот, конечно, был все равно громкий и разборчивый, но, к сожалению, говорили они на драконьем языке, который, по слухам, еще не смог выучить ни один человек.

— Трикс, извини, пожалуйста, — виновато сказал Элин. — Я не думал...

— Ты мне сможешь подсказать? — спросил Трикс.

— Я никогда не мог разгадать папины загадки... — печально признался Элин. — Знаешь... если ты быстренько телепортируешься...

Признаваться в своем неумении Трикс не стал, только покачал головой.

— Главное, не придумывай никаких загадок на знание, — посоветовал Элин. — Папе тысяча триста лет и он знает все на свете. И не придумывай никаких арифметических загадок. Мама может сосчитать число волос на твоей голове за одну секунду. И никаких логических загадок тоже не надо — мы, драконы, очень сильны в логике.

Два исполинских дракона вернулись к Триксу и Аннет. Брат и сестра Элина возбужденно суетились рядом.

— Я хочу обговорить условия! — сказал Трикс.

— Ну, давай, — похоже было на то, что оранжевого дракона происходящее развлекало.

— Загадки должны иметь решение!

— Это обязательно, — согласился дракон-папа.

— Загадка должна быть решаемая!

— А это еще что?

— Ну... вы не должны задавать вопросов вроде «сколько деревьев растет на самом большом острове моря Кьёрт».

— Там растет сто тридцать два дерева, а еще восемь засохло.

— Но я-то этого не знаю и знать не могу! Пусть загадки будут такими, чтобы их было возможно разгадать разумному существу, исходя из общедоступных знаний!

Дракон усмехнулся:

— Это не поможет тебе, маленький волшебник. Но я готов сделать такую уступку. Что еще?

— Загадка должна иметь только одно решение! Без всякой двусмысленности!

— Ты хочешь сказать, что мы не должны использовать парадоксы? — заинтересовался дракон.

— А что такое парадоксы? — смутился Трикс.

— Парадоксы? К примеру, я говорю — «Я всегда лгу!» Правду я сказал или ложь?

— Если правду... то ты всегда лжешь... А если соврал, то сказал правду... Получается, что если ты сказал правду, то солгал, а если солгал, то сказал правду! — Трикс кивнул. — Ну да. Я это и имел в виду. Не задавать загадки, у которых есть два противоположных решения.

— Хорошо, — кивнул дракон. — Я согласен, что это не очень-то спортивно.

— К тому же мы могли бы применять парадоксы в ответ! — громко пискнула Аннет. — Это обоюдоострое оружие!

Дракон ухмыльнулся.

— Ну, загадывай!

— Лучше вы, — вежливо ответил Трикс.

У него вдруг появилась робкая надежда. Вопреки всей самоуверенности оранжевого дракона тот, похоже... нервничал?

— Тогда слушай, человечек! — рявкнул дракон. — Один волшебник серьезно провинился перед драконами. Драконы привели его на суд и сказали: «Либо мы тебя съедим, либо отпустим! Вот два пергамента, на одном написано «съесть», а на другом «отпустить». Выбери сам свою судьбу!» Но волшебник случайно заметил, что на обоих пергаментах написано «съесть». Что он сделал, чтобы спастись?

«Он же меня запугивает, — подумал Трикс, у которого и впрямь похолодело в груди. — Точно, запугивает! Значит... значит, не такие уж и сложные его загадки...»

— Я думаю, волшебник уличил драконов в обмане! — шепнула Аннет. — И тогда им ничего не оставалось, кроме как его отпустить!

Трикс посмотрел в немигающие драконьи глаза. Поймав его взгляд, дракон демонстративно облизнулся.

«Съест, — подумал Трикс. — Точно, съест...»

— Съест... — сказал Трикс.

— Что?

— Волшебник съест один пергамент, не читая! — Трикса вдруг осенило. — Скажет, что не хочет выбирать, к примеру! И тогда, чтобы понять, какой пергамент он съел, надо будет прочитать второй. Раз на втором тоже написано «съесть», то на первом должно было быть написано «отпустить». Драконы же не будут признаваться в коварстве! И волшебника придется отпустить.

— Это правильный ответ, — холодно сказал дракон-папа. — Хорошо, с простенькими загадками ты справляешься. Теперь загадывай свою загадку!

— Может быть, что-то про фей? — зашептала на ухо Триксу Аннет. — Вряд ли они много про нас знают!

Трикс покачал головой. Какой вопрос можно задать существу, которое живет так долго, что стало умнее всех на свете?

Нет, неправильно! Драконы вовсе не умнее. Они просто долго живут и память у них хорошая. За тысячу лет кто угодно научится хорошо считать, выучит все загадки на свете и перезнакомится с кучей мудрецов. Что ему еще делать-то, дракону? Рук у него нет, сделать толком ничего дракон не может. Летай, колдуй и разговаривай...

А какие у драконов есть слабости?

Ну, во-первых, они очень любят золото и драгоценности. Непонятно, зачем они им, но никакой уважающий себя дракон от золота не откажется...

— В городе Босгард, — осторожно начал Трикс, — живет один дурачок. Его всем приезжим показывают, потому что такого дурака еще поискать надо. Если ему дать медную монету и серебряную, то он обязательно выбирает медную. Почему?

— Это очень легкий вопрос, — не раздумывая, ответил дракон. — Дурачок считает, что желтая монета — золотая, потому и выбирает ее. Ведь все знают, что золото куда ценнее серебра!

— Неправильно! — крикнул Трикс. — Вот и нет! Дурачок на самом деле все прекрасно понимает. Только если бы он выбирал серебряную монету, ему бы никто не предлагал выбирать из серебряной и медной!

Некоторое время дракон раздраженно смотрел на Трикса. Потом сказал:

— Этот ответ... этот ответ может быть правильным. Но это омерзительно. Постарайся не загадывать больше таких чудовищных загадок!

— Угу, — сказал Трикс. — Загадывай.

— Один волшебник серьезно провинился перед драконами. Драконы привели его на суд и сказали: «Либо мы тебя съедем, либо отпустим! Вот два пергамента, на одном написано «съесть», а на другом «отпустить». Выбери сам свою судьбу!»

— Ты уже это загадывал! — напомнил Трикс.

— Дослушай вначале! Волшебник случайно заметил, что на обоих пергаментах пишут одно и то же слово, но он не знал, какое именно. Что ему надо сделать — взять любой пергамент в надежде, что это слово «отпустить», или взять и проглотить, в надежде, что это слово «съесть»?

— Мы влипли... — пробормотала Аннет, усаживаясь Триксу на плечо. — Тут не может быть ответа, это чистая случайность!

Трикс посмотрел в немигающие драконьи глаза. И вдруг... вдруг ему показалось, что он видит в них вовсе не злость, а любопытство.

— Ему надо сделать точно так же. Если в обоих пергамен-тах было написано «отпустить», то его все равно не собирались есть, а только испугать. А если в обоих «съесть»... то как в первом случае.

— Допустим, — помедлив, сказал дракон. — Теперь твоя загадка.

— У одного короля было два экземпляра древней магической книги, последние, сохранившиеся в мире. К нему пришла делегация волшебников и сказала: «Ты все равно не владеешь магией. Продай нам одну из книг за тысячу золотых монет!» Король подумал, велел принести одну книгу... и что он после этого сделал?

Дракон размышлял. Потом кивнул:

— Полагаю, он дал волшебникам возможность полюбоваться ею, даже прочел несколько строк из заклинаний, чтобы возбудить интерес... Потом король потребовал куда большую сумму!

— Неправильно, — сказал Трикс. — Он взял эту книгу и сжег в камине, на глазах у волшебников.

Дракон нахмурился. А потом усмехнулся:

— Что ж, верное решение, хоть и трудное. Если осталась одна, последняя книга, то ее цена возрастет многократно... Хорошо, маленький волшебник! Слушай мою третью загадку. Один волшебник серьезно провинился перед драконами. Драконы привели его на суд и сказали: «Либо мы тебя съедем, либо отпустим! Вот два пергамента, на одном написано «съесть», а на другом «отпустить». Выбери сам свою судьбу!»

Но волшебник случайно заметил, что оба пергамента пусты. Почему?

Трикс помолчал. Вдохнул. И ответил:

— Потому что жизнь и смерть не отдают на волю случая. Что бы ни было написано на пергаментах, «съесть», «отпустить» или вовсе ничего — от этого судьба волшебника не зависит. Все зависит от того, что решат драконы — или что они уже решили.

Дракон улыбнулся.

— Что ж, говори свою третью и последнюю загадку.

— К одному молодому волшебнику прилетел дракон и попросил его о помощи, — сказал Трикс. — Волшебник знал, что драконы суровы и опасны. Но ему сказали, что это — долг чести. Как следовало поступить молодому волшебнику?

Огромная морда дракона приблизилась к Триксу вплотную. Некоторое время дракон смотрел на него. Потом повернул голову к Элину и сказал:

— Признаю, ты выбрал хорошего человека. Хотя предупредить нас о своем решении было бы правильнее!

Неуловимо быстрым движением оранжевый дракон выпрямился во весь рост. И произнес:

— Трикс, я признаю тебя достойным дружбы с драконами. Мое тайное имя — Зуа Хамид Мируа.

— Ух, — прошептала Аннет и вцепилась Триксу в ухо. — Вот это да...

— Но ты зря проделал свой путь в Самаршан, — продолжил дракон. — Мой сын слишком юн и наивен. Никто из ваших волшебников не сможет сразиться с Прозрачным Богом. Даже мы, драконы... — Он помолчал. — Великий Визирь Аблухай сегодня утром призвал всех драконов явиться в Дахриан. Я не знаю, какова будет его воля. Возможно, он решится сразиться с Прозрачным Богом — и тогда нас ждет страшная битва. А если нет... что ж. Если нет, то Алхазаб станет

Визирем и отправит нас в бой с твоим народом. Для тебя, конечно, лучше первый вариант.

— Я могу вам помочь! — искренне сказал Трикс.

— Нет. Ты ничем нам не поможешь, Трикс Солье, наследник герцога и ученик мага. Отдохни, соберись с силами и отправляйся домой. Завтра через оазис пройдет караван, который везет пряности в твою страну. Любой караванщик будет счастлив нанять мага для охраны и помощи в пути. Удачи тебе, маг!

— Папа, но я же старался! — воскликнул Элин. — Неужели мы даже не попытаемся...

— Не надо вмешивать слабых в войну сильных, — наставительно сказал Зуа. — В путь! До Дахриана целый день полета!

Элин смерил Трикса растерянным взглядом. Трикс столь же растерянно пожал плечами.

А драконы тем временем отправлялись в путь. Среди деревьев оазиса была расчищена (и, похоже, не без помощи пламени) широкая просека. Первым по ней побежал Зуа Хамид Мируа, смешно подпрыгивая на двух лапах и не решаясь расправить свои крылья, пока он не выбежал за пределы оазиса. Потом брат и сестра Элина. Потом его мать.

— Ты извини, что так получилось... — промямлил Элин и кинулся вслед за семьей.

Один за другим драконы взмывали в небо. Они сделали несколько кругов над оазисом, поджидая замешкавшегося Элина (Трикса накрыло тенью, будто от темных грозовых облаков), и устремились на восток. Прошла минута — и о драконах напоминал только легкий запах, витающий в воздухе.

— Аннет, ты чего-нибудь понимаешь? — спросил Трикс, снимая мантию и раскладывая на камне для просушки.

— Ну, во-первых, долг чести Шавеля уплачен, — практично рассудила Аннет. — Ты же прибыл на зов, не важно, что от твоих услуг отказались. Во-вторых, тебя не съели. На самом

деле это даже во-первых! В-третьих, в Самаршане так или иначе намечается серьезная заварушка. И надо отсюда по-быстрее сматываться.

— Но так не делается! — возмутился Трикс. — Это словно читаешь летопись про рыцаря, который отправился на сражение с великаном... а в ближайшем трактире ему говорят: «Великан слишком большой, ты с ним не справишься...», и рыцарь возвращается в свой замок. Такого не бывает!

— О, как раз такое бывает сплошь и рядом! — обрадовалась Аннет.

— Про такое в летописях не пишут.

— Конечно. А счастливы как раз те люди, про которых в летописях не пишут. Это они не погибли во время чумы, не сгорели во время пожаров, не совершили подвигов на войне, не провели полсотни лет в темнице и не пали пронзенные копьем на турнире. Утром они шли на работу, после работы выпивали с друзьями кружку пива, потом помогали сыну выстругать свистульку, а дочери заплетали косы, потом обсуждали с женой планы на выходной и ложились спать. Слушая рассказы сказителей о войнах и приключениях, они охали, качали головой и говорили: «Как хорошо, что все это случилось не со мной!» Жизнь их текла скучно, мирно и долго. И когда они умирали от старости, скорбели о них только многочисленные дети, внуки и правнуки.

— Ну какое же это счастье? — возмутился Трикс. — Вот отправиться одному на битву с целым стадом кентавров, как Грон Безрассудный, пасть под копытами и быть прославленным в веках — это счастье! Вместе с тридцатью друзьями три месяца оборонять горное ущелье от гномьего хирда, как Лоран Мечтательный — это подвиг, который запомнят на все поколения! Даже быть ловким вором, как Арен Клопен, со страшным риском и неподражаемым искусством похитить алмаз Великого Визиря, а на следующий день бездарно про-

играть его в карты... вот об этом будут песни петь до тех пор, пока люди не разучатся воровать!

Аннет снисходительно посмотрела на Трикса.

— Любимый, ты иногда меня поражаешь своей наивностью. Ты сейчас путаешь счастье и славу. А ведь это совершенно разные вещи!

— Но ведь можно быть сразу и знаменитым, и счастливым! — пылко сказал Трикс.

— Можно, — подумав, признала Аннет. — Но поверь, быть просто счастливым куда проще и безопаснее.

Трикс досадливо махнул рукой. Ну какой смысл спорить с маленькой цветочной феей? Что она понимает в человеческой жизни?

— Как ты думаешь, далеко ли отсюда до Дахриана? — спросил он.

— Все-таки неймется? — сказала Аннет. — А представь, как волнуется Щавель? Как будут переживать твои родители? Что скажет Тиана, когда узнает, что тебя героически посадили на кол?

Трикс заерзал.

— Ну, знаешь... если сразу ожидать худшего...

— Ты вначале отдохни, — ласково сказала Аннет. — Собери плоды, покушай. Вымойся в озере, от тебя несет драконьим потом. Поспи нормально в тенечке. Потом уже решай, что будем делать. А я, с твоего позволения, летаю по оазису, подкреплюсь...

Фея унеслась вдаль. Трикс подумал и решил, что в ее словах есть резон. Пользуясь отсутствием Аннет (пусть она и фея, и волшебное существо, и фамилиар, но ведь ко всему еще и девчонка!), он разделся, искупался в озере и выстирал одежду. Штаны натянул мокрыми, все остальное развесил сушиться на кустах жасмина. Побродив немного по оазису, набрел на банановую рощицу, а потом еще и на несколько деревьев с незнакомыми, но явно съедобными плодами (во всяком случае, судя по следам, драконы ими лакомились).

Когда через пару часов Аннет разыскала Трикса, тот сладко спал на берегу, в тени красных олеандров. Фея явно была в хорошем настроении — она то и дело хихикала, летела по довольно замысловатой траектории и временами пыталась колдовать, что делала крайне редко. Возможно, ее поведение имело отношение к цветам, чьей пыльцой она лакомилась... однако поскольку мы не знаем этого точно, то не станем делать неосмотрительных выводов.

Может быть, ей просто напекло голову горячее южное солнце?

— Трикс... — Фея уселась мальчику на лоб и принялась колотить босыми пятками по векам. — Трикс, вставай, лежебока!

Трикс открыл глаза, поморщился и стряхнул фею, чем привел ее в еще больший восторг.

— Ты чего наелась? — спросил он.

— Нектара! — с вызовом ответила Аннет.

Трикс только вздохнул и пошел к озеру умыться.

— Наверное, ты права, — сказал он. — Я вот поспал и подумал, надо нам возвращаться...

— Ты что? — возмутилась фея. — Сразу сдался? А как же подвиги? Приключения? Слава?

Трикс удивленно посмотрел на нее.

— Но ты сама говорила...

— Мало ли, что я говорила! Ты пойми, нельзя отступать! — непоследовательно сообщила фея. — Если уж тебя позвали на помощь — надо помогать, невзирая на последствия. Это твой долг!

— Какой еще долг?

Фея наморщила лоб.

— Ци... цивили... цивилизационный. Бремя белого человека! Ты пришел в эти дикие жаркие края, чтобы принести свободу и счастье.

— Вообще-то я пришел, потому что меня позвали, — сказал Трикс. — Знаешь, я даже как-то подумал: вдруг этот Прозрачный Бог не такой уж и плохой? Может, он и не станет воевать?

— А ты спроси у караванщиков, — посоветовала Аннет.

— Каких еще караванщиков? — насторожился Трикс.

— На том конце оазиса... пять человек, двенадцать верблюдов... — Аннет зевнула и прилегла на песок.

Трикс только вздохнул и принялся одеваться.

Это был явно не тот караван, про который упоминал Зуа Хамид. Судя по грузу, шел он не во владения Маркеля, а в Дахриан. На грузовых верблюдах были навьючены тюки с льняными тканями, которые в Самаршане ценили, но производить не умели, деревянные короба с клеймами гномых мастеров (гномы не раз пытались обосноваться в Самаршане, но рыть шахты в песке так и не научились), травяные плетенки, скрывающие в себе эльфийские диковины (эльфы в Самаршане тоже не селились, после того, как обнаружили, что эльф-лучник, сидящий на пальме, вызывает у окружающих не трепет и уважение, а гомерический хохот).

Вели караван смуглые самаршанцы — толстый бородатый купец в цветастых одеждах, его молодой бородатый помощник (скорее всего, по местной традиции, племянник — считалось, что чужой человек будет с молодым торговцем слишком строг, а родной отец избалует). Охранников было всего трое, но это были суровые воины пустыни, замотанные с ног до головы в белые некогда одежды — только поблескивали в узкой щели бурнуса настороженные черные глаза.

При появлении Трикса (магический посох, дабы не пугать мирных жителей, он нес под мышкой) караванщики насторожились. Охранники положили ладони на рукояти кривых сабель (говорят, что поначалу у местных кузнецов просто не получались прямые мечи, а потом они решили, что и кривая

сабля неплохо рубит), юноша-подручный взялся за увесистую дубинку, сам же купец вышел вперед и оправил бороду.

— О, радость моих глаз, отрада моего сердца, чудный незнакомец, встреченный в диком месте... Ответь мне, не являешься ли ты могучим драконом, посредством великой магии обратившимся в человека?

— Нет, я вовсе не дракон, — смущенно сказал Трикс. — Я просто ма... юноша.

Ободренный караванщик подошел поближе и внимательно осмотрел Трикса.

— О, не являющийся драконом отрок... ты миловиден лицом и довольно жилист, но не производишь впечатление свирепого воина. Что же ты делаешь один посреди страшной пустыни, где тебя может схватить любой честный торговец и продать на невольничьем рынке за двадцать пять серебряных динаров?

— За двадцать, — поправил караванщика племянник.

Триксу это уточнение почему-то не понравилось.

— Я прилетел сюда со своим драконом, о честнейший из торговцев, — ответил он. — Для нас, волшебников, это излюбленный метод передвижения.

Во взгляде караванщика появилось сомнение.

— О, сильнейший из сильных... не смею подвергать твои слова сомнению, но обычно волшебники делают так... — Он развел руками. — Фьють — и перенеслись в другое место.

— Это если они... то есть мы, спешим, — сказал Трикс. — А чтобы насладиться красотами природы, мы путешествуем неспешно.

Купец оглянулся на бескрайнюю пустыню и почесал кончик уха.

— О, сколько мудрости в твоих словах... — со скепсисом произнес он.

Трикс заметил, что охранники стали неторопливо расходиться, окружая его кольцом. Ну, ладно, не кольцом, треугольником, но Триксу стало как-то не до геометрии.

Он достал из-под мышки магический посох и что было силы треснул им по песку.

Эффект был неожиданный. Как правило, посох преспешника при ударе о землю светится, искрит и издает шипящие звуки — в общем, эффект примерно такой, словно колотишь о землю тлеющей палкой и случайно попадаешь по змее. Но при соприкосновении с песком оазиса — то ли из-за непривычной поверхности, то ли из-за иного уровня магии в почве, то ли из-за долгого проживания в этом месте драконов — посох повел себя необычно.

Из земли струей ударил чистейший родник, посох в руках Трикса изогнулся и зашипел, а росшая рядом пальма покрылась цветами.

Охранники убрали руки с сабель и сделали вид, что прохаживаются, разминая затекшие ноги. Племянник караванщика принялся чистить верблюда. Караванщик выпучил глаза и произнес:

— О, наказание моих грехов... ты и впрямь великий маг!

Трикс, опасливо поглядывая на посох, кивнул.

— О, добрейший и снисходительнейший... — Купец помедлил. — Дозволено ли мне будет обращаться к тебе без междометия «о» в начале каждой фразы и цветастых эпитетов?

— Конечно, дозволено, — согласился Трикс.

— Спасибо большое, — кивнул караванщик и протянул Триксу руку. — Скрепим наши добрые отношения рукопожатием?

— Ну... давай... — Трикс обменялся с купцом рукопожатием.

— Не держишь ли ты на меня зла? — энергично тряс ладонь Трикса, спросил купец.

— За что?

— Как за что? За то, что мы собирались коварно напасть на тебя, связать, отвезти в Дахриан и продать на невольничьем рынке!

— А вы собирались так поступить? — поразился Трикс.

Во взгляде купца появилось искреннее уважение.

— Только сильный человек способен простить неуважение! — воскликнул он. — Но надо быть не просто сильным, а еще и мудрым человеком, чтобы сделать вид, будто вообще не заметил неуважения! Я — Васаб Куркум, скромный торговец из Дахриана. Окажи мне честь, будь гостем на моем привале, а если захочешь — спутником в дороге и хозяином в моем доме! Клянусь честью отца, что не замыслю против тебя дурного!

— Спасибо, — ответил смущенный Трикс. — С удовольствием...

— Эй, свирепые дети пустыни! — крикнул караванщик охранникам. — И ты, позор моего рода... Ставьте палатки, накрывайте стол. Сегодня будем пировать! Наш гость — великий волшебник!

Охранники засуетились. Купец тем временем смущенно посмотрел на бьющий под ногами родник и сказал:

— Только в сказках про такое читал, честное слово... Как это было бы полезно в пустыне... а дело в посохе или в тебе?

— Во мне. Посох без мага — что меч без рыцаря.

— Мудрые слова! — Васаб возвел глаза к небу. Потом дружески обнял Трикса за плечи и прошептал на ухо: — Не подумай, что я коварный злодей. Понимаешь, все дело в историко-культурно обусловленных особенностях нашего общества. Если бы я не попытался захватить тебя в рабство, меня стала бы презирать охрана и собственный племянник. На самом же деле я очень доброжелательный и даже отчасти sentimentalный человек. В Дахриане я соержу приют для старых верблюдов, отдаю положенную долю — пятнадцать процентов от доходов минус расходы — своей прибыли вдовам и сиротам. Вечерами сочиняю стихи и играю в нарды. Так что... не держи зла, могучий отрок.

— Да я ничего. — Трикс неловко высвободился из объятий купца и попробовал увести разговор в сторону. — А почему вы ко всем обращаетесь с этими «о» и цветастыми Э... Э...

— Эпитетами, — подсказал купец. — Понимаешь, в давние времена, когда наши народы попробовали перестать воевать и начать торговать, мы плоховато знали ваш язык. «О» служило для того, чтобы можно было подумать и составить в уме правильную фразу. А все эти красивые слова — так, для охмурения покупателя. На самом деле это уже давно не работает и не нужно. Но традиция осталась. А традиции мы чтим.

Трикс кивнул. Рядом с ними тем временем как по волшебству поднимались полотняные шатры, прямо на песке была расстелена скатерть, а племянник купца разводил костер. День клонился к вечеру.

— Три Колодца — дивное, но опасное место, — сказал купец, оглядываясь. — С драконами-то всегда можно поладить... одного верблюда всегда на этот случай водим. Куда они делись, кстати?

— Улетели в Дахриан.

Купец погрузился, похоже, ему не нужно было объяснять нынешний политический расклад в Самаршане.

— Не будем о грустном... — сказал он. — Но мой племянник клянется, что видел в оазисе еще что-то. Крошечную пери, порхающую среди дурной травы и залиvisto смеющуюся...

— А, эту... — засмеялся Трикс, отворачивая ворот мантии и демонстрируя Аннет. Фея спала, наполовину высунувшись из внутреннего кармана.

— Поймал? — с придыханием спросил купец. — Продашь?

— Нет.

— Я бы тоже не продал, — грустно сказал купец. — Что ж... пошли, выпьем немного зеленого чая, пока мой нерадивый племянник делает кебаб...

Трикс подумал, что быть подручным самаршанского караванщика — не такое уж и веселое дело.

* * *

Трапеза на Востоке — дело серьезное, требующее немало времени. Поэтому едят там обычно один раз, вечером, а в утреннее и дневное время перебиваются перекусами, чаем, сладостями и жевательным табаком, смешанным с известью, смолой и пряностями.

Но уж зато вечером любой самаршанец постарается провести за столом часов пять-шесть — даже если на столе этом будет одна черствая лепешка и кусок окаменевшего овечьего сыра.

За столом караванщика Васаба Куркума еды хватало. Были здесь и лепешки, и твердый сыр, и копченая козлятина — продукты незаменимые в странствии. Но помимо этого старательный племянник приготовил вкусный кебаб, сварил густой суп из бобов и пряностей, а к чаю высыпал на скатерть гору орехов, сухофруктов и разноцветного колотого сахара.

Был, разумеется, и кальян. Точнее — два кальяна. Один курили в сторонке, у зарослей дурман-травы, охранники. Другой, поочередно, Трикс и купец. Трикс и к положенной волшебнику трубке-то никак не мог привыкнуть, а уж кальян ему показался совсем странной затеей. Но из вежливости он старательно тянул теплый, пахнущий персиками воздух через заполненный водой сосуд и слушал печальные рассказы Васаба.

А купец, расслабившись от еды и дружбы с волшебником, принялся жаловаться на жизнь. Во-первых, ему не нравился нынешний Великий Визирь Аблухай, да продлятся дни его, который, покровительствуя искусству, превратил торговый город в какое-то сборище философов, фигляров и фокусников. Во-вторых, ему не нравился Прозрачный Бог Алхазаб, живи он тысячу лет, который не понимает, что воевать надо только в том случае, когда не идет торговля. А в-третьих, купец был уверен, что как бы ни повернулось дело в столице,

но у него в любом случае отберут половину денег на военные нужды, другую половину на мирные, а третью половину, давно надежно зарытую в тайном месте, на непредвиденные расходы. Ну и еще, как положено, детей — начинающих, но успешных купцов заставят идти в кавалерию, а слуг заберут в пехоту.

В общем, поводы для грусти были нешуточные.

— Неужели ваш Алхазаб...

— Да продлятся его дни, — быстро вставил купец.

— ...так силен?

Васаб вздохнул:

— Да будет тебе известно, мудрый не по годам отрок, что мы, самаршанцы, всегда считались искусными, хоть и неспешными колдунами. Конечно, наш язык, удивительно сочный и красочный, в котором даже для обозначения песка в пустыне есть сто сорок семь различных слов, не способствует быстрому колдовству. Но если колдуну-самаршанцу дать достаточно времени — он посрамит любого вашего мага... — Васаб запнулся и быстро поправился: — Исключая, конечно, присутствующих.

Трикс покивал. От Щавеля он как-то слышал, что самаршанцам сильно мешает в колдовстве излишняя цветастость речи. И если в бытовой магии это не так уж и страшно, то в военной — смерти подобно.

— Еще три года назад Алхазаб, да будут жены его неисчислимы...

Трикс, конечно, слышал, что у самаршанцев частенько бывает по две-три жены, а у богатых порой и больше. Отец, если ему доводилось повздорить с матерью, часто восклицал, не слишком умело подражая восточному акценту: «О счастье мне, что живу не в Самаршане, где благородному человеку стыдно иметь меньше трех жен!» Говорил он это с чувством, и Трикс с юных лет укрепился во мнении, что многоженство — тяжелая обязанность и повинность богатых самаршанцев.

Но в словах Васаба вовсе не чувствовалось сочувствия. Да и сам Трикс почему-то ощутил скорее смущенную зависть и непонятное волнение.

— О чем-то задумался, волшебник? — спросил купец.

— Я? Нет, нет. Внимательно слушаю!

— Так вот, три года назад Алхазаб, пусть у него все будет даже лучше, чем ему хочется, был презренным вождем маленького вороватого племени. От прочих вождей он отличался только интересом к старинным книгам, поскольку мнил себя потомком древнего рода мудрецов. Так это или нет — никому неведомо. Но три года назад во время песчаной бури Алхазаб затерялся в пустыне. Его не было целый месяц, и его родичи уже передрались за право командовать той шайкой оборванцев, которую Алхазаб называл своим родом. Когда внезапно пропавший Алхазаб вернулся, один из его командиров даже решил бросить ему вызов. Но Алхазаб только усмехнулся, сказал пару слов — и послушник вспыхнул ярким пламенем. Он горел целый час, оглашая окрестности воплями боли и ужаса, пока кто-то из жалости к своим ушам не проткнул его мечом. Ну а сам Алхазаб сказал, что в пустыне ему открылась великая мудрость. Он обрел великую силу и теперь требует называть его Прозрачным Богом и повиноваться каждому слову. Те, кто посмел усомниться, погибли ужасной смертью, о которой я не рискнул бы рассказать, даже если бы знал. Одно за другим подчинял себе Алхазаб окрестные племена. Кто-то из вождей принимал бой и ветер пустыни заносил тела песком. Кто-то подчинялся — и Алхазаб делал его своим приближенным. До поры до времени Великий Визирь не обращал на это внимания. Но когда визирю донесли, что Алхазаб хочет сам стать Великим Визирем и завоевать весь мир, даже Аблухай задумался. Он вызвал своих лучших убийц и повелел им со всем уважением казнить Прозрачного Бога. Убийцы поклонились и отправились в путь. Вернулись они куда быстрее, чем добирались от столицы до Алхазаба — их принесли в лапах песчаные голуби.

— Голуби? — поразился Трикс. — Как голубь может принести человека?

— Может-может! — закивал Васаб. — Если человека разрезать на тысячу кусочков, то тысяча голубей сможет его принести. Но знаешь, что самое ужасное?

— Что? — шепотом спросил Трикс.

— Голуби были голодные и изможденные от дальней дороги. Но ни один из них не посмел клевать то, что нес в лапах!

— Что за страсти ты рассказываешь мальчику перед сном? — Сонная фея выбралась из потайного кармана и раздраженно уставилась на Васаба. — Как я не люблю все эти ваши восточные жестокости... в землю бы заживо закапывала за такое!

Как обычно после злоупотребления пылью, фея была не в духе.

— Прекрасная пери! — взмолился Васаб. — Я умолкаю, если на то твоя воля!

— Не надо умолкать, — мрачно сказал Трикс. — Неужели Алхазаб и впрямь так силен?

Васаб часто закивал.

— Если убийцы ему ничего не смогли сделать, так неужели ваши придворные волшебники сплеховали?

— Они колдовали три дня и три ночи, собравшись в главном зале башни колдунов! — понизив голос, сказал Васаб. — А потом раздался страшный хохот, идущий из ниоткуда, и в одно мгновение башня заполнилась болотной грязью. Некоторые колдуны выплыли, некоторые остались в башне навсегда. Но насылать на Прозрачного Бога проклятия уже никто не решался.

— Понятно, — сказал Трикс.

— Рассказать что-нибудь еще? — любезно спросил Васаб.

— Нет уж, хватит! — решительно ответила Аннет. — На этом ты прекратишь дозволенные речи, а Трикс отправится спать.

Трикс не стал спорить с феей, которая так решительно взялась командовать от его имени. Ему и впрямь хотелось спать, а еще его немного подташнивало — то ли от кальяна, то ли от историй Васаба, то ли от не слишком свежей баранины, пошедшей на кебаб.

Как волшебник, он получил в свое полное распоряжение лучший шатер, довольно мягкий тюфяк и очень удивившее его шерстяное одеяло. Зачем одеяло в пустыне?

Понял это Трикс только глубокой ночью, когда проснулся, стуча зубами от холода. Аннет, которая, когда он засыпал, еще коротала вечер у кальяна с Васабом, забила ему под рубашку.

Кляня странный климат пустыни, Трикс закутался в одеяло и некоторое время лежал, слушая ночные звуки. Вдали печально выл шакал (во всяком случае, Трикс надеялся, что это шакал, а не кто-нибудь пострашнее). Стрекотали неведомые насекомые. Сухо шумели сухие листья на пальмах (пальмы почему-то сухие листья не сбрасывали, они оставались на стволе, обвисая, и покрывали его шелестящей чешуей). Громко храпел в своем шатре Васаб Куркум. Поскрипывал песок под ногами охранника, прохаживающегося вокруг лагеря. Вдыхали во сне верблюды.

Трикс представил себе узкие улочки Босгарда, где до сих пор небось празднуют начало нового года. Гоняет по улицам детвора, рассказывая взрослым поздравительные стишки и кланча за это сладости. На улицах продают горячее вино с пряностями. Жарят колбасы с приправой из можжевельника и гарниром из красной капусты. Сжигают старый хлам на площадях (обычай, всецело поддерживаемый и одобряемый ремесленными гильдиями). Если нападало много снега, то строят из него крепости и кидаются снежками...

Триксу стало грустно и жалко себя, а в юности — это лучшее средство для крепкого и здорового сна.

3

Утро наступило куда раньше, чем хотелось бы Триксу. Он проснулся оттого, что шатер, под которым он спал, подняли, перенесли в сторонку и стали сноровисто упаковывать. Солнце только-только готовилось подняться из-за горизонта, было прохладно, позевывающий племянник Васаба готовил завтрак на костре, сам купец, вздыхая, пил чай пиалу за пиалой.

Трикс ошарашенно уставился на разбирающих шатер охранников. Васаб, увидев его удивление, пояснил:

— Надо выйти в путь пораньше, могучий юный маг. К полудню придется остановиться, солнце будет слишком жестоко к путникам.

— Ну, что решил? — тихонько спросила Трикса фея.

— Скажи, Васаб, а правда ли, что путь в мою страну лежит через этот оазис? — поинтересовался Трикс.

— Правда, — кивнул Васаб. — Одна из караванных троп протекает здесь. Ты передумал ехать в столицу?

Трикс молчал.

— Дахриан — красивый город, — вздохнул Васаб. — Но если ты хочешь вернуться... и почему-то желаешь проделать свой путь как обычный человек... Я думаю, днем через оазис пройдет один, а то и два или три каравана. Они с удовольствием наймут тебя в качестве боевого мага.

— Так много караванов? — приятно удивился Трикс.

— Конечно. Ведь все знают, что скоро наши страны сойдутся в страшной войне, после которой, быть может, песок пустыни засыпет Дахриан, а трава прорастет сквозь камни вашей безымянной столицы. Пока этого еще не случилось — самое время немножко заработать.

Трикс подумал, что образ мысли самаршанцев все-таки остается для него полнейшей загадкой.

— Я поеду с тобой, Васаб, — сказал он. — Как долго будет длиться путь?

— Если будет на то воля Высшего, — купец почтительно прикрыл голову ладонями, поскольку упоминать о Высшем Божестве с непокрытой головой считалось у самаршанцев неуважительным и потому опасным, — то завтра к вечеру. Или послезавтра к утру. На всё воля Высшего, да совет он нам такую крепкую веревку, чтобы мы поднялись из Теснины Страданий на Гору Блаженства ничуть не утомившись!

— Я поеду с вами, — вздохнул Трикс.

Через полчаса, умывшись в озере и позавтракав вчерашними лепешками с остатками вчерашнего кебаба, Трикс взгромоздился на верблюда (нельзя сказать, что это сильно понравилось верблюду или Триксу) и маленький караван двинулся в путь.

Солнце медленно вставало из-за горизонта. Теплело. Верблюды монотонно шагали между дюнами, Трикса раскачивало из стороны в сторону. Это сильно напоминало качку на палубе корабля.

— Не хочешь ли скоротать дорогу? — спросил Васаб.

— Как? — заинтересовался Трикс. — Песней?

— Песней? — поразился Васаб. — Нет, что ты. Песня сушит рот и горло, в пустыне не надо петь. Негромкое чтение стихов — вот что скрасит путь!

— Ну... начинай, — предложил Трикс.

Васаб откашлялся. И сказал:

— Я прочту тебе несколько врубай моего сочинения.

Стражники и племянник как-то незаметно поотстали от Куркума.

— Врубай? — удивился Трикс. — А что это?

— О! Это одна из вершин нашей поэзии! — обрадовался купец. — Не каждый может врубиться в мудрость, сокрытую в четырех коротких строчках... Вот, послушай...

Трикс кивнул и приготовился врубаться.

— Я напился вчера, хоть совсем не хотел,
И сегодня напьюсь, хоть пока не успел.
Что поделать! Я очень люблю напиваться,
Я и завтра напьюсь — ведь таков мой удел!

— Сильные стихи! — похвалил Трикс, которому вовсе не хотелось выглядеть неврубившимся.

Ободренный Васаб кивнул:

— Да, это из любимых... А вот еще:

Мы ничтожны пред небом, как будто червяк,
Не постигнуть Вселенскую мудрость никак!
Лишь Великий Визирь — он сильнее, чем небо,
Он мудрее Вселенной! Клянусь, это так!

Трикс задумался:

— Ну... интересная мысль, конечно. Но как-то немножко приземлено.

Васаб вздохнул и самокритично признал:

— Да, философии чуть-чуть не хватает. Но это из обязательного. В начале каждого чтения врубай положено восхвалить Великого Визиря. Для иностранца, конечно, лучше врубайи с общечеловеческими ценностями. Вот, к примеру:

Дева юная, вновь ты явилась ко мне,
И слова о любви прошептала в огне...
Я проснулся — о ужас, жена моя рядом!
Лучше жизнь всю проспять и скончаться во сне!

— Это... интересно, — чуть смутился Трикс.

— Васаб знает, что нравится молодежи! — ухмыльнулся купец. — Васаб сам когда-то был молодым! Ну, теперь твоя очередь...

— У нас врубай не сочиняют, — признался Трикс. — У нас всякие другие стихи...

Охранники и племянник, заметив, что угроза прослушивания врубай миновала, приблизились.

— И какие же стихи? — заинтересовался Васаб.

— Ну... к примеру, хламерики.

Купец удивленно приподнял густые брови.

— Это когда всякую ерунду рифмуют, — пояснил Трикс. — Но смешно! Вот, послушай...

Некий маг, проживавший в Дилоне,
Колдовал себе мясо в бульоне.
Съев похлебку, чудак,
Не наелся никак,
Глупый маг, проживавший в Дилоне.

— Кажется, улавливаю идею, — кивнул Васаб.

— Вот еще, — сказал ободренный Трикс:

Был рыцарь в бою отважный,
Но только здоровьем неважный.
Меч поднял — и хлоп,
Отправился в гроб,
Хотя был в бою отважный!

Васаб вежливо посмеялся. Потом сказал:

— Кажется, я уловил основную идею. Рифмуются первая, вторая и пятая строфа... Первая и пятая частично повторяются... В первой надо описать, кто и где находился, затем — что произошло. Хм... Прими же ответный дар, уважаемый Трикс!

Трикс приготовился слушать.

В траве жил веселый кузнечик,
Зелененький, как огуречик.
Лягушка пришла,
Поживу нашла —
И съеден веселый кузнечик...

— Хорошо, — признал Трикс. — Но грустно немного! Хламерик-то получился детский, малыши будут плакать.

— Ничего-ничего, — кивнул Васаб, оглаживая бороду. — Дети тоже должны понимать, что все не вечно под луной. К тому же дети жестоки по своей природе, не сглаженной воспитанием. Ну кто из нас в детстве не давил муравьев?

Трикс печально кивнул.

— Кто не бросал камнями в бродячую собаку?

Трикс задумался.

— Кто не привязывал колокольчик к хвосту пойманного шакала? Кто не подсовывал птице в гнездо вместо яиц гладкие округлые камешки? Кто не кидал скорпионов в прозрачный сосуд, чтобы они дрались насмерть?

— Я так не делал, — в ужасе сказал Трикс, чьи детские жестокости ограничились разоренным муравейником (за который его немилосердно выдрал со-герцогский лесничий -- с разрешения родителей, между прочим).

— Ну... бывают люди благородные от самого рождения, — смутился Васаб.

Некоторое время ехали молча. Начинало припекать. Верблюды шли все так же неторопливо и размеренно. Трикс печально подумал, что если бы верблюды могли бежать со скоростью скакового коня, то путь к Дахриану занял бы гораздо меньше времени. Впрочем, кто сказал, что они не могут? Просто не хотят!

— Маг я или не маг? — спросил себя шепотом Трикс. — Буду ли я ждать милостей от природы или возьму их силой?

— А? — встрепенулся задремавший Васаб.

— Хотел бы ты попасть в Дахриан уже сегодня? — спросил Трикс небрежно.

Глаза купца загорелись.

— Хотел бы я искупаться в прохладном бассейне во дворе своего дома? Хотел бы поесть вкусный плов? Хотел бы лечь спать с любимой младшей женой?

— То есть ответ положительный, — кивнул Трикс. — Что ж... посмотрим, что можно сделать!

— О! — обрадовался купец. — Колдовство! Настоящее северное колдовство! Я весь внимание, друг мой!

— Неторопливо и размеренно идут верблюды по жарким пескам пустыни, — начал Трикс. Иногда вдохновение посещало его сразу, но порой требовалось начать заклинание именно так — обыденно и спокойно.

— Позволю себе заметить, — вставил Васаб, — что песок пока вовсе не жаркий. Он, конечно, уже нагрелся на солнце, но с его дневной температурой нет никакого сравнения.

— Неторопливо и размеренно идут верблюды по теплomu песку пустыни, — поправился Трикс. — На первый взгляд кажется, что верблюд — животное неуклюжее и к быстрому бегу неспособное...

— Кхе-кхе, — вежливо кашлянул один из охранников. — Это заблуждение. Только вы, северяне, считаете верблюда медленным животным. Да будет тебе известно, молодой маг, что скаковой верблюд легко обгоняет лошадей!

— Совершенно верно! — подхватил купец. — На последней гонке «Дахриан», что проводится по велению Великого Визиря и Маркеля вот уже больше тридцати лет, личный верблюд Великого Визиря опередил всех лошадей и пришел первым с отрывом в полтора суток!

Трикс помолчал, собираясь с мыслями.

— Неторопливо и размеренно идут верблюды по теплomu песку пустыни. Только северяне считают верблюда животным неуклюжим и к быстрому бегу неспособным...

Самаршанцы одобрительно закивали.

— На самом же деле верблюд лучше всех животных приспособлен к жизни в песках... — Триксу совсем не нравилась эта фраза, но он надеялся, что сейчас разойдется и волшебство получится.

— Верблюды, конечно, в пустыне себя хорошо чувствуют, — внезапно вставил реплику племянник Васаба. — Но скорпион к пустыне еще лучше приспособлен!

— Скорпион — не животное! — воскликнул уязвленный Трикс.

— А кто тогда?

— Насекомое!

— А насекомые — не животные, что ли? — ехидно спросил племянник.

— Допустим, Трикс имеет в виду высших животных, — примирительно сказал Васаб. — Но все-таки тогда я бы сделал ставку на фенека.

— На кого? — спросил Трикс безнадежно.

— На фенека. Лисичка такая, махонькая. Воду может вообще не пить — слопает улитку какую-нибудь, травку пожует — ей и хватает. Она совсем не потеет. Еще уши у нее очень большие!

— При чем тут уши? — воскликнул Трикс.

— Как при чем? Чтобы не жарко было.

Трикс помолчал, а потом сказал:

— Кажется, я понял, почему у вас магия менее развита.

— Почему? — спросил Васаб с интересом.

Трикс не ответил. Помедлил с полминуты — самаршанцы тоже хранили молчание.

— Я попрошу вас не комментировать мои заклинания, — сказал он наконец с достоинством. — Внимательно слушайте — и тогда мы доберемся до Дахриана очень быстро.

Самаршанцы закивали.

— Нет ничего утомительнее в путешествии, чем последние дни на пути домой, — сказал Трикс. — Все приключения уже случились, все покупки сделаны, все истории рассказаны. Самое время людям увидеть родных и близких, а верблюдам — вволю напиться и наесться. Холодная, чистая, про-

зрачная вода... Горячий, ароматный, рассыпчатый плов... Сочная, сладкая, вкусная трава...

Верблюды Трикса повернули голову и с подозрением посмотрели на седока. Трикс продолжил, ободренный:

— Все это совсем рядом — в славном городе Дахриане. Совсем рядом! Только надо двигаться быстрее! Быстрее и еще быстрее! Мысль об этом подхлестывает верблюдов сильнее, чем палка. Быстрее! Ускоряется шаг! Никто и не думал, что верблюды могут бежать так быстро и так долго — бежать, не уставая, до самого дома уважаемого купца Куркума Васаба!

Верблюды и впрямь ускорили шаг. Можно даже было сказать, что они бежали.

— Ишь ты! Как думаешь, — сказал один охранник другому, — добегут они сегодня до высохшей реки?

— Добегут, — отвечал другой.

— А до Дахриана-то, я думаю, не добегут.

— Думаю, не добегут, — согласился охранник.

Как ни странно, но эти простые слова необразованных самаршанских головорезов оказали на Трикса совершенно неожиданный эффект. Будто повеяло на него чем-то нездешним, необычным, каким-то чудом занесенным в пустынные земли. И могучий маг из неизмеримого далека стал нашептывать слова неслыханного заклинания.

— Эх, караван! — воскликнул Трикс. — Караван верблюжий, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты мог только родиться, в той земле, что не любит шутить, а голой пустыней разметнулась на полсвета, да и ступай считать дюны! И не хитрый, кажись, зверь верблюд, не на крыльях чешуйчатых несется, а нескоро ступает мозолистыми ногами. Не в дилонских кружевах всадник: борода да бурнус, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул врубайю — верблюды вихрем, ноги смешались в один гладкий круг, только дрогнула тропа, да пискнул в испуге остановившийся фенек — и вон они понеслись, понеслись, понеслись!.. И вон

уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух. Дымом дымится под тобою песок, гремят барханы, все отстает и остается позади. Остановился пораженный волшебством созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом верблюдах? Эх, верблюды, верблюды, что за верблюды! Вихри ли сидят в ваших горбах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую врубайю, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув ногами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху... У-у-у-у... А-а-а-а-а!

Все смешалось. Ветер ударил в лицо — и Трикс пригнулся, прячась между горбами. Встали слева и справа столбы пыли, заплясали дюны, отстали и затерялись далеко позади вопли самаршанцев — хотя Трикс отчетливо видел, что они несутся рядом, не отрываясь. Синее свечение, знакомое каждому магу, окутало верблюдов — так всегда происходило, когда мощь заклинания превышала дарованные природой возможности и надо было голыми руками порвать железо... или, к примеру, в беге обогнать ветер. С удивительной ясностью Трикс увидел, как в стороне от них, там, где вроде как и не ступала нога верблюда, разлетался в стороны песок и рушились дюны. Вот проносятся мимо древние руины... чу! миг один — и не стало руин, то не промчались мимо них вдаль быстроногие медногрудые корабли пустыни, то рассыпались в прах древние камни, простоявшие тысячи лет... Верблюды, верблюды, да кто ж вас такими выдумал, дай ответ? Не дают ответа! Только бегут, бегут и бегут вперед...

Трикс, вслушиваясь в свои мысли, с ужасом понял, что заклинание было настолько сильным, что до сих пор слегка сидит у него в голове. Раньше о таком ему доводилось только слышать.

Васаб, чей верблюд поравнялся с верблюдом Трикса, махал руками и что-то вопил. Слов Трикс не разобрал, но жесты были выразительны и он посмотрел вперед.

Пустыня исчезала. Вместо нее теперь тянулись земли хоть и засушливые, но изрезанные арыками и покрытые злаками, на полях мелькали человеческие фигурки и строения. Они приближались к Дахриану!

— Пойдите, верблюды! — завопил Трикс. — Умерьте свой бег, перейдите на шаг! Одумайтесь — куда вы бежите? Стоит ли мчаться, не разбирая дороги, пугая встречных — без цели, без разума, одного только движения ради! Есть время мчаться, но есть время и выбрать дорогу!

— Ай, останови их, смарагд моего сердца! — донесся до Трикса горестный голос Васаба. — Останови... останови... о, величайший из волшебников, зачем только ты снизошел до моей просьбы... А?

Верблюды стояли посреди поля. Вдали, закрывая головы руками, лежали, стараясь вжаться в землю, крестьяне. За верблюдами тянулась глубокая, в половину человеческого роста глубиной, борозда, похоже — уходящая за горизонт. Впрочем, точно сказать было нельзя, поскольку горизонт скрывало облако пыли. Сама борозда слегка дымилась.

— Меня посадят в тюрьму, — горестно сказал Васаб.

— Почему? — изумился Трикс.

— Мы потоптали посевы. Наш мудрый Великий Визирь не любит, когда кто-то обижает дехкан. О... мне конец.

К ним уже направлялись местные жители. Группу сжимающий кетмени дехкан, чьи лица не выражали ничего хорошего, возглавлял богато одетый человек в чалме и расшитом золотом халате. И что самое неприятное — вслед за ними спешил десяток воинов, вооруженных кривыми саблями и облаченных в знаменитые самаршанские доспехи.

— Это большой человек... — простонал Васаб. — Это как минимум второй помощник смотрителя за северными поля-

ми. Его власти хватит, чтобы нас закопали по пояс прямо на этом месте!

— Ну, по пояс — это еще не очень страшно, — попытался утешить его Трикс.

— Ты думаешь? — изумился Васаб. — Все дело в том, какой половиной ты при этом находишься в земле!

Трикс сглотнул появившийся в горле комок.

— О презренный купец с жалкими слугами и подозрительным безусым чужеземцем! — рявкнул приблизившийся человек в раззолоченном халате. — Что ты натворил, каким отвратительным колдовством и зачем? Я, Сад ар Тамак, первый помощник смотрителя северных полей, именем Великого Визиря Аблухая требую дать ответ!

— Первый помощник... закопают по колено... — едва слышно пробормотал Васаб. От страха он явно не знал, что и ответить.

В этот момент Трикс услышал доносящееся снизу журчание. Конечно, в данной ситуации оно могло быть вызвано разными, в том числе и очень постыдными причинами, но опустив глаза, он увидел, как в проложенную верблюдами борозду натекает вода из разрушенных арыков. Меланхолические верблюды, которых никто закапывать в землю не собирався, опустили головы и принялись пить.

— О, Сад ар Тамак, мудрый первый помощник смотрителя северных полей Великого Визиря Аблухая, да будут его сады плодоносны, слуги учтивы, а верблюды быстроходны! — воскликнул Трикс. Он уже оценил преимущество самаршанской учтивости, дававшей время собраться с мыслями. Сад ар Тамак подозрительно уставился на него. — Я — Трикс Солье, великий маг, подданный могучего короля Маркеля Веселого, прибывший к вам с делом величайшей важности!

К сожалению, полного эффекта его слова не возымели.

— Значит, тебя вкапывать в землю нельзя, — сказал Сад ар Тамак. Васаб при этих словах побелел.

— О, мудрый Сад ар Тамак! — продолжил Трикс. — Выслушай меня, прежде чем принять решение!

— А я чем занимаюсь? — очень невежливо ответил самаршанец. Крестьяне тем временем взялись за кетмени и принялись рыть в стороне четыре узкие глубокие ямы.

— Жаркое дыхание пустыни сушит эти... э... щедрые поля, — сказал Трикс. — Потому я решил начать свое появление в Дахриане с щедрого дара простым труженикам!

— Какого дара? — остолбенел самаршанец. — С потоптанных посевов?

— С прекрасного, глубокого и широкого канала, который проходит через твои поля и уходит в пустыню. Труд тысяч и тысяч людей понадобился бы на то, чтобы вырыть такой канал! Сейчас его заполнит вода — и поля твои увеличатся!

Сад ар Тамак задумчиво осмотрел борозду. Подтянув халат, спрыгнул в нее, прошелся, потрогал стенки. Удивленно сказал:

— Неслыханное чудо. Песок сплавился в твердую корку... такой канал просуществует десятки лет.

— Это мой дар самаршанским дехканам! — сказал Трикс.

Крестьяне, сообразив, что концепция изменилась, перестали рыть яму и тоже принялись осматривать борозду.

— Чего ты хочешь за свой дар, северный волшебник? — спросил, поразмыслив, Сад ар Тамак.

— Это же дар! — растерялся Трикс.

— Конечно! Никто и не предлагает тебе за него плату. Но если я не сделаю ответный подарок — я выкажу неучтивость.

— Проси золото... — повернув к Триксу голову, прошептал Васаб. К нему медленно возвращался прежний бронзовый цвет лица, из-за чего он сейчас был коричневым с белыми пятнами. Бороду, кстати, тоже слегка тронуло сединой.

Из-под мантии раздался тихий, придушенный голос феи:

— Проси полезных знакомств.. На Востоке это самое важное!

— О, мудрый Сад ар Тамак! — Трикс поклонился, хотя, сидя на верблюде, все равно оставался куда выше первого

помощника смотрителя северных полей. — Есть ли на свете радость бóльшая, чем радость человеческого общения? Не мог бы ты познакомить меня с какими-нибудь уважаемыми людьми по твоему выбору?

— Твои слова мудры, — ничуть не удивившись, кивнул Сад ар Тамак. — Я подумаю, с кем тебе лучше свести знакомства. Где ты остановишься в Дахриане?

— У моего уважаемого друга, купца Васаба Куркума.

Сад ар Тамак с сомнением поглядел на приосанившегося купца.

— Хорошо... молодой маг Трикс Солье. Я нанесу вам визит этим вечером.

Дахриан был первым самаршанским городом, который увидел Трикс. Конечно, в королевстве были города, когда-то принадлежавшие Самаршану, но чаще всего правящие в них бароны в приступе верноподданнического патриотизма первым делом сносили все восточные постройки. Если барон по происхождению был самаршанцем, то он делал это с особым усердием.

Конечно, как любой город, желающий просуществовать больше десятка лет, Дахриан был окружен высокими крепостными стенами, вне которых селились только самые бедные жители. Но в отличие от привычных Триксу городов, особой разницы между домами внутри и снаружи стен не было — все они оказались невысокие, редко когда в два этажа, построенные не из камня или дерева, а из обожженной на солнце глины. Улочки ветвились и петляли без всякой системы и даже Васаб порой морщил лоб, выбирая дорогу. Каменные строения, принадлежавшие богачам, мистикам или многочисленным государственным чиновникам, окружали пышные зеленые сады. Лишь к самому центру города глинобитных хижин становилось все меньше, извилистые улочки выпрямлялись и расширялись, а здания начинали расти в высоту — могучими башнями и огромными куполами.

Впрочем, весь город был довольно-таки зеленым. Дахриан выстроили меж двух могучих рек, когда-то бессмысленно утекающих в пустыню. Теперь вся вода бережно собиралась и отправлялась на поля, но вначале протекала через город, мудро покрытый сетью каналов и канав — и выходила из города уже мутной, пахучей, но зато обогащенной ценными естественными удобрениями. В тени невысоких деревьев сидели на корточках старики, задумчиво жующие табак; непринужденно плескались в арыках дети; женщины тащили с базара покупки, а из колодцев воду; шествовали по своим важным делам уважаемые мужчины. Верблюдов в городе было немного, зато повсюду терпеливо шагали груженные ослики, дехкане катили тачки с плодами своих полей, а ремесленники, устроившись в тени с лотками, надрывно расхваливали товары.

Трикс от любопытства вертелся на спине верблюда, пытаясь разглядеть все сразу. Запахи его не особенно пугали, в городах королевства тоже пахло не розами, и даже во дворце Маркеля, зайдя в темный уголок, можно было ощутить застоялое амбре. Нищие тоже были делом обычным и повседневным.

Но в Самаршане все было как-то иначе — даже запахи и нищета. В запахе отдельной нотой витали сгнившие экзотические фрукты, оттеняя основную композицию мощной пряно-сладкой волной, смелый акцент вносили перец и другие пряности. Нищие, даже самые уродливые и грязные, тщательно ухаживали за бородами, почти у каждого в одежде имелось что-то из куда более роскошного гардероба — украшенные бисером туфли на ногах маленького бродяги, шитая серебряными и золотыми нитками чалма на голове старика в рваном халате, изящный браслет с бирюзой на трясущейся руке сумасшедшего мистика...

В общем, даже ужасное и кошмарное в Самаршане выглядело экзотично и празднично.

Трикс поначалу был уверен, что такой уважаемый купец, как Васаб Куркум, обитает где-то в центре Дахриана, в уто-

пающем в садах дворце. Но к его удивлению маленький караван покрутился по городу и остановился у невысокого забора, за которым виднелось самое обычное глинобитное здание. Здесь Васаб, кряхтя и жалуясь на жизнь, расплатился с охранниками — те, оскалившись в подобие улыбки, хлопнули купца по плечу, вежливо поклонились Триксу и уехали, прихватив своих сменных верблюдов. Оставшихся племянник Васаба уже загонял в маленький дворик.

— Будь гостем в моем доме! — торжественно сказал Васаб. — Возможно, он не так велик, как подобает великому магу... но уж что есть, то есть.

Вслед за верблюдами и Васабом Трикс прошел в калитку, которую Васаб тут же тщательно запер. Двор был небольшой. С одной стороны стоял жилой дом. С другой — стена, отделяющая от соседнего дворика. С третьей — загон для верблюдов и маленькая летняя кухня с высокой глиняной печью. (Ну а если вам непонятно, что было с четвертой стороны — там был забор, отделяющий двор от улицы, и калитка, через которую вошел Трикс.)

— Ты вернулся, любимый! — позвякивая не слишком дорогими на вид, но зато многочисленными браслетами, кольцами и серьгами, навстречу Васабу кинулась дородная женщина лет сорока, в затрапезном ситцевом платье и тапочках на босу ногу. Обменявшись с мужем жарким поцелуем, она с любопытством посмотрела на Трикса. Лицо ее просветлело. — Твои дела шли хорошо! Ты даже смог купить северного невольника!

— О, женщина, как ты можешь так говорить! — строя страшные гримасы, воскликнул Васаб. — Как можно спутать великого юного мага, любезно присоединившегося к нашему каравану в пустыне, с каким-то там никому не нужным рабом! Трикс, познакомься, это моя любимая младшая жена — Гулин!

Трикс вежливо поклонился женщине, но, не зная местных обычаев, не рискнул целовать ей руку.

— Прости глупую женщину. — Гулин потупила глаза. — Всем известна женская глупость... великий маг не станет на меня сердиться?

— Нет, нет, ничего... — смущенно ответил Трикс. — Счастлив познакомиться с любимейшей из жен достопочтенного Васаба...

Наступила неловкая пауза.

— Видишь ли, Трикс... — оглаживая бороду, сказал Васаб, — Гулин — моя любимейшая младшая жена. Но если честно, то она еще и единственная моя жена.

Трикс сразу расслабился — наличие сразу нескольких жен рядом с Васабом его заранее смущало.

— Любовь — это величайшая сила в природе! — стараясь говорить по-восточному пышно, сказал он. — Любящим людям не хочется делить друг друга с кем-то еще...

— Да при чем тут делить? — Гулин всплеснула руками. — Какая женщина в здравом уме откажется от второй жены для своего мужа? Не ей одной мыть посуду, готовить еду, следить за детьми... да и рожать их! Не так пусто и одиноко в доме, пока муж разъезжает с караваном — есть с кем поболтать, посплетничать, поскандалить! Но мы не настолько богаты, юный маг, чтобы позволить себе вторую жену!

— Гулин... — умоляюще произнес Васаб.

Его жена махнула рукой, от чего все ее браслеты звякнули, и удалилась в дом.

— Женщины... — грустно сказал Васаб.

— Но ты же ее очень любишь, — решил утешить Васаба Трикс.

— Люблю, — кивнул Васаб.

— Вон сколько украшений подарил...

— Это традиция, — вздохнул Васаб. — Если однажды я решу с ней расстаться, то могу выгнать в том, в чем она есть. Поэтому наши жены никогда не снимают украшений.

— Никогда-никогда? — поразился Трикс.

— Когда ты молод, и украшений на жене не так много, это даже романтично... — мечтательно сказал Васаб. — Но с течением времени... знал бы ты, как раздражает этот звон!

Он покачал головой и взял Трикса за руку.

— Идем, мой любезнейший гость, я покажу тебе твою комнату...

Комната показалась небольшой и скромной даже Триксу, привыкшему за последний год к простой жизни. Но все-таки в ней было окно, затянутое легкой кисеей, топчан с неожиданно мягким матрасом, набитым не то какой-то травой, не то шерстью, маленький столик и стул. Пока Трикс осматривался, девушка, которой явно не было и двадцати, принесла медный тазик и большой кувшин с водой. С любопытством посмотрела на Трикса, хихикнула и удалилась.

— Умывайся, отдыхай и приходи во двор — будем обещать, — сказал Васаб. — Тебе понравилась моя дочь?

Трикс смутился.

— Если надумаешь взять жену из Самаршана — не забудь про меня, — сразу же пояснил Васаб. — У меня две дочери, и обе еще свободны. Тарина — старшая. Прекрасно шьет бисером и готовит. А у младшей, Гюхрам, хороший голос и длинные косы.

— Я скажу... если что, — пробормотал Трикс. Девушка не показалась ему особенно привлекательной, была старше его, да к тому же он вообще не собирался пока жениться. Вряд ли Радион Щавель обрадуется, если ученик приведет в башню молодую жену.

— Подумай, подумай! — бодро сказал Васаб. И тут же воскликнул, воздев руки к потолку: — Кого я обманываю? О чем я говорю? Пройдет совсем немного дней — и все мы обречемся со смертью! Какие свадьбы? Какие жены?

— Все как-нибудь устроится, — пообещал Трикс, но купец лишь вздохнул и вышел.

— А он, похоже, и впрямь уверен, что война неизбежна, — сказала Аннет, выбираясь из-под мантии Трикса. — Плохо дело.

Трикс уселся на топчан и спросил:

— Что будем делать?

Аннет задумчиво порхала в воздухе. Потом сказала:

— Будь твои способности к магии столь же стабильны, как и велики, я бы предложила сойтись в поединке с Прозрачным Богом.

— Правда? — поразился Трикс.

— Да. У тебя иногда получаются прямо-таки великолепные заклинания. Но нечасто, к сожалению.

— С верблюдами здорово получилось? — понял Трикс.

— Да я чуть не кончилась со страху! — честно сказала фея. — Была уверена, что налетим на скалу или на крепостную стену... Ну да ладно. Живы — уже хорошо. Я слетаю на разведку, а ты бы помылся и переоделся. Осмотримся, там и решим, как поступить...

Трикс с сомнением осмотрел себя.

— От тебя пахнет потом, — пояснила фея. — И ладно бы твоим, но это верблюжий пот...

Фея выпорхнула в окно, раздвинув кисею. Трикс вздохнул, понюхал рукав рубашки, пожал плечами. Разделся, встал в тазик, окатил себя водой. Привычка периодически мыться похвальна для благородного человека, но он же вчера купался в озере...

Однако в чем-то фея была права. Надев чистые штаны и рубаху, Трикс почувствовал себя совсем другим человеком. Он немного походил взад-вперед, опираясь на посох и стараясь выглядеть солидно. Потом почистил мантию.

В дверь постучали, Трикс открыл. Это уже была другая девушка, ровесница Трикса. Тоже смуглая, с двумя длинными черными косичками, пожалуй — посимпатичнее первой. Девушка начала с того, что хихикнула, потом молча взяла с

пола грязную одежду, кувшин, тазик с водой и вышла, так и не сказав ни слова.

Трикс понял, что, несмотря на ожидание конца света, Васаб Куркум не теряет надежды выдать хоть одну из дочерей замуж за мага. Как хорошо, что их всего две!

И как жалко, что рядом нет Тианы...

Трикс вздохнул. После летних приключений он еще ни разу не видел юной княгини. А ведь как здорово было путешествовать вместе с ней! И каким надежным товарищем она оказалась в самых опасных передрыгах! Триксу не хватало и Иена, который служил оруженосцем в каком-то дальнем гарнизоне, и маленького Халанбери, оставленного на попечение его родителей. Но больше всего, конечно, не хватало Тианы...

А еще Трикса тревожило, что нет никаких вестей от Щавеля. Допустим, маг не мог просто так взять и телепортироваться к Триксу — ведь для этого надо хорошо представлять, где он сейчас находится, желательно даже побывать в этом месте. Но послать-то ему весточку волшебник мог! С какой-нибудь птицей, с вызванным колдовством ветром... ну, мало ли что может придумать опытный маг! Щавель наверняка уже вернулся домой, прочитал его записку и...

Неужели он так обиделся, что даже слышать не хочет о своем ученике?

Но ведь у Трикса не было иного выхода. Он должен был выполнить долг чести вместо учителя!

— Тук-тук! — произнесла, влетая в окно, фея. Слегка запуталась в кисее, небрежно взмахнула рукой — и кисея сама разошлась в стороны. — Помылся? О, совсем другое дело... Ах, какой чудесный город Дахриан...

— Ты, я вижу, уже поела, — мрачно сказал Трикс.

— Самую капельку! — Аннет прижала руки к груди. — Ну не сердись, милый... я посплю полчаса и все будет в порядке...

Трикс вздохнул. Фея, на его взгляд, слишком часто питалась неправильной пылью. Но ведь в этом была целиком его вина!

В общем, когда Васаб лично зашел за Триксом и позвал его к обеду, тот покинул дремлющую Аннет со смешанным чувством облегчения и вины. Мантию он надевать не стал, но посох для важности прихватил с собой.

Обед был, как и положено на юге, совсем легким — фрукты, чай и сладости. Стол накрыли во дворике, под увитой виноградом решетчатой крышей, прикрывавшей от палящего солнца. С одного торца стола сидели Васаб, Трикс — по его правую руку, и племянник — по левую. С другого торца — младшая и единственная жена Гулин. По правую сторону размещались трое сыновей Васаба — двое совсем мелких, один чуть младше Трикса. По левую — дочери. Во всем чувствовалась некая торжественность, хотя основные празднества по поводу возвращения хозяина дома и намечались на вечер.

— Ах, как приятно вновь оказаться дома! — воскликнул Васаб, окидывая семью любящим взглядом. — Два месяца был я в пути, два месяца сражался с врагами и торговал с иноземными купцами...

Далее началось перечисление подвигов, одержанных Васабом в пути. Трикс вначале слушал с большим интересом — оказалось, что по пути в королевство Васаб и его охранники одержали верх над бандой разбойников, устроили и прогнали кровожадного грифона, в лесу отбили нападение эльфов, да так здорово, что те решили откупиться от них шелком из паутины и целебными эликсирами... Все это было так увлекательно, будто в летописи для детей.

Но потом Васаб принялся описывать, как в оазисе он встретил Трикса, сражающегося с драконами, пришел ему на помощь и они вместе вынудили кровожадных драконов улететь. Тут Триксу стало ясно, что фантазия нужна купцу не только на базаре, когда он расхваливает свой товар, но и дома,

чтобы заслужить уважение ближних. Он заскучал и принял-ся пощипывать мелкий, но очень сладкий виноград. Сидящий рядом с Триксом черноглазый парнишка робко спросил разрешения потрогать магический посох — Трикс великодушно разрешил. Сын Васаба коснулся посоха мизинцем и надулся от гордости. Младшие братья смотрели на него разинув рты, в немом восхищении.

— Ну а что случилось у вас? — спросил наконец-то купец.

— О любимый мой муж, разве наши новости сравнятся с твоими? — вежливо ответила Гулин. — Через неделю, как ты уехал, завалилась стена верблюжьего загона — ну, помнишь, где твой рыжий лягнул год назад? Я еще все просила починить... Пришлось чинить, но за две недели мы с этим справились. Потом младший твой сын стал маяться животом — целую неделю! Хорошо, что лекарь согласился лечить его в долг.. Потом на базаре меняла хотел меня обмануть, но я поймала его за руку и он с перепугу выдал мне в два раза больше денег, чем был должен. Ну а третьего дня, точнее — ночи, к нам забралась та шайка, что вот уже год промышляет в квартале. Но я услышала, как они возятся с сундуками. Мы с девочками взяли сковородки и медные пестики, подкрались к ним в темноте и отдубасили так, что лишь один убежал — а двоих мы связали и отвели к кади. Один откупился, отдал свой дом, верблюдов и все деньги, его отпустили. Другой надерзил кади и его отправили на соляные болота.

— Так и надо мерзавцу! — одобрительно сказал Васаб. — Ну и тому, что на болотах, тоже не сладко придется... А что в городе?

— Великий Визирь, да снизойдет на нас его спокойствие и уверенность, сказал, что никакой опасности от Алхазаба не ждет, и если будут беспорядки — наша верная стража живо их пресечет. Вчера же под вечер со всех сторон света слетелись драконы и уселись за крепостными стенами, там, где раньше пасли овец.

— Раньше? — уточнил Васаб.

— Раньше, — кивнула жена. — Драконов много и они были голодные. Но пастухов драконы не тронули, только поугадили чуть-чуть.

— В трудное время живем, — вздохнул Васаб. — Эх... но, может быть, великие волшебники наведут порядок?

Трикс промолчал, но постарался придать лицу сдержанно-уверенное выражение.

Васаб снова вздохнул:

— Я, пожалуй, полежу немного. Устал с дороги. Не хочешь ли ты, Трикс, отдохнуть?

— Я? Да нет... — Трикс заколебался. — Я бы, пожалуй, посмотрел город...

— Карим! — Купец кивнул старшему сыну. — Будешь сопровождать северного мага в городе. Показывай ему все, что он захочет. Будь гостеприимным, как подобает воспитанному отроку!

Парнишка радостно закивал. Братья с завистью смотрели на него.

— Ты не будешь против, если тебя проводит в город мой сын? — уточнил Васаб у Трикса. — Говоря откровенно, это положено было бы сделать мне...

— Нет-нет! — запротестовал Трикс. — Никаких проблем. Карим мне все хорошо покажет, я уверен! Правда, Карим?

— О, друг моего отца, гость нашего дома...

— Не надо «о», — попросил Трикс. — И прочих условий. Зови меня просто — великий маг.

— Великий маг, я покажу тебе наш чудесный город!

Парнишка кинулся в дом — переодеваться. Трикс подумал и тоже пошел в свою комнату — отнести посох. Ему показалось, что всем своим видом демонстрировать «я — маг!» будет не совсем правильно при первом знакомстве с городом.

4

В каждом городе есть места, где постоянно бывают местные жители. И есть другие места — куда они водят туристов, а сами никогда не заглядывают — хоть и гордятся этим местом.

Ну, к примеру, есть в вашем любимом городе знаменитая древняя пирамида, на которую когда-то каждое утро восходил жрец, одетый в одно лишь золоченое исподнее и дурным голосом просил солнышко взойти. Если жрецу казалось, что солнышко запаздывает, то к нему приводили прекрасную деву, которую он пинком отправлял вниз, в бездонный колодец. Если у жреца было плохое настроение, бессонница или он просто охрип — то прекрасные девы расходовались в огромных количествах... История грустная, но волнующая, пирамида старая, но красивая — неудивительно, что каждый гость города считает своим долгом прийти к пирамиде, а то и взобраться на нее, кряхтя и потея, после чего в его душе начинает просыпаться сочувствие к жрецу, совершавшему этот путь каждое утро. Но так то турист! А горожанин проживет в тени пирамиды всю жизнь, периодически думая «надо будет как-нибудь на нее взобраться».

И ваш любимый рынок, грязненький и вонюченький, где под прилавком мясника отдыхает в тени плешивый пес, а зеленщик периодически поплевывает на помидоры и потирает их грязным рукавом, чтобы блестели, никто из приезжих посещать не станет. Он пойдет на главный рынок, выстроенный по указу градоначальника на центральной площади, с мраморными колоннами и подземной стоянкой для телег. Там он купит все, что купил бы на маленьком рынке, но в два-три раза дороже и у продавцов одетых в красочные национальные костюмы.

Карим Куркум был мальчиком умным и воспитанным, поэтому он первым делом повел Трикса осматривать достопримечательности, предназначенные для приезжих:

скалу, на которой когда-то тысячу лет назад султан Гурам, укушенный скорпионом, дал обет построить город, если не умрет от укуса;

гробницу султана Гурама, прославленную замечательными барельефами и мозаикой;

усыпальницы трех жен султана Гурама, известные тем, что никто уже не помнил, где какая жена была погребена;

главный столичный рынок, с мраморными колоннами и подземной стоянкой для телег, по которому можно было ходить целый день и не обойти даже половины;

квартал мистиков — в Самаршане они были кем-то средним между колдунами, алхимиками и жрецами, за что их искренне ненавидели и колдуны, и алхимики, и жрецы — обычно ни в чем не сходявшиеся во мнениях;

дворец нынешнего султана Абнуваса, окруженный цветущими садами, куда простым людям разрешалось заходить три раза в год — в день рождения Абнуваса, в день рождения родоначальника династии Гурама и в день рождения Великого Визиря Аблухая;

академию искусств и ремесел, находящуюся под покровительством Великого Визиря;

ну и, наконец, появившуюся недавно достопримечательность — башню колдунов, заполненную засохшей грязью с соляных болот. Грязь уже почти всю вывезли (мудрый Визирь разрешил тем, кто добровольно вывозил из башни грязь, оставлять себе половину найденных в грязи ценностей — и от желающих поработать не было отбоя). Но уцелевшие дахрианские колдуны даже в очищенную башню возвращаться не хотели и потому уже выстроили рядом новую башню — еще более высокую и роскошную, из мрамора, оникса и малахита — разумеется, наколдованных, а не настоящих.

Неподалеку от башни Трикс с Каримом и присели отдохнуть на каменной скамье, купив себе у лоточника по куску сладкого чик-чака — печенья в меду и чашке свежего фини-

кового чая. Места здесь были людные, несмотря на дневную жару — мальчишки, которым жара нипочем, обожали слоняться поблизости от колдунов. Иногда от тех перепадали мелкие поручения, ходили слухи, что некоторых счастливых колдуны брали в ученики, и уж точно был шанс понаблюдать за каким-нибудь красивым волшебством.

— Вот бы я был колдуном! — мечтательно сказал Карим, разглядывая сияющую на солнце башню. — Я бы выстроил себе такой дворец!

— Не получилось бы, — покачал головой Трикс. — Это мелкие вещи хоть сто лет прослужат, если их хорошо придумать. А вот наколдовать что-то очень большое можно, но без притока свежей магии оно развалится.

— Но башня-то не валится!

— Так в ней же постоянно колдуны собираются, целыми толпами. Думаешь, почему волшебники не любят надолго покидать свои башни? Вернешься, а там уже ничего нет.

Карим был явно расстроен. А Трикс, поедая печенье, посянял:

— У магии много ограничений. Если какую-то вещь создаешь, то она должна быть из того материала, что у тебя есть под рукой. Надо хорошо представлять то, что хочешь сделать — я однажды хотел девчонке одной платье сделать... ну, получилось не очень.

— А можно наколдовать такого печенья? — Карим облизнул липкие от меда пальцы.

— Можно, — кивнул Трикс. — Только ты им не наешься.

— Ну и что? Наестся я могу похлебкой из чечевицы. А сладости — они для вкуса.

Трикс задумался.

— То есть тебе не важно, что эта еда впрок не пойдет?

Карим рассмеялся:

— Мой папа иногда хочет кусок халвы съесть, а мама ему говорит: «Ты не влезешь в новые штаны!» Думаешь, он не обрадовался бы халве, от которой ничуть не толстеешь?

Трикс даже привстал — так ошеломили его новые горизонты. Никто из магов не пытался наколдовать еду, ведь она не утоляет голод. Но если задуматься... это бедные едят, чтобы жить, а богатые, наоборот, живут, чтобы есть!

Тут, конечно, были свои трудности. Наверняка придумать заклинание, создающее вкусное блюдо, не так-то легко. И уж точно заклинание быстро изнашивается, надо будет создавать новое...

Но все же это открывало удивительные возможности!

— Спасибо тебе, Карим, — сказал Трикс. — У меня перспективы появились...

Карим, так и не сообразивший, что он открыл новое направление магии — диетическое, удивленно заморгал. Трикс решил даже объяснить ему, в чем дело, но, бросив случайный взгляд на прохожих, съезился и отвернулся в сторону.

И это было неудивительно. Мимо бездельничающих подростков и спешащих по делам взрослых шли три человека. Двух Триксу следовало бы ожидать здесь увидеть, ибо удивительные законы приключений никогда не позволят разминуться старым врагам, оказавшимся в одном городе. Это были бывший со-герцог Сатор Гриз и его сын Дэрик. Они были одеты в самаршанскую одежду — широкие шаровары, просторные белые рубахи и маленькие круглые шапочки, лица их потемнели от жаркого солнца, сами они исхудали от невзгод. Но это были они, несомненно!

Пожалуй, эта неприятная встреча уже сама по себе могла испортить Триксу настроение. Но в довершение всего у Гризов был спутник.

А спутника этого, облаченного, несмотря на жару, в сверкающие латы черного металла, с закрывающим лицо шлемом и огромным мечом на поясе, Трикс последний раз видел, когда тот падал за борт собственного корабля! Белокнижник, рыцарь-маг Гавар, из рук которого Трикс вырвал княгиню Тиану и тем расстроил все планы витамантов придать видимость законности своему вторжению в королевство!

— Карим, там идут мои враги, — пробормотал Трикс. — Если они меня увидят — будет беда!

Карим немедленно пересел, заслоняя Трикса, и с самым невинным видом уставился на чужаков. То ли они были увлечены разговором, то ли никак не ожидали увидеть среди самаршанских мальчишек своего заклятого врага, то ли Карим удачно его заслонил — но Гризы и Гавар прошли мимо. До Трикса донесся обрывок их разговора:

— ...не может быть. Эвикейт — повелитель жизни и смерти, он сильнее любого мага! — говорил Сатор. И помимо понятной по отношению к предводителю витамантов подострастности, в его голосе слышалась и вполне искренняя убежденность.

— Нет магов, равных Эвикейту, — холодным голосом отвечал Гавар. — Но Прозрачный Бог — больше, чем маг.

— Не хочешь же ты сказать, почтенный Гавар, что он — ха-ха — и в самом деле бог? — с легкой вежливой иронией спросил Сатор.

— Не хочу, — кивнул Гавар. — Но приходится...

Он вдруг остановился с легким металлическим скрежетом. Застыл с поднятой в шаг ногой. Воскликнул:

— Проклятый мальчишка! Это проклятый мальчишка!

Трикс, подглядывающий за ними краем глаза, оцепенел от ужаса.

— Трикс? — спросил Сатор понимающе. — А с чего ты его вспомнил?

Проклятый мальчишка, начисто позабыв, что он могучий маг, однажды победивший Гавара в поединке, приготовился дать деру.

— Колено! — простонал Гавар. — Стукни мне по колену! Броня проржавела, сустав плохо гнется...

— Понимаю, — сказал Сатор и с явным удовольствием засадил по колену Гавара носком сапога. Нога витаманта со скрипом согнулась.

— Если бы ты знал, как грустно и одиноко было мне брести по дну океана! — удаляясь, рассказывал Гавар. — Ил... водоросли... затонувшие корабли... кракены... А хуже всего — креветки! Они сидели на мне целыми стадами! Я ненавижу креветок!

«Зато креветки любят тухлое мясо», — злорадно подумал расслабившийся Трикс.

Его враги дошли до башни самаршанских колдунов и Гавар постучал в дверь бронированной рукавицей. Дверь плавно открылась — похоже, их ждали...

— Пронесло... — пробормотал Трикс. — Спасибо, Карим. Понял, как они меня ненавидят?

— Откуда же я пойму? — удивился Карим. — Я по-вашему не разговариваю, умею только считать до десяти и знаю несколько слов. «Хороший пэрсик, сладкий-сладкий!», «Чудный элексир, будешь как малчик савсем!» и «Эй, красавица, суда ходы, у меня самый лучший пудра!»

Трикс непонимающе уставился на Карима.

— Как это — не разговариваешь? Мы же с тобой разговариваем!

— Так это ты по-нашему говоришь! — убежденно сказал Карим.

— Я никогда не учился самаршанскому, — признался Трикс.

— Может, ты гений, о великий волшебник? — предположил Карим.

— Ну... — смутился Трикс. — Я, конечно, неглупый... да. Но только не по языкам. По языкам я не очень гений.

Карим вдруг засмеялся:

— Великий волшебник, мне все понятно! Ведь ты разговаривал с драконами!

— Ну и что?

— Драконы — могучие волшебники. Но сами они очень слабы в языках. Поэтому драконы не учат чужие языки, а

волшебством заставляют понимать язык своих собеседников. Дракон говорил с тобой по-самаршански?

Трикс пожал плечами.

— По-самаршански, — уверенно сказал Карим. — У них вроде бы есть и свой язык, но при людях они на нем редко разговаривают и никого ему не учат. Драконы и научили тебя самаршанскому.

— Могли бы и предупредить, — пробормотал Трикс. Его и раньше немного удивляло, что он понимает всех окружающих. Ладно, Куркум Васаб — он торговец и знает языки. Но с чего бы простые охранники, жена Васаба и все остальные в совершенстве знали язык королевства? — Пойдем отсюда, Карим. Вдруг мои враги быстро выйдут...

— А ты их сожги волшебным огнем! — предложил Карим. — Они чужестранцы, никто против не будет. Великий Визирь говорит, что если один чужестранец убивает другого — то это их личное дело.

— Нет, Карим, — вздохнул Трикс. — Убивать я их не хочу. К тому же один из них и без того мертв...

У Карима от страха расширились глаза и он поспешно вскочил.

— Пошли, великий волшебник! Я мертвецов... не люблю.

Они быстрым шагом двинулись прочь. Триксу, конечно, очень хотелось узнать, что делает Гавар в башне колдунов и зачем вообще явился в Самаршан. Но идти вслед за витамин-том в башню казалось не самой лучшей идеей.

— Теперь домой, да? — огорченно сказал Карим, когда они удалились на приличное расстояние.

— Да нет, давай еще что-нибудь посмотрим, — предложил Трикс. — Вон в том здании что?

Впереди и впрямь было красивое здание из розового песчаника — приземистое, но с довольно изящной колоннадой и покрытыми барельефами стенами. Резьба изображала в большинстве своем военные сцены, а также отважных вои-

нов, ведущих нескончаемые вереницы пленных и бесконечные подводы с трофеями. В здание то и дело входили и выходили обратно люди.

— Это... ну... — Карим вдруг смутился. — Как сказать...

— Музей?

— Не совсем. — Карим от огорчения опустил голову и неловко затоптался в пыли босыми ногами. — Это рынок такой.

— Так пошли зайдем на рынок! — сказал Трикс.

— Это рынок рабов, — тихо ответил Карим. — Не надо тебе туда ходить.

— Почему? — возмутился Трикс. — Что, меня могут принять за раба?

— Нет, — вздохнул Карим. — Я ведь с тобой, я всем объясню, что ты не раб, а уважаемый гость... Но там могут продавать рабов, понимаешь?

— Странно было бы, если бы там продавали персики, — все еще не мог понять Трикс.

— Там... твоих продавать могут. Из королевства. — Карим сказал это едва слышно и пристыженно замолчал.

Трикс остолбенел. Он, конечно, помнил слова Васаба про рынок рабов. И вообще знал, что в Самаршане рабство в ходу, тогда как в королевстве оно было отменено еще дедом нынешнего короля, Маркелем Бережливым, а окончательно искоренено его отцом, Маркелем Великодушным. Некоторые старики-крестьяне, впрочем, до сих пор вздыхали и говорили, что во времена рабства благородные господа куда лучше относились к простому люду и ценили его — ведь к своему имуществу всегда относишься бережнее. Но вот как раз старики из благородных господ хоть и тосковали по добрым старым традициям, но честно признавались — со свободного человека всегда можно содрать две, а то и три шкуры, а с раба — всего одну.

— Рабство отвратительно по своей сути, аморально по своей жестокости и неэффективно экономически! — твердо сказал Трикс.

— Совершенно согласен! — поддержал его Карим. — Так мы не пойдем туда?

Трикс, плотно сжав губы, посмотрел на розовое здание. Оно уже не казалось ему таким симпатичным.

— Почему же, — мрачно сказал он. — Наоборот, мы туда немедленно отправимся!

Карим, вздыхая, двинулся за Триксом. Миновав двух суровых охранников у входа, они вошли в просторный зал, где пахло потом и благовониями. Повсюду были расставлены деревянные подмости, на которых стояли бедно одетые люди. Покупатели прохаживались вокруг. Насколько Трикс увидел с первого взгляда, и продавцы, и покупатели были в большинстве своем самаршанцами. Лишь на одном помосте уныло стоял высокий коротко стриженный чернокожий мужчина.

— Я думал, что рабы — не самаршанцы, — сказал Трикс.

Стоящий поблизости мускулистый крепкий самаршанец с улыбкой посмотрел на Трикса:

— Так раньше было. А сейчас мы воюем мало, поэтому Самаршан опирается на внутренние ресурсы.

— Все равно нехорошо! — укоризненно сказал ему Трикс.

— А что делать? — вздохнул самаршанец. — Не хочешь купить крепкого смышленного раба? В еде неприхотлив, обучен воинскому делу, знает сельское хозяйство, красноречив...

— Как вам не стыдно продавать человека! — не выдержал Трикс.

— Жена есть хочет, сын женится — надо калым за невесту платить, — обиделся мужчина. — Что мне еще остается, кроме как в рабы пойти?

— Так вы сами себя продаете?

— О алмаз догадливости! — воскликнул самаршанец. — О рубин сообразительности! Конечно, себя.

Трикс смущенно отошел в сторону. Карим негромко пояснил:

— Такое часто бывает. Я вот тоже подумываю, если у отца дела плохо пойдут — в рабы подамся. Или в рабы, или в армию. Но в армии убить могут. Пойду в рабы к золотых дел мастеру — у меня глаз острый! Или в рабы к алхимику — там, конечно, взорваться можно, зато интересно!

— Это неправильно, — не уступал Трикс. — А если ты передумаешь быть рабом?

— Накоплю денег — и сам себя выкуплю, — не моргнув глазом, ответил Карим. — Вот скажи, куда у вас податься мальчику из не очень богатой семьи?

— В гильдию какую-нибудь, — уверенно сказал Трикс. — У нас лет в десять, а то и раньше, юноша идет в подмастерья. Его обучают ремеслу — ну, тоже лет десять. Еще лет десять он работает, чтобы заплатить за обучение. Потом может купить место в гильдии и сам стать мастером...

— Ну а в чем разница? — спросил Карим.

Трикс не нашелся что ответить, сердито засопел и двинулся дальше.

Торговля рабами шла не бойко. Большую часть толкающихся самаршанцев составляли как раз желающие продать себя в рабство. Солидные покупатели приценивались к более экзотическим лотам — чернокожему, которого взяли в плен на каких-то тропических островах, молодым девушкам из какого-то племени кочевников, которых продавал вождь племени — ссылаясь на падеж верблюдов и избыток девиц на выданье. Как пояснил Карим, купить рабыню — это самый дешевый способ жениться, поскольку собрать достойный калым, выкуп за невесту, под силу не каждому.

— По всякому делают, — авторитетно объяснял он. — Например, сговариваются родители — один отдает свою дочь за сына другого, а тот свою дочь за его сына. Или человек десять—двадцать так собираются и один калым по кругу передают, пока все не переженятся. Иногда и калыма-то нет совсем, только пустые сундуки...

— А почему не жениться без калыма, если все на это согласны? — поразился Трикс.

— Что ты! Это позор!

— Обманывать — не позор, а жениться без калыма — позор?

— Конечно! — Карим посмотрел на юного мага с недоумением. — Обманывать — это позор, только если обман откроется. Вот если я тебе продам за золотой королевский талер то, что стоит серебряный самаршанский динар. Это обман?

— Нет, это торговля, — признал Трикс.

— Но ведь если ты узнаешь, что мог сделать покупку в два раза дешевле, за динар, ты расстроишься? Поймешь, что тебя обманули?

— Наверное.

— Вот видишь — если обман раскрылся, то всем плохо. Ты переживаешь, что был дураком. Я переживаю, что я жадный обманщик. Все обижаются и грустят! А если обман не раскрылся, если ты доволен покупкой, а я деньгами — все довольны!

— Так неправильно, — сказал Трикс. — Получается, что обманывать — это хорошо!

— Иногда да, — усмехнулся Карим. — Вот я утащил у отца монетку и купил сладостей. Допустим! Если отец не заметил — все довольны. Если отец заметил — он расстроился, я три дня хожу и сесть не могу, соседи смеются — купца Васаба родной сын обманул!

— У нас все по-другому, — сказал Трикс, но поневоле задумался.

Рынок рабов ему уже наскучил. Здесь все оказалось вовсе не так ужасно, как он подозревал, но почему-то все равно было неприятно. К тому же и торговли особой не велось — все приценивались, спорили, обсуждали достоинства и недостатки товара, но вовсе не спешили расставаться с деньгами. В общем, все было как на обычном самаршанском базаре, где о цене на пару помидоров могут спорить целый час.

Только в самом дальнем углу рынка собралась небольшая толпа, горячо что-то обсуждающая. Трикс приблизился и неожиданно с содроганием услышал:

— Молодой раб из северного королевства! В хорошем состоянии, не битый. Светлая кожа. Эксклюзивная желтая окраска волос! Пробег небольшой, всю дорогу везли в телеге. Таможенные подати уплачены.

— Вот знал я, что не надо сюда ходить... — печально сказал Карим.

Трикс стал проталкиваться сквозь толпу. На него поглядывали с любопытством, но, видимо, уверенное поведение доказывало самаршанцам, что перед ними не раб.

А продавец, чем-то напоминающий Васаба купец, размахивая руками, всюю рекламировал свой товар:

— Пригоден для работы в поле, дома, в лавке. Умеет читать, писать и считать. Сражается мечом...

Увидев Трикса, он замолчал и вроде бы даже слегка смутился. Но через мгновение воспрял духом и радостно продолжил:

— Согласно древнему гуманному обычаю нашего народа, соплеменник обладает преимущественным правом покупки раба!

И сдвинувшись в сторону, вытащил из-за своей спины и выставил вперед раба.

— Иен? — воскликнул Трикс.

Тощий рыжий парнишка со здоровым фингалом под правым глазом поднял голову и часто заморгал. Потом недоверчиво спросил:

— Трикс?

Торговец воздел руки к потолку:

— О чудо! О радость! Братья встретились на чужбине! Один — впавший в беды и лишения, испытывший позор рабства и невзгоды чужой земли! Другой — свободный и богатый, праздным гостем посетивший наш великолепный

Самаршан! Какая удивительная сцена, достойная поэта! Встреча через годы! Спасет ли брат брата?

— Да мы не... — начал было Трикс, но торговца несло. Размахивая руками, он хватал окружающих за плечи, будто это чем-то подтверждало его слова, и говорил, говорил, говорил...

— Рожденные в семье богатого северного купца от двух его любимых жен, с детства они играли и дружили. Но в поисках приключений один мальчик отправился в оруженосцы, второй же, помогая отцу, стал юным купцом и приехал в Самаршан. И что же он видит? Своего давно потерянного брата, взятого в плен на границе!

На глазах самаршанцев выступили слезы. Кто-то, расчувствовавшись, высморкался.

Трикс вдруг с ужасом почувствовал, как в голове его начинают тесниться какие-то безумные образы. Отец его — не настоящий, со-герцог Рат Солье, а толстый бородатый купец... Маленький рыжий мальчик с лицом Иена — они сидят у камина и играют фигурками рыцарей... Вот Иен уже постарше, и он ночью убегает из дома, разбудив Трикса и шепотом поведав, что хочет стать рыцарем... Вот сам Трикс помогает отцу торговать в лавке...

Губы Трикса шевельнулись и он против воли закричал:

— Иен! Родной братик! Узнаешь брата Трикса?

Он кинулся к Иену и заключил его в объятия.

— Узнаю! Узнаю брата Трикса! — завопил Иен, крепко обнимая Трикса.

Но тут Трикс заглянул в его глаза, ставшие совсем дурными. И до него дошло!

Купец, сам того не понимая, был колдуном. И сейчас, убеждая окружающих в своей фантазии, он начинал менять реальность! Еще чуть-чуть — и Трикс перестанет быть волшебником и сыном герцога, а станет сыном купца... ему даже вспомнился караван, который он привел в Дахриан... восемь верблюдов, второй охромел в пути, надо продать и купить нового...

— Я не сын купца! — рявкнул Трикс, отпихивая Иена. — И он не брат мне, а друг!

— Не сын купца? — удивился работорговец. — Кто же?

— Я маг! — воскликнул Трикс. Ах, как ему сейчас не хватало волшебного посоха, чтобы легко и без затей убедить всех в своей природе. — Я маг — и повинуюсь мне, трепещет сама природа! Я повергаю в пучины моря витамантов! Я дружен с драконами!

— Хм, — кивнул работорговец. — Допустим. Полагаю, великий маг не беднее сына купца... и выкупит своего брата... друга?

Морок, туманящий голову Трикса, отступил.

— Разумеется, я не оставлю его в неволе, — гордо сказал Трикс. — Что ты хочешь за его свободу?

Работорговец облизнул губы:

— Триста динаров!

— Что? — остоленел Трикс. Огляделся. Самаршанцы одобрительно кивали. — Цена... цена невольника двадцать динаров! Или двадцать пять! Ну... тридцать.

— У нас особый случай, — улыбнулся самаршанец.

— Какой еще особый? Ты... ты же сам умилялся, что мы встретились!

— Конечно, умилялся! — воскликнул работорговец. — Это как раз и есть особый случай, который резко повышает цену!

Он снова воззвал к окружающим:

— Скажите, что дороже — безымянный раб или соотечественник? А за кого отдашь больше — за простого соотечественника или за друга?

Все закивали.

— То есть будь он моим братом... — понял Трикс.

— Я бы попросил не меньше четырех сотен, — подтвердил самаршанец.

— Зря вы друг друга узнали, — вздохнул Карим.

— У меня нет столько денег, — растерянно сказал Трикс. Полез в карман, достал маленький кошелек. Открыл. — Пять... десять... у меня тринадцать королевских талеров. Это двадцать шесть динаров, так?

Работорговец пожал плечами.

— Ну ведь ты бы продал его за эти деньги! — возмутился Трикс. — Почему же просишь с меня больше?

— Никто не скажет, что я не ценю дружбу! — гордо ответил работорговец.

— А если я начну колдовать и поражаю... поражаю... — Трикс на миг задумался. — Да, именно поражаю! Поражаю тебя ужасным заклинанием?

— В центре Дахриана? В окружении сотни честных граждан? — Работорговец искренне удивился. — Считаю, что я уже поражен — твоей наивностью и безрассудством.

— Небось будь на моем месте Прозрачный Бог — ты бы отдал раба даром! — воскликнул Трикс.

Наступило ледяное молчание.

— Что ты так ругаешься? — спросил работорговец. — Что ты так угрожаешь? Нехорошо, мальчик. Я передумал. Четыреста динаров!

Послышались одобрительные голоса.

— И если ты сейчас думаешь, что позже нашлешь на меня, честного купца, злое заклинание — эти люди свидетели! — добавил работорговец. — Они расскажут все Великому Визиру и тебя закопают в землю по самые пятки!

Иен, слушавший этот спор с надеждой на лице, понурил голову. Карим тихонько сказал Триксу:

— Мне очень жаль, великий волшебник...

— Значит, четыреста динаров? — спросил Трикс, помолчал.

— И ни дирхемом меньше!

Трикс молча расстегнул рубашку, снял с шеи шнурок, на котором висел золотой перстень с изумрудом. И протянул работорговцу.

У того заблестели глаза. Он долго изучал перстень, зачем-то тер камень послушавленным пальцем, смотрел его на свет, на пламя свечи (которую услужливо принес кто-то из толпы). Потом уставился на Трикса.

— Ну? — спросил Трикс.

— Это не стоит четыреста динаров, — сказал работорговец.

— Этот перстень мне подарил король Маркель Веселый, — сказал Трикс. — Он стоит двести талеров или четыреста динаров. И если ты сомневаешься в словах моего короля, то я, как верный подданный...

— Я не сомневаюсь, — быстро сказал самаршанец. — Но ведь камень надо продать, свой процент возьмет ювелир...

— Сколько? — уже зная ответ, спросил Трикс.

— Добавь тринадцать талеров — и мы в расчете! — улыбнулся работорговец.

Трикс молча протянул ему кошелек.

— О великая сила человеческих симпатий! — закричал купец. — Свершилось чудо! Друг спас жизнь друга! Забирай же этого никчемного раба, великий волшебник! И пойдем отметим нашу сделку в чайхане!

— Спасибо, что-то не хочется, — сказал Трикс. Взял потерянного Иена за руку и потащил к выходу. Вслед им неслись одобрительные возгласы, Трикса и Иена хлопали по плечам, обнимали, поздравляли, а самые сентиментальные самаршанцы даже пытались поцеловать. Кариму тоже доставалась своя порция уважения и признательности.

— Хорошо мы их всех повеселили, — мрачно сказал Трикс, когда они оказались на улице и двинулись прочь от рынка рабов. — Как бесчестно и отвратительно...

— Прости, великий волшебник, — сказал Карим. — Этот презренный торговец и впрямь поступил бесчестно.

— Даже ты признаешь? — обрадовался Трикс.

— Ну конечно. Камень стоил верных четыреста динаров, я его хорошо разглядел. А в качестве процента ювелир взял

бы себе оправу. Так что тринадцать талеров, — огорченно вздохнул Карим, — с тебя содрали зря.

Трикс даже не стал ничего отвечать, только вздохнул. Остановился и строго посмотрел на Иена.

Тот виновато опустил глаза и затоптался на месте.

— Ну, здравствуй, боевой товарищ, — строго сказал Трикс. — Ты можешь мне объяснить, почему я встретил тебя на рынке рабов... и заплатил за тебя двести тринадцать талеров?

— Почему встретил — могу, — пробормотал Иен. — А почему заплатил — нет...

— Тогда рассказывай.

Иен вздохнул:

— Повелением нашего любимого короля, владыки...

— Рассказывай то, чего я не знаю, — попросил Трикс.

— Послал меня Маркель в рыцарское училище... — Иен шмыгнул носом. — Вначале как-то неловко было, вроде все вокруг благородные, а я так... кавалер серебряного весла на голубом фоне. Но потом подрался пару раз, барончику одному нос разбил, наследнику маркиза фингал под глазом поставил... Вроде как с конем и мечом у меня нормально получалось, даром что папаня был простой садовник. С ребятами сдружился. Да там и кроме меня таких хватало, с жалованным дворянством или бастардов. Ну... все себе придумывали, конечно, что они плоды буйной страсти Маркеля и благородной дамы, пожелавшей остаться неизвестной... или еще какую романтику. Кормили нас там хорошо, каждый день мясо! — В голосе Иена прорезалось неподдельное чувство. — И учителя хорошие, били редко, да разве это били, так, розгой по заднице вытянут пару раз, еще и извинятся: «Не с целью унижить благородного господина, а только чтобы добавить хоть каплю ума в его пустую голову!»

— В общем, тебе в рыцарском училище нравилось, — кивнул Трикс. Он понял, что другу необходимо выговориться, и больше его не торопил.

— По геральдике, генелогии... — слово «генеалогия» Иену так и не покорилося, — и благородному поведению меня вообще в пример ставили. И по танцам хвалили. А незадолго перед Новым годом приехал к нам в училище благородный рыцарь сэр Гламор...

— Гламор? — поразился Трикс. — Я его знаю!

— Хороший дядька, — вздохнул Иен. — Пошел сразу к старому рыцарю Бандусу, что у нас самый главный в училище, и говорит: «Оруженосец мне нужен. Только рыжий, потому что я обет такой дал — рыжих брать в оруженосцы, дабы помочь им на нелегком жизненном пути. И чтобы рыжесть у него была настоящая!» У него, оказывается, незадача случилась — оруженосец утоп, а нового он никак найти не мог. Просились всякие мальчишки, даже благородные...

Трикс решил умолчать, что среди этих благородных был и он сам.

— ...но все не рыжие. А потом пришел рыжий. И был он хорошим оруженосцем, только грязнуля, мыться не любил. Но однажды тоже бухнулся в реку...

— И утоп? — поразился Трикс. — Это уже какая-то натораживающая система... может, он маньяк, Гламор? Топит своих оруженосцев?

— Да не утоп! — отмахнулся Иен. — Выплыл и оказался блондином. Он, чтобы его в оруженосцы взяли, голову самаршанской хной покрасил. Ну, Гламор обмана не простил. Привез его в училище и говорит: «Оруженосец достойный, хоть и склонный к обману. Возможно, из него выйдет толк. А мне найдите оруженосца с настоящими рыжими волосами». Бандус вначале не хотел меня отпускать, говорит, у нас единственный рыжий на все училище, но мечом пока плоховато владеет... Но Гламор с ним выпил вина и уговорил. Отпустили меня к Гламору в оруженосцы, на обучение экстерном. Гламор пообещал лично меня научить и мечом махать, и на коне скакать.

— И как, научил?

— Научил. Он хороший рыцарь, правда. Мы даже два подвига совершили. Вначале спасли крестьян от банды разбойников. А потом на турнире повергли оземь трех рыцарей в один вечер.

— Ну, это не ты, допустим, а Гламор их поверг, — заметил Трикс.

— Зато я их оруженосцам плюх навешал! — гордо сказал Иен. — Так что и моя доля славы есть, как Гламор сказал: «Каждому свое, рыцарю — ристалище и благородный меч, оруженосцу — темная подворотня и мешочек, набитый песком...»

Трикс вздохнул. Чувство юмора сэра Гламора все-таки было слишком тонким для большинства его собеседников.

— И что дальше?

— А дальше мы поехали в гарнизон на самаршанской границе, сэр Гламор хотел при гарнизоне зиму провести. Все бы хорошо, только в день приезда кто-то увидел в горах дракона. Ну, Гламор обрадовался, и мы отправились с драконом биться. Был там дракон или нет — не знаю. А вот самаршанский караван через перевал шел. Гламор каравану еще больше обрадовался! Выехал вперед и заявил, что хочет досмотреть товары и проверить, уплачены ли пошлины.

— И? — устало спросил Трикс.

— Наверное, пошлины были неуплачены, — вздохнул Иен. — Охранники на нас накнулись. Мы давай с ними сражаться. Мы бы их точно победили, сэр Гламор в бою подобен свирепой буре! Но у самаршанцев был колдун. Он на нас напустил сонное заклинание. Я увернулся, а сэра Гламора сразило. Самаршанцы его попинали немного, но убивать не рискнули. Сказали, что если рыцаря убить, то из гарнизона точно погоню вслед отправят. Так что его спящего привязали к дереву, даже меч при нем оставили, и коня. А вот меня взяли в плен. Как законный трофей... — Иен вздохнул.

— Между прочим, — ехидно сказал Трикс, — ты теперь не оруженосец Гламора и не трофей. Ты мой раб. Захочу — велю тебя побить палками.

Иен вздохнул.

— Я подарок самого короля за тебя отдал! — сокрушался Трикс. — Я бы, может, этот перстень всю жизнь хранил, на пальце бы носил, когда совсем вырос. А теперь...

— За такую жадность купца судьба накажет, — сказал Иен. — Такое никому впрок не идет.

— Это у нас не идет, — скептически заметил Трикс. — В Самаршане, наверное, все иначе.

— А как ты здесь оказался?

— Долгая история, — туманно сказал Трикс. — Тут замешаны драконы и долг чести, страшный самаршанский колдун по прозвищу Прозрачный Бог и наши старые враги.

— Ух ты!

— Я остановился в доме местного купца... это, кстати, его сын Карим...

Иен и Карим без особого энтузиазма пожали друг другу руки. Карим явно изнывал от любопытства, но понять быстрый разговор Трикса и Иена не мог.

— Пока будем идти, я тебе расскажу, что случилось, — пообещал Трикс. — Ну, в общих чертах.

Появление второго иноземного мальчика вызвало в доме Васаба новый переполох. Выяснив, что Иен будущий рыцарь и принадлежит к благородному сословию (деталей Трикс решил не рассказывать), Васаб опять отрядил дочерей отнести Иену воду, таз и полотенце, а потом завел с умывшимся оруженосцем разговор на волнующую его тему — дозволено ли жениться рыцарям? А оруженосцам? Хорошо ли оплачивается работа рыцаря? Насколько она опасна?

Иен, подкрепляющийся остатками обеда, толково отвечал на вопросы.

Жениться рыцарям можно, но только совершив положенные подвиги во имя дамы сердца.

Оруженосцам вряд ли разрешат жениться, да и времени на это у них нет.

С деньгами у рыцарей то пусто, то густо. Если сразишь дракона, разгонишь банду разбойников или откопаешь охраняемый нежитью клад — то все найденное твое, за вычетом королевской доли. Еще на турнирах можно заработать. Но все-таки обычно с деньгами не очень, тем более много денег уходит трактирщикам во время скитаний и кузнецам за ремонт доспехов после приключений.

Работа рыцаря считается одной из самых опасных в королевстве. Смертность в бою, конечно, ниже, чем у обычных стражников и солдат, путешествия опаснее для моряков, королевская немилость больше грозит царедворцам. Но зато рыцари страдают болезнями печени и желудка наравне с магами, пропуская на первое место только алхимиков...

В итоге Васаб вздохнул и оставил Иена в покое. История с рынком рабов тоже не вызвала у него осуждения, а лишь огорчила переплаченной суммой.

Меж тем во дворике полным ходом шли приготовления к вечернему угощению, на которое обещал прибыть влиятельный гость. Карим притащил с рынка барашка — к облегчению Трикса, уже разделанного. Васаб, вооружившись огромным ножом, принялся нарезать мясо кусочками. Его жена вытащила из дома и установила в летней кухне огромный казан.

— Плов будем готовить, — торжественно сказал Васаб. — Самое мужское дело — готовить плов!

Трикс и Иен с любопытством встали рядом.

— Морковку тоньше режь, Гулин, — командовал Васаб. — Ах, совсем не умеешь! Давай, сам все сделаю!

Он резал морковь и лук, плавил в казане твердое курдючное сало, обжаривал мясо, засыпал сверху рис... Трикс по-

чувствовал, как в животе начинает урчать — так аппетитен был процесс.

— Настоящий плов — король стола, — вещал Васаб. — Разве ваша еда сравнится с пловом?

— Я кашу с мясом очень уважаю, — робко сказал Иен.

— Каша! — возмутился Васаб. — Испорченный плов — вот что такое ваша каша! В королевстве не умеют готовить вкусную еду. Умеем готовить мы, умеют готовить те, кто живет у моря...

— Васаб, а часто в Самаршане бывают гости с Островов? — спросил Трикс.

— С каких еще островов? — не понял Васаб, тщательно отмеряя щепотку перца.

— С Хрустальных.

Васаб вздрогнул и опрокинул в плов раза в три больше перца, чем собирался отмерить.

— Что ты говоришь такое под руку? — жалобно воскликнул он. — Не надо говорить про колдунов-витамантов. Они к нам не заезжают, хвала Высшему! Я тебя привел в свой дом, я с тобой плов готовлю, я бы за тебя, — Васаб вздохнул, — дочь отдал. Ты хоть и северянин, но человек. А витаманты — это не люди, это живые мертвецы. Это не дело! Человек должен достойно и радостно прожить жизнь, а потом достойно и радостно отойти в иной мир, не мешать детям и внукам самим жить.

— Мы с Каримом видели витаманта возле башни колдунов, — пояснил Трикс. — Это рыцарь-маг Гавар, мой давний враг. Он с другими моими врагами пошел к колдунам.

— Это плохо, — нахмурился Васаб. — Это совсем-совсем плохо. Это значит, что наш Великий Визирь Аблухай не только позвал драконов на помощь. Он еще и с витамантами готов иметь дело. Это просто ужас какой-то!

— Лучше бы он Маркеля попросил о помощи, — сказал Трикс. — Маркель хороший король. Он бы обязательно помог.

Он ведь понимает, что если Прозрачный Бог придет к власти, то мы будем воевать.

— Твои слова — эликсир мудрости и мумиё рассудительности, — кисло сказал Васаб. — Беда в том, что мы с вами частенько воевали.

— Ну и что?

— Если Аблухай позовет на помощь бывших врагов, ему не простит этого простой народ. Аблухая любят и власть его крепка. Но ваши ратники и маги на наших землях — это еще ужаснее, чем Прозрачный Бог. Витамантов мы не любим и... — Васаб хмыкнул, — ...побаиваемся. Но они слишком далеко, мы с ними не воевали и у нас нет претензий друг к другу.

— С чего бы вдруг витамантам помогать вашему визирю? — спросил Трикс.

Васаб пожал плечами и склонился над казаном.

— Я думаю, дело вот в чем... — сказал Трикс задумчиво. — Витаманты хотят завоевать наше королевство, это известно. Они бы, пожалуй, позволили нам с вами воевать, если бы силы были равны. А потом, когда мы бы друг друга поубивали, они бы радостно все захватили. Но они, наверное, боятся Прозрачного Бога. Думают, что тот может захватить наше королевство и стать таким сильным, что и им навалает.

— Хороший плов получится, — пробормотал Васаб. — Только черного перца много, ой много...

— Так что они могут и помочь вашему Великому Визирю. Но, наверное, за это чего-то потребуют. Ну, например, чтобы вы одновременно с витамантами напали на нас. И разделили королевство между собой. Вы бы забрали южные и восточные земли, которыми когда-то владели. Витаманты захватят северные и западные, откуда их когда-то прогнали.

— Может, если добавить острого перца, то избыток черного будет выглядеть не ошибкой, а хитрой задумкой? Может быть, это будет особый острый плов? — размышлял Васаб.

— Только если Аблухай так решил сделать, он ошибся, — сказал Трикс. — Витаманты помогут победить Прозрачного

Бога, но так, чтобы вы сильно ослабели. Призвали и использовали в бою драконов. Чтобы погибли ваши колдуны... Тогда, победив нас, Самаршан совсем ослабнет. А витаминты поднимут погибших воинов и легко завоюют вас. И еще северных варваров, и гномов, и эльфов. Всех. Ваш Великий Визирь либо совсем не знает витаминтов, либо уж очень напуган.

Васаб вздохнул и печально посмотрел на Трикса.

— Позволь мне сказать, молодой маг. Ты, наверное, прав. И если ты все это объяснишь Визирю, быть может, это пойдет на пользу. Но для этого тебе надо добиться аудиенции с ним. А если я накормлю Сад ар Тамака невкусным пловом, он расстроится. И тогда...

— Да не беспокойся ты! — махнул рукой Трикс. — Горячий огонь и жирная баранина впитали ровно столько острого перца, чтобы вкус мяса стал пикантным и пробуждающим аппетит. Весь лишний перец ушел с паром — и плов стал настолько вкусен, что украсил бы собой стол Великого Визиря!

— Волшебство творишь, да? — восхитился Васаб. Склонился над казаном, принимался. Попробовал снова. Прищелкнул языком. — Чудо! Это будет плов, достойный султана!

Иен облизнулся.

— Скажи, Васаб, а почему за султана правит Великий Визирь? — спросил Трикс. — Вроде как ваш султан из великой династии, он не ребенок, не слаб умом...

Васаб вздохнул:

— Этого я просто не знаю, Трикс. И никто не даст тебе ответ. Наш султан Абнуvas молод — ему всего двадцать лет. Но в этом возрасте многие творили великие дела! Когда он выходит к народу — то говорит умные вещи и обхождение его приятно. Запутанные судебные тяжбы, которые султану положено разбирать накануне своего дня рождения, он решает толково и смешно — а ведь развеселить народ своими решениями, это самое важное для султана, творящего суд! Но в обычной жизни от его имени правит Аблухай...

— С этим наверняка связана какая-то мрачная тайна! — сказал Трикс.

— Будь Аблухай жадным до власти царедворцем — я бы с тобой согласился, — вздохнул Васаб. — Но все видят, что Визиря тяготят его обязанности, он бы всецело занялся искусствами и науками, будь на то его воля... Так что тайна, которая, несомненно, существует, должна быть не мрачной, а грустной.

— Почему правит не умный молодой султан, а вовсе не желающий того визирь... — Трикс кивнул. — Да, это интересная тайна. Я подумаю над ней!

— Только ты учти, пожалуйста, что закопать вниз головой в песок могут за мрачную тайну, за грустную тайну и даже за веселую тайну! — напомнил Васаб. — С одинаковой легкостью. На то она и тайна!

— Ну почему у вас все непременно кончается закапыванием в песок! — расстроился Трикс.

— Потому что в пустыне мало деревьев, а проливать кровь почетно только в бою, — пояснил Васаб.

5

Как известно, все народы любят вкусно поесть и считают свою еду самой вкусной. И у каждого народа есть такие продукты, которые он предпочитает в пищу не употреблять — в отличие от соседей. Даже гордые северные варвары, которые в общем-то едят все, что шевелится или шевелилось относительно недавно, никогда не станут есть творог и мед, причем никто уже не помнит почему. На западе королевства с удовольствием употребляют в пищу лапки лягушек, но в рот не возьмут кислого молока — потому что считают его испорченным.

Национальная самаршанская кухня отличалась тремя запретами. Во-первых, самаршанцы не ели куриное мясо, потому что курица клюет червей, черви едят покойников, а значит, кто ест курицу — поедает собственных предков. (Надо сказать, что на всех остальных птиц запрет почему-то не распространялся, а некоторые вольнодумцы утверждали, что можно есть и куриц, если не выпускать их на землю, а держать в клетке и кормить зерном.) Во-вторых, самаршанцы не ели грибов — по той же самой причине. Ведь в грибах могут оказаться черви... Ну и в-третьих, самаршанцы не ели ничего фиолетового, потому что считали, что еда не может быть фиолетового цвета.

Все остальное, по мнению самаршанцев, вполне годилось в пищу. Популярностью пользовалась жареная саранча и маринованное собачье мясо. Почему-то дозволялась редкая в здешней местности рыба, хотя рыба ничего не имеет против червяков. Мясо предпочиталось баранье, но в принципе поедалось любое. Ну а в умении употреблять в пищу растения самаршанцы достигли великого искусства — редкое растение поедалось частично, обычно использовались и корни, и стебли, и плоды. В конце концов, если что-то нельзя было съесть, то из этого делали приправу.

Ради знатных гостей (ну и, конечно, ради великого волшебника Трикса) Васаб с женой и дочерьми расстарались на славу. Были поданы:

тертые овощи с пряностями, которые полагалось мазать на куски лепешки;

крошечные котлеты из сырой ягнятины со специями — Трикс чуть не подавился, когда узнал, что это сырое мясо, но котлеты оказались такими вкусными, что он все-таки съел пять штук;

маленькие трех- и четырехугольные пирожки с мясом, сыром и овощами;

кусочки мяса, завернутые в виноградные листья и тушеные на пару;

сладкая кукуруза, запеченная над огнем;
ну и, конечно же, плов.

Вся еда имела свои названия, но они быстро смешались у Трикса в голове. Так что он не задавался вопросами, а с удовольствием ел, запивая все легким ячменным пивом. Пиво по местным обычаям вначале полагалось плеснуть на землю — все чтили древний обычай, гласивший, что первая капля спиртного убивает человека. Поэтому первую каплю ни в коем случае нельзя было пить.

Пришедшие с Сад ар Тамаком гости тоже с удовольствием налегали на еду. Было их двое — тощий пожилой самаршанец по имени Сутар Бухул и светловолосый человек средних лет, оказавшийся соотечественником Трикса — Адрон. На Трикса они смотрели с живейшим любопытством, но до тех пор, пока голод не был утолен, ни о каких делах не говорили.

Первым не выдержал Адрон. Утерев рот тыльной стороной ладони, он громко рыгнул. Трикс от такой бесцеремонности смутился, но Васаб выглядел довольным, а сам Адрон подмигнул мальчику.

— Тебе еще предстоит многое узнать о самаршанских обычаях! — пояснил он. — Рыгнуть после еды — показать хозяину, как вкусен приготовленный им обед!

Сидящая на плече Трикса Аннет поморщилась и негромко сказала:

— А мы, дураки, обходимся словами...

— Да, нам недостает настоящей восточной вежливости, — кивнул Адрон. — Позволь, я чуть расскажу о себе. Я вот уже пятнадцать лет как живу в Дахриане. Приехал сюда после неурожая во владениях барона Исмунда... вначале бедствовал, но потом преуспел. Видишь ли, я хоть и не из благородной семьи, но с детства отличался пытливым умом, чувством прекрасного и хорошо подвешенным языком. Был учеником менестреля, потом менестрелем... к сожалению, самаршанские мотивы мне плохо даются. Но зато образованные люди

в Самаршане хотят знать язык королевства. Я начал их обучать. И сейчас занимаю пост главного эксперта по культуре королевства при Академии Искусств и Ремесел. Многие знатные самаршанцы и их дети обучались у меня. Сейчас у меня свой дом, две жены-самаршанки. Но я, конечно, обожаю далекую родину и всегда рад увидеть соотечественника!

— Очень приятно, — кивнул Трикс. Иен тоже что-то пробурчал.

— Какая беда выгнала тебя из дома, юноша? — с любопытством продолжал Адрон. — Быть может, ты из северных баронств? Там ударили лютые морозы, дома засыпаны снегом, вся скотина полегла... Или ты с запада? Там свирепствует свиная чума, люди боятся выйти на улицу. Или ты с востока, где шайки разбойников рыщут по деревням и городам, подобно диким зверям? Или из самой Столицы, где общины варваров, гномов и эльфов творят свои страшные дела, вызывая ужас честных граждан?

— Я из княжества Дилон, — растерянно ответил Трикс. — Это на северо-востоке... У нас вроде как все нормально...

— У вас? В Дилоне? — Адрон горько рассмеялся и покачал головой. — Ну что ты... Клещ-долгоносик грызет зерно в амбарах, недавно сгорел приют для умалишенных, рухнул мост, затонуло три рыбачьих лодки...

— Я живу возле города Босгард, — пояснил Трикс. — Там ничего...

— Босгард! — Адрон закивал. — Помню, помню. Помощник бургомистра свалился с обрыва и сломал ноги. В бане угорел купец и две девицы-белошвейки. Бешеный пес едва не кусал мельника.

— Откуда вы все это знаете? — растерялся Трикс.

— Как же я могу жить без новостей с родины? — удивился Адрон. — Я заказал у самаршанского колдуна хрустальный шар, который показывает мне все самое важное.

— А я и не знал, что у нас в королевстве столько всяких несчастий, — огорчился Трикс.

— Маркель скрывает от народа правду, — кивнул Адрон. — Сам понимаешь, со стороны-то все лучше видно! Так что у тебя стряслось?

— Да в общем-то ничего, — сказал Трикс, краснея. На фоне рассказанных ужасов говорить про новогодние празднования в Босгарде, про тихие занятия магией и прочую скучную обыденную жизнь было стыдно. — Просто... решил посетить Самаршан.

— Так ты не хочешь тут у нас остаться? — поразился Адрон.

— Нет, извините, — признался Трикс. — Не хочу. У вас, конечно, красиво, здорово, плов вкусный. Но у нас тоже ничего.

Адрон вздохнул и покачал головой:

— Ты страшно далек от реальной жизни своего народа... Я понимаю, маги парят в эмпиреях, их не заботят страдания землепашцев и произвол баронов. Тем более ты так юн.

— Я не скажу про магов, — решительно вступил в разговор Иен. — Но вот нам, рыцарям... ну, и оруженосцам, конечно. Нам вовсе страдания и произвол не нравятся! Мы с моим рыцарем недавно разбойников победили!

— И, конечно же, взяли за это с крестьян изрядную плату, — усмехнулся Адрон.

— Ну... ведь под Гламором коня убили, а еще доспехи помяли... — смутился Иен и замолчал. Адрон скептически хмыкнул и вновь обратился к Триксу:

— Все-таки советую подумать о переезде в Дахриан. У нас тут есть небольшая община, мы собираемся два раза в месяц, поем песни, едим курицу, — это он сказал с некоторым вызовом, гордо подняв голову, — обсуждаем события в королевстве. У нас очень весело!

— Я обязательно подумаю, — сказал Трикс.

— И заходи ко мне в гости, — продолжал Адрон. — Я тебя познакомлю с сыном. Ему полезно поговорить на нашем языке, а то он его совсем уж забросил. А я патриот нашего

милого королевства, я хочу, чтобы сын впитал в себя наш язык и культуру!

К радости Трикса, в разговор немедленно вступил Васаб:

— А сколько лет твоему сыну, о любезный?

— Двенадцать.

— Тогда, вероятно, он еще не женат? — сладким голосом спросил Васаб. — Не познакомить ли его с моей младшей дочерью, она чуть старше, но это не беда...

— Интересная мысль, — кивнул Адрон. — А я бы не против был познакомить старшую дочь с одним из твоих сыновей.

Мужчины сели ближе друг к другу и стали что-то тихонько обговаривать. Дочери Васаба захихикали и были немедленно отправлены прочь из-за стола.

Молчавший до тех пор Сутар облизнул жирные от плова пальцы, вытер их о бороду, тихонько, принужденно рыгнул и сказал:

— Как я счастлив, что уже выдал замуж дочерей и женил сыновей... Скажи, молодой волшебник, что ты ищешь в нашей стране?

Трикс подумал и решил ответить честно:

— Я бы очень не хотел, чтобы мы воевали. Меня попросил один знакомый... дракон. Чтобы я как-нибудь остановил Прозрачного Бога.

Самаршанец не стал ни смеяться, ни выказывать удивления, а кивнул и сказал:

— Это достойно уважения. Я тоже не хочу, чтобы у нас правил Прозрачный Бог, а еще больше — чтобы началась война... Ты попросил моего уважаемого друга Сад ар Тамака свести тебя с влиятельными людьми. Поверь, он достойно выполнил твою просьбу как минимум наполовину. Чего же ты хочешь от меня?

— Я хотел бы встретиться с Великим Визирем. А еще — с султаном.

Сутар кивнул.

— Это разумная, хоть и сложная просьба. Что именно ты хочешь сказать Великому Визирю?

— Что очень опасно дружить с витамантами — даже ради победы над врагом, — волнуясь, объяснил Трикс. — Витаманты говорят, что хотят вечной жизни для всех. Но для этого они вначале всех убьют. Пусть лучше Самаршан попросит союза с королевством...

— Достойный Аблухай не очень-то доверяет Маркелю, — спокойно ответил Сутар. — И скажи честно, мальчик... если войска королевства войдут на наши земли... если мы будем ослаблены войной с Прозрачным Богом... выйдут ли ваши войска обратно?

Трикс пожал плечами и огорченно сказал:

— Я не знаю. Маркель — хороший человек. Но он король, а король не бывает плохим или хорошим, он бывает только королем.

— Ты неглуп. — Сутар кивнул. — Живи ты среди нас, я бы взял тебя в ученики.

— А чем вы занимаетесь? — спросил Трикс.

— Я — придворный шут султана Абнуваса и его визиря Аблухая.

— Шут? — удивился Трикс.

— Да. Ты удивлен, что шут может быть влиятельным человеком при дворе?

— Ну что вы! — Трикс замотал головой. — Я читал, что шут Джико при короле Маркеле Нерешительном пользовался таким влиянием, что король спрашивал у него совета, даже выбирая невесту... И вообще, шут — профессия уважаемая, почетная... Только вы такой... печальный.

— Я же не на работе, — пояснил Сутар. — Тут за день так, знаешь ли, нахихикаешься, что вечером хочется поплакать. Не один шут сторел на работе, пытаясь смешить людей во время отдыха. Если я прихожу домой, а жена готовит, то я гоню ее с кухни и сам режу лук. А если ужин уже готов, то

зову детей и прошу их рассказать все самое ужасное и печальное, что они видели за день. Однажды Аблухай был в большом расстройстве, он проиграл в поэтическом конкурсе, куда послал свои врубайи и казели под чужим именем. Мне пришлось веселить его весь день, с утра до позднего вечера. И тогда мне пришлось пойти к нищим и попросить их рассказать, как они дошли до жизни такой. Я их до полуночи слушал, прежде чем отпустило...

Этот рассказ неожиданно тронул Аннет. Она спорхнула с плеча Трикса и села на руку шута, которую тот ей вежливо подставил.

— Если тебе захочется погрузить, можешь позвать меня. Я расскажу тебе о трудной и горькой жизни маленьких цветочных фей. О том, как безответна может быть их любовь... — Голос Аннет дрогнул. — О том, как коварны бывают некоторые продукты их питания... Об ужасах холодной зимы, когда бедные феи, чьи цветы погибли от мороза, забиваются в мышинные норки... или просят в человеческие дома, где всю зиму отрабатывают право жить на герани и фиалках, развлека детей и даже истребляя тараканов...

— Печальная история. — Сутар просветлел лицом. — Я обязательно попрошу тебя о помощи, когда рабочий день будет уж слишком тяжелым.

— Так вы поможете мне встретиться с Великим Визирем? — гнул свое Трикс.

— Да, — кивнул шут.

— А с султаном?

Самаршанец покачал головой.

— Боюсь, что это невозможно.

— Почему? — спросил Трикс.

— Мудрейший Абнуvas очень занят государственными делами.

— Но разве то дело, о котором я хочу поговорить... — начал Трикс.

— Я попробую устроить твою аудиенцию с визирем уже завтрашним вечером, — сказал Сутар.

— А когда...

— Это то, чем я могу тебе помочь, — чуть повысил голос Сутар. — И пойми, что никто не поможет тебе большим.

Васаб испуганно посмотрел на Трикса и тот смирился.

— Благодарю тебя, Сутар Бухул.

— Приятно было с тобой поговорить о делах, — кивнул шут. — От долгого разговора даже пересохло мое горло...

Васаб кивнул жене, та неодобрительно поджала губы, но все-таки ушла и вернулась с большим глиняным кувшином, откуда разлила по маленьким пиалам бледно-белую жидкость. Ни Триксу, ни Иену ее не досталось.

— Прости, но у нас не принято наливать арка юношам, — смущенно пояснил Васаб. — Но если ты все-таки хочешь попробовать...

Трикс не захотел. Он слышал, что в Самаршане делают из забродившего молока напиток, который крепче любого вина, но все, кому доводилось его пробовать, отзывались об арка не слишком восторженно. Впрочем, это, наверное, было делом вкуса и привычки — Адрон пил арка радостно и помногу, быстро хмелел и почему-то грустнел. Трикс маялся. Ему хотелось уже пойти спать, но это выглядело бы невежливым.

Наконец распрощался и ушел Сутар — за дверями шута ждали двое слуг. Стал неохотно собираться и Адрон. Почему-то он счел своим долгом еще раз поговорить с Триксом, пообещать ему всяческую поддержку и рассказать про то, что он хочет вернуться в королевство, вот только сомневается, возможно ли питаться едой, которую там выращивают, не убьют ли шутки ради стражники и остались ли под владычеством Маркеля хоть какие-то академии, где он сможет работать. Трикс как мог попытался развеять его опасения, но Адрон, продолжая рассказывать о своих планах вернуться на родину, одновременно качал головой, вздыхал и потирал затылок.

— Странный он какой-то, — сказал Иен, когда они отправились спать. Для Иена в комнатку Трикса притащили набитый соломой матрас и еще одно одеяло. — Если ему тут нравится, то зачем он говорит, что хочет вернуться? А если не нравится, то почему не возвращается?

— Он слишком долго здесь прожил, — сказала Аннет, присев на подсвечник. В глазах ее поблескивали языки пламени. — Когда-то испугался тягот и трудностей, решил пересидеть их в Самаршане. Потом долго и горько пытался устроиться здесь. А если он сейчас вернется, то будет считать, что зря потратил пятнадцать лет своей жизни.

— Но ведь он и впрямь их зря потратил? — спросил Трикс. — Или нет?

Фея тихонько засмеялась.

— Все-таки ты совсем еще глупый мальчишка... Знаешь, иногда мужчина и женщина, прожив вместе много лет, решают расстаться. Они расстаются, находят новую любовь и живут счастливо. Но при этом постоянно повторяют: «Я зря потратил драгоценные годы своей жизни...» Это смешно. Ведь это были хорошие годы. Это была жизнь. И вовсе не факт, что с другим человеком они прожили бы эту жизнь лучше. Можно расстаться, можно сойтись... Можно уехать, можно вернуться... Но только тот и в самом деле теряет кусок своей жизни, кто говорит — «годы были прожиты зря». Жизнь не зря, мальчики. Какая бы она ни была — человек живет не зря... — Аннет вздохнула. — И фея — тоже.

— Нет, я так жить не собираюсь, — твердо сказал Трикс. — Я женюсь на Тиане. И разводиться с ней не буду. И заниматься тем, чем не хочу, не стану. И жить там, где не нравится — тоже. Я так буду жить, чтобы сразу все хорошо получилось.

— Я тоже! — пылко сказал Иен. — Я, может, не сразу понял, кем хочу стать. Я бы магом хотел стать, только способностей нет. Но теперь понял — рыцарство моя стезя! Тем более я уже совсем благородный!

Фея улыбнулась и пожала плечами.

— Возможно. Иногда такое и впрямь получается. Это очень здорово, если у вас все сразу в жизни получится, ребята... Погасить свет?

— Угу, — сказал Трикс. — А ты где ляжешь?

— Луна, — просто ответила фея. — Я потанцую немного в лунном свете. Поищу местных фей... странно как-то, все цветет, а фей не видно... Спокойной ночи.

Она взмахнула крылышками, погасив свечу, и светлым силуэтом выпорхнула в окно.

— Надо мне что-то с ней делать, — озабоченно пробормотал Трикс. — Вся эта местная самаршанская растительность... для нее это слишком сильно.

— Трикс... — позвал с пола Иен.

— Ну?

— Ты не переживай за перстень. Я его обязательно тебе верну. Я даже придумал как.

— Да ладно тебе... — сонно сказал Трикс. — Совершу подвиг — мне Маркель еще подарит...

— Нет, я верну, — упрямо повторил Иен. — Всенепременно. Я же теперь благородный человек, почти рыцарь. А рыцарь не оставляет зло безнаказанным. Верно?

Но Трикс уже спал.

Драконов в Дахриан прилетело и впрямь немало. Наверное, это были все самаршанские драконы, а их здесь водилось куда больше, чем во всем остальном мире.

Трикс и Иен, разинув рты, стояли на городской стене и смотрели вниз. Там, на месте бывшего пастбища, неторопливо прогуливались, спрятав голову под крыло, дремали, о чем-то оживленно беседовали и скучаяще поглядывали на людей драконы. Были они всех цветов радуги и даже больше — красные и оранжевые, желтые и зеленые, голубые и синие, фиолетовые и белые. Особняком держались несколько черных,

самых крупных и горделивых. У самых мелких драконов расцветка вообще могла сложной — к примеру, хвост синий, туловище красное, а голова белая.

Народа на стене толпилось немало. Всем жителям хотелось посмотреть на драконов и желательно из безопасного места. Разумеется, было бы не в натуре самаршанцев оставить просмотр на самотек. У ворот, ведущих на стену, выставили стражников, которые взимали с каждого зеваки по медной монете. Зато смотреть можно было сколько угодно, хоть с утра до вечера.

— И где твой дракон? — спросил Иен.

— Он не мой, — поправил Трикс. — Он просто знакомый.

— И где твой знакомый дракон?

Трикс пожал плечами. Он не видел ни Элина Мумрика, ни его строгого папу Зуа Хамида, ни остальных членов драконьей семьи.

— Где-то тут, — неопределенно сказал Трикс. — Они оранжевые... Один большой, другой маленький. И еще дракониха, желтая...

Им, конечно, стоило взять с собой фею. Но после ночных танцев при луне Аннет была не в духе, просыпалась плохо и ребята в итоге решили идти без нее.

— Тут полно и оранжевых, и желтых, — сказал Иен, склоняясь над стеной. У самых крупных драконов, когда они стояли, голова была выше, чем городская стена. Некоторые этим пользовались, разглядывая людей совершенно бесцеремонно... впрочем, как и люди — драконов. — Придется туда идти... Фу, как воняет!

— Они же разумные, — удивился Трикс, принюхиваясь. — Думаю, они по своим делам куда-то уходят...

— Да нет, просто драконами воняет. Чувствуешь? Такой горьковатый запах... и немножко как тухлыми яйцами.

Трикс кивнул и ответил дипломатично:

— Пахнет немножко. Слушай, Иен, а ты их совсем не боишься?

— Я же будущий рыцарь! — удивился Иен. — А рыцарь драконов бояться не должен. Вот если бы я был простым мальчишкой, твоим слугой, к примеру, то я бы от страха глаза закрыл. А рыцарю бояться неуместно!

— Как-то странно у вас, — признался Трикс. — Я вот все равно побаиваюсь, хоть вроде с ними и задружился, и летал на одном...

— Летал? — восхитился Иен.

— Тс-с! Об этом не принято говорить, драконы этого стесняются!

— А я бы с удовольствием... воспарил! — сказал Иен искренне.

Трикс с сомнением посмотрел на него. Потом сказал:

— Тогда пошли...

К драконам их выпустили без спора. Похоже, самаршанские стражники уже соскучились охранять ворота, выходящие по ту сторону стены, и два смелых подростка показались им достойным объектом для наблюдения. Только один стражник попросил:

— Когда драконы будут вас есть, постарайтесь громко не кричать. Тут дети маленькие, женщины на сносях, нехорошо им вопли слышать.

— Многих уже съели? — храбро спросил Трикс.

— Нет, — ответил стражник. — Никого. В том-то все и дело... проголодались!

Впрочем, драконы ожиданий самаршанцев не оправдывали. На двух мальчишек они не обращали ни малейшего внимания, в чем, собственно говоря, и крылась опасность — их могли попросту растоптать. Драконы, конечно, легкие. Но крупный дракон все-таки весит достаточно, чтобы раздавить человека. К тому же у них есть еще и когти...

Поэтому Иен самовольно взял на себя функцию глашатая и принялся орать во все горло:

— Дорогу! Дорогу великому магу Триксу и его верному рыцарю! Посторонись ты, зеленый, тут люди! Эй, оранжевые,

куда прете? Ты, коричневый, не наступай, не наступай! Да откуда вы только взялись, красные?

Эффект от криков был не очень сильный, но драконы все-таки начали поглядывать вниз и расступаться перед мальчишками.

— Розовые, расходитесь! Белые, не могли бы вы убрать свою... свой хвост?

— У тебя как-то так странно получается, будто ты не цвета называешь, а ругаешься, — задумчиво сказал Трикс.

— Ерунда, — гордо сказал Иен. — Тут в интонации дело. А ругательными на самом деле могут быть любые слова... Эй, голубые, вы что тут расселись?

— Ты все-таки поосторожнее, — сказал Трикс. — Как-то нехорошо на нас начали поглядывать.

Иен прислушался к замечанию и теперь кричал более вежливо:

— Дорогу! Дорогу великому магу, уважаемые драконы!

Трикс вертел головой во все стороны, дергаясь на каждое оранжевое пятно. Несколько раз ему казалось, что он узнал Мумрика или его папу, но это каждый раз оказывались другие драконы. Наконец, он не выдержал и, подойдя к мелкому, размером с Элина, белому дракону, спросил:

— Уважаемый дракон! Не знакомы ли вы с Элином?

— С каким именно? — вполне вежливо уточнил дракон.

— С Элином Абулла... — Трикс осекся. — Боюсь, я не вправе называть его тайное имя полностью.

— Разумно, — кивнул белый дракон. — Но я, кажется, знаю, о ком идет речь. Это такой небольшой дракон... который не очень любит свое третье имя?

— Ага, — обрадовался Трикс. — Он самый. Наверное, ваш товарищ по играм?

— Что? Буду я играть с мальчишками! — возмутился белый дракон. — Тем более такими хвастунами и воображалами! Иди вон туда, на холм. Их семейство там обосновалось.

— Огромное спасибо, уважаемая... Э... к сожалению, не знаю вашего имени, — сказал Трикс.

— И не узнаешь, — фыркнула юная дракониха. — Мне родители велели с незнакомыми людьми не знакомиться.

Трикс с Иеном сменили направление и принялись подниматься на холм, лавируя между спящими драконами и криком разгоняя гуляющих. Идти было трудно — оросительные канавы были разрушены, земля под ногами растоптана драконами, и все превратилось в мокрую вязкую кашу. Но на вершине холма и впрямь устроилась знакомая Триксу семейка. Похоже, Зуа Хамид был уважаемым драконом, раз занял такое удобное место.

— Элин! — закричал Трикс, приближаясь. — Зуа!

Оранжевые драконы повернули к нему морды. Желтая дракониха спала, уткнувшись в нее носами, спали и старшие отпрыски.

— Добрался, — пророкотал Зуа. — Что ж, будешь гостем. Как там наш оазис?

— Все в порядке, — сказал Трикс. — Знакомьтесь, это Иен.

Зуа Хамид с подозрением посмотрел на Иена. И возмущенно воскликнул:

— Рыцарь???

— Нет, только оруженосец! — запротестовал Трикс. — И мой друг!

— Друг... — огорченно сказал Зуа. — Не люблю ни рыцарей, ни оруженосцев...

— Почему? — обиделся Иен.

— А тебе нравятся те, кто все время пытается воткнуть в тебя острые железяки, подбрасывает бараньи туши, начиненные отравой, и швыряется заклинаниями?

— Отравленные туши — это не рыцари! — горячо сказал Иен. — Это нечестно. И вообще, рыцарь вызывает дракона на бой, только если тот похищает прекрасных дам или крупный рогатый скот!

— Да уж, да уж! — сказал Зуа, но как-то более примиряюще. — Прямо вот больше нам нечего делать...

— А как ты понял, что я рыцарь... ну, то есть оруженосец? — спросил Иен. — Гордая поступь? Смелый взгляд? Широко расправленные плечи?

— Запах пасты алхимика Кои для чистки и полировки доспехов, — ответил Зуа. — От всех оруженосцев и рыцарей ею несет.

Иен сконфуженно посмотрел на ладони. Пробормотал:

— Как я эту пасту не люблю... Зеленая, вонючая... Сидишь, трешь ею доспехи, пока не заблестят...

— Но паста хорошая, — примиряюще сказал дракон. — Когда случается ее добыть, мы всегда начищаем чешую.

— А где вы ее берете? — заинтересовался Иен.

Но дракон почему-то от ответа уклонился. Повернул голову к Триксу и сказал:

— Как твои дела, Трикс? Ты решил перед возвращением домой посмотреть на Дахриан или...

— Я хочу, чтобы не было войны, — твердо сказал Трикс.

— Какая настойчивость, — умилился Зуа. — Знаешь, ты чем-то напоминаешь мне моего шалопая!

— Папа! — Элин возмущенно взмахнул крылом. — Я не шалопай!

— Однако, — игнорируя сына, продолжил Зуа, — шансов на это очень мало. Завтра утром Великий Визирь обратится к нам. Скорее всего он прикажет сразиться с Прозрачным Богом. Я видел в городе волшебника витаминтов...

— Я тоже, — кивнул Трикс.

— Если с Прозрачным Богом сразятся разом колдуны Самаршана, армия султана и мы, драконы, то у нас есть все шансы на победу!

— Не понимаю! — Трикс от возмущения топнул ногой. — Он же просто волшебник! Не бывает волшебников таких сильных, чтобы они в одиночку сражались с целой армией! В чем его секрет?

— Хотелось бы мне знать, — ответил Зуа. — Само существование человека, владеющего волшебством такой силы, вызывает в драконах смущение и трепет.

— Поэтому вы и готовы сразиться с ним, — догадался Трикс.

— В первую очередь мы связаны клятвой, — возразил Зуа. — Но столь опасный человек заслуживает уничтожения в любом случае.

— Хорошо, — сказал Трикс. — В чем его сила, вы не знаете. Тогда скажи другое — кому вы подчиняетесь? Великому Визирю?

— Вообще-то султану Абнувасу, — сказал дракон, подумав. — Но султаны чаще отдают приказы устами своих визирей. Что же касается Абнуваса, то за него всегда говорит визирь.

— Почему? — спросил Трикс. — Хоть эту тайну ты знаешь, мудрый дракон?

— Знаю. — Зуа улыбнулся, что выглядело устрашающе. — Вот эта тайна мне известна.

— И в чем она?

— Это же тайна! — возмутился Зуа. — Если я ее расскажу, то в мире станет на одну тайну меньше. Нет, Трикс, если ты хочешь ее раскрыть, то сделай это без моей помощи.

Трикс подумал и спросил:

— А если... если я попрошу тебя ответить твоим истинным именем?

Наступила тишина. Желтая дракониха внезапно подняла голову, посмотрела на Трикса и сказала:

— Это будет большая ошибка, мальчик. Зуа, конечно, тебе ответит. Но вашей дружбе конец. А я, прошу вспомнить, тебе своего истинного имени не открывала!

— Я только предположил, — сказал Трикс. Помедлил секунду и опустил голову: — Извините. Я не должен был даже предполагать.

— Мы тебя прощаем, — сказал Зуа. — Я понимаю, как детям нравятся тайны... Трикс, я не отвечу на этот вопрос, но дам тебе одну подсказку.

— Да? — поднял голову Трикс.

— У султана Абнуваса есть то, чего не должно быть, и нет того, что быть обязано.

— Ну и подсказка... — растерянно сказал Трикс. — Мне кажется, Зуа, у всех людей есть то, чего не должно быть, и нет чего-то, что быть обязано.

Дракон едва-едва заметно улыбнулся:

— Что ж, замечание умное, философское, но к делу не относящееся. Думай.

— А что тут думать-то? — внезапно фыркнул Иен. — Любому ясно! В Самаршане наследуют мужчины?

— Да, — кивнул Зуа.

— Так, значит, Абнувас не парень, а девушка! Потому и скрывается от людей, чтобы его тайна не открылась. Ну не родилось наследника мужеского пола у его папаши, вот тот с горя и выдал дочь за сына! Так что... вот чего у султана нет, и вот что есть!

— Славная версия, достойная рыцаря, — сказал Зуа насмешливо. — Но есть две проблемы. Во-первых, у старого султана было три жены, от которых он прижил семь дочерей и шесть сыновей. Трое сыновей умерли — один от простуды, один в бою, один от неводержанности в еде и питье. Но еще двое, помимо действующего султана, живы, здоровы и вполне могли бы править страной. Не было никакой нужды выдавать девочку за мальчика. Ну а во-вторых — согласно древней традиции после рождения ребенка его выносят на балкон дворца и показывают ликующей толпе. Голышом.

Иен почесал затылок и ничего не ответил.

— Мужчины всегда придают излишнее значение своему полу, — пробормотала дракониха и снова спрятала голову под крыло.

— Ладно, я подумаю, — сказал озадаченный Трикс. — Мужчина, уже взрослый, разумный, здоровый...

Он пожал плечами. Искося посмотрел на дракона. Но тот не собирался больше ничего говорить.

— Пойдем мы, — сказал Трикс.

— Извини, а ты мне не поможешь? — подал голос Элин. — Если с папой уже закончил...

Зуа кивнул и тяжелой поступью отошел в сторону.

— Помогу, — пообещал Трикс. — А что надо сделать?

— Я в боевом пикировании тренируюсь, — пояснил Элин. — Но просто так пикировать неинтересно. Ты бы не мог покидать в меня огненными шарами? Посмотрим, провусь я к тебе или нет!

Трикс задумался. Огненный шар был настолько популярным заклинанием, что его ужасно истрепали. Обычные заклинания вроде «в ладонях волшебника вспыхнул клубок оранжевого пламени, волшебник взмахнул рукой — и режущее пламя устремилось к врагу» давно уже не работали, а вызывали только смех окружающих. Но, к счастью, огонь — вещь простая, и, постаравшись, можно все-таки добиться более или менее приличного результата.

— А если я в тебя попаду? — спросил Трикс.

— Слабый огонь мне не повредит, — храбро сказал Элин. — А сильный ты не наколдуюшь.

— Не наколдую? — Слова Элина заделали Трикса за живое. — Ну давай. Только если что — не жалуйся. Как получится...

Элин слегка разбежался, подпрыгнул и начал набирать высоту. Трикс отвел правую руку в сторону и чуть согнул ладонь — именно так обычно изображали магов, колдующих огненный шар, на гобеленах и картинах. Драконы вокруг притихли и стали поворачивать головы к Триксу. Чувствовали зарождающуюся магию?

— Я был обычным мальчиком, грезящим о приключениях и волшебстве... — негромко сказал Трикс. — Мне было

суждено провести жизнь в пиршествах, охотах и прочих глупостях. Но случилось чудо — злая судьба, превратившая меня в изгнанника, привела меня к магии. Или это магия привела меня к себе?

Ладонь потеплела. Над ней заплясали голубые язычки пламени — почему-то это было совсем не больно.

— Могучая сила из самых недр земли наполнила меня! — воскликнул Трикс, глядя на Элина, который закончил набирать высоту и теперь пикировал вниз, непрерывно меняя курс, ложась то на одно, то на другое крыло. — Сила, которая согревает и защищает нашу страну! Сила, владеть которой мечтает каждый! Свирепая, необузданная мощь, перед которой дрожат наши соседи! Магия! Мечты сбываются!

С этими словами он взмахнул рукой — и огромный шар голубого огня устремился вверх, навстречу Элину.

Дракон взвизгнул и стрелой взмыл в небо, уходя от расширяющегося огненного облака.

— Поосторожнее с такими заклинаниями, — громогласно произнес Зуа. — Ты и впрямь великий маг. Но помни, что сила, которую ты призываешь, может не только воздвигнуть сверкающий дворец, но и погубить целое государство. Относись к своему дару бережнее... и с умом.

Трикс ошеломленно смотрел на свою руку. В небе над городом свертывались и гасли последние полотнища огня. Элин медленно, опасливо приближался.

— Я не знал, что у меня получится... так удачно. — Трикс посмотрел в глаза Зуа. — Хотя нет. Когда начал — вдруг почувствовал, что все выйдет.

— Это признак настоящего мага. — Зуа повернулся к Иену: — Как ни странно, ты никого не обманывал, когда по пути сюда кричал: «Дорогу великому магу!» Твой друг и впрямь великий маг.

— Да я всегда это знал, вот честно, не вру! — пылко сказал Иен. — Скажите, уважаемый дракон, а теперь вы как считаете — сумеет Трикс победить Прозрачного Бога?

— Нет, конечно, — ответил Зуа. — Алхазаб — больше, чем волшебник.

— Вот и Гавар то же самое говорил, — вздохнул Трикс. И с испугом посмотрел на городские стены, где восхищенно размахивали руками зеваки. — Ой... Я же на весь город проигналил, что здесь маг!

— Если ты не хочешь встречи с враждебными магами, то тебе стоит побыстрее вернуться в городские дебри, — подтвердил Зуа. — Без сомнения, десятки хрустальных шаров сейчас нацелены на нас. Быть может, сам наш разговор внимательно слушают чужие уши.

— Ой, — повторил Трикс.

Рядом с ними приземлился Элин. Подошел поближе и неловко сказал:

— Ну... ты победил, конечно. Но я не испугался! И почти увернулся!

Брюхо у него оказалось слегка закопченным, и Трикс понял, что еще чуть-чуть — и он бы мог поджарить своего приятеля.

— Надо вернуться в город... — пробормотал Трикс. — И чтобы не заметили...

— Я помогу тебе, волшебник, — внезапно сказал Зуа. — Я даже сделаю больше, чем ты надеешься. Может быть, ты и впрямь чего-то добьешься...

Он взмыл в небо с места, без разбега — что вызвало одобрительный рев драконов. Наверное, это было для драконов не так-то просто.

— Что он придумал? — слюбопытством спросил Иен. — Ой...

Зуа уже пикировал вниз. Причем так быстро, что Триксу захотелось запустить в него огненным шаром. Выглядело все так, будто дракон собрался их раздавить... или сожрать... или...

Над самой землей Зуа забил крыльями, зависая в воздухе. Огромные лапы протянулись к Триксу и Иену, крепко обхватили за пояс — и Зуа вновь взмыл вверх. Он понесся к городу, промчался над самой стеной, обогнул новую башню магов

(из окошек торчали головы в тюрбанах и колпаках), снизился и полетел над паутиной узких улочек. В какой-то момент, оказавшись над каким-то обширным садом, он на миг завис в воздухе — и разжал когти.

Трикс и Иен упали — к счастью, падать было невысоко, в высокую траву. Зуа умчался вдаль — и в лапах его, Трикс готов был поклясться, продолжали висеть две маленькие фигурки.

— Вот это да, — только и сказал Трикс, поднимая с земли выпавший посох. — Как быстро драконы колдуют...

— Мог бы и поаккуратнее поставить, — проворчал Иен, отряхиваясь. — Привыкли, понимаешь ли, на рыцарей бросаться... А куда он нас притащил?

Трикс осмотрелся. Вокруг были сплошные сады — удивительное дело для Дахриана. Повсюду цвели яркие цветы. Деревья были усеяны диковинными спелыми плодами. В крошечным прудах, соединенных выложенными белым камнем канавками, плавали ленивые яркие рыбы. Вдали возвышались здания из белого и розового мрамора.

— Мне кажется, — задумчиво сказал Трикс, — что он принес нас прямо в сады султана. Вон там дворец.

— Как бы от охраны не попало, — беспокоился Иен. — Хотя ты же маг, ты их всех сожжешь на месте...

— Иен, не хочу я никого жечь! — воскликнул Трикс. — И охраны я никакой не вижу. Она, наверное, вся у стен, чтобы никто внутрь не проник. А в садах-то зачем охранять, тут все только свои. Пошли, найдем какого-нибудь садовника или слугу. Попросим провести нас прямо к султану.

— Ты все-таки хочешь с ним встретиться? — Иен кивнул. — Давай. А я все-таки считаю, что султан — девчонка. В сказках всегда так бывает!

— Это в сказках, — махнул рукой Трикс. — Драконы бы врать не стали. Тут что-то другое.

Они пошли по дорожке, направляясь к дворцу. Трикс размышлял о таинственном султани. Иен с любопытством

оглядывался и высказывал свое мнение по поводу планировки сада и ухода за цветами.

— Ты гляди, как хитро цветы высадили! Когда вот эти лукулии отцветают, начинает цвести бругмансия. А после нее — фагррея и курупита...

— Если дело не в том, мужчина султан или женщина, то важно что-то другое... Что-то, без чего нельзя быть султаном... что же это...

— Ой, а это синсепал! Хочешь попробовать? Он на вкус никакой, будто тряпку жуешь. Но после него кислое кажется сладким! Можно лимоны есть!

— Без чего нельзя быть султаном? Без ума... но Абнувас умен... Без обходительного обращения с людьми? Но Абнувас, говорят, весьма приятен. Без царственной внешности... да нет же, он не урод и не калека...

— Ты думаешь, я все эти растения знаю, оттого, что мой отец был садовник и такие выращивал? Нет, у нас такие не растут... Нас в приюте учили читать по книжке «Самаршанские цветы и плоды», потому что две другие книжки в библиотеке были без картинок...

— А может быть, дело не в том, чего у султана нет? — предположил Трикс. — Может быть... дело в том, что у него есть?

— Вот это не знаю, что за цветы... но красивые...

Трикс, хоть и был погружен в задумчивость, заметил человека раньше, чем Иен. Это был молодой парень в простой долгополой одежде, как у всех самаршанцев. Он сидел на камне у пруда и кормил плавающих там золотистых рыбок.

— Это не садовник, — безапелляционно сказал Иен. — Во-первых, молодой слишком для такого сада. Во-вторых, одежда неудобная для работы. В-третьих, ни лопаты, ни кетменя, ни секатора... Это рыбовод какой-нибудь.

Юноша услышал их, повернул голову. С улыбкой кивнул, встал и отряхнул руки над водой. Рыбы радостно заплескались у самых его ног.

— Здравствуйте, добрый человек, — вежливо сказал Трикс.

— И вы здравствуйте, хорошие люди, — не менее вежливо ответил юноша. — Что занесло вас в сад султана, чужестранцы?

— Дракон, — просто ответил Трикс.

— О да, я видел дракона. — Юноша нахмурился. — Мне показалось, что он кого-то нес, но ведь он уже улетал...

— Он сбросил нас на лету, — пояснил Трикс. — А в лапах унес морок.

— Вы не ушиблись? — встревожился юноша.

— Нет, ничего. — Иен помотал головой.

— Не испугались? Здесь строгая стража, многие ее боятся. — Юноша спокойно подошел к ним, приложил руку к груди и церемонно поклонился.

Трикс, будучи мальчиком умным, начал что-то подозревать.

— Нет... мы не ушиблись, не испугались... — медленно сказал он. — На самом деле мы счастливы, что попали в сады султана. Я очень хотел увидеть прославленного султана Абнуваса... а добиться аудиенции с ним так трудно...

— Это так, — вздохнул юноша. — Но я был так удивлен вашим появлением, что забыл о долге гостеприимства! Не хотите ли вы есть или пить? Не нуждаетесь ли в отдыхе?

— На колени, Иен! — тихо сказал Трикс, дергая Иена за подол рубашки. Опустился на колени сам и спросил: — Можем ли мы узнать ваше имя, уважаемый?

Юноша как-то сразу загрустил.

— Мне кажется, что вы его уже знаете, мальчики, — сказал он со вздохом. — Меня зовут...

— Абнувас! — воскликнул человек, появившийся из-за деревьев. Трикс вздохнул — это был шут Сутар. — Абнувас, все сбились с ног... с кем вы говорите... Трикс!

— Простите, великий султан, — сказал Трикс. — Простите, уважаемый Сутар. Нас привела сюда случайность... дракон по имени Зуа.

— Абнувас не станет с вами говорить! — твердо сказал Сутар. — Пойдемте, великий султан. Прошу вас, пойдемте. Эти дети хотят хорошего, но принесут плохое. Вам не стоит с ними общаться!

— Дайте слово, что их не накажут и отпустят! — помедлив, сказал Абнувас. И в голосе его вдруг появилась такая власть и твердость, что Трикс вздрогнул — сам король Маркель позавидовал бы такому царственному тону.

— Даю слово, повелитель... — вздохнул Сутар. — Трикс, ждите меня здесь, я вернусь!

Трикс посмотрел вслед уходящему султану, которому шут что-то втолковывал. И решил:

— Сутар! Это не имеет смысла! Я понял, в чем тайна султана!

Шут вздрогнул и развернулся. Смерил Трикса недоверчивым и испуганным взглядом.

— И в чем же?

Трикс вздохнул и ответил:

— Вы непозволительно добрый для правителя, великий султан.

Наступила ледяная тишина. Потом Абнувас всплеснул руками и взялся за голову:

— Мальчик... Мальчик, зачем ты это сказал... Ты раскрыл мою тайну и теперь тебя казнят!

— Эй, вы чего! — забеспокоился Иен. — Раз вы добрый, то вы не можете приказать нас казнить!

— Да, я не могу, — кивнул Абнувас. — И в этом моя трагедия. Но есть мой славный визирь, есть мой верный шут... Любой из них вправе отдать такой приказ. А как я могу им помешать?

— Позвольте, о мудрейший... — Сутар вздохнул. — Раз уж это случилось, то я не буду настаивать на немедленной казни. Давайте временно допустим их к нашему секрету и постараемся извлечь выгоду из случившегося.

— Давайте! — обрадовался Абнувас. — Я бы рыдал три дня и ночи, если бы ни в чем не повинные отроки были зарыты в землю. Пойдемте же во дворец!

Покои султана были на верхних этажах дворца и вид оттуда открывался великолепный: и на сад вокруг, и на самые большие и красивые здания (высокий забор надежно скрывал от взглядов бедные развалюхи), и даже на холм, где находилось семейство Зуа.

Трикс, Иен, султан Абнувас и шут Сутар сидели за низким круглым столом, на котором в золотых вазах лежали фрукты и сладости, а в хрустальные сосуды были налиты прохладительные напитки. Рядом со столом стояли раскуренные кальяны, которыми, впрочем, никто не пользовался.

— Я очень переживал, что огорчаю папу, — со вздохом рассказывал Абнувас. — С самого детства. Слуга нерасторопно принесет мне воду для умывания — папочка говорит: «Прикажи его высечь». А я не могу. Мне жалко... Как-то раз отец взял меня на суд, куда привели разбойника и злодея, грабящего караваны и убивавшего торговцев. Сидят в зале жены и сироты, плачут. Разбойник страшный, с огромной рыжей бородой и усищами, скалится... Говорит: «Ни о чем, ни о чем не жалею! Убегу — убивать снова стану!» Папенька мне и говорит: «Видишь, какой злодей? Жалко тебе его невинных жертв?» Я отвечаю: «Жалко, папочка! Какой он нехороший человек!» Папа обрадовался, говорит: «Ну так вели его казнить! В песок закопать, голову отрубить... все, что хочешь!» А я отвечаю: «Папа, но ведь он жертва обстоятельств! Наверняка в его воспитании были допущены серьезные ошибки. Возможно, его отец был очень суров, бил его и оскорблял, в детстве он был слабым и бедным, над ним глумились сверстники... Все это и привело к тому, что сердце его ожесточилось. Его надо лечить, а не казнить...» Папа даже рот разинул. А разбойник вдруг зарыдал, говорит: «Наследник

трона прав... я вел недостойную жизнь... Пощадите меня! Буду, буду я добрей, да, добрей!» Ну, тут уж все задумались. Говорят, вдруг я прав? Разбойника постригли, помыли, научили вежливому обхождению и отправили работать охранником при караванах. А он в ту же ночь разорвал на себе красивые одежды, выпачкался в грязи и набросился на товарищей. Была большая драка... кое-как его зарубили. Я узнал — в обморок упал. Папа меня утешает, говорит: «Не переживай, у всех бывают ошибки...» А я реву, говорю: «Мы недостаточно внимания к нему проявили, не смогли адаптировать его к нашему обществу...» Отец плюнул, вытащил из халата пояс, ну и давай меня им по спине лупить... А я прошу: «Папочка, папочка, пожалуйста, осторожней, не задень себя!»

Иен сидел с открытым ртом. Трикс взялся за голову.

— Все чистая правда, — сказал Сутар. — Так оно и было. Когда старый султан умирал, он призвал визиря и меня к своей постели и говорит: «Что будем делать? Сын мой умен, прилежен и красив. Он ничего не боится. Но в сердце его слишком много доброты. Эта доброта убьет наше государство и утопит его в крови. Полагаю, у нас нет иного выхода, кроме как пожертвовать одним во благо многих». И после этого султан испустил дух...

— А почему было просто не лишить Абнуваса трона? — спросил Трикс. — Есть же еще два сына...

Он спохватился, что говорит так, будто султана нет рядом, и смущенно посмотрел на Абнуваса. Тот улыбнулся и махнул рукой, призывая не беспокоиться.

— Ну что ты! — ужаснулся Сутар. — Изменять порядок наследования престола? Это путь к кровавой смуте и разрухе! Нет, выхода не было. Мы с визирем надели праздничные одеяния, взяли шелковую веревку и пошли к юному Абнувасу. Он тогда был твоим ровесником, Трикс. Мы вошли в эту самую комнату и увидели, что Абнувас сидит на табурете из красного дерева, обнажив шею, и улыбается нам. «Я знаю,

зачем вы пришли», — сказал он. «Делайте же свое дело, ибо это правильное решение. Я вам глубоко благодарен за помощь. Вы добрые чудесные люди». Мы ему веревку на шею то накинули, и вдруг Абнувас попросил: «Можете ли вы погодить минутку? Я вспомнил, что не покормил утром свою любимую канарейку...» Ну... — шут вздохнул, — тут мы с Аблухаем не выдержали, прослезились. И дали клятву, что постараемся все-таки победить излишнюю доброту Абнуваса. А до тех пор станем править от его имени, принимать все трудные и жестокие решения, самому султану позволяя судить несложные дела, в которых уместно проявить доброту и раздавать милостыню во время праздников.

— И как успехи? — поинтересовался Трикс.

— Неделю назад я убил пчелу, укусившую меня! — гордо сказал Абнувас.

Сутар вздохнул.

— А плакал я от боли, а вовсе не из жалости к пчеле... — добавил Абнувас и покраснел.

Сутар махнул рукой.

— Похоронил я ее просто так... ну шутки ради... — совсем уж смущенно добавил султан.

— Поразительный случай! — признался Трикс. — Желать добра всему живому, в том числе и людям — это достойнейшее поведение. Но желать добра так, что при этом в выгоде оказываются злодеи и душегубы... никогда о таком даже не слышал!

Абнувас печально и виновато кивнул.

— Мы советовались с докторами и мистиками, волшебниками и колдунами, — вздохнул Сутар. — Никто не знает, как это лечить. Лекарства и заклинания от излишней жестокости существуют, но никто не пробовал придумать лекарство от излишней доброты. Один колдун, кстати, очень заинтересовался вопросом. Он сказал, что доброта может быть прекрасным оружием. Надо только заколдовать жителей враждебной страны, чтобы они желали всем добра. Чтобы они не

казнили убийц и не сажали в тюрьмы воров, не мешали грабить общественные посевы и разворовывать королевские рудники, чтобы любое зло называли последствием тяжелого детства и недостатка внимания. Колдун сказал, что пройдет одно-два поколения и страна, попавшая под такое заклятие, вымрет — родители не станут заботиться о детях, дети о родителях, правитель не станет беречь народ, а народ — слушаться правителя.

— Но если все станут добрыми, то там не будет воров, грабителей и убийц! — пылко возразил Абнувас.

— О, мудрый султан, — горько сказал шут, — заклинание никогда не подействует на всех. Найдутся те, кто перед ним устоит. Найдутся те, кто по своему гномьему или эльфийскому происхождению поддастся заклинанию не в полной мере: к примеру — не будет грабить и убивать только своих соплеменников. А больше всего будет тех, кто по причине душевного недоразвития творил и продолжит творить зло, даже не думая, что это зло. Заклинание свяжет руки только людям и без того добрым. Злодеям оно позволит творить все, что угодно.

— А еще очень быстро набегут ушлые люди из соседних государств, — сказал Иен. — То-то они порадуются! Факт!

— И тот колдун придумал это заклинание? — забеспокоился Абнувас. — Это очень нехорошо, надо его отговорить!

— Ну, к счастью, тот колдун скоропостижно умер, — сказал Сутар. — Свалился с вершины своей башни, а поскольку в зубах у него почему-то застряли скомканные страницы его колдовской книги, он не смог волшебством смягчить падение.

— Бедняга, — вздохнул Абнувас. — Какая трагическая случайность... Уверен, поразмыслив, он бы сам отказался от своих планов!

Трикс ошеломленно смотрел на Сутара.

Шут пожал плечами:

— Согласен, это было бы мощное оружие. В случае конфликта с вашим королевством, к примеру... Но мы же все-

таки не чудовища какие-то! Ну драконье пламя, чума, наводнение... Но должны же быть какие-то моральные границы!

Трикс облегченно вздохнул.

— Теперь ты понимаешь, что наш добрый султан, — шут вздохнул, — не поможет в решении той проблемы, что перед нами встала.

— Какой проблемы? — забеспокоился Абнувас.

— Не беспокойтесь, это мелкие вопросы, недостойные вас, — отмахнулся шут. — Кстати, я шел к вам, чтобы предупредить — заболела одна из гончих собак, у нее отнялись лапки. Вы бы не могли...

— Конечно! — вскочил Абнувас. — Что же ты не сказал сразу, шут? Я немедленно пойду к бедной собачке!

Едва султан удалился, как шут развел руками и пожаловался:

— Ну вот, видите? Он проявляет доброту ко всем. Он не разделяет малую доброту и большую. Не видит, как из-за мелочей страдает главное... Ох, неужели и мы с визирем в ту ночь заразились этой болезнью... и оставили на троне непригодного султана.

— Сутар, — вздохнул Трикс, — я все понял, да. Султана не стоит даже огорчать рассказом про Прозрачного Бога. Тогда, быть может, мы пойдем к Великому Визиру?

Сутар кивнул:

— Я собирался устроить вашу встречу поздним вечером. Но раз уж вы здесь — пойдемте. Аблухай сейчас в театре, смотрит какое-то представление. Обычно это настраивает его на добродушный лад.

— То есть с Великим Визирем у нас не будет таких проблем, как с султаном? — уточнил Трикс.

— О нет. Таких проблем не будет, — твердо пообещал шут.

Часть вторая

ТРИКС ИНТРИГУЕТ

1

Великий Визирь Аблухай слыл покровителем искусств, знатоком живописи, ценителем музыки, поклонником скульптуры, исследователем архитектуры, другом ремесел и светочем знаний. В этом, конечно, нет ничего необычного, за исключением того, что Аблухай и впрямь покровительствовал искусствам, разбирался в полотнах старых и новых мастеров, обожал музыку народную, камерную и оперную, не пренебрегая, впрочем, авторскими песнями под дутар, обожал древние статуи (особенно изображающие прекрасных обнаженных девушек), мог на память перечислить все красивейшие здания Самаршана и королевства, ценил искусную работу мастеров-краснодеревщиков и ювелиров, а также издал указ о обязательном обучении грамоте и счету всех детей мужского пола, изъявивших к тому желание.

Потому нет ничего удивительного, что все люди творческие и жаждущие признания (а также золота и серебра) съезжались в Дахриан со всех концов света. Даже суровые мастера варваров, режущие из моржовой кости и минотавровых рогов священные амулеты, порой посещали Дахриан. Даже гномы иногда посылали своих кузнецов преподавать на факультете Ковки и Литья. Даже высокомерные эльфы однажды приняли участие в певческом турнире, после которого

несколько десятков человеческих певцов со стыда сменили профессию.

Трикс к искусству относился с подобающей аристократу и магу снисходительностью. Конечно, чтобы соорудить магическую башню или самый простенький дворец, надо знать архитектуру, да и менестреля послушать на пиру всегда приятно. Но тратить на любование танцами или разглядывание картин целые дни? Удивительно скучное занятие!

— Главное, чтобы Великого Визиря не обуяла жажда творчества, — озабоченно сказал Сутар по пути.

— А это как?

— Ну, если Великий Визирь будет увлечен картинами — он может попросить вас нарисовать свой вопрос. Если танцами — то станцевать его. Видишь ли, юноша, визирь благоволит к тем, кто разделяет его увлечение искусствами...

— Главное, чтобы он сейчас не был увлечен ваянием из мрамора, — сказал Трикс. — А то я вопрос буду задавать несколько месяцев...

Вслед за шутом Трикс и Иен прошли длинными коридорами, распутивая своим появлением охранников и слуг. Сутар явно пользовался во дворце авторитетом. Поднявшись по широкой мраморной лестнице, они вошли в резную дверь и оказались в небольшой, уютно обставленной ложе, нависающей над полутемным театральным залом. Занавес на сцене был задернут, публика в зале — по большей части люди артистической наружности — что-то обсуждала, лакомясь жареными подсоленными зернами кукурузы. В ложе на широком мягком диване развалился пожилой мужчина в длинном халате — сухонький, с быстрыми умными глазами, простым белым тюрбаном, украшенным одним-единственным изумрудом, — но крупным и чистым, сияющим, будто зеленый фонарик. Столик рядом с диваном был, как положено, завален фруктами и сладостями.

— Антракт, нам повезло, — прошептал Сутар. Склонился перед человеком и произнес: — А вот и я, Великий Визирь! Твой верный старый шут и наперсник!

Визирь кивнул и произнес:

Твой приход, как халва и шербет, шут Сутар.
Я вниманьем твоим обогрет, шут Сутар.
Что причиною этого служит визита?
Говори же, я жду твой ответ, шут Сутар.
Полагаю, волшебник, что дружен с драконом,
К нам пришел для ученых бесед, шут Сутар?

Шут с тревогой оглянулся на Трикса. И тот понял, что ему предстоит испытание. Судя по всему, визирь говорил знаменитыми самаршанскими казелями.

Выступив вперед, Трикс вежливо поклонился. И сказал:

Ты мудрец и хранитель искусств, Аблухай,
Всем известен отличный твой вкус, Аблухай.
Я уверен, что мудрость в делах государства
Исцелит мою тяжкую грусть, Аблухай.
Я хотел бы поведать, о чем я тревожусь,
И услышать ответ твоих уст, Аблухай.

— Хм, — сказал визирь. — Конечно, рифмы весьма вольные, но когда ты начал со слова «искусств», я вообще ничего хорошего не ожидал. Ты занимаешься стихосложением?

— Я в стихах очень слаб, признаюсь, Аблухай... — начал Трикс.

— Довольно, довольно. Говори прозой. — Визирь сел на диван и с любопытством осмотрел Трикса. — А второй мальчик — Иен, как я понимаю? Тот, которого ты купил на рынке рабов за перстень любезного короля Маркеля? Он не понимает по-самаршански?

— Нет, не понимаю, — вздохнул Иен.

Визирь засмеялся:

— А на каком языке ты мне отвечаешь? Все понятно, драконы и с тобой поговорили... Я слушаю тебя, Трикс Солье.

— О, мудрый Аблухай... — Трикс еще раз поклонился. — Мне кажется, ты прекрасно знаешь все, что я хотел сказать.

— Работа такая, — вздохнул визирь. — Совсем лишен радости неожиданных встреч и разговоров. Будешь шербет?

— Буду. — Трикс, повинуясь кивку визиря, сел на низенькую табуретку напротив дивана. — Досточтимый Аблухай, пусть тебе известны все мои вопросы, но я не знаю ответов...

— Ответы... — вздохнул Аблухай. — Хорошо. Ответы мои будут: да, да, нет, да.

Трикс глотнул шербета и задумался. Потом признался:

— Без вопросов непонятно.

— Вопросы твои, мальчик, были бы такими, — вздохнул Аблухай. — Намерен ли я сражаться с Прозрачным Богом? Понимаю ли я, что помощь витамантов опасна? Готов ли я сменить помощь витамантов на помощь короля Маркеля? Выполню ли я то, что витаманты потребуют за свою помощь?

— А мне кажется, что лучше были бы ответы да, да, нет, нет, — сказал Трикс. — Что-то мне подсказывает, что все остальное от лукавого.

— Я не могу давать волшебникам лживых клятв, — покачал головой визирь. — Если расплатой за победу будет война с его величеством Маркелем, то будет война. Мне очень жаль.

Трикс мрачно смотрел на пустую сцену. Народ в зале рассаживался по местам. Начала играть тихая музыка.

— Посмотришь представление? — любезно поинтересовался Аблухай. — Занимательная история. Уверен, что она тебе понравится.

— Значит, все зря? — тихо спросил Трикс. — Значит, я зря приехал в Самаршан?

— Ты можешь предложить мне какой-то другой выход? — спросил визирь. — Нет? Тогда давай смотреть пьесу. Кстати,

она называется «Подвиги Любви, или Морские Приключения Юного Мага».

Что-то знакомое почудилось Триксу в названии. Нет, пьесы такой он не видел, но что-то шевельнулось в памяти...

Занавес медленно разошелся.

На сцене возвышался корабль. Точнее — нос корабля. На носу корабля стоял незнакомый безусый юноша, козырьком прижимая ко лбу ладонь и вглядываясь в зал. А за ним стояли...

— Бамбура! — потрясенно воскликнул Трикс. — Шараж... Хорт... Майхель...

Еще среди актеров стоял маленький мальчик, который, очевидно, изображал Халанбери, а у его ног сидел белый песик Альби.

— Это же мы на корабле! — прошептал Иен.

— Презренные витаменты близятся! — тонким голосом воскликнул юноша, играющий Трикса. — Я обращу всю свою могучую магию против их белого колдовства. Вы же, друзья, поддержите меня силой своего оружия!

— Сразимся и победим! — воскликнул Майхель, выдвигаясь вперед. К удивлению Трикса, директор театра был облачен в побрякивающие доспехи и вооружен мечом. — В этом клянусь тебе я, славный рыцарь Паклус!

— И я, могучий варвар Хорт! — сказал Шараж.

— И я, горец Шараж! — поддержал его Бамбура.

— И я, капитан Бамбура! — заявил Хорт.

— Ничего не понимаю! — признался Трикс. — Это ведь на самом деле было!

Великий Визирь кивнул и промолвил:

— Я знаю.

— Но почему они изображают не самих себя? — спросил Трикс.

— И где я? — возмутился Иен.

— Ну, оруженосец Иен пал смертью храбрых в середине первого акта, — пояснил Аблухай. — Все в зале рыдали. Его,

видишь ли, изображал тот же юноша, что играет Трикса. Поэтому они вместе не появлялись.

— Я? Пал? — обиженно сказал Иен.

— А играют они не себя, а роли, — продолжал Аблухай. — В этом великая сила искусства, друзья мои. Видимо, Шараж лучше справляется с ролью варвара, а варвар прекрасно изображает капитана.

На сцене меж тем начала появляться корма другого корабля. Слышно было поскрипывание блоков, тащивших декорации по сцене.

— Ах... меня поразила магия... — простонал Бамбура, то есть Хорт, и рухнул за корабль, скрывшись из глаз.

— Такого не было... — сказал возмущенный Трикс.

— Но должен же кто-то играть злого витаманта Гавара? — усмехнулся визирь.

— Хотел бы я посмотреть сейчас на его физиономию! — сказал Трикс.

— А ты посмотри, — предложил визирь. — Он в зале, в первом ряду. Я испытал огромное удовольствие, когда узнал, что именно Гавар приехал вести переговоры.

Трикс вздрогнул. И подумал, что Великий Визирь чем-то напоминает ему короля Маркеля, но куда сильнее — неприметного министра тайной канцелярии. Аблухай, похоже, знал все и даже немного больше.

И вряд ли стоило сочувствовать покровителю искусств, что он вынужден еще и править вместо излишне доброго султана. Визирь прекрасно совмещал одно с другим.

А еще Трикс понял, что добрый султан остается на троне не только из-за мягкосердечия визиря, но и по причине его практичности.

— О чем-то задумался? — ласково полюбопытствовал Аблухай.

На сцене тем временем появился Гавар, то есть Хорт, изображающий Гавара. И принялся размахивать черным мечом.

— Скажи, о мудрый Аблухай, что я должен сделать, чтобы вы не пошли на союз с витамантами и не стали воевать с нами? — спросил Трикс.

— То, что ты должен сделать, не равно тому, что ты сделать можешь, — небрежно ответил визирь.

— И все-таки?

— Войско Прозрачного Бога движется к столице. Через три дня оно встанет у наших стен и вожди племен потребуют созвать совет старейшин. Если султан не послушается приказов совета — Прозрачный Бог сместит его и сам станет султаном. — Визирь помолчал. — И пойдет войной на ваше королевство. Если я призову в бой драконов и воспользуюсь помощью витамантов — мы можем одолеть Прозрачного Бога. И тоже пойдем войной на королевство.

Трикс ждал.

— Сделай так, чтобы Прозрачный Бог не дошел до столицы, — просто сказал визирь. — Уговори его. Победи его. Обмани его. Убей его. Как угодно. И тогда я отправлю Гавара прочь, отпущу драконов и не стану воевать с вами.

— Я смогу это сделать? — спросил Трикс. На сцене тем временем «Гавар» сражался с парнишкой, изображавшим Трикса.

— Нет, — ответил Великий Визирь.

— Тогда мне придется это сделать, — сказал Трикс. — Я принимаю твое предложение, Великий Визирь Аблухай.

— По рукам! — торжественно ответил визирь. — Я готов оказать тебе всю необходимую помощь. В пределах разумного. Транспорт, оружие, деньги...

Трикс вздохнул. Он знал, что когда высокие особы произносят «в пределах разумного», то следует проявить разумную скромность. Можно просить верблюда, но не ездового дракона, хороший меч — но не какую-нибудь древнюю волшебную саблю, полный кошель серебряных динаров — но не сундук с золотом.

— Да, это пригодится... — признал он.

— Я попрошу драконов отнести тебя в то место, где ты решишь встретиться с Прозрачным Богом, — сказал визирь. — А также дам тебе старинную заколдованную саблю великого воина, которая любого делает мастером фехтования, и сундучок, в котором кое-что звенит. — Визирь тепло улыбнулся, и на всякий случай пояснил: — Чудным золотым звоном!

После этих слов Трикс занервничал. Если «помощь в пределах разумного» так велика, то его поступок совершенно неразумен.

— Ты можешь передумать, — добавил визирь.

— Нет, — гордо отказался Трикс и уставился на сцену. Там как раз падал за борт «витагант Гавар» — прямо в кучу мусора, изображающую морской ил. — А где настоящий Гавар?

— В первом ряду, по центру, — подсказал визирь.

Трикс настороженно уставился на зал. И удивленно воскликнул:

— Он... он смеется! И аплодирует!

— Конечно, — кивнул визирь. — Умный человек не станет негодовать и ругаться, если его высмеивают и выставляют в дурном свете. Он либо рассмеется, как будто ему нипочем насмешки, либо сделает вид, что говорили не о нем.

— Это очень умно, — признался Трикс. — Когда я стану герцогом, я не забуду об этом!

— Ну, для нас, герцогов, визирей и прочих королей, часто существует еще один выход, — заговорщицким шепотом сказал визирь.

— Какой?

— Закопать насмешника в песок. Ну или отправить на болота, выпаривать соль, так полезнее для государства.

Трикс кивнул.

— У нас соляных болот нет. Соль на берегу моря добывают, но это хорошая работа, выгодная, не для каторжников. А преступников — по-разному. На севере отправляют лес ва-

лить, на востоке — руду добывать, на западе — камень тесать, на юге — каналы рыть.

Визирь уважительно кивнул:

— Многоукладность экономики — благо для государства... Но ты, наверное, хочешь встретиться со своими друзьями-актерами? Пьеса уже заканчивается, сейчас начнутся поклоны...

Трикс понял, что его вежливо выпроваживают.

— Да, Великий Визирь! Только...

— Только тебя смущает Гавар в зале, — понимающе сказал визирь. — Понимаю. Но рыцарь-маг Гавар — разумная нежить, не зря служит послом по щекотливым делам. Нападать на моих гостей в Самаршане очень невежливо, Гавар это знает. А ты мой гость, — с этими словами Визирь запустил руку в карман халата и достал маленькую серебряную брошь, изображающую домру (а может быть, лютню — Трикс был не силен в музыке) на фоне барабана. — Приколи к одежде и всем станет ясно, что ты под моей защитой.

Трикс поклонился и взял значок. Покосился на Иена.

— Да, ты прав, — согласился визирь, вручая Иену второй значок. — Я как-то не подумал.

Несмотря на обещание Великого Визиря, Трикс вовсе не рвался попасться Гавару на глаза. Сутар, вызвавшийся их проводить, похоже, понимал это. Поэтому они прошли не через зал, а окольными коридорами, и оказались сразу за кулисами. Актёров там пока не было, судя по шуму аплодисментов, они сейчас раскланивались перед зрителями.

— Я даже волнуюсь, — признался Трикс. — Может, они уже и забыли про наши приключения?

Иен присвистнул и покрутил пальцем у виска:

— О чем, о чем забыли? О том, что только что изображали на сцене?

— Юноша прав, — неожиданно поддержал Трикса Сутар. — Людям творческим свойственно верить в свои выдумки боль-

ше, чем в правду. Я полагаю, что ваши реальные приключения и пьеса сейчас перемешались у достойных актеров в голове, как неудачный плов, где рис слился с мясом и морковью. Но грустить об этом не стоит — поверьте, в их воспоминаниях вы теперь еще большие герои, чем были на самом деле.

В этот момент из-за кулис появился Бамбура, изображавший Шаража. В руках он сжимал длиннющий горский кинжал и целую охапку цветов, которые накидали ему зрители. Судя по мечтательной улыбке, зрители были большей частью дамами и глядели на Бамбуру благосклонно.

— Бамбура! — воскликнул Трикс.

— Трикс! — завопил Бамбура, в порыве чувств раскрывая объятия. Цветы посыпались на пол, вместе с ними полетел и тяжелый кинжал, ударивший Бамбуру по пальцам правой ноги — к счастью, рукоятью. — А! — завопил Бамбура и запрыгал на левой ноге.

На шум со сцены прибежал Майхель, размахивая мечом — и в неразберихе заехал им Бамбуре по уху. Но Бамбуре повезло: в отличие от настоящего кинжала меч был деревянным, покрашенным серебристой краской.

— О! — вскричал Бамбура, прижимая руку к уху и продолжая прыгать на одной ноге.

На шум примчался белый песик Альби. Он не лаял, он несея грозно и бесшумно, как маленькая молчаливая смерть. К сожалению, немолодой возраст не добавил песику ни ясности взора, ни чуткости нюха. Не разобравшись, что происходит, он молча кинулся на пляшущее чудище, в котором не опознал хозяина, и вцепился в травмированную ногу.

— И! — взвыл Бамбура, больше от обиды, чем от боли.

Следующим, как и следовало ожидать, появился Шараж, обряженный в Хорта. Он кинулся к другу, но вполне закономерно не удержал и выронил непривычный для него молот варвара, чудом избежал повторения истории с Бамбурой и кинжалом (тяжеленный молот легко расплющил бы ему

ногу), но зато запутался ногами в рукояти молота и упал, в падении сбив Бамбуру.

Выбежавшие вслед за ним юноша, изображавший Трикса, и мальчик, изображавший Халанбери, увидели ворочающийся ком, из которого торчали руки, ноги и поломанные цветы, переглянулись — и, не сговариваясь, кинулись в кучу малу, слепо колотя куда попало. «Братья», — понял Трикс, оценив слаженность их действий.

— Что это, Трикс? — в ужасе воскликнул Иен.

Трикс вздохнул и успокаивающе сказал:

— Это театр, Иен. Все в порядке. Это театр.

Через несколько мгновений актеры все-таки сообразили, что происходит. Куча мала рассыпалась, Бамбура, Шараж и Майхель крепко стиснули Трикса в объятиях. Мальчишки-актеры смущенно отошли в сторону. Альби носился вокруг кругами и рычал.

— Ты приехал на наше представление? — восхищался Бамбура. — Трикс, я всегда знал, что в тебе живет ценитель искусств!

— Это мои племянники, — представлял юных актеров Майхель. — Песя и Нися. Как у нас дела в гору пошли, так я их пристроил по актерскому делу...

— Ты вырос и возмужал! — кратко приветствовал Трикса Шараж.

Кулисы дрогнули, и к ним присоединилась рослая фигура в черных доспехах.

— Как я рад тебя видеть! — воскликнул Трикс, бросаясь к изображавшему витаманта Хорту. — Ух ты... ты выглядишь точь-в-точь... ты... даже пахнешь как...

Фигура хранила молчание. Трикс с дрожью разжал объятия, чувствуя под ладонями не фанеру и картон, а холодный черный металл, и попятился, пока не уткнулся спиной в Майхеля. Шараж нагнулся и мрачно подобрал боевой молот.

— Я тоже рад тебя видеть, — проскрежетал рыцарь-маг Гавар. — Как и вас всех, господа... артисты...

Повисла мертвая тишина. Потом Бамбура гордо сказал:

— Не артисты, а актеры!

За спиной Гавара появился Хорт. Оценив обстановку, поднял меч и начал медленно подходить к витаманту со спины.

— Ты надеешься оглушить меня этой палкой, северянин? — презрительно спросил Гавар, даже не оборачиваясь. Хорт пристыженно опустил бутафорское оружие.

— Что тебе надо, Гавар? — спросил Трикс, покосившись на Сутара. Присутствие шута придавало ему храбрости.

— Ничего, — насмешливо ответил Гавар. — Как я вижу, все здесь собравшиеся — гости любезного визиря Аблухая. А в Самаршане гости не затевают ссор. Не так ли?

— Тогда убирайся! — радостно сказал Иен.

Гавар мимолетно посмотрел на него сквозь забрало:

— Не советую грубить, оруженосец. Ты ведь не всю жизнь собираешься провести в этих песках.

Иен надулся, гневно сверкнул глазами, но замолчал.

— Я пришел к вам не сражаться и не вспоминать былые обиды, — продолжал Гавар. — Хотя, конечно, я был бы не прочь взять за горло одного гадкого мальчишку и хорошенько объяснить ему, что это такое — брести в вечной тьме по океанскому дну...

— Попробуй возьми! — яростно воскликнул Трикс. — Я победил тебя в справедливом поединке!

— Ты-то тут при чем? — неожиданно ответил Гавар. — Ты мой враг, но мы честно сражались магией и неизвестно еще, кто бы победил! Я говорю о маленьком бастарде, который скинул меня за борт подлым броском боевого молота!

Трикс от удивления разинул рот.

— Да ты ума лишился, витамант! — воскликнул Бамбура. — Ему десять лет! А его молотом и гвоздя-то не забить! Если люди узнают, что ты объявил своим врагом сопливого

мальчишку — над тобой будут хохотать от северных гор и до южных морей!

Гавар примиряюще поднял руку:

— Постойте. Маленького негодяя все равно здесь нет. Будь он тут, все повернулось бы по-другому, но... А с вами я готов пойти на компромисс.

— Компромисс? — заинтересовался Майхель.

— Какова ваша цель в Самаршане?

— Дать представления, денег заработать, — пожал плечами Майхель.

— Мир посмотреть, — ответил Бамбура.

— Остановить Прозрачного Бога, — признался Трикс. Актеры с удивлением повернулись к нему.

— Вот это правильный ответ, — удовлетворенно сказал Гавар. — Ваш юный маг, как я понимаю, послан сюда с тайной миссией королем Маркемом и капитулом магов...

Во взглядах актеров появились восхищение и трепет. Бамбура прошептал:

— «Миссия в пустыне, или Тайна Прозрачного Бога...» Ого! Внушает!

Трикс подумал мгновение и решил не спорить с витаминтом.

— Вы все, полагаю, тоже здесь с этой же целью, — продолжал Гавар. — И не надо этих фальшивых объяснений про гастроли и деньги, я закручивал интриги и похлеще, когда вас еще не было на свете... Так вот, обстоятельства таковы, что Хрустальные Острова готовы выступить вместе с королевством. Наша главная цель — уничтожить Прозрачного Бога, и ради этого мы готовы идти на любые союзы.

Стоящий в сторонке Сутар хмыкнул и задумался.

— А мне казалось, — недоверчиво сказал Трикс, — что вы хотите сравнить королевство и Самаршан, попутно уничтожив Прозрачного Бога, а затем завоевать весь мир.

— Ну, в дальней перспективе так оно и есть, — согласился Гавар. — Но мы можем и подождать, время для нас — ни-

что. Раз уж Маркель в курсе и отправил сюда своих агентов, то концепция изменилась. Пожмете ли вы протянутую руку дружбы? Согласитесь ли вместе сразиться с Прозрачным Богом?

Все взгляды устремились на Трикса, и он с ужасом понял, что решать придется ему.

— Тогда давай условимся, — сказал Трикс, — что мы не будем чинить друг другу вреда явного и неявного, устраивать помех и ловушек, предавать и обманывать...

— До тех пор, пока мы находимся в Самаршане, — уточнил Гавар.

— И что целью нашей является победить Прозрачного Бога, причем победить — не обязательно означает убить, достаточно удержать его от захвата власти в Самаршане и войн с королевством... и с Хрустальными Островами...

— Но это должна быть надежная победа, которая удовлетворит всех нас, — добавил Гавар.

— И после этого мы не будем связаны друг с другом никакими обязательствами, — сказал Трикс.

— И не сочтем наш временный союз основанием для каких-либо далеко идущих выводов, — кивнул Гавар.

— А также ты откажешься от мести Халанбери!

Гавар секунду помолчал, потом кивнул:

— А театр Майхеля прекратит выступать с пьесой «Подвиги Любви, или Морские Приключения Юного Мага»! Точнее... будет еще одно, и только одно, представление, но я расскажу об этом позже.

Майхель вздохнул и почесал затылок.

— Да! — сурово сказал Хорт.

— Что ж, скрепим нашу клятву рукопожатием и поцелуем! — сказал Гавар.

— Нет уж, давай только рукопожатием! — с испугом ответил Трикс.

Гавар расхохотался и протянул закованную в кольчужную перчатку ладонь. Трикс помедлил секунду, а потом крепко пожал руку витаминта.

— Будем надеяться, что это пойдет на пользу всем нам! — стараясь быть как можно дипломатичнее, произнес Трикс.

— Вообще-то я полагаю, что больше всего это пойдет на пользу Великому Визирю Аблухаю, — насмешливо сказал Гавар. И посмотрел на Сутара: — Не так ли, шут? Именно так вы и замыслили?

— Ну что вы, — сказал шут. — Аблухай — добрый друг искусств и мирный человек. Он совершенно чужд придворных интриг.

— О, как и все мы! — кивнул Гавар. — Как и все мы...

Майхель, напряженно о чем-то размышлявший, внезапно с недоумением воскликнул:

— Господа, а как мы-то оказались во все это замешаны? Что мы теперь должны делать? И кто такой этот Прозрачный Бог, о котором они говорят?

— Это самый могущественный волшебник в мире, — ответил Гавар. — Поэтому мы, витаминты, готовы идти на любой союз, чтобы остановить его. Замешаны вы во всем этом, потому что оказались в ненужное время в ненужном месте. Что же касается наших планов... вы готовы меня выслушать?

— Да, — ответил Трикс. У него начало складываться ужасное ощущение, что все идет так, как задумали Великий Визирь и хитрый шут, а еще — как задумал коварный витаминт. А вот он, Трикс, просто плывет по течению...

— В том, что нам удалось узнать о Прозрачном Боге, — сказал Гавар, — очень много лжи, а еще больше — догадок и фантазий. Но одно несомненно. Алхазаб колдует быстро. Очень быстро. Пока противостоящие ему волшебники только-только успевают начать свои заклинания, он уже чувствует это — и наносит смертельный удар. Поэтому нам надо

напасть на Прозрачного Бога так, чтобы он до самого конца не понял, что на него нападают.

— Ночью, во сне? — предположил Шараж.

— Опоить его? — спросил Майхель.

— Отправить к нему дюжину прекрасных невольниц, от вида которых он забудет обо всем! — предложил Сутар.

Витамант покачал головой:

— Нет, нет и нет! Все это слишком банально. Я предлагаю, чтобы сегодня же вечером этот театр отправился в оазис Джем-был, где отдыхает перед наступлением на Дахриан армия Прозрачного Бога. И там театр выступит... в последний раз!.. с представлением «Подвиги Любви, или Морские Приключения Юного Мага». Причем на этот раз играть вам будет проще. У вас появятся новые исполнители на роли юного мага Трикса и прославленного рыцаря-чародея Гавара.

Актеры озадаченно переглянулись.

Потом Бамбура сказал:

— Ага!

Майхель почесал затылок, крикнул, но ничего не сказал.

Сутар восхищенно всплеснул руками:

— Какая чудесная мысль! Какая изящная интрига! Поглощенный пьесой, Прозрачный Бог и не заподозрит, что на сцене не актеры, а два настоящих волшебника! И пока они будут сплетать из слов страшные боевые заклинания, проклятый завоеватель ничего не предпримет... до самого конца, когда эти заклинания обрушатся ему на голову!

— Совершенно верно, — кивнул Гавар. — Идея именно такова.

— Если Прозрачный Бог будет повержен, — продолжал Сутар, — то его армия в панике разбежится, а прихлебатели поспешат присягнуть на верность султану. О да! Но что, если он все-таки поймет, что происходит? И успеет защититься или же нанесет удар первым?

— Тогда нам крышка, — ответил Гавар. — Все, кроме меня, скорее всего умрут. А я, будучи мертвым, на долгое время попаду под власть Прозрачного Бога и буду терпеть ужасающие пытки.

— Мне это очень не нравится! — воскликнул Майхель и уточнил: — Я имею в виду не пытки, это ваше личное дело, господин витамин. А вот то, что нас всех убьют... что мы рискуем головой просто так...

— Ну почему же просто так? — сказал Гавар. — Если все получится... Хрустальные Острова готовы заплатить за помощь две тысячи реалов!

— А Самаршан не поскупится на пять тысяч динаров! — вставил Сутар.

— Почти уверен, что Маркель тоже нас вознаградит, — честно сказал Трикс.

Майхель кивнул:

— Да, вероятно. Ему будет неудобно, что он отстает от соседей...

— Так что, по рукам? — спросил Гавар.

Майхель вздохнул и посмотрел на свою команду.

— Приличная сумма! — сказал Бамбура с воодушевлением. — Мы точно сможем построить красивое здание театра и осесть на одном месте.

— Каждый мужчина, даже актер, должен однажды совершить настоящий подвиг, — заметил Шараж.

— Это будет хорошая драка, — решил Хорт.

— А нам дадут нашу долю? — хором воскликнули племянники Майхеля.

Песик Альби тявкнул.

— Значит, договорились, — решил Гавар.

План витамин был прост и Трикс, даже при всем желании, не мог к нему придаться. Ровно в полночь драконы, по просьбе Великого Визиря, должны были отнести всю труппу

поближе к оазису Джем-был, где и высадить. До оазиса предстояло добраться своим ходом — и к утру предложить простодушным кочевникам веселое представление. Наверняка и сам Прозрачный Бог захочет на нем присутствовать, не из интереса — так чтобы показать суровым воинам пустыни, что не брезгает их развлечениями. Пьесу предполагалось доиграть почти до самого конца — вот только в сцене поединка Трикса и Гавара оба волшебника будут произносить настоящие заклинания, но в последний момент обрушат их не на головы друг друга, а на Прозрачного Бога. Как бы силен ни был Алхазаб, но шансов защититься у него было очень мало.

Визирь любезно предложил всем скоротать время во дворце — детям были обещаны сладости, взрослым — кальян. Но Трикс предпочел отправиться к Васабу, чтобы попрощаться с добрым купцом, забрать свои вещи и найти Аннет.

— Только не упоминай о наших планах, — сухо заметил Гавар. — Новости на Востоке разносятся быстро.

Трикс, который первым делом собирался рассказать Васабу, что он отправляется на решающий бой, покраснел и воскликнул:

— Не считай других глупее себя, витамент. Разумеется, я буду молчать!

К дому Васаба Трикса и Иена отвезла карета султана — поразительно напоминающая те, которые делались в королевстве, только с широкими колесами, удобными для движения по песку. В карету были запряжены два белых верблюда.

Появление султанской кареты вызвало на узкой улочке переполох. Два стражника торжественно встали у дверей Васаба, а сам купец, согнувшись в поклоне, выскочил им навстречу с криком:

— Клянусь памятью прадеда, я как раз собирался отнести во дворец положенную долю... Трикс?

Сообразив, что опасности нет, он тут же горделиво выпрямился и широким жестом пригласил Трикса и Иена вой-

ти. Во дворе царила суматоха — сыновья Васаба что-то торопливо зарывали под корнями платана, росшего во дворе. Фея Аннет парила в сторонке, уперев ручки в бока, — и Трикс смутно понял, что за позднее возвращение ему еще будет высказано немало претензий.

— Этой ночью нам придется покинуть тебя, любезный Васаб, — смущенно сказал Трикс. — Даже не спрашивай, куда и зачем мы отправляемся, это тайна. Так что мы соберем вещи и...

— О, немногословный и загадочный, но ведь до полуночи еще много времени! — ответил Васаб. — Я успею дать в вашу честь прощальный ужин!

— До полуночи? — растерялся Трикс. — Но откуда ты...

— Все тайные дела в Самаршане делаются в полночь, это традиция! — пояснил Васаб. — Так что у нас еще есть время... жена! Накрывай стол! Дети! Откапывайте праздничные тарелки! Дочери! Отнесите стражникам у ворот чистой холодной воды и деликатно узнайте, нет ли у них сыновей, входящих в брачный возраст!

— Папа, они и сами совсем мальчишки, — фыркнула старшая дочь.

— Ничего страшного! Таким вопросом ты польстишь их самолюбию, узнаешь, женаты ли они сами и предельно ясно обозначишь свои намерения!

— Нет у меня никаких намерений... к ним... — с улыбкой поглядывая на Трикса, сказала старшая дочь.

— Слушай отца и жизнь твоя будет! — рявкнул Васаб. — Так говорил древний мудрец!

— И жизнь твоя будет... — заинтересовался Трикс. — Что будет?

— Просто будет! — пояснил Васаб.

И лично отправился за кувшином, чтобы омыть гостям руки. Аннет подлетела поближе и сурово посмотрела на мальчишек.

— Аннет, ты даже не представляешь, сколько с нами всего случилось! — торопливо сказал Трикс. — Как мы жалели, что тебя не было с нами! Нам так тебя не хватало!

— Жалели? Не хватало? — строго спросила фея.

Трикс и Иен энергично закивали.

— Все вы, мужчины, одинаковы... — пробормотала фея, но уже смягчившимся голосом. — Ладно... рассказывай, пока Васаба нет.

Нельзя сказать, что Трикс уж очень проголодался. Но Иен ел за двоих и при одном взгляде на него сразу пробуждался аппетит. На этот раз подали:

суп из крупных кусков овощей и баранины;

жареную рыбу, фаршированную луком и ароматными травами;

помидоры и сладкий перец, наполненные мелко на рубленным мясом и испеченные над огнем;

ну и, конечно же, плов, только на этот раз сладкий, с фруктами.

По самаршанским меркам, ужин был достаточно скромный.

— Даже не пробую узнать у тебя, о мой высокочтимый гость, куда лежит твой путь и что ты собираешься делать, — поев и раскурив кальян, сказал Васаб. — Но поскольку невежливо отпускать гостя в путь, не дав ему полезных советов и наставлений, я положусь на Книгу Мудрых Мыслей.

— Что за книга? — заинтересовался Трикс.

— На протяжении веков самаршанские мистики записывают самые лучшие свои мысли в особую книгу. Никто уже не знает, кто, когда и по какому поводу сказал ту или иную мудрость — но они всегда удивительным образом помогают страждущим совета. Гулин!

Жена удалилась и через минуту бережно принесла толстый том, весь исписанный затейливой вязью самаршанского письма. Прежде чем взять ее, Васаб тщательно вымыл и

вытер руки — понятно было, что такая большая книга является огромной ценностью, что бы в ней ни было написано.

— Положимся на мудрость предков! — воскликнул Васаб и открыл книгу наугад. Ткнул пальцем в страницу. И торжественно прочел: — В трудный путь отправляясь, не чая вернуться, возьми все полезное у друзей! Но вдвойне возьми все полезное у врагов!

— Это... это хороший совет! — восхитился Трикс, до сих пор крайне озабоченный союзом с Гаваром. — Это значит, что в пути нельзя пренебрегать помощью не только друзей, но и врагов! Очень хороший совет!

— А мне кажется, — скептически сказал Иен, — что это совсем по другому поводу сказано. Если сваливаешь куда-то насовсем, то назанимай у друзей денег — возвращать-то не придется. Ну и у врагов тем более назанимай денег и вещей — их-то совсем не жалко!

— Вообще-то, по слухам, эти слова были сказаны одним мистиком, когда его народ решил откочевать далеко от прежнего места жительства, — смущенно признал Васаб. — Но точно неизвестно...

— Да и вообще, мудрость тем и хороша, что может быть сказана по одному поводу, а пригодиться по другому! — поддержал Трикс.

— Какие слова! — восхитился Васаб. — Золотые слова! Я расскажу мистикам... кто знает, быть может, эти слова велят дописать в Книгу!

Он снова закрыл и наугад открыл Книгу. И прочел:

— Помощь друга бывает порой малой, но ее всегда ждешь. Помощь врага может быть и великой, но придет неожиданно!

— Это хорошо сочетается с первой мыслью! — обрадовался Трикс. — Все мы знаем, чем нам могут помочь друзья, но трудно даже представить, чем могут помочь враги!

Васаб зацокал языком, довольный толкованием.

— А по-моему, — возразил Иен, — это предостережение. Ведь помощь хороша только тогда, когда приходит вовремя. А помощь неожиданная может даже вредной оказаться. Мне сэр Гламор рассказывал, как он однажды сражался с монстром, а тут мимо волшебник проходил. Они с Гламором не очень-то ладили... но тут волшебник решил помочь. А может, просто показать, какой он сильный. Швырнул в монстра огненным шаром, да только монстр был огнеупорный, а вот Гламора с коня сбило. Пока он брови потушил, пока ругаться кончил, пока за волшебником гонялся — монстр уже и убежал.

— Мне трудно сказать, по какому поводу были сказаны эти слова, — признался Васаб. — Ну, давайте еще одну, третью мудрость, она все уточнит!

Снова Книга была закрыта, открыта, а палец Васаба хищным коршуном упал на витиеватые буквы.

— Странно... — прочитав мудрость про себя, сказал Васаб. — Как-то совсем странно... Может, сделаем вид, что третьего предсказания не было?

— Давай читай! — потребовал Трикс.

— Тут сказано... И если твоя лучшая коза больше не дает молока, а шерсть ее оскудела, то пусти ее на мясо, ибо какой еще толк от козы?

Все задумались.

— В Книге есть некоторое количество житейских мудростей, — смущенно признался Васаб. — Бытовых. Станные такие, но на всякий случай соблюдаем... Если друг твой зашел в темное мрачное подземелье и оттуда донесся его истошный вопль, зашел второй — тоже завопил и не вернулся, то не беги сразу за ними, а вначале созови толпу людей, зажгите факелы и держите мечи на изготовку... Если кто-то предложит взять у тебя денег в рост и пообещает через год вернуть вдвое — кричи «Мошенник!» и гони его прочь пинками... Хорошенько омой руки водой, сходяв по нужде, а если нет воды — то потри песком...

— Я понял! — воскликнул Трикс.

— Про руки? — обрадовался Васаб.

— Нет! Про козу! Это надо толковать в переносном смысле! Что даже если привычной пользы от чего-то нет, то все равно можно какую-то пользу извлечь!

— Достойное толкование, — обрадовался Васаб.

— А я бы сказал, — мрачно произнес Иен, — что это еще одно предостережение. И оно означает, что если кто-то перестал получать от тебя постоянную выгоду, то легко тобой пожертвует.

— Как пессимистически ты смотришь на жизнь в столь юном возрасте! — всплеснул руками Васаб. — Ай-яй-яй, как же трудно тебе живется!

— Я сирота, а сиротам полезно быть псами... пессимистами... — Иен напрягся и справился: — Пессимистами. Может, и трудно живется, зато живется!

— Нет-нет, я уверен, что Книга пророчит вам успех! — воскликнул Васаб. — Даже не сомневайтесь!

Беседу прервал осторожный стук в дверь. Васаб взглянул на ясное звездное небо и вздохнул:

— Что ж, вам, вероятно, пора. Заглядывайте к старому Васабу, когда вернетесь!

Трикс думал, что к оазису их понесет целая стая драконов. Все-таки девять человек (если считать человеком Гавара) — не шутка! Но в садах султана их ждал один-единственный дракон (правда, очень большой, даже больше, чем Зуа). Переминаясь с лапы на лапу, он внимательно изучал фургон, разукрашенный яркими надписями и картинками, в котором, видимо, и путешествовали актеры. Фургон был зачем-то крепко обвязан толстыми канатами. Рядом стояли три верблюда — стреноженные и также перехваченные канатами поперек туловища. Присутствие дракона их явно не радовало.

— И еще один по возвращении! — проревел дракон (он явно старался говорить шепотом, но, как это всегда у драконов бывает, получалось плохо).

— Хорошо, — ответил Сутар, стоящий перед драконьей мордой. — Один по прилете на место, один по возвращении.

Трикс вздохнул. Он уже понял, что методом расчета с драконами обычно служили верблюды. И в общем-то догадывался, для чего они драконам нужны.

— Все в фургон! — махнул рукой Сутар. — Там каждому приготовлено место. Рекомендую привязаться и не развязываться до конца полета!

Даже витамант Гавар в ожидании полета выглядел слегка нервным. Что до актеров — они явно отдали должное и кальяну, и пиву, стараясь избавиться от страха. Только Бамбура беспокоился больше не о себе, а о песике Альби, привязывая его для верности и поперек, и вдоль, и за лапы.

— Это совсем не страшно, — попытался подбодрить их Трикс, когда они оказались в фургоне, по большей части загруженном декорациями и реквизитом. — Я уже летал. Так красиво!

— Полет — самое прекрасное, что есть в жизни! — подержала его Аннет.

— Ага, если есть крылья, — пробормотал Иен. — А честный рыцарь летать не должен, честный рыцарь должен скакать на боевом коне...

— Мы готовимся к взлету! — донеслось откуда-то сверху. — Просьба не использовать никакой магии до окончания набора высоты!

Актеры нервно проверяли прочность веревок. Племянники Майхеля привязались у окошка и с любопытством выглядывали наружу.

— Эти дети сведут меня с ума, — стонал Майхель. — Дети! Дети, не высовывайтесь!

— Взлет задерживается по погодным условиям, — объявил дракон. — Луна вышла из-за облаков, подождем, пока скроется! Внимание! Луна скрылась, взлетаем!

Хорт прорычал что-то варварское, угрожающее и покрепче вцепился в веревку.

Фургон рвануло. Раз, другой, третий... Крылья дракона молотили воздух. Фургон накренился — и поскрипывая оторвался от земли. В окошке мелькнули связанные верблюды. Их, подхватив за веревки, дракон тащил во второй лапе.

— Я историю слышал, — нервно сказал Иен. — Про девочку, которую в фургоне поднял ураган. Крутил, крутил, а потом уронил прямо на домик старенькой волшебницы...

— И что дальше? — спросил внезапно заинтересовавшийся Бамбура.

— Ну как что? Домик вдребезги, фургон вдребезги. А старушку и девочку пришлось хоронить в закрытых гробах, причем никто бы не поручился, что в одном только старушка, а в другом только девочка.

Песик Альби залаял, как бы протестуя против трагичности истории.

— Да, точно! — воскликнул Иен. — У девочки еще был щеночек. Так вот, он как раз уцелел!

Болтовню его слушали плохо. Актеров мучило. Альби начал подвывать. Гавар сидел прямой и молчаливый, высокомерно не обращая ни на что внимания, племянники Майхеля восторженно выглядывали в окно, а сам Трикс, уже имевший опыт длительного перелета, был более или менее спокоен.

— Наш полет проходит на высоте главной башни дворца султана, — объявил дракон. Помедлил и скромно добавил: — Я бы мог и выше, но надо соблюдать скрытность. Скорость полета — в пять раз быстрее самого резвого скакуна. Время в пути — три часа. Во время полета я исполню несколько старинных драконьих баллад. Остановки не предусмотрены.

Трикс закрыл глаза и решил, что лучшим времяпровождением будет немного поспать.

2

Те немногие счастливики из числа людей, кому доводилось летать, делятся на две группы.

Первые летают с удовольствием и широко раскрытыми глазами. Несет ли рыцаря выпестованный и выкормленный из птенца боевой грифон; уселся ли самонадеянный юный волшебник на заколдованную летающую метлу, желая поиграть в высоту с такими же безответственными сорванцами; поднял ли алхимика над землей баллон из рыбьих кишок, наполненный вонючим паром, — лица летунов спокойны и радостны, их ладони и пятки не потеют, в голове не крутятся ужасающие картины падения с высоты.

Вторые вздрагивают даже при мысли о полете. Если судьба заставляет храбрейшего из рыцарей или отважнейшего из магов все-таки прибегнуть к воздушному способу передвижения, то задолго до отрыва от земли они начинают видеть страшные сны, долго и нудно жаловаться друзьям и ближним на страх полетов, а в самый ответственный миг — неумеренно пить крепкое вино. Когда полет благополучно завершен, страдальцы начинают шумно и неуместно аплодировать, пытаются поцеловать несшего их дракона в чешуйчатый нос и вообще впадают в несвойственную им веселость.

Трикс относился к третьему типу людей, самому малочисленному. То ли так сказался долгий перелет на Элине Абулле Мумрике, то ли это было изначально свойственно характеру Трикса — но полет под облаками напрягал юношу не более, чем путешествие в карете или плавание по морю. Под негромкое и даже мелодичное пение дракона он задремал, вполуха вслушиваясь в слова баллады.

Как ни странно, в драконьей балладе рассказывалось практически то же самое, что и в многочисленных рыцарских балладах, которые Триксу доводилось слышать. Дракон пел

про огромное королевство, где жили храбрые рыцари, про прекрасную королевскую дочь, которую похитил прямо из опочивальни огнедышащий дракон, про могучих героев, отправившихся спасти принцессу...

Трикс смутно подозревал, что концовка баллады будет все-таки отличаться от привычной «Покатилась в грязь драконья голова, вытер храбрый рыцарь пот сперва, а потом повел принцессу под венец, тут и нашей песенке конец...» Но он позорнейшим образом не дослушал, потому что уснул. А когда проснулся, дракон распевал какие-то развеселые куплеты — впрочем, на ту же тему:

Из чего же, из чего же, из чего же,
Сделаны драконоборцы?
Из забрала,
Из двух поножей
И рукавиц из кожи.
Из кирасы,
Меча, кинжала,
Мяса, костей и сала,
Сделаны драконоборцы!
Из чего же, из чего же, из чего же,
Сделаны наши принцессы?
Из цветочков,
И лоскуточков,
Нежных ручек,
И прочих штукеч,
Сделаны наши принцессы!

— Какая наглость! — сказал Иен, обнаружив, что Трикс проснулся. — Будь у меня в руках меч...

— Ну, все-таки мы сейчас союзники, — попытался успокоить его Трикс.

— Все равно! Ты бы слышал, как он издевался над рыцарями!

— Ну, рыцари тоже не прочь над драконами посмеяться, — миролюбиво сказал Трикс. — Не надо ссориться.

Иен засопел, но замолчал.

Хлопанье крыльев тем временем стало реже, фургончик просел вниз, так что желудок у путешественников подскочил к горлу, а сердце почему-то, наоборот, ушло в пятки.

— Снижаемся! — громким шепотом возвестил дракон.

Толчок. Еще один. Клацнули зубы кого-то из актеров, звякнула разбившаяся бутылка. Восторженно взвизгнули Песя и Нися, так и проторчавшие все время у окошка.

— Наш полет закончен, я желаю вам счастливого пути! — сообщил дракон. — Оставайтесь на местах, пока я не улечу.

Актеры радостно завопили и заплодировали, к ним присоединился и Иен. Трикс, который хлопать в ладоши застеснялся (что же, получается, они не доверяли дракону, боялись, что тот их уронит?), посмотрел на Гавара и увидел, что только они с Витамантам не выражают свой восторг так бурно. Витамант, почувствовав взгляд, мрачно уставился на Трикса своими мертвыми белесыми глазами и сказал:

— Если страшно, то лучше молчать. Всегда лучше молчать, но особенно если страшно.

Трикс растерянно отвел глаза. Как-то странно! Будто Гавар понимал его лучше, чем верные друзья!

Первым отвязался и выбрался из фургончика Хорт. Бдительно осмотрелся и махнул рукой.

Актеры вышли на открытый воздух.

В предутренней темноте тихо пели цикады. Под ногами был не песок, а пожухлая трава, на фоне звездного неба проступали растрепанные метелки пальм. Луна пряталась за облаками где-то у самого горизонта. Налетающий легкими порывами ветер отгонял крепкий аромат вспотевших от страха верблюдов. Вообще-то верблюды не потеют, это знал даже Трикс. Но, видимо, трехчасовой полет в когтях дракона и последующие события заставили их вспомнить, как это делается.

Верблюдов, кстати, осталось двое...

Трикс вздохнул и обнаружил, что все, как зачарованные, смотрят куда-то на запад. Он протолкался между Хортом и Шаражем, взгляделся и ахнул от восторга.

Темная пустыня, насколько хватало взгляда, была усеяна тусклыми, загадочно мерцающими огоньками. Сотни, тысячи огоньков маняще светили Триксу...

— Будто звездное небо упало на землю, — задумчиво проронил Майхель и высморкался.

— Оказывается, пустыня похожа на море, — произнес Хорт. — В ней тоже есть блуждающий свет...

— Знаете, отчего хороша пустыня? — растроганно сказал Бамбура. — Где-то в ней скрываются огоньки...

— Так что же это такое? — с опаской спросил Иен.

— Это догорают костры великой армии, которую ведет за собой Прозрачный Бог, — скрипуче сказал Гавар. — Две тысячи костров... дюжина воинов должны греться у одного огня... Хорошая армия. Впрочем, Прозрачному Богу она не особенно нужна — он сам себе армия...

По спине у Трикса прошел мороз. Двадцать четыре тысячи свирепых воинов пустыни? Говорят, что в эпоху великих битв короли и султаны выводили друг против друга и по сотне тысяч. Но те времена давно прошли...

— Запрягайте верблюдов, — велел Гавар, как-то незаметно начавший командовать. — Можете особо не торопиться, если мы приблизимся к передовым постам в темноте — нас истыкают стрелами.

Хотя Триксу и не доводилось бывать на войне или хотя бы маневрах (праздничные смотры войск в герцогстве вряд ли стоит принимать в расчет), из летописей и баллад он знал, что солдаты и командиры — это лишь малая часть армии. Когда начинаются настоящие войны и друг на друга движутся два враждебных воинства, на каждого солдата приходится

как минимум одно гражданское лицо. Большой армии, хочет того полководец или нет, требуются:

повара, пекари, мясники, водоносы, пивовары и виноделы;

фуражиры, охотники и рыбаки;

портные, швеи, скорняки, шорники;

кузнецы, оружейники, столяры;

повивальные бабки, доктора, ветеринары, могильщики;

менестрели, трубадуры, актеры, фокусники и жонглеры;

возничие, собачники, сокольничие;

и белошвейки — не менее одной белошвейки на семейных солдат или трех офицеров.

Больше всего Трикса удивляла необходимость в таком количестве белошвеек, но все хроники и наставления по ведению войн сходились на том, что это очень полезно «для поддержания боевого духа и во избежание неpotребств». Видимо, военная форма в сражениях быстро приходила в негодность и те молодые женщины, которых рекомендовалось вербовать «в бедных кварталах», ночи напролет корпели над ней, приводя в порядок. Что уж говорить, в рваной одежде и впрямь много не навоюешь — как и на пустой желудок, со зловредными болячками, затупившимися мечами или изнывая от скуки.

Так что Трикс ожидал увидеть в лагере Алхазаба не только суровых воинов, но и деловитых мастеров, дородных поваров и веселых белошвеек.

Но, похоже, жители пустыни воевали по каким-то своим правилам. Пока фургон медленно ехал меж привязанных коней и верблюдов, погашенных костров и развернутых палаток, Трикс, с любопытством глядевший по сторонам, обнаружил, что солдаты сами варили себе еду, сами точили сабли и сами штопали одежду. Появление одинокого фургона особого интереса не вызвало — похоже, что и развлекали себя солдаты сами или же просто не нуждались ни в каком развлечении, кроме еды и сна.

Когда на рассвете фургон только приближался к оазису Джем-был, его остановил конный патруль. Молчаливые воины выслушали рассказ Майхеля о том, как они — прославленная на весь мир театральная труппа — решили дать представление для славных воинов Прозрачного Бога, указали, куда им двигаться, и велели каждому актеру повязать на руку белую повязку — знак того, что фургон досмотрен и проезд разрешен. То ли Алхазаб совсем не боялся лазутчиков и убийц, полагаясь на мощь армии и силу магии, то ли жители пустыни были очень доверчивы.

Трикс с сожалением решил, что первый вариант более вероятен.

Оазис Джем-был, хоть и отличался немалыми размерами, на стоянку для такой огромной армии никак не годился. Трава вся была вытоптана или съедена, листья с деревьев тоже, вероятно, пошли на корм животным, а сучья и стволы — на топливо для костров. Только в центре оазиса, где стоял огромный шатер Алхазаба, еще оставался десяток слегка ободранных пальм.

Озеро в центре оазиса тоже перестало существовать, его попросту выпили. Теперь это была неглубокая впадина, дно которой покрывала подсохшая растрескавшаяся грязь. У нескольких родников, раньше питавших озеро, стояли солдаты с кожаными ведрами, непрерывно вычерпывающие воду и разносящие ее по лагерю.

— Плохо дело, — прошептала Триксу на ухо Аннет. — Они загубили оазис, он уже не оправится... песок занесет его...

— Жалко, — согласился Трикс.

— Дело не в том, что «жалко», — сдавленно сказала фея. — Для кочевников оазис — это святое место, тот, кто губит оазис, — враг любому жителю пустыни. Если Алхазаб наплевал на древние законы и обычаи — значит, он не собирается оставаться в пустыне. Если его солдаты повиновались

ему — значит, их страх перед Алхазабом сильнее, чем страх нарушить законы предков...

— Может быть, страх, — неожиданно произнес Гавар. Рыцарь-маг сидел в другом конце фургона, но, видимо, слух его после смерти значительно улучшился. — А может быть, любовь и уважение. Ты даже не представляешь себе, юный волшебник, на какие чудеса способна любовь.

— А может, и страх, и любовь, — буркнул Трикс, раздосадованный, что его подслушали.

— О да, — удовлетворенно сказал Гавар. — Вот это самая лучшая смесь. Правитель, которого боятся и любят одновременно, это настоящий правитель! Ты неглуп, мальчик. Из тебя может получиться толк.

Трикс не стал отвечать. Похвалы Гавара были ему отвратительны. И... одновременно очень приятны. Может быть, это похоже на то, что подданные Алхазаба испытывают к своему властелину? Страх и любовь одновременно?

Фургон наконец-то остановился возле уцелевших пальм. Все невольно уставились на огромный шатер Прозрачного Бога, который охраняли замершие как изваяния стражники. Но полог шатра даже не колыхнулся — Алхазаб не счел нужным выйти к неожиданным визитерам.

Зато появился немолодой воин верхом на тонконогом красивом коне. Судя по сверкающей белизной одежде и богато разукрашенному мечу — это был кто-то из командиров. Судя по шрамам на суровом лице и потертым ножнам меча — опытный воин.

— Фигляры из королевства, — негромко сказал воин, остановившись возле фургона. — Выйдите все.

Актеры без обычных пререканий торопливо выстроились перед воином. От того так и веяло опасностью — казалось, будто ему ничего не стоит выхватить меч и изрубить их всех — просто так, без всякого повода. Аннет сочла за лучшее спрятаться Триксу за пазуху.

Взгляд командира пробежал по актерам. На мальчишках, Майхеле и Бамбуре, он даже не задержался. При взгляде на Шаражу воин едва заметно кивнул. Хорт вызвал у него больше интереса — воин с заметным любопытством разглядывал могучие мускулы северянина, потом сказал:

— Ты не похож на фигляра. Ты привык к мечу.

— Я был воином, — коротко ответил Хорт.

Кочевник кивнул и уставился на Гавара, чье лицо скрывало забрала шлема.

— Почему ты в доспехах?

Гавар неожиданно низко поклонился и звучно, совсем непохоже на свой обычный тон, ответил:

— В пьесе, которую мы хотим предложить вниманию почтеннейшей публики, я играю роль коварного витаманта Гавара, злобного рыцаря-мага с Хрустальных Островов. Грим, который я ношу, так сложен и отвратителен, что до самого конца пьесы я не открываю свое лицо.

— Открой, — холодно сказал кочевник.

Помедлив мгновение, Гавар поднял забрало. Трикс с ужасом покосился на него — даже простодушный кочевник не мог не опознать в Гаваре настоящего живого мертвеца! А подъехавший к ним воин вовсе не выглядел простодушным...

Но Гавар, к его изумлению, выглядел сейчас как самый обычный человек. Губы его были красными, щеки — розовыми, и даже глаза утратили мертвую белизну и стали нормальными... ну, почти нормальными. Встретив такого на улице, Трикс подумал бы про себя «ну и урод», но вряд ли бы испугался.

— Паршивый грим, — презрительно сказал кочевник. — Я три года провел в вашей Столице и повидал немало пьесок. Поработай над своим обликом, актер. Возможно, сам Прозрачный Бог соизволит смотреть ваше представление.

— Я постараюсь, господин... — Гавар низко поклонился.

— Хамас. Я — Хамас, полководец великого Алхазаба, тот, кто ведет в бой его верных рабов. Располагайтесь здесь. Мы останемся в оазисе еще на одну ночь и вы должны начать представление, едва солнце скроется за горизонтом.

— Нам нужно немного реквизита, — попросил Майхель. — Какие-нибудь жерди, чтобы натянуть задник... доски, чтобы соорудить будку для суфлера...

— Можете срубить пальмы, — бросил Хамас. — Вам принесут еду и воду. Если потребуется что-то еще — говорите.

— Нет, нет, все остальное у нас есть, — закивал Майхель.

— Надеюсь, вы не разочаруете Прозрачного Бога, — продолжил Хамас. — Если он заскучает... что ж, тогда он найдет способ повеселиться, но я не думаю, что он вам понравится.

Развернув коня, Хамас неторопливо отъехал в сторону.

Майхель вытер пот со лба. И сказал:

— Ну что... господа комедианты... Приступим.

Хорт молча достал из фургона свой боевой топор и отправился к пальмам.

Поскольку соорудить зрительные ряды было совершенно невозможно, актеры ограничились сценой — но зато разместили ее во впадине, на дне высохшего озера. Конечно, вся огромная армия все равно не сумела бы увидеть представления, но тысяч пять-шесть солдат могли собраться во круг и наблюдать за происходящим.

Занавеса не было, сцену ограничивали с боков две уцелевшие пальмы. Рядом с пальмами соорудили простенькие кулисы с изображенными на них иллюминаторами, за которыми ожидали своей очереди на выход актеры. За пальмами натянули полотнище с нарисованным морем. Декораций было немного — пришлось даже частично разобрать фургон, чтобы построить какой-то намек на два корабля (колеса от фургона послужили штурвалами, колесные оси — мачтами).

— Все не так! — восклицал Майхель, хватаясь за голову. — Падугов нет, кулисы только одни, задник один, машинерии никакой нет, света нет, рабочих сцены нет! Сплошная условность! Как играть?

— Это не важно, — утешал его Бамбура. — Я давно предлагал отказаться от декораций. Зритель должен наслаждаться игрой актеров, а не рассматривать красивые картинки. Перевоплощение, подлинные чувства, брызжущие эмоции — вот что составляет суть театра!

— Нет, нет, нет! — размахивал руками Майхель. — Искусство должно быть реалистичным, близким к жизни. Если дело происходит на корабле — со сцены должна брызгать вода! Если в пустыне — лететь песок! Если актеры на сцене едят — они должны есть по-настоящему, а не делать вид, что кусают фрукты из папье-маше!

— Вот насчет последнего я совершенно согласен, — кивнул Бамбура.

Но труднее всего оказалось договориться с Песей и Нисей. Племянники Майхеля только сейчас поняли, что кому-то из них придется изображать принцессу Тиану.

— Я девчонку играть не буду! — твердо заявил старший брат, Песя.

— Я тоже! — пискнул Нися. — Я самый маленький, я Халанбери играю! И я плохо роли запоминаю!

Майхель прекратил выдирать волосы на голове и вцепился себе в бороду.

— Песя! Жизнь актера — это бесконечная череда перевоплощений! Вчера ты играл Трикса, сегодня ты играешь княгиню Тиану, а завтра — завтра и самого витаманта Гавара!

— Не буду играть девчонку, — упрямился Песя. — Если я буду одевать девчачьи платья, то это может плохо сказаться на моем взрослении!

— Песя, ты в принципе прав, — откашлялся Майхель. — Но актер — такая трудная профессия, требующая полной

самоотверженности... Знаешь, я однажды играл молодую гномиху!

— Правда? — поразился Песя.

— Правда. У нас был спектакль... «Если бы бабушка была дедушкой, или Гномья лагуна»... У меня борода была самая подходящая, чтобы играть гномиху...

Песя задумался. Неохотно сказал:

— Ну, гномихи не считаются... наверное...

— К тому же у актеров есть мудрое правило, — продолжал уговоры Майхель. — В полном толковании оно звучит так: «Один раз можно сыграть любую роль, это не накладывает на актера никаких обязательств и вообще не считается»... Я тебя прошу сыграть только один раз!

Песя вздохнул.

— И ты получишь свой процент от общей прибыли, — вздохнул Майхель.

— Процент? — восхитился Песя. — Не просто кормежка и обучение, а еще и деньги? Какой процент?

— Полпроцента, — сказал Майхель.

— Процент — и замetano! — бодро сказал Песя. — Будет такая Тиана, что у вас глаза на лоб полезут!

Майхель закашлялся и сказал:

— Ну-ну. Особо усердствовать все-таки не стоит...

Когда начало темнеть, актеры уже были загримированы и одеты для представления. Прибавление к труппе Трикса, Иена и Гавара радикально изменило все представление — каждый из актеров теперь играл сам себя, только Песя изображал Тиану, а Нися — Халанбери. Несмотря на похвальбу Песи, Трикс решил, что никакой Тианы из того не получилось, несмотря на накладные волосы, белое в синий горошек платье и подведенные помадой губы. Что-то мешало поверить, будто это девочка — то ли нескладная худая фигура (подкладывать что-либо под рубашку парень отказался наотрез), то ли выпирающий кадык, то ли торчащие из-под платья волосатые ноги.

Впрочем, зрителям, кроме тех, кто сидел в первых рядах, вряд ли были заметны такие тонкости. Большинству, если честно, вообще вряд ли что-то было видно или слышно, кроме общих очертаний сцены и бродящих по ней актеров.

— Ну... начнем, господа комедианты... — Майхель промокнул пот со лба и вышел из-за кулис, держа в руках горящий факел. Зрители приветствовали его одобрительным гулом — видимо, даже суровые обитатели песков жаждали приобщиться к искусству.

Майхель торжественно обошел сцену, зажигая лампы и факелы, которые должны были освещать происходящее. Потом вышел вперед и торжественно сказал:

— Почтеннейшая публика! Величайший из величайших волшебников всех времен и народов, прославленный Алхазаб! Его верные помощники и подручные! Его храбрые солдаты! Сейчас мы покажем вам представление, которое называется «Подвиги Любви, или Морские Приключения Юного Мага». Двести девяносто девять раз оно с неизменным успехом шло на сценах королевства, Самаршана, в Северных Горах и на Хрустальных Островах!

— Что? — просипел Гавар, стоявший рядом с Триксом. — Двести девяносто девять раз? На Хрустальных Островах?

— Не обращайтесь внимания, это так положено говорить, — успокоил его Бамбура. — Всего-то три раза сыграли в королевстве и разок в Самаршане.

— И вот теперь мы покажем вам это представление в последний раз! — произнес Майхель. — Закрытие сезона! Прощальная гастроль! История о коварстве и любви, предательстве и благородстве! Как была спасена прелестная юная княгиня и наказан злой ужасный витаминт!

С этими словами Майхель раскланялся и двинулся за кулисы. Кочевники проводили его шумным звоном оружия — вместо того чтобы хлопать в ладоши, они предпочли колотить кинжалами о сабли. Звук был хоть и одобрительный, но

страшноватый, Трикс невольно сглотнул вставший в горле комок.

— На сцену, — прошептал Бамбура, пихая в спину Песю. — Садись на стул и мечтай о Триксе!

Песя неохотно вышел из-за кулис, уселся на стул и поднял руки к небу. Зрители замолкли.

— О горе мне! — срывающимся фальцетом, воскликнул Песя. — Я — княгиня Тиана, несчастная сирота, которую хотят насильно выдать замуж за вождя витаминтов Эвикеята! Я бежала из дворца и укрылась у доброго юноши Трикса, ученика волшебника. Но в безопасности ли я? Ведь меня преследует могучий рыцарь-маг Гавар Вилорой!

Майхель, от жары и волнения обильно потеющий и по-минутно вытирающий платком лицо, прошептал, наклоняясь к Триксу и Гавару:

— Шатер Алхазаба открыт, но его не видно. Похоже, решил посмотреть из шатра...

— Не важно, — отмахнулся Гавар. — Мы справимся.

Майхель толчком отправил на сцену Нисю.

— О, братец! — воскликнул Песя, продолжая заламывать руки. Похоже, все его представление о девчонках ограничивалось тем, что они должны патетически восклицать и размахивать руками. — Мой любимый сводный братец Халан-бери, решивший разделить со мной тяготы бегства. Что ты хочешь мне сказать?

Нися, уставившись на окруживших сцену зрителей, явно заробел и молчал.

— Быть может, ты увидел кого-то, приближающегося к нашему домику? — пришел на помощь брату Песя.

Но Нися упорно молчал.

— Халтура... — вздохнул Гавар и тяжелым шагом вышел из-за кулис. При появлении витаминта по рядам воинов прокатился испуганный гул. Гавар выглядел настоящим живым покойником — бледный, с мертвыми глазами, заострившимися скулами. В общем, он выглядел тем, кем и являлся.

— Он не ответит тебе, княгиня! — гулко произнес Гавар. — Я наложил на него заклятие немоты!

— Я видел витаманта Гавара, приближающегося к нашему домику! — внезапно сказал Нися, игнорируя появление Гавара.

— А теперь, как видишь, я снял это заклятие! — не растерялся Гавар.

— Не стоит ли укрыться, пока Гавар не ворвался к нам? — продолжал Нися.

— Видишь — он даже не замечает меня, ведь я стал для него невидимым! — выкрутился Гавар.

— Какой актер... — прошептал Майхель. — Какой прирожденный актер! Ах, если бы он играл в моем театре — мы покорили бы весь мир!

— Ничего, что Нися так... невпопад говорит? — спросил Трикс.

— А, ерунда, — отмахнулся Майхель. — Все актеры иногда говорят невпопад. Это называется импровизация и очень нравится зрителям.

Нися наконец-то опомнился и начал играть свою роль. Он храбро кинулся на Гавара, был повержен и красиво упал на сцену. Трикс вспомнил, что на самом-то деле Халанбери спрятался от витаманта в буфете, но говорить ничего не стал — так и впрямь получалось интереснее.

Гавар тем временем глумился над княгиней. Он высмеял ее попытку к бегству, пригрозил посадить в трюм к злобным крысам и, наконец, схватив за руку, уволок за противоположные, левые кулисы.

Зрители дружным ором выразили свое одобрение, причем Триксу показалось, что понравилась им не игра актеров — а поведение Гавара.

— Ну... иди! — велел Триксу Майхель и вытолкнул на сцену. Следом выскочил Иен.

К этому времени уже совсем стемнело. На сцене было светло от фонарей, а вот вокруг все тонуло во тьме — только шатер Прозрачного Бога светился белым колдовским светом. Зрителей можно было угадать лишь по отблескам оружия, звяканью стали и запаху чеснока. Только те кочевники, кто оказался ближе всего к сцене, кое-как были видны. Смуглые бородатые лица с интересом повернулись к Триксу. Большинство солдат и командиров, наблюдающие за представлением, держали в руках миски с жареными кукурузными зернами и бурдюки с пивом.

— А ну-ка, парень, покажи этому ходячему мертвецу! — крикнул сидящий впереди солдат — еще довольно молодой, но бравый, с живыми веселыми глазами и улыбчивым лицом. — Он уволок твою подружку!

«Они же как дети! — поразился Трикс. — Или это и есть волшебная сила искусства?»

— Куда же гнусный витагант увел мою любимую? — воскликнул Трикс. В жизни он бы ни за что на свете не решился так назвать Тиану! Но на сцене это удивительным образом получилось легко и просто.

— Туда уволок, туда! — дружно завопили кочевники. Большинство при этом указывали на левую кулису, но некоторые на правую, а некоторые, особо сочувствующие Гавару, даже тыкали пальцем в сторону пустыни.

— Я найду ее, Иен! — воскликнул Трикс. — Чего бы мне это ни стоило! Я вырву Тиану из мертвых рук Гавара!

Зрители поддержали его звоном мечей и дружным ором. До Трикса доносилось:

— Давай-давай!

— Будь мужиком!

— Я в твои годы уже убил своего первого врага!

А явно симпатизирующий Триксу молодой воин выкрикнул:

— Не трать время на слова! Отправляйся в погоню!

Трикс почувствовал, как его накрывает каким-то удивительным воодушевлением. Исчезла сколоченная кое-как сцена, убогий реквизит, стоящие в десяти шагах Гавар и Песя. Он снова был в домике Щавеля, откуда похитили юную княгиню.

— Витамент уже на пути к Хрустальным Островам! — воскликнул Трикс. — Нам нужен корабль и команда!

— Я буду с тобой до конца! — гордо выкрикнул Иен, которого тоже захватило представление. — Пусть я паду, пронзенный мечом, но мы спасем княгиню!

Некоторые из зрителей расчувствовались настолько, что даже смахнули слезу.

...Как ни странно, но в какой-то момент Трикс даже забыл о том, что их цель — поразить заклинанием Прозрачного Бога. Может быть, потому, что Алхазаба не было видно в шатре. Может быть, повлиял энтузиазм зрителей.

Он снова уговаривал актеров отправиться с ним в погоню. Они снова плыли на корабле вслед за витамином. И близилась, близилась великая битва...

Спрятавшись на миг за кулисами — отдышаться и глотнуть воды из фляги, которую заботливо протянул ему Бамбура, Трикс посмотрел на Гавара. Витамент стоял за другими кулисами и беззвучно шевелил губами — будто тренировался. Поймав взгляд Трикса, он успокаивающе кивнул.

Собственно говоря, Гавар обещал все сделать сам. Ну или хотя бы главное — поразить Алхазаба каким-то немыслимым заклятием. Триксу следовало лишь помогать, защищая витамин от солдат, которые могли бы помешать колдуну.

— А может быть, просто сыграем пьесу до конца? — жалобно спросил Майхель. Чем ближе был решающий миг, тем больше нервничали актеры. Золото — это, конечно, хорошо. Слава — тоже. Но всем известно, что покойникам ни то ни другое не нужно.

Трикс сочувственно посмотрел на Майхеля и как мог твердо сказал:

— Не волнуйся, у нас все получится! Гавар — могучий волшебник!

— Но ты же его победил!

— Значит, я тоже могучий волшебник.

Майхель с сомнением покачал головой — и актеры двинулись на сцену. Навстречу им вышел Гавар, волоча за собой стул, к которому был привязан Песя.

— Ха-ха-ха! — громко произнес Гавар. — Я не отдам тебе девицу! Я убью вас всех и вы будете служить мне после своей смерти!

— Не хвались, едучи на рать! — ответил Трикс. Хотелось добавить что-нибудь еще, но как-то не придумывалось. Поэтому он стукнул посохом об пол и пригрозил: — Моя магия, сильнее твоей магии!

— Посмотрим! — мрачно сказал Гавар и развел руки.

Зрители притихли. Только веселый молодой воин бодряще кивнул Триксу.

— Из глубин моей мертвой души, истлевшей — но не исчезнувшей, из зловонной мертвечины моего навеки остановившегося сердца, из самой природы витамантии, ненавидящей все суетное, все теплое и живое, явилось страшное заклятие — еще никогда не звучавшее под небом этого мира... — зловеще сказал Гавар.

Повисла ледяная тишина. Казалось, даже ветер стих. Только вдалеке печально кричал верблюд.

— Само неумолимое время, которое мы, витаминты, так ненавидим, склонилось перед моей непоколебимой волей, — продолжал Гавар, глядя на Трикса. — И... прервался ход времени! Вечный покой опустился на...

Триксу стало страшно, и он едва удержался от того, чтобы не выкрикнуть что-нибудь в противовес Гавару.

— Опустился на шатер Прозрачного Бога, волшебника Алхазаба! — рявкнул Гавар.

Раздался тихий печальный звон — и серебристое сияние окутало шатер Алхазаба.

— Время остановилось! — Гавар торжествующе посмотрел на кочевников. — Века и тысячелетия пронесутся мимо — а шатер останется стоять среди песков. Никто не сможет войти в него — и никто не сможет выйти, ибо там нет времени, нет жизни и нет смерти! Отныне и навсегда, пока сама Вселенная не сожмется в булавочную головку и не лопнет от натуги!

Последняя фраза показалась Триксу несколько вычурной, но звучала она все-таки здорово.

Кочевники, оторопев, смотрели на Гавара.

Витамант расхохотался устрашающим смехом.

«Мы победили! — с восторгом подумал Трикс. — И мало того, что победили, нам даже не пришлось никого убивать!»

А дальше все вдруг покатилося под откос...

Улыбчивый воин в первом ряду вдруг встал и расправил плечи. В его глазах уже не было веселья.

— Мерзкий кусок гнили... — воскликнул он. — Я оставил в шатре свой любимый плащ!

Воины смотрели на него со страхом — и восхищением.

И Трикс с ужасом увидел, как с лица Гавара пропадает самоуверенная улыбка. Витамант вскинул руку, засветившуюся волшебным светом, и воскликнул:

— Свирепый негасимый огонь пожрет твоё тело, Алхазаб!

Понятное дело, что такое простенькое заклинание вызвало лишь слабую вспышку, впрочем, все же ударившую по Прозрачному Богу. Секунду Трикс видел Алхазаба сквозь языки пламени — потом огонь стек с его плеч и огненной лужей собрался у ног. Прозрачному Богу, похоже, это было совершенно безразлично.

— Несокрушимые узы сковали твои руки и ноги, витаминт! — воскликнул Алхазаб. — Твой гнусный язык раздулся и уже не может пошевелиться!

По мнению Трикса, и это заклинание было так себе. Ничуть не лучше «свирепного негасимого огня». Ну, может быть, Гавару от него станет чуть-чуть неловко передвигаться...

Но Прозрачный Бог, произнеся это простое заклинание, будто весь запольхал, засветился голубым колдовским светом.

Гавар нечленораздельно замычал. Чудовищная сила растянула его руки и ноги в разные стороны — и он застыл на сцене, будто подвешенный на невидимых веревках. Из раскрытого рта высунулся толстенный, раздутый черный язык.

Как бы ни было Триксу страшно, но он понимал, что теперь только он может хоть что-нибудь сделать. Трикс отбросил ненужный в серьезном волшебстве посох, протянул руку к витаманту и произнес:

— Алхазаб зря торжествовал победу! Молодой маг нанес ему коварный и безжалостный удар! Все соки тела — от черной желчи селезенки и желтой желчи печени до красной крови в жилах и бесцветной слизи в голове — все они вскипели, разрывая Алхазаба на части!

Майхель в ужасе ахнул.

Кочевники взвыли от страха — и устались на Прозрачного Бога.

Алхазаб покачал головой и с обидой посмотрел на Трикса.

— А ведь я за тебя болел в этой пьесе... — горько сказал он. Потом его глаза полыхнули яростью. — Коварный мальчишка, волшебник-недоучка, презревший законы гостеприимства и справедливости — повинуюсь моей воле, воле Прозрачного Бога, ты отправляешься в самое сердце ада!

Алхазаба вновь окутало призрачное сияние.

И мир вокруг Трикса померк.

Не секрет, что с тех самых пор, как человек уверовал в существование Высшего Божества, создавшего небо, звезды, земную твердь, людей, животных и вообще все, кроме чувства юмора, бывшего всегда и пребудущего вовеки, возникло и

сильное, всепоглощающее желание не помереть в положенный срок, а оказаться в каком-нибудь ином мире, поблизости от Высшего Божества.

(Некоторые даже предполагают, что вначале возникло такое желание, а потом уже люди уверовали в существование Всевышнего и Всемогущего.)

Поскольку каждый человек искренне считает, что он хорош и любим Высшим Божеством, а вот его сосед, который богаче на две коровы и пару штанов (хорошо умеет махать мечом, петь на пиру веселые песни или женат на доброй и красивой женщине) — очень и очень нехороший человек, то люди стали размышлять о том, как же устроена эта счастливая жизнь после смерти? Ну невозможно ведь поверить, что и тогда окажешься в одинаковых условиях с этим негодяем, который и при жизни-то отравлял всю радость бытия своим существованием!

И все как-то очень быстро поняли, что Высшее Божество в своей мудрости одних людей после смерти отправляет в место хорошее и приятное, которое называется раем, а других — в очень и очень неуютные условия, для простоты зовущиеся адом. (Из этого, кстати, следует, что все витаманты — очень плохие люди, потому что только плохой человек, понимающий, что его ждет ад, а не рай, будет стараться обмануть смерть.)

Трикс в силу юного возраста на эти темы размышлял нечасто, но в принципе теорию одобрял, считал здоровой, разумной и единственно возможной. Так что придя в себя, он, прежде чем поднять веки, попытался представить, что именно увидит.

Что такое ад — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что оттуда нельзя будет бежать, придется много трудиться и испытывать те или иные неприятные ощущения. Северные варвары уверяли, что в аду трусливые воины прислуживают смелым, а также разгребают снег, рубят дрова, роют шахты и каналы — причем все это

голыми, босыми, голодными, во тьме и на морозе. Самаршанцы уверяли, что в аду недобродетельные люди, не уважающие Высшее Божество, прислуживают добродетельным, а также разгребают песок, месят кизяк, роют шахты и каналы — причем все это голыми, босыми, жаждущими, под слепящим солнцем и на жаре. Ни северный, ни южный вариант Трикса никак не устраивал. В королевстве единого мнения не было, каждый мистик считал своим долгом выдвинуть новую концепцию. Некоторые с восторгом рассказывали об огромных котлах и сковородах, где грешников жарят и парят, прежде чем кинуть замерзать в ледяные пустыни, — и на все это любят праведники. Более умеренные считали, что грешники разгребают снег и песок... ну и далее, как положено. Самые мягкие и добрые утверждали, что никаких телесных мук грешники испытывать не будут за отсутствием тел, зато будут очень страдать душевно, потому что Высшее Божество не станет с ними общаться.

Трикс, который не слишком любил жару и очень не любил холод, решил, что этот вариант его устраивает в наибольшей мере. И с надеждой открыл один глаз.

Увиденное его смутило. Вокруг было светло — хоть и не ярко, тепло — хоть и не жарко. К тому же у него болела голова — но не сильно, на адские муки никак не похоже.

Трикс сел и огляделся.

Его окружал молочно-белый туман, в котором едва-едва угадывался чей-то смутный силуэт, не поймешь даже, далеко или близко. Доносились слабые звуки, будто кто-то постукивал пальцами по столу.

— Высшее Божество? — с опаской спросил Трикс.

Наступила тишина. Потом послышался голос:

— Ты что, видишь меня?

— Смутно... — признался Трикс. — А разве вы будете со мной общаться?

— Не говори глупостей, — разозлился неведомый собеседник. — Во-первых, я никакого не Высшее Божество! Во-вторых, я уже несколько лет только и делаю, что с тобой общаюсь!

Трикс на всякий случай замолчал. Некоторое время царила тишина. Потом его собеседник горестно произнес:

— И нужно было этому гнусному Алхазабу ляпнуть про сердце ада! Нет бы отправить тебя умирать в Башню Смерти или Яму Отчаянья, как поступает каждый приличный Темный Властелин. Все было бы просто и понятно! А он — сердце ада, сердце ада... Тоже мне, поэтичный тиран Востока...

— В Башню Смерти я тоже не хочу, — на всякий случай сказал Трикс.

— Да что ты понимаешь! Из Башни Смерти тебя спас бы Радион Щавель. Или ты надел бы волшебный плащ и прошел мимо стражи. Или обнаружил бы там потайной ход наружу... прорыл его вязальной спицей, в конце концов!

— У меня нет плаща и спицы, у меня есть только волшебная сабля... — растерянно ответил Трикс.

— Сабля тоже сойдет, — вздохнул собеседник. — А с сердцем ада получается какая-то ерунда. Не может волшебник по своей воле отправить кого-то в ад. Это не его прерогатива!

— Совершенно с вами согласен! — обрадовался Трикс. — А давайте сделаем так, что он вообще не говорил про сердце ада?

Собеседник на миг задумался. Потом с сожалением сказал:

— Нет, не годится. Акт творения уже состоялся, тому были многочисленные свидетели. Не люблю я править то, что уже создал!

— Так вы Творец? — спросил Трикс.

— Ну... в какой-то мере... — чуть смущенно ответили ему.

— Создатель? — восхитился Трикс.

— В какой-то мере... — продолжал ломаться Творец.

— Высшее Божество?

— Да не богохульствуй ты! — прервал его Творец и Создатель. — Я и так опасно близок к кошунству. А ты вообще ударился головой при падении и тебе мерещится всякая ерунда!

— Правда? — огорчился Трикс.

— Раз я тебе говорю, значит, правда, — отрезал Творец и Создатель. — Ладно... ад мы отринем, в данном случае он не вписывается в историю. Пусть будет... ох, как я не люблю такие фортели!

— Какие? — робко спросил Трикс.

— Такие! Ты знаешь, что самая большая самаршанская пустыня называется Сердце Ада?

— Нет, — признался Трикс и задумался. — Хотя да, оказывается, знаю! Читал в летописях.

— Ну так вот, поскольку в настоящий ад Прозрачный Бог тебя отправить не мог, то ты попал в эту пустыню. Но не радуйся раньше времени, я тебе подыгрывать не стану! Ты попал в ее самую страшную и жаркую часть, где сотни лет не ступала нога человека!

— Но я оттуда выберусь? — уточнил на всякий случай Трикс, уже убедившийся, что Творец и Создатель любит поговорить.

Раздался тяжелый вздох.

— Трикс, ну ты же умный мальчик. Сам подумай — как ты можешь не выбраться? Ты ведь герой!

— Герой?

— Главный герой! Непременно выберешься.

— А как?

— Не скажу.

— А Прозрачного Бога я победю? То есть побегу... а как правильно-то спросить?

— Смогу победить. Не знаю, тут возможны варианты. Все, пока!

— А Тиана меня... — начал было снова Трикс — и очнулся.

Он лежал на горячем песке. Дул сухой жаркий ветер. В небе светили звезды. Голова, которой Трикс ударился при падении о камень, ужасно болела.

— Почудится же такое... — прошептал Трикс. И вскочил, озираясь: — Иен! Гавар! Бамбура! Майхель! Аннет!

Тишина была ему ответом. Он стоял в пустыне, среди каких-то древних, полуразвалившихся и полузанесенных песком строений. Нигде, насколько хватало взгляда, не было ни души — ни верного друга, ни товарищей-комедиантов, ни витаманта, ни феи...

— Я в Сердце Ада! — с ужасом сказал Трикс.

3

В печальном лунном свете, нежно озаряющем древние руины, Трикс блуждал по засыпанному песком городу. Уснуть он не мог — страх за друзей и ужас от положения, в котором он оказался, прогоняли всякий сон. Остатки зданий вначале внушили ему робкую надежду: вдруг там окажется что-нибудь полезное или хотя бы интересное? Но крыши большинства из них давно обвалились, двери разошлись и выпали, окна разбились — и даже внутри уцелевших помещений намело песка. Может быть, где-то под ногами лежали изумительные сокровища (от которых, впрочем, все равно не было бы толку), таинственные магические предметы (от которых, пожалуй, можно было бы ждать беды) и окаменевшие остатки пищи. Но раскопать их все равно было невозможно.

Устав бродить по песку, Трикс уселся, прислонившись к стене, выглядевшей покрепче остальных, и стал размышлять.

Где он оказался?

В пустыне. Очевидно, в той самой пустыне, которую в древних летописях называли Сердцем Ада. Когда-то здесь

цвели сады, журчала вода и жили далекие предки самаршанцев. Но что-то случилось, горячие ветра засыпали русла рек, зелень исчезла — и жители откочевали севернее. Кто-то, как предки Прозрачного Бога, остался жить на краю пустыни, смирившись с трудностями и освоив искусство выживания среди песков. Кто-то двинулся дальше, основав город Дахриан и султанат Самаршан. А кто-то вообще растворился среди народов королевства... Но в любом случае здесь, в центре пустыни, не жил никто. Даже храбрые кочевники на своих выносливых верблюдах не рисковали сюда соваться.

Что у него есть?

Одежда — не очень-то пригодная для странствий в пустыне. Здесь нужны крепкие плащи, укрывающие от солнца и жары, а не рубашка, курточка и штаны... Обувь — не слишком-то прочные кожаные туфли, в которые при ходьбе будет постоянно набиваться песок. А босиком идти невозможно, песок днем раскаляется как сковорода. В карманах Трикс нашел пригоршню фиников, которые машинально сунул туда за обедом, и немножко денег — совершенно ненужных в его ситуации. Ну а еще носовой платок (все-таки Трикс получил хорошее воспитание), впрочем, довольно грязный (видимо, воспитание было не настолько хорошим, ведь истинно культурный человек в платок не сморкается и ничего им не вытирает). На поясе болталась подаренная Абнувасом волшебная сабля — ни проверить ее, ни пустить в дело ему так и не представилась возможность. Впрочем, и сражаться тут было не с кем...

— Думай... — попросил Трикс свою бедную ноющую голову. — Ну думай же...

Конечно, нельзя было забывать, что он — волшебник. Но волшебство — это такая хитрая штука, которая очень любит зрителей. Когда рядом был Васаб, Трикс мог заколдовать верблюдов, чтобы они мчались быстрее ветра. Такие верблюды, наверное, вынесли бы его из пустыни... Но тут не было

верблюдов и не было простых людей, которые своей верой помогли бы волшебству свершиться.

Некоторое время Трикс размышлял, не сумеет ли он заколдовать собственные ноги, чтобы они несли его вперед семимильными шагами. Но с сожалением понял, что совершенно не верит в пригодность своих ног для таких подвигов.

Точно так же он не верил, что сумеет сотворить еду из ничего. Точнее, сотворить-то он ее может, это как раз просто. И на вкус она будет замечательной. Вот только пользы никакой. Только вода, сотворенная магией, и впрямь утоляла жажду...

— Вода! — радостно завопил Трикс. — Ну конечно!

Он облизнул пересохшие губы, запрокинул голову, открыл рот и сказал:

— Призрак мучительной смерти от жажды отступил от юного волшебника. Вода — то небольшое, что есть везде... вода — это то, что волшебник может сотворить в любой момент. Вот она полилась в жаждущий рот юноши — чистая, вкусная, сладкая, освежающая вода...

Некоторое время Трикс ждал. Потом на язык ему капнула одна-единственная капля. Трикс прищурился и увидел, как в лунном свете над его головой медленно набухает еще одна капля — крохотная, будто сверкающая песчинка. Вот капля обрела форму... покачалась в пустоте — и сорвалась вниз.

Трикс закрыл рот.

Так не напьешься...

Похоже, в Сердце Ада было так жарко, что вокруг совсем не было воды. Ни в земле, ни в воздухе. А волшебник умеет создавать новое только из того, что есть рядом.

Приуныв, Трикс все же постарался не впасть в отчаянье. Если он не может быстро бегать... если он не может сотворить пищу и воду... значит, ему надо просто отсюда исчезнуть. Как? А точно так же, как и появился. Ведь если разобраться, Ал-хазаб применил к нему хорошо известное заклинание теле-

портации. Будь на месте Трикса мудрый Радион Щавель, он бы мгновенно щелкнул пальцами и перенесся в какое-нибудь другое место. А что мешает Триксу? Раньше у него не получалось — да, допустим. Но раньше и потребности настоящей не было. Теперь же Трикс знает, что если не телепортируется, то уже через сутки умрет от жажды.

— У меня получится! — твердо сказал Трикс. Точнее — попытался сказать. Получилось у него что-то вроде «У ыа оуия!» Пока он сидел с открытым ртом, ловя жалкие капли воды, в горле у него так пересохло, что он не мог произнести ни слова.

Вот теперь Триксу стало совсем страшно. Сделав несколько глотательных движений, он добился того, что во рту появилась слюна и смог говорить. Но еще пара часов — и он совсем осипнет. А осипший волшебник — это совершенно никчемное существо. Только самые сильные и мудрые, по слухам, умели колдовать, произнося заклинания про себя.

Сосредоточившись, Трикс попытался вспомнить все уроки Щавеля. Во-первых, ему нужно представить место, куда он хочет попасть. Или хотя бы какой-то очень важный и знакомый ему объект — дом, дерево, человека...

Человека.

Трикс сразу же представил Тиану.

Как здорово было бы сейчас перенестись к ней! Оказаться в холодном, заснеженном Дилоне. Рассказать ей свои приключения... попросить водички.

Трикс так явно представил себе Тиану — ее светлые мягкие волосы, добрые голубые глаза, нежную матовую кожу, стройную фигуру, тонкие изящные руки... ну и все остальное, что дозволено представлять воспитанному юноше, влюбленному в первый раз, что сердце у него зачастило в груди, а душу наполнила уверенность.

Он справится!

У него получится!

Трикс развел руками, вспоминая законы телепортации. Тело человека состоит из маленьких-маленьких частичек, а те из других маленьких-маленьких частичек... и если этим частичкам дать волю, то они могут, повинаясь воле мага, понестись сквозь пространства с немыслимой скоростью, а потом вновь соединиться. Так и происходит телепортация (всякие красочные эффекты магии придумывают по вкусу, дабы все выглядело более внушительно)...

— Тиана... — прошептал Трикс и всей душой, искренне и пылко, пожелал оказаться рядом с ней.

Он даже не удивился, когда руки его окутало колдовское пламя.

Удивился он через мгновение — когда на песке перед ним возникла спящая девочка в длинной, до пят, ночной рубашке...

— А!!! — завопил Трикс в ужасе. — Что я наделал!

Тиана, перенесенная его заклинанием из мягких перин уютной княжеской спальни на противный сухой песок пустыни, мгновенно проснулась и привстала. Даже не разбираясь, где она и кто рядом с ней, Тиана подпрыгнула и метким ударом ноги стукнула Трикса в лоб. Несчастная голова юного волшебника от этого удара запрокинулась, он приложил затылком о каменную стену и вновь лишился чувств.

— Трикс...

Приоткрыв один глаз, Трикс печально посмотрел на Тиану. К его большому огорчению, память ему не отшибло и он прекрасно помнил, что натворил.

Впрочем, все огорчения тут же вылетели у Трикса из головы, как только эта самая голова осознала, что покоится на коленях Тианы. Девочка ласково гладила Трикса по волосам, приговаривая:

— Бедненький... прости меня, пожалуйста... Трикс...

— Тиана... — как можно жалобнее сказал Трикс. — Это я виноват... я во всем виноват...

— В чем? — удивилась Тиана.

— Я... я произнес заклинание... и ты оказалась со мной... в самом центре самой страшной пустыни Самаршана...

— Трикс! — неожиданно воскликнула Тиана и быстро поцеловала его в лоб. Трикс лишился дара речи. — Спасибо тебе!

Несколько мгновений Трикс наслаждался случившимся, хоть и не мог понять, чем заслужил благодарность Тианы. Память, от всех ударов словно бы даже окрепшая, услужливо подсказала ему волнительную сцену из летописи походов барона Вольмара Упрямого: «И открыв глаза, доблестный барон обнаружил, что прекрасная юная дева держит его голову на своих нежных коленях, орошая лицо барона слезами радости. «О, барон! — воскликнула дева. — Поверьте мне, что эта дверь мало того, что закрыта, так еще и заложена снаружи кирпичом в три ряда!» Но доблестный барон поднялся...»

Трикс внезапно понял, что ему совершенно неинтересно вспоминать приключения барона, которые так восхищали его в детстве — действительность была куда интереснее!

— Тиана, за что ты меня благодаришь? — робко спросил он.

— Ну как за что, глупенький? За то, что ты своим волшебством перенес меня из Дилона сюда, к себе!

Трикс присел и с испугом посмотрел на Тиану.

— Что случилось? Тебя снова хотят насильно выдать замуж? Город осадили враги? Разразилась эпидемия Красной Чумы? Вzbунтовались крестьяне?

— Нет... — растерянно ответила Тиана, прижимая руки к груди.

— Так почему же ты радуешься? — спросил Трикс. — Ведь мы в центре страшной самаршанской пустыни! Самый сильный в мире волшебник, Алхазаб, зашвырнул меня сюда в наказание за попытку покусения! Я не знаю, как отсюда выбраться!

— Трикс, ты волшебник, — успокаивающе ответила Тиана. — Ты смелый, умный и находчивый. Еще ты добрый и меня... — Тиана покраснела и поправилась: — И ко мне хорошо относишься. Значит, ты никак не допустишь, чтобы мы здесь погибли! А радуюсь я потому, что мне надоело в Дилоне!

— Просто надоело? — удивился Трикс.

— Трикс, ты бы знал, чем я занимаюсь целыми днями! — воскликнула Тиана. — В семь утра — подъем, умывание и пение благочестивых гимнов для создания хорошего настроения. В восемь — завтрак. В девять — вышивание золотом и серебром по бархату или жемчугом и бисером по парче. В двенадцать — прослушивание назидательных историй о благочестивых женах. В два часа — обед. В три часа — урок танцев. В пять часов — курс кокетства и завлечения...

— Это как? — удивился Трикс.

Тиана потупилась и посмотрела на него одним глазком. Потом тихо вскрикнула, прижала руки к груди и произнесла:

— Ах! Мы одни в пустыне, ночью, а я почти не одета...

У Трикса вся кровь прилила к лицу. Он торопливо отвернулся и сказал:

— Я не смотрю...

— Глупый! — совсем другим тоном сказала Тиана. — Это и есть кокетство и завлечение! Глупое занятие!

— Это точно, — пробормотал Трикс, все еще не решаясь посмотреть на Тиану. — Совершенно ненужный тебе курс.

— Ну вот, — вздохнула Тиана. — В семь часов — обучение сплетням...

— Что? — поразился Трикс. — Этому учат?

— Конечно, — кивнула Тиана. — Ты же знаешь, светские дамы все время сплетничают. Думаешь, это они просто так?

Трикс вспомнил, как мама часами просиживала с подружками или, уединившись где-нибудь на балу в уголке, о чем-то перешептывалась с дамами, время от времени при-

крывая рот веером, чтобы посмеяться, или делая огромные глаза и всплескивая руками.

— Я думал, это у всех женщин от природы, — честно сказал он.

— Да нет же! Ну какой женщине на самом деле интересно, в кого влюблена ее подруга; где она достала кольцо из бирюзы с топазами, почему церемониймейстер ушипнул фрейлину, и с кем обедала вдовствующая баронесса? Да никакой! Специально учат обо всем этом разговаривать... — Тиана широко распахнула глаза и тонким голоском произнесла: — Милочка, а ты слыхала, что герцог вчера выбежал из спальни герцогини, весь красный, махая руками и ругаясь ужасными словами?

— Какой кошмар... — согласился Трикс.

— Потом ужин, — вздохнула Тиана. — А потом...

— Да я уже понял, — сказал Трикс. — Но ты же княгиня! Не занимайся такими гадостями!

— Правит-то регент Хасс. — Тиана развела руками. — Я когда от Маркеля вернулась, он меня торжественно встретил, повинился, что по приказу короля отдал меня витаминтам. И сказал, что теперь приложит все силы, чтобы я выросла настоящей светской дамой. Вначале я не поняла, что он в виду имеет. А потом... Я даже хотела... — Тиана замешкалась, но продолжила: — Хотела к тебе убежать. В герцогство Солье. Но регент теперь меня так стережет... И еще он сказал, что по благородству происхождения я должна хранить себя для... для наследника Маркеля!

— Что? — завопил уязвленный Трикс.

— Я, кажется, очень королю понравилась, — призналась Тиана. — Ты же знаешь, княжество Дилон — самое большое и вольное в королевстве. Вот Маркель и решил, что если женит на мне своего сына, то это очень сильно укрепит королевство. Способствует консолидации власти и выстроит государственную горизонталь — от Столицы до Дилона, вот!

— Так у короля сын еще не родился даже! — возмутился Трикс. — Может, он вообще будет не сын, а дочь! А даже если сын — он тебя на четырнадцать лет моложе!

— Королева тоже на семь лет короля старше, — печально сказала Тиана. — А обручили их, когда Маркелю был год.

Некоторое время они грустно молчали. Потом Тиана улыбнулась и сказала:

— Я уже думала, что помру от этой скуки! И вдруг — бах! И ты меня к себе перенес!

Трикс подумал и решил, что не будет говорить Тиане, что вообще-то он собирался сам к ней перенестись.

— Но нам надо отсюда выбраться, — сказал он. — И спасти Иена... и Майхеля с его труппой...

— Они тоже здесь? — поразилась Тиана.

— Да. И еще Гавар... — Трикс вздохнул. — Ты не сердись, пожалуйста, но его тоже придется спасать, мы сейчас — союзники.

— Рассказывай! — велела Тиана. — С самого начала, чтобы я все поняла!

Они уселись на давным-давно обрушившуюся колонну, и, глядя на таинственно мерцающую в лунном свете пустыню, Трикс начал свою историю.

Уже начинало светать, когда рассказ был закончен, все вопросы заданы и все ответы получены. К утру посвежело и Трикс отдал Тиане свою курточку. Как водится, совершенно не вовремя начало хотеться спать.

— Ты обязательно придумаешь, как нам попасть в Дахриан, — утешала Тиана юного волшебника. — Раз ты смог перенести меня сюда, то сумеешь и нас обоих телепортировать.

Трикс пожал плечами.

— А в одной сказке я читала, как волшебник, заблудившись в лесу, сделал лошадь из сучьев, веток и мха, — вспом-

нила Тиана. — Потом заколдовал эту деревянную лошадь и она стала бегать как настоящая.

— Я помню эту сказку, — оживился Трикс. — Только здесь и дерева нет.

— Может, ты из песка сделаешь лошадь?

— Тогда уж верблюда, — задумчиво сказал Трикс.

— Давай! Я давно хотела прокатиться на верблюде!

Трикс честно попытался. Несколько раз песок вздымался вверх и пытался слепиться в ком. Однажды этот ком даже походил на верблюда — с длинными ногами, вытянутой вперед шеей и двумя горбами. Но стоило Триксу дотронуться до песчаного верблюда, как тот рассыпался.

— Наверное, я в это не очень верю, — признался в конце концов Трикс. — Щавель всегда говорил, что для волшебника самое страшное — потерять веру в себя...

— Трикс, а что тут было раньше? — спросила Тиана, оглядывая руины.

— Город какой-то. Древний...

— А правда, что в древности волшебники были сильнее, чем сейчас?

Трикс кивнул:

— Это оттого, что слова были еще незатерты. Велит волшебник: «Явись передо мной конь!» — и тот появлялся. Захочет плащ-невидимку, скажет: «Появился передо мной чудесный шерстяной плащ, мало того, что теплый, так еще и делающий своего обладателя невидимым» — и все получится.

— Может, тут еще остались какие-то волшебные вещи?

— Да как их найдешь? — вздохнул Трикс.

— Ты волшебник! — снова убежденно повторила Тиана. — Прикажи им появиться!

Трикс задумался. Сам он не слишком-то верил в такую магию. Но вот Тиана — она верила... Может быть, ее веры хватит на то, чтобы волшебство получилось?

Он вытянул руку, надеясь, что жест выйдет в меру торжественно, и сказал:

— Магия никогда не умирает. Годы, века, тысячелетия могли пронестись над руинами города — но все волшебное, что было создано великими магами древности, ждало своего часа. И вот волшебник, попавший в беду, воззвал к творениям своих древних собратьев. Пусть же, повинувшись его зову, явится перед ним все магическое, что может помочь ему выбраться из пустыни!

Некоторое время ничего не происходило, и Трикс уже собирался опустить руку. Но вдруг Тиана взвизгнула и отскочила в сторону. Под ее ногами шевелился песок, будто что-то пыталось выбраться наружу.

Выхватив на всякий случай волшебную саблю, Трикс шагнул вперед, заслоняя собой княгиню. Песок продолжал шевелиться. Наконец что-то блеснуло — округлое, медно-желтое, всплывающее из земных глубин...

— Что это? — удивленно спросила Тиана.

Трикс наклонился и поднял предмет.

— Чайник, что ли... — Он pokrutil медный сосуд. — Нет, лампа. Видишь, вот сюда заливается масло, а тут должен быть фитиль... Очень примитивная конструкция!

— Разве лампа может нам помочь?

— Может, — мрачно сказал Трикс. — Если, конечно... Если в ней живет джинн.

— Джинн? — У Тианы округлились глаза. — А разве это не сказочное существо?

— Ну, джиннов давно не встречалось, это же не минотавры какие-нибудь. Но волшебники считают, что они вправду существовали. Джинн — это такое могучее магическое существо.

— А они добрые или злые?

— В том-то и дело, что по-разному! — огорченно ответил Трикс. — Бывают добрые. Бывают злые. Это уж как повезет...

— Но джинн может нам помочь?

Трикс вздохнул:

— Может... Вообще-то, если я не путаю, любой джинн, которого волшебством посадили в лампу, обязан выполнить три желания того, кто эту лампу найдет. Это правило самое главное и обязательное. Но джинны, даже если они добрые, обязательно попытаются человека обмануть и выполнить желания неправильно. У них вроде как обычай такой...

— Ну, у тебя будет три желания, — мудро заметила Тиана, — а потом еще у меня будет три. Шесть желаний — это ведь можно исправить ошибочное!

— Если мы живы останемся, — пояснил Трикс. — К примеру, скажешь ты джинну, что тебе холодно и ты хочешь согреться. А джинн на тебя возьмет и дохнет пламенем! Согрелась? Согрелась! То, что при этом сгорела, вроде как не считается.

— Очень невоспитанные существа, — обиделась Тиана.

— Ну... природа у них такая... — вздохнул Трикс. — Если бы ты просидела тысячу лет в лампе, ты бы тоже была не в духе.

— А как его вызвать?

— Надо потереть лампу... — Трикс достал носовой платок. — Рискнем?

Тиана храбро кивнула.

Выбрав тот уголок платка, что был почище, Трикс несколько раз провел им по сияющему боку лампы и быстро поставил ее на песок. Лампа вздрогнула. Крутанулась вокруг оси и замерла. Из носика повалила тонкая струйка черного дыма. Трикс и Тиана отошли на пару шагов.

Струйка поднялась вверх, поколыхалась немного — и стала раздуваться в черное облако. Внутри облака засверкали искры и заплясали языки пламени — джинны, по всеобщему мнению, были существами огненными. Трикс нервно сжал рукоять сабли, хоть и сомневался, что она поможет против джинна.

— Слушаю тебя, мой господин и... и моя госпожа, — произнес появившийся джинн. — Кто лампу-то тер?

Джинн выглядел совершенно не так, как ожидал Трикс. На картинках их обычно изображали страшными бородатymi великанами, у которых вместо ног клубились облака дыма, уходящие в лампу. А этот джинн был молодой парень, сверстник Трикса, с открытым симпатичным лицом еще не знавшим бритвы. Одет он был в узкие белые брюки и приталенную рубашку, расстегнутую на груди. Трикса джинн едва удостоил беглым взглядом, зато на Тиану уставился с явным удовольствием и тут же принялся ей улыбаться.

— Эй! — одернул его Трикс. — Это я тер лампу, я твой хозяин.

— Обидно, — сказал джинн. — Слушаю и повинуюсь, хозяин.

— Почему ты так выглядишь? — спросил Трикс. — Чтобы нас не напугать?

— Ты желаешь это знать? — любезно спросил джинн.

— Нет, не желаю! — Трикс вовремя заметил подвох. — Просто спрашиваю.

— Если просто спрашиваешь, то могу и не ответить, — насмешливо сказал джинн. — Но так и быть, объясню. Я так выгляжу, потому что, по меркам джиннов, я еще молод и являться в образе могучего бородатого старца было бы с моей стороны слишком самонадеянно. Но пусть тебя это не радует — я все равно могуч и коварен. Зовут меня Китап. Родился я три тысячи семьсот пять лет назад в семье достойных джиннов средних магических способностей. Уже в первые дни моей жизни родители убедились, что я самый красивый, умный и здоровенький джинн на свете. В возрасте полутора месяцев я начал хорошо держать головку и улыбаться при виде мамы...

— Постой, постой! — замахал руками Трикс. — Если ты собираешься так пересказывать нам всю свою жизнь, то мы успеем состариться и умереть.

Китап пожал плечами:

— Слушаю и повинуюсь. Я в этой дурацкой лампе просидел три тысячи шестьсот девяносто лет. Знаешь, хочется как-то выговориться. Но если ты настаиваешь — прекращаю дозволенные речи.

— Не обижайся, джинн! — сказала Тиана. — Это очень-очень грустно, что ты так долго сидел в лампе. Наверное, тебе было очень грустно и одиноко?

— Вообще-то нет, — признался Китап. — Мы, джинны, живем, только когда нас призывают. А в лампе мы... — Он задумался. — Можно сказать, что спим.

— А как же тогда те истории, когда джинн говорит человеку: «Первую тысячу лет я обещал исполнить три желания того, кто меня спасет. Вторую тысячу лет я обещал быть его вечным рабом. А на третью тысячу лет я поклялся убить того, кто меня освободит!»

— Я слышал много таких историй, — вздохнул Китап. — Бессонница — это ужасно. Случаются, конечно, прискорбные инциденты.

— Расскажи мне правила, — попросил Трикс. — Это не желание, сразу говорю!

— Справедливая просьба, господин и повелитель, — кивнул Китап. — Итак, ты имеешь право на три желания, которые я обязан исполнить. После этого ты обязан бросить лампу на том месте, где произнес последнее желание, и тот, кто ее найдет, имеет право еще на три желания... — Китап вздохнул и снова посмотрел на Тиану. — Итак, я попал на шесть желаний. Но радует то, что у меня будет столь прелестная повелительница...

— Ты не отвлекайся, — буркнул Трикс.

— А что еще? Ах да. Я не могу даровать тебе всемогущество или хотя бы волшебные способности... впрочем, сдается мне, ты и сам волшебник?

Трикс кивнул.

— Я не могу оживить мертвых, — продолжал джинн. — Ну и наконец, я не могу вмешиваться в человеческое сознание.

— Это как?

— Повторяю для простаков, — невежливо ответил Китап. — Я не могу заставить любить, ненавидеть, служить и вообще каким угодно образом менять свойственные человеческому индивидууму убеждения и чаяния.

— Понятно.

— Ну и последнее. Мы, джинны, существа простые. — Китап ухмыльнулся. — Хрупкость человеческую недооцениваем, желания часто понимаем буквально. Так что выполнение любого желания может привести к гибели господина и повелителя, а порой и к полному уничтожению прилегающей местности. Будь осторожен в своих желаниях!

— Это я знаю, — вздохнул Трикс.

— Китап, ты же такой симпатичный и добрый парень... — внезапно сказала Тиана. — Может, ты подскажешь нам, как правильно попросить тебя вывести нас из пустыни?

Китап задумчиво посмотрел на Тиану. Пожал плечами:

— Да так и попросите. Китап, выведи нас из пустыни.

— И все? — поразился Трикс.

— Мне кажется, это самое логичное, — разъяснил Китап.

— Трикс, миленький... — Тиана повернулась к юноше. — Пусть Китап нас выведет из пустыни!

— Хорошо... — Трикс вздохнул, хотя что-то в нем протестовало, чувствуя подвох. — Китап, я прошу тебя вывести нас из пустыни!

— Принято к исполнению, — кивнул джинн. — Пошли!

— Как пошли? — возмутился Трикс. — Нам надо быстро!

— Тогда побежали, — сказал Китап. И, хлопнув ладонями по бедрам, весело расхохотался: — Нет, ну надо же! Не может быть! Такая старая хохма — а сработала! «Нам надо быстро!

Тогда побежали!» Поверить не могу, что сработало! Мама будет в восторге!

Трикс от возмущения не знал, что и сказать. Тиана смущенно потупилась.

— Отказываетесь от желания? — спросил Китап, отсмеявшись. — А то пойдем, тут хода-то всего месяца два-три...

— Отказываемся, — мрачно сказал Трикс.

— Слушаюсь, мой господин и повелитель, — кивнул Китап. — Желание аннулировано. У вас осталось еще два желания. Слушаю и повинуюсь!

Трикс задумался. В конце концов, он волшебник и привык работать со словами. Заклинания — они ведь как джинн, требуют очень точной формулировки...

— Я желаю, Китап, чтобы ты доставил меня и Тиану в столицу Самаршана город Дахриан, в сады дворца султана, доставил настолько быстро, насколько это возможно, при этом не причинив никакого вреда явного и неявного, скрытого и открытого, а, напротив, тщательно оберегая от всех возможных опасностей, которые могут произойти в пути и по прибытии в Дахриан.

Джинн задумался. Потом сказал:

— Тут есть некоторое противоречие, господин и повелитель. Силы мои велики, однако же не беспредельны. В пути нам могут встретиться опасности, которые я не сумею предотвратить. Пожалуйста, уточни, что является более важным — скорость доставки в Дахриан или ваша безопасность в пути?

— Безопасность, — твердо сказал Трикс.

Китап ухмыльнулся:

— Тогда пошли!

— Как, опять? — завопил Трикс.

— Ну конечно! Идти пешком — наиболее безопасно. Мы вовремя увидим все опасности и сумеем их избежать. Ни ковер-самолет, ни туфли-скороходы, ни заколдованные кареты не являются абсолютно безопасными.

— А телепортация? — возмутился Трикс.

— Тем более! Знаешь, сколько бывало случаев, когда волшебник телепортировался в опасное место?

— Мы не можем пешком, — сказал Трикс. — Мы умрем от голода, жажды и жары. А ты должен нас защитить от опасностей!

Китап вздохнул:

— Что ж. Я буду нести над вами зонтик. А еще — кормить хлебом и поить водой.

— Слишком долго! — покачал головой Трикс.

— Отказываетесь? — ухмыльнулся Китап. — Желание аннулировано! У вас осталось третье, последнее желание.

— Как тебе не стыдно! — возмутилась Тиана. — На вид такой симпатичный парень, а злой!

— Я не парень, я джинн. — Китап развел руками. — Ты пойми, милая девушка! Мы, джинны, настолько могущественны, что наша сила опасна для людей. Именно поэтому наша природа такова, что мы всеми силами пытаемся увильнуть от выполнения желаний... или выполняем их как-нибудь неправильно. А иначе люди, которым в руки попадала лампа с джинном, давно бы уже правили всем миром!

— Но мы вовсе не хотим править всем миром! — воскликнула Тиана. — Мы просто хотим выбраться из пустыни!

— Понимаю, — вздохнул Китап. — Но тут компромиссов быть не может. Вначале «просто выбраться», потом «просто три мешка золота», потом «могучую армию механических солдат»... И пошло-поехало!

— Не надо его упрашивать, — буркнул Трикс. — Никакой он не могучий джинн. Я думаю, он просто слабак, который не может нас доставить в Дахриан!

Китап расхохотался:

— Ну да, ну да! Мы в первом классе этот фокус проходили. Меня на слабо не возьмешь!

— Вас что, учат как людей обманывать? — поразился Трикс.

— Не обманывать, а не дать обмануть себя! — пояснил Китап.

— Хорошо, — сказал Трикс. — Я желаю, Китап, чтобы ты доставил меня и Тиану в столицу Самаршана, причем доставил уже сегодня, до полудня, при этом не причинив никакого вреда явного и неявного, скрытого и открытого, а, напротив, тщательно оберегая от всех возможных опасностей, которые могут произойти в пути и по прибытии в Дахриан!

Китап посмотрел на розовеющий восток. Поразмыслил. Потом улыбнулся.

— Сделано, господин и повелитель! Вы в столице Самаршана!

— Столица Самаршана — город Дахриан!

— А раньше столица была здесь! — продолжал юлить Китап. — Сделано, сделано!

— Нет не сделано! — отрезал Трикс. — Столица — это главный город страны, где живет правитель! Здесь, во-первых, не город, а руины. А во-вторых, тут нет правителя. Значит, это не столица.

Китап понурился. Раздраженно сказал:

— Я сразу понял, что с тобой будет трудно. Не люблю работать с волшебниками...

— Доставишь? — спросил Трикс. — Или ты окажешься первым джинном, который опозорился и не смог выполнить желание?

— Так уж и первым, — фыркнул Китап. — Случается...

Он сунул руку в лампу — и каким-то удивительным образом вытащил оттуда пару мягких войлочных туфель. Печально сказал:

— Туфли-скороходы... Замечательная вещь, когда на умелых ногах! Помню, лет сто назад их попросил у меня один

маленький мальчик. То ли он хотел скороходом устроиться к султану, то ли что-то из дворца султана своровать...

— Как сто лет назад? — поразился Трикс. — Ты же сказал, что сидишь в этой лампе три тысячи лет!

— Между прочим, три тысячи шестьсот девяносто, — поправил Китап. — Ну да. И что?

— Как же ты мог сто лет назад...

— А кто тебе сказал, что я сижу только в одной лампе? — ухмыльнулся джинн. — Нет, ты что, всерьез полагаешь, что я превращаюсь в маленькую козявку и забираюсь внутрь лампы, чтобы там грустно дремать невесть сколько лет в ожидании нового повелителя? Качественный квалифицированный джинн обслуживает от полудюжины до сотни ламп! Некоторые ведь фактически выведены из оборота — лежат на дне моря, погребены в песке, замурованы в древних усыпальницах вместе с их хозяевами... Лампа — это вроде двери, маленький волшебник. Дверей в доме может быть много.

— И много ты ламп обслуживаешь?

— Восемнадцать, — неохотно сказал Китап. Посмотрел на туфли. Вдохнул: — Хорошая работа. Нынче так уже не шьют... Слушай, а может, я вас все-таки телепортирую во дворец султана?

— А как же опасности? — усмехнулся Трикс.

— Да ладно... — махнул рукой джинн. — Я очень постараюсь их избежать. Все по-честному, сейчас окажетесь в садах дахрианского султана, живые и здоровые. Зуб даю!

— Туфли жалко? — понял Трикс.

Джинн замылся.

— Тогда телепортируй, только бережно и безопасно! — велел Трикс и крепко взял Тиану за руку.

Китап поднял руку и шелкнул пальцами.

— А тебе не надо выдирать волосы... — сказал Трикс и вдруг сообразил, что стоит не на песке, а на траве, вокруг него

не древние руины, а цветущие деревья и в ушах слышен не шум ветра, а журчание воды.

Тиана стояла рядом с ним, а Китап, улыбаясь, парил высоко в воздухе.

— Ура! — завопил Трикс. — Получилось!

— Желание выполнено, мой господин и повелитель, — сказал Китап и зевнул.

— И еще три моих желания, джинн, не забывай! — напомнила Тиана.

— Конечно-конечно, — кивнул джинн. — Бери в руки лампу и приказывай.

Тиана огляделась.

— А где лампа?

— Ой! Какая жалость! — Китап всплеснул руками. — Ну надо же, лампа осталась в пустыне! Ничего, прелестная госпожа, вы можете в любой момент забрать ее и приказывать. Конечно, если к вечеру лампу не занесет песком.

— Все-таки это нечестно, — вздохнула Тиана.

— Деточка, — сказал джинн. — Не переживай. Мы, джинны, всегда ведем дело так, чтобы лишь одно, последнее желание исполнилось. Если бы я был злым джинном, то я бы отвертелся и от третьего желания Трикса, и от твоих первых двух. Но я добрый и лишний раз над людьми не издеваюсь. Так что... рад был повидаться, всегда готов к услугам...

Джинн начал медленно бледнеть, растворяясь в воздухе. Обиженный Трикс подумал, что такое исчезновение давно уже считается у волшебников дурным тоном и признаком дремучего провинциала.

— А я хотел попросить, чтобы ты спас наших друзей от Прозрачного Бога... — безнадежно сказал он.

— Что? — Джинн так поразился, что даже перестал исчезать. — От Прозрачного Бога? Ну нет, на такое мы не договаривались, на это я пойти не могу!

— Почему? — удивился Трикс.

— Алхазаб — самый могучий волшебник в мире! — сказал Китап. — Его боятся даже джинны! Все, ребята, не поминайте лихом!

И он исчез, на этот раз уже окончательно и бесповоротно. Тиана вздохнула и сказала:

— А жаль. Такой симпатичный парень, но обманщик и трус... Верно, Трикс?

Трикс не ответил — он лежал у ручья и жадно пил. Мгновение Тиана колебалась, а потом отбросила сомнения и тоже бросилась пить.

Но, как и положено высокородной княгине, она благопристойно зачерпывала воду ладошкой, а не глотала прямо из ручья.

4

Сегодня сады султана были столь же чудесны, как и вчера. Трикс с Тианой двинулись к дворцу, срывая по пути персики и груши с деревьев. Трикс, как мог, придумывал план действий.

— Алхазаба мы не победили, — перечислял он. — Это раз. Прозрачный Бог и в самом деле великий волшебник. Это два. Все наши друзья в плену. Это три.

— Или погибли, — вздохнула Тиана.

— Нет, нет, не может это быть! — пылко сказал Трикс. — Нельзя даже так думать. Я уверен, что Алхазаб держит их в плену.

Тиана вздохнула, но промолчала.

— Это я перечислил все плохое, — пояснил Трикс. — Теперь о хорошем. Во-первых, я жив. Во-вторых, я увидел Прозрачного Бога и убедился, что обычное колдовство его не

берет. А в-третьих, теперь со мной ты. Я скажу визирю, что ты влиятельная княгиня и... — он вздохнул, — чуть ли не невестка Маркеля. Тогда он внимательно тебя выслушает, и если ты посоветуешь сражаться — визирь будет сражаться. Наверное. А султан делает все, что решит визирь.

— Не доверяю я королям и султанам, — сказала Тиана. — И уж тем более визирям. У них вечно государственные интересы превыше всего.

— Ну и хорошо. Сейчас их интерес — защитить свой народ и трон.

Тиана вздохнула.

Ближе к дворцу они наткнулись на стражников, бездельничающих в тени деревьев. При виде Трикса они мало того, что вскочили, так еще и поклонились — его известность явно проникла во все слои населения. Один из стражников бросился во дворец, оповещать султана, двое других вызвались отвести их в комнаты для гостей.

Триксу не терпелось поговорить с Аблухаем, но заметив взгляды, которые стражники невольно бросали на Тиану, он заторопился в гостевые комнаты. Юная девушка в ночной рубашке, похоже, представляла собой слишком сильное зрелище для скромных самаршанских стражников.

— Это — прекрасная княгиня Тиана, будущая невестка короля Маркеля. Прикажите принести княгине достойную ее одежду, — велел Трикс, не вдаваясь в лишние объяснения.

Еще один стражник кинулся выполнять приказ, а третий, потупив взгляд, все-таки довел их до гостевой комнаты — просторного зала, с устланным коврами полом, разбросанными повсюду вышитыми подушками и низенькими столиками с фруктами.

— А мне — прохладной воды с лимоном, — попросил Трикс. Последний стражник убежал выполнять распоряжение.

Оставшись наедине, Трикс и Тиана почувствовали неожиданную неловкость. К счастью, через несколько мгновений

в комнату вошли служанки, державшие в руках груды разноцветных одеяний. Цокая языками и неодобрительно поглядывая на Трикса, девушки увели Тиану в другую комнату. Трикс пожал плечами, отошел к окну и пробормотал:

— Я что? Я и не подумал, что Тиана неглиже... я вообще на нее не смотрел... почти.

Пришел слуга, принес кувшин холодной воды и блюдо нарезанных лимонов. Трикс налил себе стакан, выдавил туда пол-лимона, прислушался. Из соседней комнаты доносился веселый смех прислужниц и удивленный голос Тианы.

Ну почему же запаздывал Аблухай?

— Трикс!

Обернувшись, юноша уставился на Тиану. Ойкнул и чуть было не отвернулся.

Тиана, конечно, переоделась. Вот только в результате она выглядела еще менее одетой, чем раньше: на ней были полупрозрачные шаровары из шифона, живот был открыт так, что виден был пупок, ну а рубашка из тонкого цветастого газа скрывала явно меньше, чем честный королевский лён. Только туфли — с загнутыми носками, разукрашенные сверкающими камешками и золотой вышивкой, были более или менее благопристойны.

— Тиана! — возмущенно воскликнул Трикс.

— Тебе нравится?

Трикс поперхнулся. Уставился на довольных служанок:

— Что вы принесли? Разве это одеяние для благородной девушки?

— Конечно, — с обидой ответила одна из служанок. — Жены и дочери богатых самаршанцев носят именно такую одежду.

— Мне нравится! — радостно сказала Тиана.

— Неужели ты появилась бы во дворце в таком платье? — спросил Трикс.

— У нас — нет. Но мы же в Самаршане, надо следовать местным обычаям. — Тиана скромно потупилась.

Трикс безнадежно махнул рукой. Нет, он покривил бы душой, сказав, что новый облик Тианы ему не нравится. Но было как-то непривычно.

— Ну, если ты так считаешь... — начал он.

И в этот момент двери комнаты распахнулись. Служанки прыснули в стороны и незаметно, как умеют только очень умелые служанки, исчезли. А в комнату вошли:

Великий Султан Абнуvas, да восторгнутся все его добротой и великодушием;

Великий Визирь Аблухай, да славится в веках его мудрость и щедрость;

Великий шут Сутар, да не иссякнет его остроумие пред лицом визиря и султана.

Еще вошли человек десять стражников и тихонько встали у стен.

— Трикс! — Аблухай раскинул руки. — Ты вернулся с победой?

Взгляд его тут же переместился на Тиану.

— И пленил любимую жену Алхазаба? — с сомнением уточнил он. — О, у этого варвара неплохой вкус...

— Позвольте представить княгиню Тиану, — быстро сказал Трикс. Про планы Маркеля на Тиану он все-таки решил не говорить, потому что это было очень обидно. Впрочем, неожиданностей для Великого Визиря, видимо, не существовало.

— Тиана? Будущая жена наследника престола? — поднял бровь Аблухай. — Счастлив вас видеть на земле Самаршана, княгиня. Какими судьбами?

Тиана вела себя великолепно, как и подобало княгине. Она протянула руку, которую Аблухай церемонно поцеловал, и безмятежным голосом сказала:

— Я давно мечтала посетить Самаршан.

Аблухай снова поиграл бровями. Задумчиво произнес:

— Надеюсь, вам понравится, княгиня, хотя вы выбрали не лучший час для визита... Трикс?

— Мы не смогли поразить Алхазаба, — признался Трикс. — Гавар обрушил на него свою магию, но случайность спасла Прозрачного Бога. Потом я нанес удар, но он устоял...

— И как же ты выжил? — поинтересовался Аблухай.

— О, это не потребовало от меня больших усилий, — небрежно отмахнулся Трикс. — К сожалению, и витамин, и актеры, и мой оруженосец остались в плену у Прозрачного Бога.

— Он стал брать пленных? — удивился Аблухай. — Что ж, это радует. Итак, вы потерпели поражение и армия Алхазаба скоро выступит в поход...

— Я предлагаю готовиться к битве, — сказал Трикс.

— Это безнадежно, — покачал головой Аблухай. — Мы не сможем победить. Мы лишились поддержки витаминтов.

— Призови на помощь драконов! — попросил Трикс. — Твоя армия, твои драконы и мое волшебство — мы одолеем Прозрачного Бога!

— Ну да, ну да, — кивнул визирь. — А потом, когда у нас не будет возможности призвать драконов на помощь, а наша армия почти вся ляжет в бою, король Маркель завоюет Самаршан!

— Княгиня Тиана своим появлением как бы хочет сообщить вам, что король Маркель не имеет планов завоевывать Самаршан, — в отчаянии сказал Трикс.

Аблухай внимательно посмотрел на Тиану. И спросил:

— А готова ли ты, девочка, остаться в Самаршане в качестве залож... залога мира между нами и королевством?

— Готова, — храбро сказала Тиана.

— И, к примеру, выйти замуж за какого-нибудь высокопоставленного самаршанца? — вкрадчиво продолжил Аблухай.

Тиана едва заметно покраснела и ответила:

— По обычаям моей страны мне еще рано замуж.

— Дикари... — пробормотал Аблухай. — Так мы не торопимся, годик подождем!

Триксу очень захотелось дать визирю в глаз.

— Если дураку позволено будет сказать слово, — встрял в разговор Сутар, — то я бы посоветовал отправить Тиану обратно Маркелю. Этот благородный поступок послужит миру куда больше.

Аблухай вздохнул и снова перевел взгляд на Трикса.

— Я верю в мощь драконов, — сказал он. — Никто, даже Прозрачный Бог, не устоит перед их огнем.

Трикс ждал.

— Хорошо, — кивнул Аблухай. — Мы принимаем бой!

— Ура! — воскликнул Трикс.

— Армия выступит сейчас же, — продолжал Аблухай. — Хорошо бы провести сражение в малонаселенных районах.

— Почему? — не понял Трикс.

— Драконий огонь. Они испепелят все!

— Но ведь в плену у Прозрачного Бога мои друзья... — растерялся Трикс.

— Слушай, ты чего хочешь, а? — рассердился визирь. — Какой у меня выход? Либо сдаваться, либо призвать драконов. Но если я их призову, они не станут летать над вражеской армией и кричать: «Алхазаб! Выходи на смертный бой, подлый трус!» Они будут изрыгать пламя! Пламя, пламя, еще раз пламя! Будет пылать воздух, гореть песок, в золу рассыплется скалы! Там все сгорит! Совершенно все!

Трикс понуро опустил голову. Он как-то и не подумал, к чему приведет помощь драконов.

— Между прочим, — уже мягче сказал визирь, — этим сражением я надолго выведу из употребления богатый сельскохозяйственный регион. Ты бы знал, какие финиковые пальмы там растут! Сколько риса собирают крестьяне с затливых полей! Меховые промыслы — тушканчики, феньки,

пустынные шакалы... Сборщики змеиного и скорпионьего яда... Бирюзовые прииски и рубиновые рудники...

— Рудники западнее, — вставил Сутар.

— Нам многим придется пожертвовать, — продолжал Аблухай. — В том числе и людьми. Ты видел стражников на улице? Они умрут! Этих вот стражников видишь? — Визирь ткнул пальцем в стоящую у стен охрану. — И они тоже умрут! Битва будет страшная и кровопролитная! А ты — кем готов пожертвовать ты, уговаривая нас сражаться? Да, твои друзья, если они еще живы, погибнут во время битвы. Ты должен это понимать. Отвечай, я жду твоего решения!

Трикс молчал. Только что ему казалось, что главное — уговорить Аблухая сражаться и тогда все как-нибудь наладится. И вдруг оказалось, что это как раз — самое простое...

— Ну? — напирал Аблухай. — Что ты решишь?

— Ребята! — внезапно воскликнул султан. — Стойте! Не надо такого мучительного выбора! Не надо ужасного пламени, испепеляющего живых людей, не надо кровопролития! Я не допущу такого!

Ошарашенный визирь повернулся к султану:

— Это как — не надо? А что прикажете делать, славнейший из султанов?

— Мы откроем ворота города, — мягко сказал Абнувас. — Мы впустим наших братьев, подготовим им палатки и устроим большой пир. Мы со всем возможным почтением примем великого волшебника Алхазаба...

— А потом, ночью, наши солдаты выхватят мечи, наши женщины достанут кухонные ножи — и перережут врагов! — Лицо визиря просветлело. — Можно еще на пиру подмешать им отравы...

— Нет! Нет! — замахал руками султан. — Не надо крови! Мы мудро, с полным пониманием того, что мы — единый народ и не должны убивать друг друга, выслушаем решение совета племен и подчинимся ему.

— Но Прозрачный Бог хочет завоевать королевство, земли северных варваров и Хрустальные Острова!

— Очень печально, — кивнул Абнувас. — Но если уж так хочет — пусть завоевывает. К тому же, увидев его мощь, мой возлюбленный венценосный брат Маркель может одуматься и капитулировать.

— А витаминты?

Султан вздохнул:

— Что ж, они, простите за каламбур, свое уже отжили. Но если они одумаются и тоже капитулируют...

— И ты отдашь власть безродному бродяге Алхазабу? — все еще недоумевал визирь.

— Почему бы и нет? — Султан пожал плечами. — Пусть Прозрачный Бог правит всем миром. На местах ему все равно потребуются наместники. Если он победит и Маркеля, и витаминтов, и диких северян — значит, боги ему симпатизируют и он достоин власти.

Мгновение визирь размышлял. Потом улыбнулся. Потом печально посмотрел на Трикса:

— Мягкость и податливость... Не бороться с непреодолимой силой, а уступить ей, но направить в сторону... Разумно, не находишь? Но видишь, что получается, юноша? Пожалуй, мне придется приказать страже схватить тебя. Прозрачный Бог будет тронут, если мы выдадим ему террориста.

— Нет-нет-нет! — снова замахал руками Абнувас. — К сожалению, Прозрачного Бога вряд ли удовлетворит такая малая жертва. Боюсь, что это мне придется приказать страже схватить Трикса... — Он вздохнул. — А также тебя, мой хитроумный визирь, и тебя, мой коварный шут... тех, кто узурпировал мою власть и мешал мне примириться с Прозрачным Богом...

— Абнувас! — воскликнул Сутар и словно бы потерял дар речи. Но во взгляде его, устремленном на султана, почему-то

было больше восторга и радости, чем испуга или растерянности.

— Арестовать? Меня? — Аблухай расхохотался. — Знаешь ли, о наивнейший из султанов, наместником Прозрачного Бога может быть и визирь, а не султан!

— Вот, как я и думал, — вздохнул султан. — Измена... змея, пригретая мной на груди... Ребята, арестуйте изменников!

— Стража, арестуйте султана! — рявкнул визирь.

Один из стражников, судя по богатству доспехов и оружия — командир, взмахнул рукой. Стражники двинулись вперед и на плечи визиря опустили крепкие ладони.

— Почему? — завопил визирь, тщетно пытаясь вырваться. — Но почему, шакальи дети? Я нанял вас на службу, я платил вам золотом!

Султан посмотрел на командира стражи и сказал:

— Ал-Рустем, спасибо тебе за службу. Как твоя дочурка, поправилась?

— Спасибо, добрейший султан, — откашлявшись, сказал командир. — Лекарь помог, спасибо.

— А как ты, Гилым? — продолжал султан, обращаясь к стражнику постарше. — Достроил ли дом?

— Спасибо, добрейший султан! — отчеканил стражник. — Жена благодарит вас за тот чудный ковер, который вы подарили на новоселье!

Султан снова перевел взгляд на онемевшего визиря и сказал:

— Добрее надо быть к людям, добрее...

— Мальчик вырос, — внезапно сказал Сутар. — О... я не чаял дожить до этого дня. Мальчик-то вырос! Настоящий султан!

Абнувас кивнул. С сожалением произнес:

— Не держи зла, Сутар. Но ты пойдешь в комплекте с визирем и волшебником, все знают, что вы вдвоем правили от моего имени. Ничего личного!

— Понимаю, — кивнул Сутар. — Не первый год при дворе.

— Да, волшебника-то тоже схватите! — напомнил султан. — Свяжите и заткните рот, это очень важно! А княгиню... проводите в мои покои.

Только после этого Трикс опомнился. Ему помогло то, что стражники все-таки побаивались чужеземного волшебника и арестовывать его бросились не очень резво. Если говорить честно, то большая часть стражников кинулась к Тиане, чтобы проводить ее в покои султана.

— Незримый щит отбросил всех атакующих стражников! — крикнул Трикс, импровизируя на ходу. Щит получился так себе, стражников не отбросило, а только замедлило. Но Трикс не стал дожидаться, пока солдаты прoderутся сквозь магическую завесу, схватил за руку Тиану и бросился к окну. Один стражник все-таки успел вцепиться Тиане в руку, но таловко пнула его в живот — и стражник с воплем повалился.

— Где ты научилась так пинаться? — запрыгивая на низкий подоконник и затаскивая туда Тиану, спросил Трикс.

— На курсах семейной жизни для благородных девиц!

Трикс пинком (надо честно сказать — куда менее профессиональным) распахнул створки витражного окна. Часть разноцветных стекол разбилась и полетела вниз. Трикс проследил их полет.

Высоко...

Конечно, опытный волшебник может сочинить заклинание, которое полностью погасит силу, с которой человек падает с высоты. Но заклинания такие использовались так часто, что веры в них не было никакой — в чем многие волшебники убеждались слишком поздно.

К счастью, Триксу вовремя вспомнились слова визиря о том методе, который Абнуvas выбрал для борьбы с Прозрачным Богом.

— Вопреки обыденности, выпрыгнувшие из окна волшебник и княгиня не понеслись вниз! — обернувшись к страж-

никам, сообщил Трикс. — Направление их движения сместилось на значительный угол и они стремительно покатались вдаль, над садом, над забором — медленно снижаясь, будто дети, катающиеся с ледяной горки! — На лицах стражников отразилось полное непонимание и Трикс быстро поправился: — Словно незадачливые путники, скатившиеся с пологого песчаного бархана!

Стражники обрадованно закивали, и Трикс, продолжая сжимать руку Тианы, шагнул в пустоту. Княгиня закрыла от страха глаза, но все же сделала шаг.

Повалившись на спину, Трикс и Тиана понеслись над деревьями, будто в воздухе и впрямь возникла ледяная горка.

— Что вы стоите, за ними! — донесся до Трикса приказ самого доброго из султанов.

— А вот на стражников волшебный спуск не был рассчитан и они упали! — добавил Трикс.

Сзади донеслись пронзительные вопли.

— Трикс, ну я же тебе говорила! — выкрикнула Тиана, цепляясь за него. — Нельзя доверять султанам и визирям!

— Я был неправ! — кувыряясь в воздухе, признался Трикс. Ветка особо высокого дерева чуть было не хлестнула его по лицу.

— Вот казнили бы тебя, а меня бы султан в жены взял, ты был бы виноват! — продолжала Тиана.

— Я против!

— Против чего? — допытывалась княгиня.

— Против всего!

Они пронеслись над забором и через мгновение мягко приземлились в стоге сена, который неторопливо везла по дороге запряженная быками телега. Возчик, погруженный в свои мысли, даже не заметил неожиданных пассажиров.

— Вот это да! — Тиана, видимо, удовлетворенная покаянием Трикса, сменила тему. — Вот это повезло!

— «Повезло» тут ни при чем, — буркнул Трикс.

— Это ты наколдовал телегу с сеном? — восхитилась Тиана.

— Нет! Это значит, что мы все делаем правильно! Если ты выпрыгиваешь из окна, спасаясь от погони, и падаешь в телегу с сеном, в бассейн или на мягкий упругий тент — значит, действует волшебство приключений! А это очень сильное волшебство!

Тиана с уважением посмотрела на Трикса.

— Значит, теперь у нас будут приключения, а не неприятности?

— Они как-то обычно не сильно различаются, — признался Трикс. — Надо слезать...

Задумчивый возчик так и не заметил Трикса и Тиану. На самом деле этого немолодого самаршанца, милостью визиря научившегося читать и считать, занимали сейчас очень серьезные вопросы: почему любой предмет, кроме живой птицы, если его отпустить, падает прямо на землю?.. почему реки текут под гору, но никогда вверх?.. как проявляется взаимодействие между предметами и нет ли в этом какой-то удивительной общей закономерности?

Честно говоря, возчик даже придумал красивое название для этой закономерности — Закон Всемирного Падения. Если бы он научился читать и считать не в зрелом возрасте, а в детстве, если бы ему не нужно было день-деньской возить сено, чтобы кормить семью, ну или, в крайнем случае, если бы он увидел, как Трикс с Тианой по касательной соскользнули из окна, когда в действие силы Всемирного Падения вмешалось волшебство, ну а потом просто спрыгнули с повозки... Пожалуй, тогда он сумел бы сформулировать свой закон, прославился бы среди самаршанских мистиков и мудрецов, а быть может, даже удостоился бы записи в Книгу Мудрых Мыслей.

Увы, ничего этого не случилось, так что к вечеру у возчика от напряженных раздумий разболелся лоб, придя домой, он накричал на склонившегося над книжкой сына, заявив,

что «от этой учебы — только лишние мысли в голове!» и в дальнейшем уже не пробовал придумать что-нибудь эдакое.

Но на самом деле эта история настолько обыденна и происходит так часто, что мы не будем дальше вспоминать ее в своем повествовании...

— Наверное, нам надо где-то спрятаться, — сказал Трикс. — Или убежать из города. Или попросить совета...

— Или все вместе, — предложила Тиана.

— Или все вместе... — Трикс просиял. — Я понял! Я знаю, где мы спрячемся и получим мудрый совет!

Схватив девочку за руку, он побежал прочь от дворца. Иногда навстречу попадались стражники, но они, к счастью, не знали, что бегущие дети — опасные государственные преступники, которых просто необходимо схватить во имя добрейшего из султанов, неожиданно взявшего власть в свои руки.

— Я подружился с драконами, — объяснил Трикс. — Вот у них и можно будет спросить совета, они живут долго и потому очень мудрые.

— Наша старшая фрейлина прожила почти сто лет, но всю жизнь была дура дурой! — фыркнула Тиана.

— Может, будь у нее еще лет двести, она бы поумнела?

Самый короткий путь к драконам лежал через главный столичный рынок. Уже на подходах к нему в воздухе начали витать ароматы восточных благовоний, южных пряностей, самаршанской еды и совершенно интернациональной тухлятины. Скрипели арбы и телеги, на которых к рынку свозили товары, гортанно зазывали покупателей торговцы, шумно торговались покупатели, возбужденно блеяли овцы и клекотала в клетках птица.

Трикс с Тианой побежали через фруктовые ряды, где было меньше покупателей. То ли жители Дахриана не любили фрукты, то ли предпочитали выращивать их сами, а не покупать на рынке — во всяком случае, здесь можно было не толкаться.

Зато скучающие торговцы засыпали их предложениями и комплиментами:

— Яблоки, яблоки, самые сладкие яблоки, половина сахар, половина мед, попробуй яблочко!

— Куда спешишь, красавица, на, возьми персик, розовый, как твои щечки!

— Ай, дорогой, инжир скушай, сочный инжир, сам растил, сам продаю!

— О, красавица, радость усталых глаз, позволь познакомиться тебя с моим сыном...

— Изюм, изюм, изюм, изюм, изюм...

— Орехи, орехи, орехи!

— Арбузы из пустыни, на песке выращены, слаще в целом мире нет!

Трикс почувствовал, как от обилия впечатлений и выкриков у него начала кружиться голова. Каждый торговец считал обязательным что-нибудь предложить и сделать Тиане комплимент. А еще было очень обидно, что Тиана эти комплименты принимала с явным удовольствием и все порывалась приостановиться и что-нибудь попробовать (а может быть — послушать).

— Какие надоеды! — буркнул Трикс на бегу.

— Это простые трудящиеся востока, бесхитростные и открытые, — возразила Тиана. — Что думают, то и говорят!

— Да врут они все!

— Что врут?

— Арбузы у них не сладкие! Инжир засохший! Яблоки червивые! — кривя душой, заявил Трикс.

— Может, ты еще скажешь, что я... я не симпатичная? — обиделась Тиана.

— Да при чем тут это? — возмутился Трикс.

— Как при чем? — неожиданно обиделась Тиана. — Из-за тебя я вынуждена убегать от стражников, а ты говоришь — ни при чем!

Трикс только вздохнул. Ну что такое с княгиней? Летом они так чудесно ладили, а теперь придирается к каждому слову...

— Ты самая красивая на этом базаре, — сказал Трикс. — И вообще в Самаршане. И даже в целом мире! Но нам надо спастись! Неужели тебе раньше не говорили, что ты самая чудесная девочка на свете?

Тиана немного смягчилась. Но уже на выходе с рынка все-таки не удержалась и остановилась у прилавка, заваленного свежей клубникой.

— Позволь угостить тебя, милое создание! — оживился продавец. — Только для тебя — самая лучшая клубника на этом базаре, да что там на базаре!.. В Самаршане! В целом мире!

Трикс вздохнул и остановился перевести дух, пока Тиана пробовала клубнику и улыбалась усатому продавцу. Над рынком стоял ровный гомон, сливающийся в успокоительный шум. В конце концов, они уже почти возле городской стены...

— Слушайте, слушайте! И не говорите, что не слышали! — неожиданно тонкий и противный голос разнесся над базаром. С разных концов ему вторили другие голоса, так что каждая фраза повторялась три-четыре раза.

— Наш любимый султан Абнувас...

— ...султан Абнувас...

— Абнувас...

— Сильно озабочен!

— ...озабочен!

Торговцы притихли и наострили уши. Тиана с удовольствием лакомясь клубникой.

— Ай, даже самая спелая клубника не такая алая, как твои губы, красавица... — привычно сказал торговец, даже не глядя на Тиану.

— Из дворца любимого султана...

— ...любимого султана...

— Коварно сбежали!

— ...сбежали!

Трикс взял Тиану за руку и потащил от прилавка.

— Юноша и девушка...

— ...девушка...

Торговец посмотрел на Тиану, потом на Трикса.

— Родом из королевства...

— ...королевства...

— Куда же вы? — окликнул их торговец, выбираясь из-за прилавка. — Нехорошо уходить, не дослушав слова султана!

— Юноша — опасный преступник, могучий волшебник!

— ...могучий волшебник! — надрывались глашатаи.

Усатый торговец изменился в лице и ретировался за прилавок, откуда сообщил:

— Впрочем, что это я, где же мое прославленное восточное гостеприимство? Вы же, наверное, торопитесь! Добрый путь! Клубнички, клубнички прихватите!

Если кто-то еще из торговцев и сообразил, что пробежавшие мимо подростки вполне могут быть разыскиваемыми преступниками, то озвучивать свои соображения они не стали. Все-таки молодому султану Абнувасу не хватало пока опыта. Вот визирь наверняка начал бы с описания награды за поимку преступников, а уже потом упомянул, что беглец — волшебник, а беглянка очень больно пинается.

Минут через десять Трикс и Тиана выбежали к городской стене. Сильный запах подсказывал, что где-то совсем рядом — драконы. Большая часть ворот в стене была заперта или наглухо закрыта, хоть и не охранялась. Трикс, пустившись во все тяжкие, не стал мудрить — протянул руку к заколоченной бог весть когда двери и приказал:

— Ржавчина изъела гвозди, превратила их в труху, и старые доски обрушились на землю. Не устояли и дверные петли — рассыпались в прах. Двери, преграждавшие путь к свободе, тяжело и неохотно рухнули...

Двери тяжело и неохотно рухнули. Трикс с гордостью посмотрел на Тиану.

— Ты и впрямь великий волшебник, — сказала девочка. — Я никогда еще не видела, чтобы бронзовые гвозди ржавели!

— Ну... в случае крайней необходимости... — уклончиво ответил Трикс. — Идем...

То ли им улыбнулась удача, то ли стражники, взволнованные резкими перестановками во власти и грозным описанием беглецов, не спешили их искать, но погони не было. Трикс и Тиана, оказавшиеся на самом конце поля, отданного под драконью стоянку, стали пробираться к холму, на котором обосновалось семейство Зуа Хамида.

Драконы, похоже, услышали объявление герольдов, а может быть, и воспользовались магией, чтобы узнать о происходящем. Во всяком случае вели они себя гораздо тише, чем в прошлый раз, а перед Тианой и Триксом вежливо расступались. Чем ближе ребята подходили к холму, тем тише становилось вокруг. Но при этом драконья толпа смыкалась сразу же за их спинами. Трикс оглянулся и понял, что они идут в окружении сотен драконов — крошечный островок, окруженный разноцветной чешуей, сверкающими глазами, острыми когтями и хищными клыками.

Триксу это не понравилось.

Зуа Хамид при их появлении поднялся с земли и вытянул вперед шею. Огромная голова покачивалась прямо перед Триксом, глаза внимательного изучали юного волшебника. Стоявший в сторонке Элин радостно помахал Триксу лапой.

— Здравствуй, Зуа Хамид, — сказал Трикс. — Здравствуй, Элин.

— Здравствуй, волшебник Трикс, — ответил Зуа. — Вы не смогли справиться с Прозрачным Богом.

— Да, Зуа Хамид, — кивнул Трикс.

— Султан взял власть в свои руки, — продолжил Зуа. — Он предпочел войну против всего мира войне с Прозрачным Богом. Я не знаю, мудрый ли это выбор.

Трикс кивнул.

— Ты и твоя подруга больше не друзья султана и Самаршана, — продолжал дракон. — Мне очень жаль.

— Что это меняет в наших отношениях? — храбро спросил Трикс.

— Ничего... если султан не истратит свое последнее желание на то, чтобы мы тебя схватили. — Дракон улыбнулся, оскалив клыки. В глубине его пасти светился крошечный красный огонек.

— Ты не собираешься нас испепелить? — спросила Тиана. — У тебя во рту огонь...

— Нет, глупая девочка, это всего лишь запал, он всегда горит! — неожиданно вспыхнул Зуа. — Не мешай мужчинам разговаривать о важ...

Тяжелый удар крылом пришелся на хвост Зуа. Желтая дракониха возмущенно воскликнула:

— Зуа! С каких это пор ты отказываешь женщинам в уме?

Дракон вздохнул и примиряюще сказал:

— Я не отказываю. Но мы обсуждаем серьезные мужские...

— Зуа!

— Извини, девочка, — фыркнул дракон. — Просто мы, драконы, не обсуждаем с посторонними некоторые вещи. Есть интимные темы, понимаешь?

— Я не обиделась, — сказала Тиана. — Извините, я тоже была виновата.

Мир был восстановлен и Зуа вновь обратился к Триксу:

— Так зачем же вы пришли ко мне?

— Зуа, мои друзья в руках Прозрачного Бога!

— Знаю.

— За нами охотятся стражники!

— Знаю.

— Мы чудом выбрались из пустыни!

— Джинны — очень, очень вредные и хитрые существа! — с чувством сказал дракон.

— Прозрачный Бог наверняка будет меня преследовать дальше!

— Не сомневаюсь.

— Что мне делать, Зуа?

— Ты просишь совета? — поинтересовался дракон.

Трикс кивнул.

— Бежать ты, наверное, не хочешь?

— Нет. Мои друзья...

— Да понял я, понял. — Дракон задумался. — А почему тебе нужен именно мой совет?

— Потому что ты мудрый! — сказал Трикс. — Ты прожил огромную жизнь и никто не сравнится с драконом в мудрости...

— Допустим... — Зуа явно был доволен. На его оранжевой чешуе проступили красные пятна, будто он смутился. — Но мудрость еще не значит, что я захочу дать тебе хороший совет.

— Зуа, это и в твоих интересах! Если даже вам, драконам, не придется сражаться с Прозрачным Богом, вас пошлют воевать с королевством и витамантами. А наши волшебники и рыцари умеют сражаться. Помоги мне победить Алхазаба — или уговорить его не воевать!

— Все верно... — Дракон, опираясь на кончике крыльев, вытянулся вверх. И проревел что-то, явно имеющее смысл, но совершенно непонятное. Драконы вокруг зашумели.

— Это он советуется, — пояснил Трикс Тиане. — Драконы своему языку никого не учат...

— Трикс, а почему он красными пятнами пошел?

— Не спрашивай, — беспокоился Трикс. — Вдруг это тоже интимный вопрос...

Зуа внимательно слушал драконий рев. На стенах города забежали обеспокоенные стражники. Наконец, дракон вновь опустил голову и сказал:

— Слушай меня, юный волшебник. Мы не знаем природы магии Прозрачного Бога — и не понимаем, как ее преодолеть. Значит, тебе не поможет волшебство. Мы не знаем, где найти

армию, которая победила бы его силой. Значит, тебе не поможет сила. Мы не знаем, как найти слова, которые переубедят Алхазаба. Значит, тебе не поможет мудрость. Но есть одна вещь, перед которой бессильны магия, сила и мудрость!

Трикс слушал, затаив дыхание. Но тут не удержался и воскликнул:

— Я догадываюсь! Там, где не помогут мудрость, сила и чувства — поможет доброе сердце! Помогут ценности, единые для всего человечества! Поможет доброта и понимание, любовь и прощение, сочувствие и сострадание!

Зуа Хамид помолчал немного, а потом сказал:

— Идиот. Поверь, Алхазаб и без того считает себя самым добрым, любящим и сострадательным человеком в мире. Нет! Я даже не знаю, стоит ли продолжать...

Трикс пристыженно опустил голову. К счастью, ему помог Элин Абулла Мумрик:

— Папа, ну ты же знаешь, что он такой — добрый, — тихонько сказал он. — Ну бывает... Зато он честный! Видишь, сразу все говорит!

Зуа вздохнул и продолжил:

— Тебе поможет ловкость! Тебе поможет тайное искусство... Знаешь, кого мы, драконы, боимся больше всего — после Прозрачного Бога?

Трикс покачал головой.

— Мы боимся учителя Абва из школы «Таящаяся гадюка», — сказал дракон. — Что наше чутье и зоркость против ассасинов, крадущихся среди теней? Что наши клыки и когти против отравленного кинжала, вонзенного в одно из четырех незащищенных мест на нашем теле? Что наше пламя и магия против сонных порошков и склянок с бациллами, вылитыми в водопой?

— Что такое бациллы? — спросила тихонько Тиана. Трикс не знал точного ответа, но на всякий случай шепнул:

— Отрава такая... тише!

— Много веков назад мы воевали с «Таящейся гадюкой», — продолжал дракон. — Это была страшная битва. Пять раз мы сжигали дотла школу ассасинов — но она возрождалась вновь. Посланники Абва убивали нас десятками и сотнями... Наконец, мы заключили перемирие. Не могу сказать, захочет ли Абв тебе помочь. Но если кто-то и может поразить Прозрачного Бога — так это ассасин!

— Как мне его найти? — спросил Трикс, не раздумывая.

— Постой, мальчик. — Зуа нахмурился. — Абв никогда не выполняет ничьих указаний. Он сам решает, куда направить своих учеников — или отправиться самому. Если ты придешь к нему просить помощи — ты умрешь.

— А что же тогда делать? — воскликнул Трикс.

— Есть одна-единственная возможность, — таинственным шепотом произнес дракон. — Когда мы заключили перемирие, то Абв сказал: «Вы достойно сражались. Если кто-то из вас захочет пройти обучение в моей школе — пусть приходят, я научу их всему, что знаю сам». Мы никогда не пользовались этим правом, но теперь пора вспомнить об этом долге...

— Но я же не дракон... — напомнил Трикс. — Я не один из вас.

Зуа вновь поднял голову:

— Драконы! Принимаем ли мы человеческого детеныша Трикса... — Зуа скосил глаза вниз, вздохнул и продолжил: — И его подругу тоже... В почетные драконы?

— Да! — проревели драконы. Только один, черный и здоровенный, уточнил: — Но условно, Зуа, условно! С испытательным сроком в сто лет!

— Смысл? — по-деловому спросил Зуа.

— Пока испытательный срок не кончится, мы не обязаны делиться с ним своей мудростью! А формально он все равно будет членом стаи и может отправиться к Абву!

— Хорошее уточнение, — кивнул Зуа. — Итак, теперь вы — условные драконы. И можете отправиться к Абву изучать искусство ассасинов!

— Зуа, стой! — Трикс замахал руками. — Но ведь этому учатся годами! С рождения! Пока я хоть чему-то научусь — Прозрачный Бог завоюет весь мир!

— Во-первых, ты волшебник; — сказал Зуа. — Ты можешь использовать магию, чтобы учиться быстрее. А во-вторых — я смогу дать тебе немножко времени. Я телепортирую тебя и Тиану поближе к «Таящейся гадюке». Но я тебя отправлю не сейчас. Ты попадешь в школу ассасинов месяц назад. Настоящего дракона я сумел бы отправить и на несколько лет, но люди плохо переносят путешествия во времени.

— Как это? — поразился Трикс. — Разве можно путешествовать во времени?

— Конечно, — фыркнул Зуа. — Ты и так это делаешь постоянно, только ты путешествуешь из вчера в завтра, а я тебя отправлю в обратную сторону. Понял?

— А можно этому научиться? — не унимался Трикс.

— Ну разумеется, — саркастически сказал Зуа. — Мне понадобилось всего-то лет двести, чтобы выучить это заклинание. Ну что, готовы?

Трикс посмотрел на Тиану. И сказал:

— Да, вот только Тиану лучше отправить в королевство...

Тиана немедленно дала ему подзатыльник. И возмущенно воскликнула:

— Ты что? С каких пор ты считаешь, что девчонки в чем-то уступают мальчишкам?

Зуа сочувственно поглядел на Трикса:

— Лучше отправляйтесь вдвоем, — сказал он. — Так у вас будет больше шансов уцелеть.

Трикс вздохнул и смирился. В конце концов, он и сам может попробовать отправить Тиану домой...

— Только ты будешь меня слушаться, ладно? — попросил он. — У меня опыта больше.

— Посмотрим, — фыркнула Тиана. Но придвинулась ближе и крепко взяла Трикса за руку.

— Готовы? — снова спросил Зуа.

— Да! — ответил Трикс.

— Я постараюсь еще кое-чем вам помочь, — неожиданно сообщил дракон. — Но все равно, только от вас зависит, станет ли Абв вас обучать — и чему вы сможете научиться.

— Спасибо, Зуа, — сказал Трикс. — Спасибо, драконы.

— Ты еще не знаешь, стоит ли за это благодарить, — грустно сказал Зуа. Развел крылья так, что заслонил солнце.

И сказал длинную грохочущую фразу на драконьем языке.

5

Как хорошо известно, путешественникам во времени больше всего запоминается щекотка.

Разных необычных ощущений на самом деле очень много — например, кажется, что ноги вытянулись куда-то далеко-далеко, во рту появляется вкус всех блюд, которые съел за последнее время, волосы встают дыбом и от них летят синие и красные искры. Душу путешественника охватывают необыкновенное ликование и творческий экстаз — сами собой рождаются великие стихи, остроумные шутки, опережающие время научные гипотезы и изысканные кулинарные рецепты.

Но щекотка! Щекотка так сильна, что от хохота у путешественника все вылетает из головы...

Когда молочно-белый туман, который всю дорогу окутывает путешественника во времени, рассеялся, хохочущий Трикс повалился на землю.

— И жизнь, — выдавил он сквозь хохот. — И слезы! И любовь!

Рядом упала Тиана, со смехом выкрикивая:

— Для любого натурального числа не имеет натуральных решений! Но поля книги слишком малы, чтобы это записать!

Отсмеявшись, дети уставились друг на друга.

— Что с нами было? — спросила Тиана.

— Мне показалось, что я умею сочинять стихи, — признался Трикс.

— А я, кажется, придумала какую-то смешную шутку... — Тиана потерла лоб. — Долгоиграющую такую...

Трикс вздохнул:

— Тоже хорошо. Но стих был такой... красивый. Вроде как «Я помню замечательный миг, ты появилась передо мной. Подобно миражу, подобно духу прекрасного...»

— Романтично, — признала Тиана. — Только это не стих совсем... А где мы, Трикс?

Трикс огляделся.

— Наверное, возле школы «Таящаяся гадюка». Месяц назад...

— Красиво...

Место, в котором они оказались, и впрямь было примечательным. С одной стороны простиралась бескрайняя желтая пустыня. Восходящее солнце окрашивало песок в нежно-розовый цвет, барханы лежали усталыми сонными волнами.

С другой стороны вздымались острые черные скалы. Обычно скалы не могут выстоять против пустыни — ветер, несущий песчаную пыль, стачивает их; дневная жара и ночной холод раскалывают — проходит век, другой, и скалы превращаются в песок, становятся частью пустыни.

Но эти черные скалы оставались острыми и колючими, будто зачарованные могучей магией. На вершине самой отвесной, самой большой, самой страшной скалы высился замок — выстроенный из изумрудно-зеленого камня, увен-

чанный гордыми ажурными башенками и сверкающими серебрястыми куполами.

— Школа ассасинов «Таящаяся гадюка»! — замирая от сладкой жути, прошептал Трикс. — Там живет учитель Абв — говорят, он старше витаманта Эвикеята, ему уже больше тысячи лет!

— Ты боишься? — спросила Тиана и взяла его за руку.

— Немножко, — признался Трикс. — Но ты не забывай, мы ведь условные драконы! И я волшебник. Так что... так что...

Он печально вспомнил, что во всех преданиях и сказках ассасины Абва легко справлялись с самыми могучими волшебниками, да и драконы признались в своем страхе...

— Пойдем, — решил Трикс. — Надо еще найти дорогу наверх.

Дорога, однако, нашлась на удивление быстро. Она начиналась в узком ущелье, рассекающем скалы, некоторое время шла по его дну, а потом начинала карабкаться в горы — местами по естественным склонам, а местами прорубленная в черных скалах. Дорога была хорошая, широкая — на ней могли бы разехаться две груженные тюками лошади, если бы, конечно, какая-то лошадь добрела с тюками до этих скал и решила лезть в гору. Вымощена дорога была крошащимся от времени кирпичом, когда-то солнечно-желтым, а теперь, скорее, угрюмо-рыжим. Портило дорогу только то, что между кирпичами в изобилии проросли сорные травы.

То ли для пущего впечатления путника, то ли для вящего его устрашения, вдоль дороги стояли искусно выполненные статуи. Были здесь и мускулистые голые мужчины, готовые бросить копьё или увесистый диск (Тиана чуть покраснела и стала смотреть в сторону), и прекрасные обнаженные женщины (тут уже смутился Трикс) — расчесывающие волосы, смотрящиеся в зеркало или делавшие непонятно что — ибо у них от времени отвалились руки. Много было скульптур более невинных, в чем-то шаловли-

вых — маленький писающий мальчик, девушка с рыбьим хвостом вместо ног, старичок с рожками на голове. Потом пошли скульптуры бытовые, обыденные: рыбачка с веслом, мальчик, дудящий в трубу, задумчивый молодой мудрец с книжкой в руках, кузнец с молотом на плече...

— Я думаю, учитель Абв не такой уж и страшный, — сказала Тиана. — Видишь — он любит искусство. А любовь к искусству присуща добрым людям.

— Может, это настоящие люди, — мрачно предположил Трикс. — Которых ассасины превратили в скульптуры магией и отравленными зельями.

Но Тиана его мнение не поддержала.

— Ну что ты! Вон, видишь, подряд стоят пять лысых старичков с кепками в руках! Что же, по-твоему, ассасины старичков-близнецов заколдовали? А вон еще один такой, но без кепки, рукой на замок указывает!

Трикс вынужден был с ней согласиться. Это и впрямь были всего лишь скульптуры, хотя и отобранные по непонятному принципу.

Все, кому доводилось подниматься в горы, знают, что больше всего утомляют не крутые склоны, а постоянный неспешный подъем. Дорожка из желтого кирпича была как раз такой — с виду нетрудной, а на деле выматывающей все силы. К тому же жаркий ветер пустыни дул не переставая, все сильнее и сильнее хотелось пить.

Каково же было изумление Трикса, когда на полпути к замку дорожка расширилась, превратившись в уютную площадку с замечательным видом на пустыню и ущелье. Со стороны пропасти площадку огораживали крепкие каменные перила, в тени скалы были высечены из цельного камня удобные, хоть и твердые кресла. А самое главное — там стояла еще одна статуя — девушка с кувшином, и из кувшина с журчаньем била в маленький бассейн тонкая прозрачная струйка!

— Ура! — закричала Тиана. — Какие они добрые, ассасины!

Трикс недоверчиво посмотрел на бассейн. Ясное дело, что на любого могут наговаривать лишнего. В том числе и на ассасинов. Но такая безмерная доброта...

Тиана уже нагнулась над бассейном и протянула к воде руки.

— Стой! — завопил Трикс и схватил княгиню за плечо. — Не пей! Не трогай! Не глотай!

— Ты чего? — удивилась Тиана. — Это же вода...

— Подожди, — твердо сказал Трикс. — Как-то уж очень подозрительно все.

Оглядевшись, он заметил на каменистом склоне маленький, невзрачный белый цветочек. Привстав на цыпочки, сорвал его.

— Это мне? — восхитилась Тиана. — Эдельвейс... цветок безрассудной любви!

К сожалению, Трикс услышал ее слова слишком поздно — уже опустив цветок в бассейн. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом цветок прямо на глазах стал красным, потом черным, а потом рассыпался в прах. Трикс осторожно вытащил стебелек — от него валил пар.

— Ты убил цветок нашей любви! — возмутилась Тиана.

— Я спас тебе жизнь! — закричал Трикс. — Это была отравка!

— Но цветок сгорел!

— Ты бы сама сгорела, зачерпнув воды! — продолжал негодовать Трикс. — При чем тут цветок?

Тиана отвернулась и сквозь слезы сказала:

— Почему все вы, мужчины, такие нечувствительные! Почему?

— Ну потому что мы мужчины! — всерьез обиделся Трикс. — И нам положено вначале подумать, а потом уже восхищаться цветочками!

— Идем, — сухо сказала Тиана. — Не хочу здесь оставаться.

Трикс, обиженный до глубины души, пошел вслед за Тианой. Он-то был уверен, что спас ее жизнь и заслуживает...

ну, к примеру, доброго слова! Или даже пылкого взгляда и восхищенной улыбки! А в итоге — его ругают за то, что ассасины отравили не Тиану, а какой-то там цветок!

Будь Трикс немного старше и искушеннее в общении с прекрасным полом, он бы понял, что обижаться совсем не стоит. Это для мужчин, даже не совсем взрослых, куда важнее содержание — спасти от яда, защитить от злобного минотавра, вырастить урожай. А вот для женщин — и взрослых, и не очень, куда важнее форма — сказать красивые слова, изящно раскланяться, похвалить новое платье...

Впрочем, как ни странно, спасти, защитить и вырастить при этом тоже необходимо.

На самом деле Триксу еще очень повезло. Княгиня Тиана, то ли от того, что много времени проводила в общении с придворными, то ли в силу сиротства, то ли из-за унаследованной от знаменитой бабушки, леди Кадиве, авантюристости, обладала складом ума скорее мужским, или в соответствии с ее возрастом — мальчишеским. Поймай Трикс порхающую меж скал прелестную радужную бабочку и кинь ее в отравленный бассейн — из глаз Тианы не пролилось бы ни слезинки.

Но эдельвейс!

Цветок безрассудной любви!

Слишком уж запомнилась юной княгине сентиментальная летопись «Приключения Мерца Палье, отважного оруженосца, наделенного многими достоинствами и недостатками». Не раз и не два перечитывала княгиня этот знакомый каждой умеющей читать женщине труд, повествующий о пылкой любви храброго юного оруженосца и прелестной княжеской дочери. К многочисленным пятнышкам покоробленной бумаги — слезами благородных дам трех поколений Дилонов — добавилось изрядно слез, пролитых Тианой. И особенно много слезинок упало на те страницы, где раненный отравленной стрелой Мерц приносит к изголовью умирающей от того же самого яда княгини эдельвейс — цветок безрассудной любви,

единственное средство, способное победить отраву. «О, возьми этот волшебный цветок, княгиня! — задыхаясь, шептал умирающий оруженосец. — Проглоти его, и ты победишь смерть!» «Нет, мой любимый! — твердо отвечала ему княгиня. — Съешь его сам, я хочу, чтобы ты остался жив!»

Кончилось плохо, все умерли.

Вообще-то при чтении Тиана постоянно задавалась неподобающими благородной даме мыслями (благородной даме, если честно, мысли не очень-то необходимы), как то: нельзя ли было разделить цветок на две части; неужели у княгини не хватало слуг, чтобы притащить ей с гор охапку эдельвейсов; что это еще за страшный яд, который лечится обычным цветком; не лучше ли все-таки уважить просьбу влюбленного юноши и слопать целебный цветок, ну хотя бы для того, чтобы тот умер с чувством выполненного долга, а не с внезапным запоздалым осознанием, что его возлюбленная — напыщенная романтическая дура.

Но такова была сила душещипательной истории, что даже при всей своей несуразности она запала в душу девочки крепко-накрепко. И когда в руке Трикса она увидела этот самый невзрачный эдельвейс (прочитав книгу, Тиана немедленно потребовала эдельвейсов, и к вечеру ей приволокли целый стог, так что цветок она хорошо запомнила), юное сердце восторженно встрепенулось.

И тут... Цветок безрассудной любви... В отравленную воду!

Упрямо поднимающаяся в гору Тиана вдруг задумалась.

А нет ли здесь некой прямой параллели между летописью и жизнью?

Прекрасный, но, если говорить начистоту, глуповатый Мерц добыл эдельвейс — но так и не спас свою любимую от яда. Гораздо менее романтический, но уже такой привычный, добрый и славный Трикс использовал тот же самый эдельвейс куда как разумнее — предотвратил отравление!

Сама того не зная, Тиана сейчас вплотную приблизилась к той мудрости, которую некоторые женщины осознают только в преклонные годы, а некоторые не понимают никогда. А мудрость эта такова — чудесен и великолепен кавалер, который, уведя вас гулять темными аллеями и наткнувшись там на злых разбойников, в свирепом бою разгонит их всех. Но куда как чудеснее и великолепнее тот кавалер, который поведет вас гулять на светлые аллеи, не встретит там никаких разбойников, зато накормит мороженым и займет куртуазной беседой.

Не была ли она несправедлива и не в меру строга?

Тиана остановилась и благосклонно посмотрела на сопящего сзади Трикса. Трикс, насупившись и что-то бормоча одними губами, шел следом за ней, временами бдительно поглядывая на пропасть, на склоны, на замок впереди и на тропу за спиной.

— Я не сержусь, Трикс, — ласково сказала Тиана.

К сожалению, она выбрала неудачный момент. Еще минуту назад Трикс воскликнул бы: «Извини, что я испортил цветок!» Минутой позже Трикс бы великодушно кивнул и сказал: «Ладно, забудем, у нас столько дел впереди!»

Но как раз в это мгновение Трикс чувствовал себя обиженным до глубины души.

— Еще бы тебе было на что сердиться, — буркнул он. — На то, что жива осталась, что ли?

Тиана вся вспыхнула. Не так, не так отвечал благородный оруженосец Мерц на добрые слова своей возлюбленной!

— Простите, герцог, я поторопилась со своими словами, — сухо сказала она.

— Простите, княгиня, я поторопился спасти вас от смерти, — горько ответил Трикс.

Разумеется, после этого диалога, исполненного уважения и понимания друг к другу, дальше они шли молча. Кто знает, какие слова вертелись у них на языке и какие могли бы с языка слететь, продлись путь чуть дольше.

Но, к счастью, очередной поворот тропинки вывел их к изумрудному замку, точнее — к бездонной пропасти перед замком, над которой был перекинут тонкий ажурный мостик.

Мостик без перил.

— Ой, — сказала Тиана и невольно придвинулась поближе к Триксу.

Да и Трикс мигом забыл про свои обиды.

Конечно, несложно пройти двадцать шагов по узкому мостику. Даже если внизу пропасть.

Но если у моста нет перил — то самый храбрый человек испугается этого короткого пути!

— Трикс... я тут не пойду! — прошептала Тиана.

Триксу, конечно, очень хотелось бы ответить: «Да ерунда, смотри, как надо!» Но он и сам медлил.

— Я мог бы наколдовать перила, — сказал он довольно уверенно. — Но это ведь не просто сломанный мост, верно? Это как тот бассейн с отравленной водой. Если ты не готов терпеть жажду и напиться воды в незнакомом месте — ты нетерпелив и неосторожен, значит, не можешь быть ассасином. А здесь другое испытание — если ты боишься высоты, то тоже не готов поступить в обучение к Абву... Наколдовать перила — это не пройти испытание, а обойти его, обмануть учителя... нет, так нельзя!

— А что же делать? — спросила Тиана.

— Идти над пропастью по мосту без перил нельзя, — рассуждал вслух Трикс. — Наколдовать перила — тоже нельзя. Что тогда остается?

— Что? — спросила Тиана и даже взяла его за руку.

— Убрать пропасть! — храбро заявил Трикс.

— Как?

— Магией!

— Но ведь этого делать нельзя!

— Почему? — Трикс пожал плечами. — Испытание в том, чтобы идти по мосту без перил. Мы и пройдем. А вместо про-

пасти... — Он задумался. — Вместо пропасти под мостом будет неглубокая такая ямка! На которой искусным художником будет нарисована бездонная пропасть, чтобы смущать малодушных!

— Ты сможешь такое сделать? — восхитилась Тиана.

— Ну... наверное, — сказал Трикс без лишней скромности. — Давай подойдем поближе...

Они осторожно приблизились к краю пропасти. Посмотрели вниз.

— Вот это да, — только и сказала Тиана.

Пропасть на самом деле не была бездонной. Это и не пропасть-то была — так, ров, глубиной в половину человеческого роста, на дне которого кистью искусного художника была нарисована бездонная пропасть.

Когда-то, наверное, иллюзия была так сильна, что даже приблизиться к краю рва было страшно. Но со временем краски потускнели, кое-где облупились, на дно рва нанесло песка, повсюду валялись отвалившиеся от стен замка куски штукатурки...

— Тиана, а тебе не кажется, что этот замок давным-давно заброшен? — с тревогой спросил Трикс. — Дорога вся заросла сорняками, ров замусорен...

— Но кто же тогда нам поможет? — воскликнула Тиана.

— Давай войдем в замок, — решил Трикс.

Они взялись за руки и, стараясь на всякий случай все-таки не смотреть вниз, перешли по мосту без перил через ров с нарисованной пропастью. Ворота замка — высокие, из позеленевшей от времени меди, мрачно возвышались перед ними. У ворот висел на крюке огромный бронзовый колокол с отвалившимся билом.

— Все как в преданиях, — благоговейно сказал Трикс. — Колокол без языка... запертые ворота...

Он поднял тяжелое било и несколько раз огрел им по колоколу. Звук, родившийся в старой бронзе, был гулок и

печален — будто колокол оплакивал и свою долгую жизнь, и судьбу позвонивших в него.

— Готовься ждать, — сказал Трикс. — Все, дошедшие до замка учителя Абва, подвергаются унижительным испытаниям. Их заставляют сутками ждать перед входом без еды и воды. Временами ученики и мастера выходят из замка, осыпают их насмешками, плевыми и помоями.

— Я не хочу, чтобы в меня плевали! — возмутилась Тиана.

— Это часть испытания, — вздохнул Трикс. Подумал и добавил: — Я постараюсь тебя прикрывать, если что. Садись, ждать придется...

Ворота заскрипели. Точнее — заскрипела маленькая не приметная дверка в воротах. Она открылась и наружу опасно выглянул смуглый худой человек средних лет, в длинном халате и засаленном тюрбане. Он пораженно уставился на Трикса и Тиану. Спросил:

— Вы кто такие?

— Я — Трикс Солье, а это — Тиана Дилон, — ответил Трикс. — Мы пришли учиться мастерству ассасинов в школу великого учителя Абва!

— Прием закрыт! — Человек замахал руками. — Нет мест на очном факультете! Составьте письменную заявку, приложите плату за заочное обучение — вам будут высланы все необходимые материалы... Вы вообще как сюда попали? У нас есть представительства в Дахриане, в крупных городах королевства, даже на Хрустальных Островах! Неужели трудно было обратиться в Гильдию Убийц и узнать порядок?

— Нам нельзя заочно! — завопил Трикс. — Мы — почетные драконы!

— Что? — У человека отвисла челюсть.

— Мы почетные драконы! — настаивал Трикс. — По праву давнего соглашения мы требуем обучения лично у великого учителя Абва! Мы хотим его видеть! Немедленно!

Человек вздохнул, извлек из кармана халата платок и вытер вспотевший лоб. Вышел из калитки и попытался принять горделивую позу.

— Устрашись же, искатель запретной мудрости! — сказал он. — Ибо перед тобой — учитель Абв, глава школы ассасинов «Таящаяся гадюка»!

Трикс испуганно отступил на шаг. Сказал:

— Мы не думали, о великий и древний учитель, что вы выглядите столь молодо...

— О да... — как-то невнятно ответил учитель Абв. — Ну так как? Может быть, заочное обучение? Я дам хорошую скидку почетным драконам.

Трикс покачал головой.

— Я даже готов принять вас на бесплатное обучение! — с тоской сказал Абв. — Из уважения к драконам.

— Нет, учитель, — ответил Трикс. — Нам надо научиться высшему мастерству, и очень быстро. Чтобы победить Прозрачного Бога.

Учитель Абв снова вытер лоб. Безнадежно махнул рукой:

— Ну что тогда... входите, мальчики...

— Я девочка, а не мальчик, — поправила его Тиана.

— Девочка? — Учитель Абв выпучил глаза и с нескрываемым любопытством оглядел Тиану. — А я-то думаю, почему такие одеяния... так ты — девочка?

— Вы не обучаете девочек? — возмутилась Тиана.

— Да нет, обучаем... — вздохнул Абв. — Просто давно уже не было учениц... Так... это, значит, надо открыть вторую раздевалку и душевую, и еще тебе положены четыре дня освобождения от занятий спортом каждый месяц...

Он неожиданно смутился и принялся отчаянно обтирать покрасневшееся лицо.

— Учитель Абв, — с подозрением спросил Трикс, — а ученики-то у вас есть? Я имею в виду — на очном обучении?

— Есть, — не слишком радостно ответил Абв. Потупился и едва слышно добавил: — Ученик... один. Да входите же, песка наметет...

— Так вы не будете нас мучить долгим ожиданием у ворот? — уточнил Трикс.

— Нет... — печально ответил Абв. — Это вы будете меня мучить долгим обучением.

За воротами замка было довольно уютно. Если при виде мусора во рву и облупившихся стен Триксом овладели сомнения — а не заброшена ли давным-давно прославленная школа ассасинов? — то за стенами замка все выглядело вполне ухоженным.

Мостовая из гладко пригнанного и отполированного за сотни лет зеленоватого камня была чисто выметена. В красивых белых вазах росли яркие цветы, над которыми порхали крошечные яркие птички. В фонтанах журчала вода — и судя по плавающим в ней рыбкам, она не была отравлена.

— Какая красота! — восхищенно воскликнула Тиана.

— А ты думал, что если мы — самые искусные в мире убийцы, то у нас тут мрачно и уныло? — с гордостью спросил Абв. — У школы великолепная библиотека, лучшие сады к югу от Дахриана, самая большая в мире коллекция картин, великолепная подборка статуй... в замке даже места для них не нашлось, на тропе расставили.

— Это же огромный труд, все это содержать! — деловито наморщила лоб Тиана. — У вас, наверное, очень много прислуги?

Трикс сразу понял, что обеспокоило Тиану. А ну как выяснится, что мести двор, стряхивать пыль с картин и ухаживать за цветами должны сами ученики?

— К счастью, этого не требуется, — отмахнулся Абв. — На замок наложены древние могучие заклинания чистки и уборки. Пятьсот лет назад школа потратила огромные деньги на оплату самых лучших магов.

Триксу сразу стало ясно, почему пятьсот лет назад, если верить книгам Щавеля, так захирело искусство бытовой магии. Ну конечно, если все самые лучшие заклинания уже были произнесены и наложены на дворец ассасинов — можно сколько угодно заклинять грязную посуду, все равно мыться она будет неохотно!

— Куда же мне вас определить... — размышлял тем временем учитель. — У нас в школе есть три факультета — Смелых и Отважных, Старательных и Упрямых, Веселых и Находчивых. Раньше был еще факультет Подлых и Завистливых, но туда никто не хотел идти и факультет закрыли...

— А как назначают на факультет? — интересовался Трикс, пока они шли через двор.

— Когда здесь было много студентов, — с легкой грустью сказал Абв, — то мы устраивали красочную церемонию. Надевали на голову кандидата волшебную чалму, а та что-нибудь произносила. От фонаря, если честно. Но как-то не хочется делать все по полной программе, да и чалму уже, наверное, мошь съела...

— Мошь не ест волшебные вещи! — блеснул знаниями Трикс.

— Так ведь и мошь не обычная, а волшебная! Она только волшебными вещами и питается. Ковры-самолеты, плащ-невидимки... — Учитель Абв открыл дверь и жестом пригласил их во внутренние покои. Тут тоже было чисто и красиво — повсюду висели картины, на мраморных и мозаичных полах лежали ковры, под искусно расписанным потолком сверкали хрустальные люстры.

— У вас все это есть? — восхитился Трикс.

— Во всяком случае было. Если мошь не добралась. Понимаете, мальчики...

— Я не мальчик! — вновь возмутилась Тиана, но Абв ее, похоже, не услышал.

— ...мы, ассасины, очень богатые. У нас так много денег, что мы стали скупать всякие украшения, произведения искусства, редкости... Между прочим, наша школа тайно содержит королевский университет излишних знаний и дахрианскую Академию Искусств и Ремесел!

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы было что покупать! Чтобы количество прекрасного в мире множилось!

Трикс не нашелся что ответить.

— Так куда вас назначить-то? — спросил Абв, останавливаясь.

— На факультет Смелых и Отважных! — твердо сказал Трикс.

— Не могу, там декана нет, — пожал плечами Абв.

— Тогда Старательных и Упрямых, — предложила Тиана. Абв смутился:

— Понимаете, мальчики...

Тиана вздохнула, но спорить не стала.

— Лет двадцать назад жилая башня факультета Старательных и Упрямых обвалилась. Она очень хорошо была построена, эта башня. Но с полным пренебрежением к законам физики. Вот и... В общем, если я вас назначу на этот факультет, вам придется жить в руинах. Ведь по правилам школы все ученики обязаны проживать в специально отведенных им башнях!

— Тогда остается... — начал Трикс.

— И верно! — просиял Абв. — Назначу-ка я вас на факультет Веселых и Находчивых!

— Это на обучении как-нибудь сказывается? — подозрительно спросил Трикс.

— Ничуть. Вы будете проходить травоядение — чтобы уметь выживать, питаясь лишь горстью пыльной сорной травы, зельесварение — чтобы уметь приготовить яд из любого вещества, включая молоко, мед и чистую воду, защиту от до-

брых искусств — чтобы нравоучительные книги и умирительные картины не ослабили ваш боевой дух, порицание — чтобы представить любого врага гнусным негодяем и не жалеть его в сражении, астрономию — чтобы находить дорогу по звездам, эксглумацию — чтобы при необходимости поглотиться над телом поверженного врага...

— Фу! — воскликнула Тиана.

— Тренировки проходят на муляжах, — успокоил ее Абв. — Ну и еще куча всего... мастерское владение метлой, например.

Трикс и Тиана переглянулись.

— Метлой? — спросил Трикс. — Волшебной, что ли?

— Метлой? — уточнила Тиана. — Это как, для смирения духа и воспитания терпеливости?

— Да нет же! — возмутился Абв. — Метла — одно из самых смертоносных видов оружия. В руках опытного ассасина метла способна творить чудеса.

Он так воодушевился, что принялся энергично махать руками.

— Вот так... прутьями в лицо! Выкалываем глаза, мусором скопившимся на прутьях забиваем дыхательное горло! Разворот... замах... палкой по башке! Полуповорот... концом древка в живот!

— Я думал, — робко сказал Трикс, — что вы будете учить нас владеть кинжалами и мечами, увесистыми палками, соединенными между собой железной цепью и маленькими острыми железячками, которые мы станем метать во врага...

— Ха! — возмутился Абв. — Какие глупости! Мастерство ассасина не в том, чтобы сражаться предметами, предназначенными для сражения. Мастерство в том, чтобы самую безобидную вещь использовать как ужасное оружие. Тогда вы всегда будете без оружия — и в то же время вооружены! Никто не заподозрит в вас страшных убийц, когда вы будете

обмахиваться бумажным веером или ковыряться в ухе палочкой, обмотанной кусочком ваты. А ведь это — неслыханно смертоносные вещи!

— Да, я понял, — согласился Трикс. — В этом есть смысл, верно!

— Еще бы! — кивнул Абв. — Знаете, а хорошо, что вы пришли! Я почувствовал некоторое воодушевление.

Небрежным жестом он указал им на дверь, украшенную таинственным символом из сверкающего золота: два кругляшка над открытой вверх дугой.

— Символ вашего факультета, — пояснил Абв. — Идите, мальчики, приведите себя в порядок и отдохните. В семь часов вечера жду вас в аудитории номер один. Будем проходить травоедение и зельесварение. С собой возьмите по котелку... ну и травы какой-нибудь нарвите, что ли!

— А где эта первая аудитория? И котелки где взять? — рискнула спросить Тиана.

— Ну вы прямо как дети малые! — возмутился Абв. — Поищите где-нибудь! Тут всего полно. И... и оденься ты поприличнее, мальчик! Ну что это еще у тебя за штаны? Как может будущий свирепый ассасин ходить в прозрачных шароварах?

Трикс и Тиана переглянулись и еще долго смотрели вслед уходящему Абву.

— Станный он какой-то, — вздохнула Тиана. — Верно?

— Ну... главное, чтобы учил хорошо... — промямлил Трикс.

За дверью с таинственным знаком обнаружилась винтовая лестница. Широкая, с низкими удобными ступеньками, но явно очень длинная. Трикс вздохнул, и они начали восхождение.

Но как ни странно, ступеньки будто сами бежали им под ноги, и не прошло и минуты, как они оказались на самом верху башни.

— Магия, — с завистью сказал Трикс. — Нынче такого уже не колдуют...

Лестница привела их в просторный круглый зал, оформленный с достойной уважения скромностью — простой неяркий ковер на полу, большие мягкие подушки вместо кресел, сдержанные черно-белые рисунки и гравюры на стенах. В широкие окна бился ветер, два окна были открыты и приятный сквозняк освежал помещение.

Из помещения вели вверх еще две небольшие винтовые лестницы. Над одной висела картинка, изображающая девочку с веером в руках, над другой — портрет мальчика с метлой.

— Спальни для учеников, — догадался Трикс. — Для девочек и для мальчиков.

— Ну, тогда я пойду приведу себя в порядок, — решила Тиана и отправилась к своей лестнице. Трикс вздохнул и поплелся к своей.

Спальня ему понравилась. Занимала она два этажа, на каждом было по десятку кроватей — некогда юных ассасинов в «Таящейся гадюке» было немало. Одна постель на первом этаже спальни была смята, видимо, ее занимал тот самый единственный ученик, поэтому Трикс решил поселиться на втором. На каждом этаже был и туалет, выступающий из стены и очень удачно нависающий над бездонной пропастью (немножко жутковато, но очень практично и гигиенично, во всяком случае, если нет сильного ветра), и ванная комната с большой фарфоровой лоханью. Вода подавалась через толстую свинцовую трубу и была теплой и чистой. Трикс поразмышлял немного, замешана ли в этом магия, или же вода поднимается на крышу силой ветра, а там нагревается от солнца. Решил, что слишком уж фантазировать не стоит, и дело наверняка в магии.

В шкафчике рядом с лоханью Трикс обнаружил стопку пушистых полотенец, флаконы с загустевшими ароматическими маслами и окаменевшее от времени мыло.

Искушение было слишком велико.

Большинство людей благородного происхождения испытывают к мытью понятное предубеждение. Человека, конечно, положено вымыть при рождении, чтобы, приходя в наш мир, он в полной мере осознал ожидающие его испытания. Непременно стоит обмыть и покойного — ведь ему мытье уже ничем не может повредить. Почти все авторитеты сходятся на том, что вымыться необходимо перед свадьбой — и жениху, и невесте. Во-первых, пусть они смогут как следует рассмотреть друг друга, начиная совместную жизнь — нередко были случаи, когда за здоровым румянцем и загаром жениха скрывалась бледная немощь, или же отмытая как следует невеста внезапно начинала походить на жительницу Самаршана, а не на изнеженную северную аристократку. Во-вторых, с понятным волнением молодых людей перед свадьбой хорошо бороться неожиданным испытанием — к примеру, мытьем. В-третьих, всем памятен скандальный случай, когда у хорошо отмытого перед свадьбой захолустного барона Дуна Гуана на пальце обнаружилось обручальное кольцо — бесчестный барон уже был женат, но ради приданого собирался жениться повторно — подвела забывчивость. А еще есть лекари, которые считают, что во время болезни и после выздоровления от оной пациента следует обтирать губками, смоченными водой с душистым уксусом. Впрочем, чего еще ждать от лекарей? Некоторые из них, к примеру, лечат больных горячкой плесневелым хлебом, а другие не рекомендуют дамам в интересном положении подкреплять свои силы вином!

Прежде чем осуждать такую нелюбовь к воде, следует понять несколько вещей. Если для питья и приготовления пищи, как правило, используют воду из колодцев и родников, то для мытья обычно считают пригодной воду речную. А когда чуть выше по реке только что прошло овечье стадо и пастух вымыл своего коня, когда все сточные канавы города

в полном соответствии с законами природы ведут сверху вниз, к этой самой реке, когда традиционный метод погребения дохлой собаки или кошки — скинуть их с обрыва в реку...

Тут и впрямь трудно понять, чего больше от купания — пользы или вреда.

Ну а сквозняки?

Благородный человек обязан жить в замке или хотя бы в большом доме. И если ты завел дурную привычку часто мыться, то рано или поздно тебя продует так, что не поможет ни заплесневелый хлеб и ивовая кора от лекаря, ни целебные заклинания от местного мага...

Конечно, северные варвары известны своим диким обычаем закрываться в маленьком деревянном домике, раздеваться там догола, лить на раскаленные камни воду, хохоча и напевая песни сидеть в облаке пара, а потом хлестать друг друга свежими вениками, обливаясь ледяной водой и, по слухам, даже кататься голыми в снегу!

Конечно, жители Самаршана, трепетно относящиеся к воде, имеют схожий обычай — в большом каменном здании с окнами в потолке они возлежат на теплых мраморных лежанках, а потом забираются в бассейны то с теплой, то с холодной водой.

Но в цивилизованном королевстве благородный человек вполне довольствовался двумя купаниями — если был здоров и холост, трема — если был здоров и женат, и чуть большим количеством, если был слабого здоровья и ему попался совсем уж злобный лекарь. Для всего остального существовали:

дожди;

переправы через реки;

вылитый в ночной час на голову ушат помоев (зачастую низменные помои чище, чем человек высокого происхождения);

и многочисленные ароматические масла и настои, составляющие изрядную часть дохода алхимиков.

Однако Трикс был еще совсем молод и пока не избавился от свойственной детям странной привычки забираться в речную воду просто так, без всякой необходимости. К тому же его учитель Радион Щавель имел обыкновение каждый месяц, а то и чаще, мыться в большом тазу. Триксу он тоже рекомендовал следовать его примеру, а еще требовал, чтобы тот каждое утро мыл руки и лицо — так что в каком-то смысле юноша был подготовлен к водным процедурам.

Так что Трикс не удержался. Он открыл задвижку и наполнил лохань теплой водой...

Без четверти семь (где-то на башнях школы ассасинов часы мелодично отбили время) в общем зале факультета Веселых и Находчивых встретились Трикс и Тиана. Они были одеты в черные штаны, подпоясанные нарядными белыми поясами, и свободные черные рубашки (запасы одежды всех размеров нашлись в спальнях), выглядели непривычно светлокожими и держались несколько смущенно.

— Интересно тут у них все устроено, — первым нарушил молчание Трикс. — Я как-то совсем иначе здесь все представлял.

Тиана кивнула:

— А горшок ты нашел?

— Там только под кроватями горшки, — признался Трикс. — Их брать не хочется. Давай внизу посмотрим?

Спустившись, они без труда нашли необходимые для занятий горшки — пространства замка так изобиловали разными вещами, что проблемой было не найти, а выбрать. Триксу достался обычный стальной котелок, а Тиана нашла серебряный, судя по размеру — скорее принадлежащий алхимику, чем повару. В поисках травы они вышли в сад двор-

ца — там Трикс нарвал первые попавшиеся ему на глаза цветы (это были ноготки), а Тиана, подошедшая к делу более вдумчиво, остановила свой выбор на листьях благородного лавра и лепестках магнолии.

Оставался последний вопрос — где же находится первая аудитория. Но тут Тиана заметила дымок, идущий от стены донжона.

— Если там дымок, то там очаг, — предположила она. — А если там очаг, то туда и надо идти с котелками.

Внутренний мост, ведущий к массивной круглой башне, был опущен. Размахивая котелками, Трикс и Тиана вступили в сердце замка — и сразу поняли, что не ошиблись. Аудитория занимала весь первый этаж донжона. Скамьи пятью рядами поднимались к стенам, подковами окружая круглую кафедру, на которой уже стоял учитель Абв, взволнованный и торжественный. Учитель сменил повседневный халат и тюрбан на мрачную черную мантию и круглую черную шапочку, подпоясан он был скромным черным поясом. Как раз в то мгновение, когда новые ученики вошли, часы отбили семь.

— Вы вовремя, — кивнул Абв. — Это хорошо, потому что точность — вежливость ассасина. Садитесь рядом с учеником Дэриком.

Услышав хорошо знакомое имя, Трикс вздрогнул и повернулся.

И обнаружил, что с первого ряда скамей на него, разинув рот, смотрит его сводный кузен, предатель и сын предателя, бывший наследник со-герцога Сатора Гриза — Дэрик Гриз!

Выглядел он загорелым и исхудавшим, хоть и не так, как месяцем позже, когда Трикс встретил его в Дахриане.

— Ты! — воскликнул Трикс.

— Нет, ты! — возмутился Дэрик.

— Как ты сюда попал? — негодовал Трикс.

— С чего ты тут оказался? — простонал Дэрик.

— Зачем ты меня преследуешь? — гневно спросил Трикс.

— Ты когда-нибудь оставишь меня в покое? — процедил сквозь зубы Дэрик.

Наступила зловещая тишина. Мальчишки мерили друг друга ненавидящими взглядами.

— Так это же Дэрик Гриз, сын предателя Сатора Гриза! — сообщила наконец-то Тиана, видевшая Дэрика лишь однажды, во дворце короля Маркеля. — Привет!

Как бы ни был возмущен и обозлен Дэрик, но правила хорошего тона он до конца не забыл. Поэтому торопливо поднялся и вежливо поклонился:

— Рад вас видеть, ваша светлость, княгиня Тиана...

Снова повисла мертвая тишина.

— Так вы что, знакомы? — восхитился учитель Абв. — Вы были знакомы в прежней жизни, до поступления в школу ассасинов? И ненавидите друг друга до смерти?

Глухая, тягостная, томительная тишина воцарилась в аудитории.

— Это же замечательно! — Учитель Абв воздел руки к потолку. — Все как в старые добрые времена! Все как в годы расцвета «Таящейся гадюки»! Ученики, связанные давней ненавистью и жаждущие мести! Попытки убийства из-за угла! Скандалы, интриги, расследования! Яд, подсыпанный врагу в постель! Ученики, крадущиеся по ночным коридорам под мантиями-невидимками! Блеск кинжалов в тихом мерцании звезд! Шорох половиц и предсмертные стоны! О, как же нам всем повезло! Ничто так не способствует учебному процессу, как ожидание неминуемой смерти! Ничто не обеспечивает такую тягу к знанию, как кровный враг, варящий ядовитые зелья рядом с тобой!

И вновь ужасающая тишина попыталась заполнить собой аудиторию — но уже не смогла стать еще более зловещей. К

счастью, в этот момент хлопнула дверь — и в аудиторию вошел новый человек.

— Декан Эам! — радостно сказал учитель Абв. — Я хочу представить вам еще двух мальчиков, поступивших на ваш факультет!

Тиана вздохнула.

— Двух мальчиков? — Вошедший поморщился. — Не хочу вас смущать... Впрочем, какая в данном случае разница...

Трикс и Тиана уставились на вошедшего.

Он был совсем еще молод — ему не было и двадцати, но в нем чудилось что-то древнее и отталкивающее. Лицо декана можно было назвать аристократическим и даже утонченным, но проступало в нем что-то холодное, что-то пугающее, змеиное. Ощущение это усиливали одежды из оранжевой чешуйчатой кожи. Среди черных костюмов учеников и черной мантии учителя Абва он смотрелся ярким огненным пятном. Немегающим мрачным взглядом декан Эам обвел новых учеников, после чего сказал:

— Юный герцог Трикс Солье. Прекрасно. Юная княгиня Тиана Дилон. Восхитительно. Я — декан факультета Веселых и Находчивых, мастер зельесварения и травоедения Эам. И я постараюсь, чтобы ваше обучение в «Таящейся гадюке» не показалось вам быстрым и легким!

— Ну что вы, что вы, декан... — смущенно сказал Абв. — Надо быть с ними помягче. Дети все-таки. Первый раз за полвека у нас целых три ученика...

— Ненадолго, надеюсь, — сквозь зубы процедил Эам.

— Простите, учитель. Простите, декан, — вежливо сказал Трикс. — Но не могли бы вы объяснить, почему в школе так мало учеников?

Декан и учитель переглянулись.

— Я отвечу, — сказал Абв. — В конце концов мальчики имеют право знать, верно? Вы ведь наслышаны о нашей славной истории?

— О да, — сказал Трикс, на время перестав обращать внимание на Дэрика. — Все знают историю великого учителя Абва и его школы ассасинов!

— А как же урок? — возмутился Эам.

Но Абв его не слушал:

— Да будет же вам известно, — начал он, — что больше тысячи лет школа «Таящаяся гадюка» выпускала лучших ассасинов в мире. За огромные деньги убивали они королей по просьбам султанов и султанов по заказу королей. Нет и не было в сердце ассасинов ненависти к людям — только любовь!

— Любовь? — поразились Тиана.

— Любовь к деньгам, — смущенно пояснил Абв. — Точнее, любовь к прекрасному: картинам, статуям, книгам, цветам, драгоценным камням, редким металлам... Кто же виноват, что прекрасное стоит денег?

Трикс пожал плечами.

— И вот мы прекрасно существовали, с печалью в сердце выполняя заказы властителей и слуг властителей, а в некоторых случаях — просто богатых купцов и ремесленников. Шли годы, заказы не иссякали, но нам, ассасинам, все обиднее и обиднее было растрчивать свои таланты на смертоубийство, подвергаясь при том изрядному риску. И вот примерно сто лет назад произошло событие, которое изменило всю нашу школу. Некая благородная особа... не будем называть его имени, возжелала овладеть мастерством ассасина. Но обучаться при этом в школе его величе... особа не захотела. И даже от наставников отказалась. Будучи человеком сильным и сообразительным коро... благородная особа возжелала выучиться по конспектам. Мы вначале отказали... но нам предложили столько золота, что за эти деньги можно было бы убить двух-трех королей. Мы подумали. Потом составили на основе лекционного курса и студенческих конспектов руководство «Как стать ассасином, не вставая с тро-

на». И отослали заказчику. Ассасином, честно говоря, он так и не стал, но почему-то все равно остался доволен. Прошло несколько месяцев и, очевидно, прослышав об этом случае, к нам обратился еще один благородный господин. На этот раз мы уже не так долго колебались, к тому же у нас остались копии всех манускриптов, подготовленных для Мар... для нашего первого заочного студента. Вскоре заказы стали поступать каждый день. Мы сняли часть студентов, ну, наименее талантливых, с обучения и посадили их переписывать манускрипты. Вскоре благородные особы почти все получили наши руководства, но зато к нам стали обращаться богатые купцы и главы гильдий. Платили они, конечно, меньше, но зато их было очень много!

— Кажется, я понимаю, что произошло, — озадаченно сказал Трикс. — Но неужели те, кто получил ваши руководства, не пытались сами их переписать и перепродать?

— О, мы приняли меры! — оживился Абв. — Мы основали свои представительства во всех крупных городах, бдительно следили за рынком и строго наказывали всех, кто пытался вмешаться в наш честный бизнес. Это потребовало отозвать из школы почти всех студентов... И вот примерно полвека назад школа «Таящаяся гадюка» несколько... э... опустела. Собственно говоря, торговать руководствами и вести заочное обучение оказалось гораздо выгоднее и куда менее опасно, чем наша прежняя деятельность.

— Вам здесь, наверное, было очень одиноко, учитель Абв? — спросила Тиана. — Сотни, тысячи лет во главе школы — и вдруг она опустела...

— Ну... — Учитель Абв замялся. — Если уж начистоту, то я во главе школы около тридцати лет. Несмышленным ребенком меня купил на невольничьем рынке предыдущий учитель Абв и привез в школу. Он обучил меня всему, что знал и умел, а когда умер, то учителем Абвом стал я...

— Так учитель Абв — это должность? — завопил Трикс.

— Так вам вовсе не тысяча лет? — простонал со скамьи Дэрик.

— Нет, конечно! — возмутился Абв. — Мы же не витамин-ты, чтобы жить вечно! Да и можно ли представить, что человека зовут таким странным именем — Абв?

Трикс горестно поник. Дэрик закрыл лицо руками.

— Я старательно нес бремя своей должности четверть века, — продолжал Абв. — Но какова же была моя радость, когда пять лет назад в школу пришел юный Эам...

— Между прочим, тоже еще то имечко... — пробормотала Тиана.

— Всего лишь за год он прошел весь курс обучения на ассасина и я назначил его деканом факультета, — сказал Абв. — Но нам, конечно, не хватало учеников. К сожалению, слава нашей школы сочетается с довольно пугающей репутацией и ученики предпочитают учиться заочно... Но теперь у нас есть вы! Вместе мы возродим былую славу «Таящейся гадюки» и восстановим все три, да что там три — все четыре факультета! Я уже прямо-таки вижу, как эти просторные коридоры и аудитории наполняются веселым детским гомоном и предсмертными криками, как мы вновь вводим штрафные и поощрительные розги, спортивные игры с шипастым мячом и гонки на выбывание, заводим в зверинце мантикор и грифонов, расширяем кладбище...

В глазах Абва светилось подлинное счастье. Он достал маленький черный носовой платочек, шумно высморкался и застенчиво вытер выступившие на глазах слезы.

— Вы закончили? — ледяным голосом спросил декан Эам.

— О да, — смущенно сказал Абв. — Уступаю вам место, декан!

Он сошел с кафедры и, все еще утирая слезы радости, двинулся к выходу. А декан Эам, заняв его место, уставился на Трикса и Тиану немигающим взглядом.

— Сядьте, ученики, — сказал он. — Мы приступим к самому важному, что должен знать ассасин — зельесварению.

— А как же травоедение? — подал голос Дэрик, доставая из кармана пучок травы.

— Что наварите, то и съедите, — сказал Эам. Небрежно взмахнул рукой — и перед передней скамьей возникли три маленьких столика, на каждом из которых стояла жаровня с тлеющими углями и кувшин с водой. — Поместите ваши котелки над огнем. Налейте в них немного воды...

— Вы могучий волшебник! — растерянно сказал Трикс. — Как же это так, ведь вы ассасин!

— Можно подумать, мальчик, что ты не волшебник, желающий стать ассасином! — насмешливо сказал Эам. — Все, разговоры закончены. Приступаем к работе!

Повинуясь его жесту, ребята сели рядом с Дэриком.

Обучение в школе ассасинов началось.

Часть третья

ТРИКС УДИВЛЯЕТСЯ

1

Трикс проснулся среди ночи от заунывного воя охранного заклинания. Вскочив с кровати, он щелкнул пальцами, отключая сигнализацию, и произнес старое как мир, но почему-то всегда работающее заклинание:

— Да будет свет!

Верхняя спальня факультета Веселых и Находчивых озарилась неярким розово-белым сиянием, будто рассвет наступил на пару часов раньше, чем положено.

Все было точно так, как Трикс и предполагал. На пороге спальни застыл Дэрик, босой и в черной ночной рубашке, занеся через порог левую ногу и вытянув перед собой правую руку — заклинание поймало его, не дав закончить шага. В руке была крепко сжата боевая метла БФГ-2000 — крепкая палка из бамбука, укрепленная вставками из фигового дерева и снаряженная двумя тысячами острых гибких прутиков из гибискуса. Трикс и сам неплохо освоил искусство сражения на метлах, но кузен своим мастерством поражал и учителя Абва, и даже холодного, невозмутимого Эама. В левой руке Дэрик крепко сжимал сковороду — вообще-то курс боя на кухонной утвари был факультативным, но сын со-герцога Грiza был готов заниматься с утра до ночи, лишь бы опередить Трикса.

— Я думал, ты попробуешь раньше, — сказал Трикс, разглядывая покрасневшее от натуги и обиды лицо Дэрика. Охранное заклинание было простеньким, любой маг разрушил бы его в два счета контрзаклинанием, а взрослый рыцарь пробился бы силой. Но Дэрик не был ни магом, ни взрослым сильным мужчиной и попался крепко. — А ты целую неделю ждал.

— Я решил усыпить твою бдительность, — пробормотал Дэрик. — Помнишь, когда нам было по десять лет? Я тогда с тобой дружил-дружил, целых два дня, а потом спихнул в дворцовый пруд.

— Помню. — Трикс улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям. — А я потом с тобой два месяца не разговаривал.

— Не очень-то мне и хотелось с тобой разговаривать, — буркнул Дэрик. Подергал рукой и безнадежно спросил: — Может, развеешь свою магию?

— погоди, — отмахнулся Трикс, — давай поболтаем...

Он подтащил поближе к двери стул и уселся перед Дэриком. Посмотрел на метлу, на сковородку и спросил:

— А что ты хотел сделать? Заколоть метлой или огреть сковородкой?

— Вначале огреть, потом заколоть, — кровожадно ответил Дэрик. — Один удар — две тысячи дырочек!

— Не повезло тебе, что я маг, — сказал Трикс.

— Да уж. — Дэрик еще поерзал и расслабился, повиснув в невидимой паутине. — Говорил я папе — надо тебя казнить. А он: «Пусть тебя тонизирует кровный враг, пусть это держит тебя в бодрости...» Тьфу! А теперь сидим в этом гадком Самаршане...

— Тебя отец сюда прислал? — спросил Трикс.

— Я сам пришел, — мрачно ответил Дэрик. — Отец был против. Он считает, что надо дожидаться приезда витамантов и вместе с ними что-то придумывать. А я с детства мечтал стать ассасином. Спер отцовский перстень, продал, купил

верблюда, сушеных фиников, бурдюки с водой... Нанял про-водника. И приехал сюда.

— Чтобы стать ассасином, вернуться в королевство и убить меня? — спросил Трикс.

— И тебя, и твоих родителей, и фею твою! — храбро признался Дэрик. — И короля Маркеля тоже!

— Дэрик, ну почему ты так ненавидишь нашу семью? — грустно спросил Трикс. — Мы же с тобой кузены... ну, не по крови, а по положению. Наши предки столько веков жили дружно!

— Я тебя ненавижу? — возмутился Дэрик. — Это вы, Со-лье, ненавидите нас, Гризов!

— Неправда! — вспыхнул Трикс. — Твой папаша устроил мятеж и моих родителей... — он замялся, понимая, что прав-де Дэрик не поверит, — ...посадил в темницу и хотел убить. А меня выгнал из дома. И всем объявил, что мятежник — мой папа!

— А что моему отцу оставалось делать? — Дэрик так разо-злился, что даже сумел чуть сдвинуться вперед. — Твои ро-дители ничегошеньки не делали! Папаша твой все на охоты и приемы ездил, балы закатывал, менестрелей зазывал. Раз в неделю примет десяток просителей, любезно всем ответит — и свободен. А мой отец на себе все герцогство тянул. Кто ездил с эльфами в леса разбираться? Мой отец! Кто бюджет с концами сводил? Моя мамочка! Как налоги повышать — «Гриз, выступи перед народом, ты умеешь печальные вести преподносить!» А как устроить праздник и бочки с вином на площадь выкатить — твой папа первый бежит! Моих все ру-гают, кланут... «Жадные Гризы опять кровушку пьют из на-рода...» А твои — у всех любимчики! Эпидемия холерная началась, надо было запретить ткачам сукно вывозить... твоя мамочка к моей приходит — «Милая, объяви сама, я не могу смотреть в страдающие глаза этих бедных честных тружени-ков!» Словно моей маме приятно было с гильдией ткачей

объясняться! Зато как со-герцогское вспомоществование голодающим семьям раздавать — твоя мать с поварешкой стояла! Да и как разливала-то... половину мимо миски, вначале всю гушину вычерпала, а как суп пустой пошел — моей маме черпак уступила! Только солдаты нас и любили, солдат папа никогда в обиду не давал...

Трикс, разинув рот, слушал эту горячую и явно искреннюю речь Дэрика. До сих пор ему как-то и в голову не приходило, что его родители, никому и никогда не делающие ничего плохого, жалеющие смердов и покровительствующие вдовам и сиротам, в чем-то не правы. А из слов Дэрика выходило...

Нехорошо оно выходило.

Получалось, что родители Трикса просто спихнули на родителей Дэрика все неприятные обязанности властителя — повышать налоги, подавлять бунты, казнить преступников и сводить концы с концами. Ну а себе оставили самые приятные — раздавать милостыню, делать послабления, миловать раскаявшихся и покровительствовать искусствам.

А это — Трикс со стыдом должен был признать, что Дэрик прав — нечестно!

Но Трикс не мог не защитить честь семьи. И поэтому твердо ответил:

— Что ж, может, оно и так! Если по характеру мои родители были мягче и добрее, так это и правильно, что они все суровые решения твоим уступили. Когда в бой идут маг и рыцарь, так они тоже разные вещи делают — маг колдует, а рыцарь мечом машет! И никто ни на кого не в обиде! Ну если были проблемы — неужто их нельзя было решить путем мирных переговоров? Зачем же сразу устраивать переворот?

— Как это — сразу? — У Дэрика от возмущения на глазах выступили слезы и это еще больше смутило Трикса. — Папа много лет с твоим отцом спорил. Говорил — не дело это, нельзя соправителям так себя вести! Твой только отмахивал-

ся. Вот... вот папа и не выдержал. А тут еще витаминты ему предложили союз...

— Витаминты — они всегда слабинку чувт, — кивнул Трикс. — Ну а я что? Меня ты за что ненавидишь? Чем я тебя обидел?

— Не понимаешь? — поразился Дэрик. — Ты умный, все летописи в замке перечитал. Мне тебя родители вечно в пример ставили: «Смотри, какой у тебя кузен умный, не то что ты, дубина, только и можешь, что из лука стрелять да мечом махать...» Я картинку нарисую, бегу к маме похвастаться, а она смотрит и говорит: «Мазня какая-то. Вот твой кузен названный яблоко нарисовал — укусить хочется! А у тебя что? Часы на городской ратуши? Ратуша косая, часы будто от жара оплыли... ерунда!» Стишок сочиню — они смеются, говорят: «Раз таланта нет, так иди лучше коня взнуздай. В твоих стихах рифмы нет». Я им отвечаю, что такой стих придумал — без рифмы, а они как над дурачком смеются! А думаешь, почему мой отец тебя не заточил в подземелье, а отпустил? Да я слышал, как он мамке говорил: «Отпущу-ка я мальчишку, он же хилый, нервического сложения, в подземелье затоскует и помрет... не хочу новый грех на душу брать...»

— Это он врал! — Теперь уже слезы проступили на глазах Трикса.

— Конечно, врал! Просто ты им больше родного сына нравишься! — Теперь уже Дэрик ревел в голос. — Ну почему ты не девчонкой родился?

— Чего? — вскинулся Трикс.

— Мы бы тогда поженились и со-герцогство сошло на нет естественным путем!

Трикс на всякий случай отодвинулся от Дэрика подальше и сказал:

— Нет, давай придерживаться естественного хода событий!

Дэрик тоже сообразил, что ляпнул что-то не то и покраснел:

— Ты не подумай... Я исключительно в государственных интересах говорю. Мне вообще нравятся блондинки... Ладно, давай.

— Чего «давай»? — подозрительно спросил Трикс.

— Убивай! Что же еще? Ученик ассасина, поймавший другого ассасина за покушением на свою персону, может его убить, отрезать уши и отнести их учителю Абву, после чего курс обучения автоматически считается завершенным!

Трикс посмотрел на оттопыренные уши Дэрика и спросил:

— Может убить или обязан убить?

— Вроде как может, — ответил Дэрик без особой уверенности, но с надеждой.

Трикс вздохнул и произнес:

— Магическая сторожевая сеть, спеленавшая незадачливого убийцу, ослабла и развеялась будто дым...

Дэрик рухнул на пол. Из его онемевших рук с грохотом вывалилась сковородка, по которой гулко ударила метла.

— Пожалел, значит, — вздохнул Дэрик. — А я бы тебя не пожалел, вот!

— Да я знаю, — признался Трикс, на всякий случай вставая и отходя так, чтобы их с Дэриком разделял стул. Дэрик повозился немного и сел на полу. Тоскливо спросил:

— Что делать-то будем? Мы враги, это факт. И друзьями не станем. С другой стороны, ты меня не убил, хотя мог. Мне теперь тоже как-то неудобно тебя убивать... как благородному человеку. Хотя... как ассасину... — Он покосился на метлу.

— Дэрик, а чего ты хочешь? — прервал его размышления Трикс. — Ну, сквитаться со мной и с Маркелем — это вроде как для души... А чего на самом деле хочешь добиться?

Дэрик задумался.

— Ну, герцогство нам Маркель никак не вернет... это уж точно. И народ теперь нас невзлюбил пуще прежнего. Но не могу же я остаться без положенных мне по благородному происхождению земель и подданных, это какое-то ниспровержение основ получается! Я хочу, чтобы у нас было положение в общество, много денег и уважение окружающих! А Солье... да фиг с вами, никогда бы вас не видел и счастлив был!

— Ситуация... — пробормотал Трикс. — Но с витаминтами в союз идти — это ужас! Будешь ты править живыми мертвецами — что хорошего?

— А ты что предлагаешь? — уныло спросил Дэрик.

— Что, если ты поможешь мне? — спросил Трикс. — Я хочу одолеть Прозрачного Бога.

— Да, слышал, кочевник какой-то... — наморщил лоб Дэрик. Триксу пришлось напомнить себе, что Прозрачный Бог еще не подошел к Дахриану и его названный кузен пока не представляет себе величину проблемы. — Ну, одолеешь ты его... и что?

— Прозрачный Бог — самый сильный в мире волшебник, — объяснил Трикс. — Его боятся все: Маркель, султан, витаминты... Если мы его одолеем, — он постарался сказать «мы» как можно небрежнее, но вместе с тем уверенно, — то все будут нам очень благодарны.

— И ты отдашь мне свой трон, — фыркнул Дэрик.

— Нет, трон не отдам, — признался Трикс. — Но Маркель в благодарность может выделить твоим родителям какое-нибудь баронство на границе с Самаршаном, а султан согласится уступить часть пустыни.

— Зачем мне пустыня, — пожал плечами Дэрик.

— Если у Гризов будет свое баронство, или даже герцогство на границе королевства и Самаршана... — Трикс задумчиво почесал кончик носа. — На одних только пошлинах с караванов можно сколотить целое состояние.

— А витаминты? Они отцу не простят измены.

— Это на берегу моря им нетрудно будет до вас дотянуться. А тут, на границе пустыни? Если еще там будут жить драконы и ты с ними подружишься...

— Разве можно подружиться с драконами? — воскликнул Дэрик.

— У меня получилось, — скромно ответил Трикс.

— Но почему ты думаешь, что король и султан подарят нам земли?

— Я их уговорю, — твердо сказал Трикс. — Поверь, через месяц они будут готовы отдать все что угодно тому, кто избавит их от Прозрачного Бога.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Дэрик.

Трикс подумал и решил не усложнять.

— Я же волшебник. Я вижу будущее.

— И ты взаправду меня не обманешь?

— Это я упросил Маркеля не казнить вас, а всего лишь выгнать из королевства, дубина! — возмутился Трикс.

— Хорошо. — Дэрик встал. — Раз ты даешь слово... кузен... то давай заключим перемирие. Мы вместе выучимся на ассасинов и приедем этого твоего... прозрачного... Если после этого нашей семье дадут приличные владения — я обещаю больше не держать на тебя зла! И папу уговорю примириться. Может быть, даже когда-нибудь у тебя будет дочь, а у меня сын — и они окончательно примирят наши фамилии!

Трикс опять занервничал. Дэрик как-то уж очень однобоко понимал примирение!

— Может быть, — уклончиво сказал Трикс.

Они осторожно пожали друг другу руки.

— Ну... я пошел? — спросил Дэрик, подбирая метлу и сковородку.

— Угу, — сказал Трикс. — Еще рано совсем.

— Ну... спокойной ночи тогда... — Дэрик опасливо помахал рукой перед собой, прежде чем ступить на лестницу. —

Ты это... ложись тоже. Завтра с утра эксглюмация и лабораторная работа по порицанию...

— Спокойной ночи, — согласился Трикс. — Приятных сновидений и вообще всего хорошего!

Заклинание света как раз почти выгорело. Трикс вернулся в свою койку, немного поворочался там, потом все же не выдержал, поднялся и снова поставил сторожевое заклинание на дверь.

Просто на всякий случай.

— Многие из вас, жалкие недостойные ученики, недооценивают важность эксглюмации, — говорил декан Эам, расхаживая по лекционному залу. — «О, зачем нам глумиться над поверженным и мертвым противником?» — говорят эти трусливые уродцы. Некоторые доходят до того, что считают павшего врага достойным уважения, или утверждают, что о мертвых стоит говорить либо хорошее, либо молчать. Стыд и позор! Это правило если и годится, то для обычных людей. А вам, ассасинам, предстоит иметь дело с королями, волшебниками, полководцами, теми, от чьего имени трепещут народы, о ком слагают баллады летописцы. И это совсем другое дело. Запомните: ничто так не радует смердов и не возбуждает подхалимов, как хорошее глумление над бывшим кумиром! Ничто так не укрепляет власть, как уничтожение предшественника! Ты! — Эам указал на Трикса. — Встал и пошел к доске!

Трикс послушно встал и пошел к широкой доске, укрепленной на двух каменных подставках перед кафедрой. На доске лежало что-то, прикрытое сверху красным полотнищем.

— Тряпку снять! — велел Эам.

Трикс сглотнул и осторожно стянул полотнище. К счастью, учитель Абв не врал — на доске лежал не труп, а всего лишь набитое соломой пугало — в рваной одежонке, с на-

хлобученной на мягкую голову широкополой шляпой, несооразмерными руками-ногами и небрежно нарисованным лицом.

— Вводная, — небрежно сказал Эам, нарезая круги вокруг Трикса и чучела. — Это — бывший правитель могущественного королевства, убитый тобой с помощью початка кукурузы и отвара спорыньи. Он был суров, умен, его боялись и любили... в общем, обычный властитель.

— Понял, — прошептал Трикс, печально глядя на чучело.

— Тебе надо поглумиться над ним. Так, чтобы все лизоблюды и клеветы принялись поносить бывшего кумира и восхвалять тебя.

— Понял, — повторил Трикс.

— Начинай. Я буду не только комментировать твои действия, но и защищать мертвого властителя.

Трикс оглянулся на Тиану и Дэрика. Тиана смотрела на него с сочувствием, Дэрик с любопытством.

— Я хочу... хочу сказать несколько слов о бывшем властителе... — начал Трикс.

Эам презрительно фыркнул.

— Хочу сказать об этом... страшиле... — выдавил из себя Трикс.

— Уже лучше, — пробормотал Эам. И тут же негодуяше воскликнул: — Как ты можешь называть его страшилой?

— А кто же он еще? — ответил Трикс вопросом. — Посмотрите на него! Весь скособоченный, рябой, руки-ноги разной длины!

— Постыдно смеяться над физическими недостатками, — отрезал Эам. — У каждого человека можно найти недостатки — тебе ли это не знать, курносый мальчишка!

— Дело не в его физическом уродстве! — поправился Трикс. — Я называю его Страшилой, потому что он внушал страх!

— Нашим врагам! — рявкнул декан.

— Всем! — парировал Трикс. — Люди дрожали при мысли о том, что впадут к нему в немилость!

— Все люди дрожат, если впадают в немилость к властителям!

— Он казнил всех своих врагов!

— Все казнят!

— Он их казнил тайно! Делал вид, что ни при чем, а сам казнил! Своего верного друга-рыцаря, прозванного за нестигаемую волю Железным, а за мастерское владение топором — Дровосеком! Он его казнил, казнил!

— Какие ваши доказательства? — возмутился Эам.

— Разве нужны доказательства, когда это общеизвестный факт? — ответил Трикс. — Об этом все знали, но боялись сказать! А мудрого советника, за отвагу прозванного Львом, а за осторожность — Трусливым? Он изгнал его в далекую пустыню и там убил! Этого никто не посмеет отрицать!

— Тот и сам был не прочь сожрать Страшилу! — возмутился Эам. — Это обычная ссора правителей!

— Ну а тысячи замученных крестьян? — спросил Трикс.

— Так уж и тысячи...

— Десятки тысяч! Сотни тысяч! — Трикс почувствовал, как нахлынуло воодушевление, и сказал немыслимое слово: — Миллионы!

— Миллионы? — оторопел Эам.

— Сотни миллионов мирных подданных! Маленьких человечков, которых он послал прокладывать каналы, строить дороги, валить лес, рыть руду!

— Но подданные и должны рыть, строить, валить, прокладывать!

— Никто никому ничего не должен! — рявкнул Трикс.

— Великолепно... — отметил Эам учительским тоном. — Прекрасный лозунг, чернь поддержит...

И уже другим голосом возопил:

— Это демагогия!

— Это правда! — сказал Трикс. — А гномы? Бедные гномы, томившиеся в ту пору под властью злой волшебницы... э-э-э... Гимгиты! Он хотел на них напасть!

— Они напали первые!

— Просто Страшила не успел их опередить! А эльфы?

— Что — эльфы?

— Он над ними глумился!

— Как?

— Всячески!

— У него половина двора была эльфийская!

— В этом был особый цинизм Страшилы! — печально сказал Трикс. — А бедная девочка из далекой страны, которая явилась к нему со своей собачкой...

— Что девочка? — заволновался Эам. — Какая девочка?

— Она помогла ему прийти к власти! Девочка-ассасин, уничтожившая Гимгиту!

— Страшила ее поблагодарил и помог вернуться на родину! — быстро вставил Эам и ухмыльнулся.

— Это он так говорил, — зловеще сказал Трикс. — А на самом деле правда в том, что ни девочку, ни, что еще ужаснее, собачку никто никогда больше не видел!

— Все видели, как девочка улетела к себе домой верхом на драконе! — Эам даже улыбнулся и высунул язык.

— И все видели, как дракон, вернувшись, залег в послеобеденную спячку!

— Да не едят драконы девочек! — возмутился Эам.

— Можно подумать, они и верблюдов не едят, — фыркнул Трикс.

— Прекрасно, — сказал Эам и сдернул бедное пугало на пол. — Будем считать, что ты справился... хотя с драконом, на мой взгляд, это уже перебор... Ладно. Ты пришел к власти и правил страной, потом тебя свергли. Все как положено. Ложись.

Трикс смущенно улыбнулся и лег на доску.

— Дэрик! — позвал декан. — К доске!

Дэрик радостно засмеялся и подошел к Триксу.

— Теперь твоя очередь, — сказал Эам. — Допустим, ты убил этого недостойного правителя с помощью боевой метлы и сквородки. Глумись!

Дэрик, прищурившись, уставился на Трикса. Потом склонился и поцеловал его в лоб!

— Эй! — завопил Трикс, заерзав.

— Спи спокойно, боевой товарищ, — сказал Дэрик, выпрямляясь. — Сегодня мы провожаем в последний путь нашего бывшего правителя — и я чувствую себя обязанным сказать о нем пару слов. В народе его звали Ужас Жуть, и это многое говорит о его характере и манерах.

— Отлично, — с удовольствием сказал Эам. — Восхитительно.

— Многие не любят его за то, что он раскритиковал нашего мудрого Страшилу, — сказал Дэрик. — И впрямь — то еще чучело был наш Страшила! Эльфов и гномов гонял в хвост и гриву, крестьян угнетал, ремесленников эксплуатировал. Но! Разве можно забыть заслуги Страшилы? Он до конца дней своих боролся с вредителями полей и огородов! За три украденных пшеничных колоска сажал расхитителей на кол, охранять поле!

— Это хорошо или плохо? — спросил Эам. — Я как-то не улавливаю основной идеи...

— Прекрасно, что не улавливаете, — усмехнулся Дэрик. — Это хорошо, конечно! Надо же было защищать урожай! А еще про Страшилу небезосновательно говорили, что он принял королевство с сохой, а оставил — с передовой системой земледелия! Так что не прав, не прав наш бывший правитель, упрекая во всем Страшилу. Сам-то много чего начудил! К примеру, будучи большим любителем кукурузы (початком которой, вымоченным в отваре спорыньи, он и прибил бед-

ного Страшиллу) повелел сажать ее повсеместно, даже там, где та отродясь не росла. Во всем полагаясь на боевую магию, повелел сжечь флот. К огню, кстати, у него была прямо-таки противоестественная страсть, видимо, в отличие от панически боящегося огня Страшиллы! Все помнят, как, придя на выставку художественного плетения из соломки, Ужас Жуть пришел в ярость и приказал ее сжечь!

— Мелковато как-то, — зевнул Эам. — По сравнению со Страшилой на подлинные злодеяния не тянет.

— Совершенно не слушал своих верных советников, — продолжал Дэрик.

— Это вообще дело обычное, — отрезал Эам.

— А уж как он расплодил в королевстве тайную стражу! — упрямо сказал Дэрик. — Навербовал в нее самых тупых и злобных подданных, которых за это прозвали дуболомами. Перессорился с окрестными королями и властителями...

Увы, как ни старался Дэрик, но в итоге Эам, поморщившись, сказал:

— Удовлетворительно. У тебя получился не страшный злодей, заслуживший прозвище Ужас Жуть, а какой-то глупый истерик.

— Я это и замыслил! — оправдывался Дэрик. — Нельзя же объявлять народу, что второй правитель подряд оказывается кровавым тираном. Надо разнообразить!

— Правильная мысль, но слабое исполнение, — беспощадно отрезал декан. — Надо было больше смешного и нелепого, чтобы Ужас Жуть выглядел совсем уж дурачком. К примеру — когда что-то было ему не по нраву, стучал ботинком по столу. Безвкусно одевался. Храбрых стражников привязывал к ракетам для фейерверков и запускал в небо. Осквернил фамильный склеп Страшиллы, выкинул его оттуда и зарыл на помойке. Оценка — удовлетворительно, не более!

— Так нечестно, Трикс самое вкусное уже использовал, — огрызнулся Дэрик. — Мы были в неравных условиях!

— Ничего-ничего, жизнь вообще несправедлива, — отрезал Эам. — Тиана, твоя очередь! Трикс, можешь встать. Дэрик, ложись на доску!

Тиана, к удовольствию Трикса, отыгралась на Дэрике по полной. Вначале она пустила фальшивую слезу и сообщила, что впавший в маразм правитель задохнулся под тяжестью орденов и медалей, которыми награждал сам себя. Потом кратко похвалила Ужаса Жуть, хоть и признала ряд его ошибок, но снова строго осудила Страшилу (тут декан взял слово и сказал, что подобное чередование — наиболее правильная тактика, надо строго осуждать предшествующего правителя (или хотя бы не мешать его бранить народу), очень сдержанно ругать следующего, отмечая какие-нибудь хорошие черты, потом снова обрушиваться с критикой — и так далее, до бесконечности).

Затем Тиана взялась за самого Дэрика. Она перечислила огромное количество его недостатков, от тщеславия до старческого маразма, но все равно и она до Трикса недотянула. По сравнению со злодеяниями Страшилы меркло все.

— Что мы усвоили из этого урока? — спросил Эам, сдержанно похвалив Тиану. — Во-первых, все вы более-менее умеете ругать сильных мира сего. Это замечательно. Но, боюсь, здесь сказывается ваше высокородное происхождение — ну какой же аристократ не любит поглумиться над впавшим в опалу аристократом.

Дэрик при этих словах неприязненно посмотрел на Трикса.

— Во-вторых, главное в глумлении — недоговаривать, утрировать и переворачивать. Если у вашего врага были достоинства и хорошие дела — просто умолчите о них! Если были недостатки — усильте! Вот, Трикс, говоря о нашем вымышленном правителе Страшиле, договорился до сотен миллионов убитых. Мало! Надо говорить о тысячах тысяч миллионах! Если потребуют доказательств — требуйте их в ответ. Пусть вам докажут, что не было тысяч тысяч миллио-

нов, к примеру! Приведут каждого неубитого лично! Воевал с гномами? Не просто воевал, а особо жестоко! Захватил гномьи подземные города и лично остриг бороды миллиону гномих!

— Это понятно, — сказал Дэрик нетерпеливо. — А перерабатывать — это как?

— Очень просто. Есть, допустим, у вашего врага такие достижения, про которые все знают и их не опровергнуть. Город, допустим, построил. Наладил производство скорострельных арбалетов. Открыл школы для детей и лечебницы для взрослых. Опровергать это нельзя, потому как все это знают и помнят. Значит, надо перевернуть. Город построил на крови! Под каждым домом замуровал десять человек! Секрет арбалетов украл у эльфов. А эльфов-изобретателей замучил! Школы были плохие, потому что там детей заставляли учиться! Лечебницы открыл только для того, чтобы утомленные подневольным трудом не умирали слишком быстро. Армию сократил? Дурак, ослабил страну! Армию нарастил? Злодей, готовился к войне! Эльфов уважал? Плясал под их дудку, сам тайный полуэльф! Эльфов ругал? Не имеет уважение к древнему народу с уникальной культурой! Все, все можно представить в удобном для вас свете!

Дэрик кивнул.

— И еще, конечно, важен личностный подход, — добавил Эам. — К примеру, скажите, что у вашего хорошего друга тиран и злодей посадил в темницу деда. И пусть это не друг, а так — приятель, и в темницу он сел за кражу и разбой. Не важно! Когда можно показать на человека и сказать «вот она, невинная жертва!», сразу доверие возрастает.

Эам вздохнул. Потом продолжил:

— Ну и третье. Чем более значителен был ваш враг, тем легче над ним глумиться, в чем мы и убедились на примере ученика Трикса. Над пустышкой как поглумишься-то? Поэтому если свергли вы пустомелю и дурачка, который ни

вреда, ни добра не делал... скажу честно — вот таких правителей и любят в народе больше всего... то над ним особо глумиться не стоит. Выберите кого-нибудь значительного из свергнутых ранее и основных плюх навешайте ему. По большому счету ведь не важно, глумитесь вы над тем, кого лично убили, или над тем, кого убил ваш предшественник. Главное, чтобы был объект для поношения, этим вы отводите упреки от себя лично.

— Значит, если убить... допустим, Прозрачного Бога, то это хороший объект для глумления? — спросил Трикс. — И его верные подданные не растопчут нас на месте?

— Если не растопчут сразу, то вы их быстро убедите, что этого делать не следует, — ответил Эам, не моргнув глазом. — Я понимаю, зачем вы учитесь на ассасинов. Но дело в том, что убить Прозрачного Бога — очень и очень сложно.

— Почему? — спросил Трикс.

— В этом-то и весь вопрос. — Эам присел на доску, достал из кармана трубку, посмотрел на нее — трубка задымилась. Закурив (Тиана неодобрительно поморщилась и стала отгонять ладошкой дым), декан объяснил: — Магия Прозрачного Бога имеет какую-то странную природу...

И тут Трикс, которого уже некоторое время терзало смутное беспокойство, воскликнул:

— Твоя магия тоже странная, Эам! Ты не произносишь заклинаний!

— Ну и что? — спокойно ответил декан. — Произносить — это если недостаточно в себе уверен и тебе требуются слушатели. Опытный, верящий в свои силы волшебник может произнести заклинание и мысленно. Прозрачный Бог, кстати, заклинания произносит...

— И заклинания-то у него так себе... паршивенькие... — вздохнул Трикс. — Но как работают!

— В этом и вся проблема, — кивнул декан. — Вот мы имеем перед собой обычного дикаря. Вождя мелкого пустынь-

ного племени. Казалось бы, вся его жизнь предопределена — от первой козы, которую ему доверили пасти, и до кинжала в спину, которую вонзит ему возжелавший власти наследник. Быть может, он и обладает многими явными и скрытыми достоинствами, но ему нигде хоть чему-нибудь научиться. Но вот молодой вождь на месяц исчезает... и является обратно могучим волшебником. Как? Почему?

— Он встретил мудрого старого мага, который перед смертью научил его всему, что знал? — предположил Трикс.

— Как бы ни был талантлив Алхазаб — за месяц величайшим волшебником не станешь.

— Он нашел хранилище древних заклинаний, — предположил Дэрик. — Утраченную мудрость древних!

— Более правдоподобно! — кивнул Эам. — Но никто не видел, чтобы Алхазаб что-то читал. У него даже нет заклинательной книги.

— Прозрачный Бог научился какой-то особой магии? Вот как драконы — колдуют на своем драконьем языке и никого ему не учат, — высказала догадку Тиана.

— Драконья магия на самом-то деле не сильно отличается от человеческой, — покачал головой декан. — Просто драконий язык очень сложный и потому хорошо подходит для заклинаний. А еще все драконы очень самоуверенны и долго живут.

— А что еще ты знаешь про магию Алхазаба, уважаемый декан Эам? — спросил Трикс.

— Магия непрерывно защищает его, — сказал Эам. — Кинжал вывалится из рук убийцы, боевое заклинание промажет или не причинит вреда, отрава превратится в безвредный порошок. И это удивительно! Волшебник может закрыть себя магическим щитом, но ему надо перечислить все угрозы, от которых надо защититься. К тому же щит слабеет со временем, особенно — отражая атаки. А тут складывается такое

ощущение, что Алхазаб защитился от всего опасного, раз и навсегда!

— Тогда мы учимся зря? — огорчилась Тиана.

— Почему же? Вряд ли Алхазаб мог предвидеть страшную опасность носовых платков и чайных ложек, боевые свойства войлочной туфли и отравляющую способность меда! Как раз у ассасина есть шанс справиться с Прозрачным Богом!

Однако не успели Трикс с Тианой радостно переглянуться, как декан добавил:

— Но я бы не преувеличивал этих шансов. Для полной гарантии стоило бы узнать природу магии Алхазаба.

Трикс вздохнул:

— Как? Прозрачного Бога боятся все — люди и драконы, самаршанцы и витаманты. Боятся именно потому, что не знают, в чем его сила. Наверное, это знает только сам Алхазаб! Но нельзя же подойти к нему и спросить!

— Почему? — спросил Эам. — Ассасин — не просто ловкий убийца, нетрадиционно владеющий метлой! Ассасин — это в первую очередь лазутчик, разведчик, человек, умеющий стать своим в любой компании и втереться в доверие к кому угодно! Вот скажите, что вы подумали обо мне, когда увидели?

— Если честно... — смущенно ответила Тиана. — Нам показалось, что вы очень... строгий. И еще весьма... сдержанный.

— То есть вы решили, что я злой и бесчувственный, — кивнул Эам. — А теперь? Я учу вас ровно неделю. Я стал вежливее? Я смеюсь вместе с вами? Я часто вас хвалю? Нет, нет и нет. Но вы уже относитесь ко мне с симпатией и доверяете свои тайны. А почему? Да потому что я — ассасин!

Трикс хотел бы ответить, что он вовсе не относится к декану с симпатией, да и тайн особых не доверяет, просто он воспитанный юноша... Но посмотрел на гордое лицо Эама и спорить не стал.

— Как нам втереться в доверие к Прозрачному Богу? — спросил он.

— Обычно этот вопрос рассматривается на старших курсах, — признался декан. — Это необязательные занятия по восхвалению, их посещают только самые способные ученики. Но у вас осталось всего три недели... Хорошо! Вместо порицания сейчас займемся восхвалением! Занятия родственные, что ни говори! Трикс, к доске!

Трикс ожидал, что теперь ему придется восхвалять Страшилу. Но Эам рассудил иначе. Триксу пришлось встать на доску и принять горделивую позу. А восхвалять его декан вызвал Дэрика.

— Не очень-то мне хочется это делать... — проворчал Дэрик.

— Поэтому я тебя и вызвал, — улыбнулся своей холодной змеиной улыбкой Эам. — Восхвалять кого-то от души — легко и просто. А вот восхвалять неприятного человека, да еще и искренне к тому же — вот тут и нужно настоящее мастерство!

— И кто он у нас? — спросил Дэрик мрачно. — Мудрый и злой Страшила? Глупый и капризный Ужас Жуть?

— Нет, — ехидно ответил Эам. — Он — Трикс Солье. Твой названный кузен. Сын со-герцога Рата Солье. Ваша семья коварно свергла Рата Солье с престола и заточила вместе с женой в темницу, а бедолагу Трикса выгнала взащей. Но благодаря своему доброму сердцу и природным талантам Трикс сумел отстоять справедливость, добиться для вашей семьи достойного наказания, завоевать любовь и уважение окружающих и стать талантливым магом. Ты — в изгнании, твой род опозорен и разорен. Все из-за него! А теперь, ученик Дэрик, восхваляй Трикса!

Дэрик сжал зубы и мгновение смотрел в пол, справляясь с чувствами. Потом повернулся к Триксу.

— Мне трудно это говорить, — сказал он. — Стоя перед вами, глядя в глаза кузена, которого я ненавидел все свое

детство и должен был бы сейчас ненавидеть еще сильнее, я ишу в своем сердце ненависть. Ишу — и не могу найти!

Эам одобрительно кивнул.

— За все злодеяния, которые мы ему уготовили, он отплатил нам добром, — продолжал Дэрик. — Уговорил короля Маркеля всего лишь изгнать нас, а не отправить на плаху. Поймав меня своей могучей магией, когда я попытался коварно убить его во сне, простил и отпустил. И это стало той последней каплей, жгучей каплей пылающей доброты, которая растопила лед моей ненависти. Я стал вспоминать всю свою жизнь. Все обиды на Трикса... и понял, что половина из них придумана, а в половине кузен вовсе не виновен! Я вспомнил все пакости, которые подстраивал ему, — и разрыдался от отвращения к самому себе! Как я мог! Как я мог так относиться к самому терпеливому и доброму человеку в моем окружении? Помню, когда мы были совсем еще малышами, на нас из кустов выпрыгнула ядовитая змея...

— Змея? — поразился Трикс.

— Выпрыгнула? — удивилась Тиана.

Но Дэрик не отвлекался:

— В страхе и ужасе я бросился бежать, но запнулся о камень и остался беспомощно лежать. Змея же, истекая ядовитым ядом...

— Хм, — с сомнением сказал декан.

— Это была потеющая прыгающая гадюка, одно прикосновение к которой смертельно, — добавил Дэрик. — Но мой маленький кузен не испугался! Он схватил камень и обрушил его на голову змеи! А потом второй камень — и обрушил его на хвост гадины! А потом взял палку и бил, бил, бил мерзкую тварь!

Взгляд, которым при этом Дэрик буравил Трикса, тому не слишком понравился. Но Дэрик тут же улыбнулся и сказал:

— А потом он помог мне подняться, но я, в своей гордыни, оттолкнул его руку! Руку своего спасителя! Мне было стыдно, что это он спас меня, а не я — его!

— Дэрик, я что-то не припомню такого... — пробормотал Трикс.

— Вот какова его скромность! — вздохнул Дэрик. — Он даже не помнит свои добрые дела... ну конечно, ведь он совершает их каждый миг! А с какой заботой Трикс относится к животным! Он никогда не забудет напоить своего коня, накормить своего пса и погладить свою кошку! А крестьяне? Сколько раз мудрые советы Трикса спасали их от голода и холода. Трикс был еще ребенком, но стоило ему выйти из дворца — и землепашцы подбегали к нему с вопросами. «Пора ли сеять пшеницу? — спрашивали они. — Надо ли прополоть репу? Стоит ли поливать помидоры?» И Трикс, оставив игры в камушки, терпеливо отвечал им...

— Не переусердствуй! — сказал Эам.

— Но это и вправду было... — пробормотал смущенный Трикс. — Животных я люблю. А про землепашцев... ну, я как-то прочитал трактат «О плодах земли и их возделывании». А тут к отцу крестьяне пришли, спор у них был какой-то о меже... Ну, я и сказал им, что уже пора сеять... После этого стоило крестьянам меня увидеть — они сразу кланялись и спрашивали: «А не пора ли нам брюкву полоть?» Ну... мне кажется, что их мои советы насмешили. И они так... шутили в ответ. Когда я стражникам рассказал, как положено доспехи чистить — они потом тоже долго мне вопросы задавали. Какой стороной меча рубить, надо ли у алебарды длинное древко делать...

— О нет! — сказал Дэрик. — Ты зря смущаешься, кузен! Это были искренние вопросы! Они же все делали по старинке, по наитию. А ты прочитал манускрипты. Это гораздо важнее!

Трикс уставился Дэрику в глаза. Глаза были чисты и невинны.

— Правда, что ли? — тихо спросил Трикс. — А я думал, что дурака сваял...

— Bravo! — воскликнул Эам. — Дэрик, зачет сдан. Он поверил.

— Я не поверил! — возмутился Трикс. — Я засомневался!

— Это одно и то же. Еще несколько минут — и ты бы поверил, что научил крестьян пахать, рыбаков удить, а стражников — бражничать.

— Почему бражничать?

— Потому что сражаться они все равно никогда не научатся.

Трикс, обиженно сопя, слез с доски. Подумаешь, начал маленький ребенок советовать взрослым... все дети так делают. А Дэрик, зараза, припомнил!

— Хорошо я тебя восхвалил? — спросил Дэрик с улыбкой.

— Да ну тебя... — пробормотал Трикс.

— Так ведь все — чистая правда! — Кузен широко улыбнулся.

— Ага. И про потеющую гадюку тоже...

— И про гадюку правда, — сказал Дэрик серьезно. И вдруг подался к Триксу и шепнул ему в самое ухо: — Только это я убил гадюку. А ты разревелся, оттолкнул меня и убежал. Спроси у папочки при случае...

Трикс остолбенел. А Дэрик, словно пожалев о своих словах, отвернулся и пошел к своему месту.

— Меня всегда интересовали тонкости человеческих отношений, — сказал Эам с удовольствием. — И вы с Дэриком — замечательный материал для наблюдений!

— А я? — возмутилась Тиана.

— Ты? — Эам задумался. — Ты хорошая девочка. Для княгини — просто замечательная. Но с тобой все понятно. Вот если бы ты влюбилась в Дэрика — отношения внутри вашей компании приобрели бы дополнительную остроту...

— Фу... — фыркнула Тиана.

— Очень надо, — поморщился Дэрик.

— Еще чего! — возмутился Трикс, сразу прекратив размышлять, соврал Дэрик насчет гадюки — или, все-таки, нет.

Декан расплылся в улыбке:

— Вот-вот! Это я и имею в виду. Так что подумайте, молодые люди. Оставшиеся недели пролетят куда быстрее, если у нас начнутся сцены ревности и обиды на любовной почве. Ну что ж... продолжим восхваления! Теперь вы все будете восхвалять меня. Кто похвалит меня лучше всех, тот получит... — Эам задумался. — Нет, зачет — слишком много. Мой боевой веер с отделяющейся рукоятью!

Ученики кинулись к декану — боевой веер Эама, сделанный из тонких пластинок слоновьей кости, заточенных до бритвенной остроты, был предметом всеобщего восхищения.

2

Еще две недели обучения пролетели почти незаметно. О, конечно, они были наполнены множеством интересных событий и увлекательных приключений! Можно было бы рассказать о долгих и кропотливых лабораторных работах, когда будущие ассасины учились делать яд из любого подручного средства. О том, как Дэрик отравился отваром из опунции, и учитель Абв с деканом Эамом его выхаживали. О турнире по бою на метлах, где, ко всеобщему удивлению, победила Тиана — мальчишки слишком увлеклись, мутузя друг друга, и не ожидали от нее стремительной атаки. Про выбор боевых метел — Триксу досталась метла из клена и ореховых прутьев с оплеткой из виноградной лозы, традиционная модель, с небольшой убойной силой, но гибкая и легкая, Дэрику — его

любимая, из бамбука, фиги и гибискуса, повышенной колючести и прочности, а Тиане — из железного дерева с оплеткой из лианы и прутьями из веток облепихи, редкий, как сказал декан, выбор для девочки — тяжелая и хлесткая. А как интересно праздновали годовщину открытия школы! И как ночами, к радости учителя Абва, ученики безобразничали в коридорах, подкладывали друг другу в кровати колючки и чесательный порошок, забирались в давно забытые тайные комнаты и мрачные подземелья, набитые картинами, скульптурами и прочим запасенным ассасинами добром.

Да, это были интереснейшие недели! Об этом можно было написать книгу. Да что там книгу — семь книг, и еще осталось бы на самоучитель боя на метлах! Но это была бы совсем другая история...

И вот наступил торжественный день — учитель Абв и декан Эам объявили ученикам, что сегодня состоится их выпускной экзамен. Произошло это совершенно буднично, в огромной пустынной столовой.

— Я научил вас всему, что знал сам, — сказал учитель Абв за завтраком (листик салата и жареный на гриле кактус). — Остальному вас научил наш уважаемый декан Эам.

— Но почему тогда в преданиях говорится, что в школе ассасинов учатся с младенчества и до совершеннолетия? — подозрительно спросил Трикс.

— Может быть, вы растеряли многие из своих знаний? — довольно-таки дерзко предположил Дэрик.

Абс и Эам переглянулись.

— Отнюдь! — сурово сказал Эам. — Все дело в том, что прежде ученики ассасинов были гораздо менее талантливы.

Ребята посмотрели друг на друга с гордостью — но и с сомнением.

— Неужели настолько? — спросила Тиана. — И то, что они проходили годами, мы выучили за считанные дни?

— Представьте себе невежественных детей, не умеющих писать и читать, понятия не имеющих о жизни за пределами школы, — пояснил Абв. — Да только обучение их есть с помощью ножа и вилки длилось не меньше года!

— А хороший ассасин любит и ценит свою вилку, — поддержал его Эам. — Один удар — четыре дырки! Не так впечатляюще, как метла, но тоже ничего!

— Правильное титулование особ благородного происхождения — годичный курс, — начал загибать пальцы Абв. — Нековыряние пальцем в носу — семестр, причем многих в итоге приходилось отчислять.

— Песни и пляски народов мира — два года! — торжественно сказал Эам.

— Все это было необходимо ассасину, чтобы оказаться рядом со своими жертвами и нанести смертельный удар, — закончил Абв. — Вы же, как люди благородного происхождения, все это прекрасно знаете и так. А как убивать врага — этому легко научиться и за пару недель.

— Тут ведь важна общая идея, а она простая, — с улыбкой пояснил Эам. — Врага надо сильно ударить, крепко удушить, глубоко проткнуть или заставить съесть такую гадость, после которой жить уже не захочется!

— В честь окончания школы мы вручаем вам пояса ассасинов второго дана, — сказал Абв и достал три пояса ярко-красного цвета. — Я сам их кроил и шил всю последнюю неделю. Вообще-то собирался присвоить вам третий дан, но всю коричневую ткань сожрала моль... решил, что можно дать вам и второй. В честь возобновления очных занятий после долгого перерыва!

Ребята торжественно приняли из его рук красные пояса и счастливо заулыбались.

— Клятву! — напомнил Эам.

Все торжественно произнесли древнюю клятву ассасинов. Трикс тоже произнес ее звонким от волнения голосом:

— Я, Трикс Солье, вступая в ряды Всемирной Ассасинской Организации имени учителя Абва, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю: горячо любить свою Школу. Жить, убивать и умереть, как завещал великий Абв, как учит Совет Ассасинов. Свято соблюдать Законы Ассасинов.

Потом все хором перечисляли законы ассасинов:

— Ассасин предан Школе, Учителю и Искусству.

— Ассасин готовится стать мертвым ассасином.

— Ассасин равняется на героев ассасинов, живых и мертвых.

— Ассасин завидует богатым ассасинам и готовится разбогатеть сам.

— Ассасин — лучший в учебе, труде и беге с препятствиями.

— Ассасин — честный и верный труженик, всегда смело работающий за приличные деньги.

— Ассасин — товарищ и друг другому ассасину, если это не мешает работе.

— Ассасин — друг аристократам и богачам всех стран.

Конечно, Трикса немного смушало два обстоятельства: готовность ассасина умереть и обязательство работать за деньги. Для благородного человека вообще нехорошо работать за деньги. Работать надо ради удовольствия, ради славы, ради справедливости, ради короля, в конце концов!

Но делать было нечего. Раз уж для спасения друзей и королевства приходится становиться ассасином — надо честно выполнять все правила.

— На этом все, — с облегчением сказал учитель Абв. — Вы вольны отправиться куда угодно и заниматься чем угодно. Но учтите — десятую часть всего, что заработаете как ассасины, вы обязаны жертвовать Школе!

— Иначе, — многозначительно заметил Эам, — у нас длинные руки!

— Мы хотим убить Прозрачного Бога! — храбро сказал Трикс. — Только не уверен, что это принесет нам деньги...

— Ничего, — ответил Абв, поразмыслив. — Сгодится как славный подвиг. Вначале ассасину приходится работать на авторитет, это уже потом авторитет начинает работать на него.

— Вы не поможете нам? — спросила Тиана.

— Я и так сделал все, что мог, мальчик... — рассеянно ответил Абв. — Вы получили образование, костюмы, пояса, боевые метлы и прочие приспособления.

— У нас есть всего одна неделя, чтобы добраться до Алхазаба, втереться к нему в доверие и уничтожить, — пояснил Трикс. — Хотя бы какая-то помощь с транспортом...

Абв и Эам переглянулись.

— Ну... я загляну в особую кладовую, — неохотно сказал декан.

Увы!

В кладовой, правда, нашлись три симпатичных ковра-самолета, вышитых затейливыми узорами. Когда Эам встряхнул их, выбив из каждого облако пыли, и произнес несколько волшебных слов, ковры послушно поднялись и повисли в воздухе. Трикс даже затрепетал от радости, что сможет полетать на настоящем ковре-самолете. Но стоило ему только взгромоздиться на ковер, как прогнившие нитки затрещали и он провалился сквозь разорвавшийся на два половичка ковер, больно ударившись о камни. Ничуть не лучше оказалось дело и с другими коврами. Тот, что достался Дэрику, готов был лететь только в одном направлении, причем не в том, какое было нужно, а коврик Тианы хоть и набрал высоту довольно резво, но в сторону сам сдвинуться не сумел.

— Проклятая моль! — выругался Абв. — Хотя последний коврик я положу возле астрономической башни, сгодится, чтобы подниматься вверх-вниз в безветренную погоду...

Он снова ушел в кладовую и через несколько минут вернулся, грустно разглядывая три длинные палки.

— Это были метлы, — пояснил он. — Особые метлы! Не только боевые, но еще и транспортные!

— Моль? — ужаснулся Трикс.

— Крысы! — с болью в голосе ответил Абв. — Сожрали все ореховые прутики, а именно они были заколдованы...

Эам хмыкнул и предложил:

— Возможно, я сумею заколдовать боевые метлы наших юных ассасинов...

Он некоторое время стоял возле метел, разводя руками, что-то шепча и пуча глаза. Внезапно метлы окутало голубое сияние, они тихо зажужжали и, мелко вибрируя, поднялись в воздух.

— Прошу! — гордо сказал Эам.

Ребята осторожно взгромоздились на метлы. Ощущения были странные. Тонкая вибрирующая палка — не та вещь, на которой удобно сидеть.

— Вы уверены, что на этом передвигались? — тревожно спросил Дэрик.

— Сам не видел, — признался Абв. — Но по преданиям — да, еще как!

— Седло бы... — вздохнула Тиана.

— И стремяна, — поддержал ее Дэрик.

— Не положено, — покачал головой Абв. — Согласно легендам на метле летают без всяких приспособлений... Эй, мальчик! Садиться на метлу боком, свесив ноги, разрешено лишь девушкам-ассасинам!

Тиана скорбно посмотрела на Эама.

Декан наклонился к уху учителя Абва и что-то прошептал.

— Правда? — покраснев, воскликнул декан. — Ну да, да... кажется, мне говорили...

Эам еще кратко объяснил, как управлять метлами. Ничего особо сложного не было — наклонил метлу концом вниз — пошел на снижение, потянул на себя — поднялся, поворачивать надо было слегка наклоняясь, а скорость регулировать — потирая метлу. Трешь вперед — скорость растет, трешь назад — падает.

— В добрый путь! — воскликнул учитель Абв, когда метлы взмыли над школой. — Расскажите всем, что школа «Таящаяся гадюка» снова принимает учеников! Мне понравилось... я так к вам привязался...

Он достал носовой платок и вытер проступившие слезы. А декан Эам неожиданно подошел к Триксу и дружески потрепал его по плечу.

— Вперед! — воскликнул смущенный таким неожиданным дружелюбием Трикс.

И метлы полетели на северо-запад.

Полет, конечно, дело увлекательное и волнующее. Ребятам было немного страшно, но Трикс и Дэрик не подавали виду, рисуясь перед Тианой, которая, в свою очередь, не желала уступать мальчишкам. Странно, конечно, было балансировать на метле, неудобно управлять ей, особенно ускоряться и замедляться. Но вскоре все как-то немножко пообвыклись и полетели рядышком, будто три безумных алхимика, осуществивших наконец-то вековую мечту своего цеха — летательные аппараты тяжелее воздуха. Большую скорость развить не удавалось, ветер уж слишком сильно бил в глаза и норовил скинуть с метлы. Так что летели со скоростью хорошего лошадиного галопа, ну а высоту, не сговариваясь, выбрали умеренную — с трех- или четырехэтажный дом.

Трикс с Дэриком, старавшиеся держаться друг с другом пусть сухо, но вежливо, некоторое время пообсуждали возможности боевого применения метел. Сошлись на том, что потенциал невысок — человека на метле легко могут сбить лучники, еще легче — волшебники. Можно было использовать и алхимиков с их праздничными фейерверками и за-

пустить перед атакующим противником легкие бумажные пузыри, наполненные горячим воздухом. Ну а если привлечь к делу хотя бы одного дракона — у человека с метлой не будет ни одного шанса.

Зато Тиана высказала здравую идею — молодые девушки и юноши на метлах могли бы нести курьерскую службу. Доставлять быстро (но и задорого, конечно) письма и небольшие посылочки, отвозить вспомоществование старым и немощным, передавать новости из города в город...

— Все упирается в метлы! — ответил Трикс. — В старину они были распространены, вся возможная магия для их создания была использована.

— Но ведь Эам как-то заколдовал наши метлы!

Трикс пожал плечами.

— Эам — великий волшебник. Хотя очень странный... есть в нем какая-то тайна...

Черные скалы, на которых высилась школа, давно уже исчезли вдаль. Под метлами тянулась пустыня — бесконечные барханы и дюны, песок желтый и песок белый, изредка — чахлые кустики, сумевшие дотянуться корнями до воды. Настоящих оазисов не попадалось.

Сидеть на метле становилось все труднее. Трикс уже готов был презреть условности и сесть «по-дамски», свесив ноги по одну сторону метлы. Но Тиана тоже ерзала все сильнее, пока не ойкнула, едва не соскользнув с метлы.

— Все, хватит! — не выдержал Трикс. — Я не знаю, какой идиот придумал полеты на метле, но мы так убьемся! Верблюд был бы лучше... я бы его так заколдовал, что понеслись бы стрелой!

Ни Дэрик, ни Тиана не спорили. Они осторожно приземлились и с облегчением повалились на землю.

— Не полечу больше на метле! — твердо сказала Тиана. — Никогда не полечу! Лучше на коне, лучше пешком! Лучше ползком! Но только не на метле!

Никто не возражал.

— Нам надо придумать другое средство передвижения, — сказал Трикс.

— И как мы его сделаем? — фыркнул Дэрик.

— Я же волшебник! Наколдую. Вот только... — Трикс вздохнул. — Оно должно быть необычным. Потому что все обычные средства передвижения волшебники уже создавали неоднократно и эта магия изнасилась.

— И придумать надо побыстрее, — озабоченно сказала Тиана. — А то жарко очень...

Солнце и впрямь палило с небес все сильнее.

— Механический конь? — предложил Дэрик.

— Было...

— Конь из песка?

— Пробовал уже, — вздохнул Трикс, не уточняя.

— Из костей? Из палок?

Трикс помотал головой:

— Что-то необычное! Были кони, быки, ослы... гигантские скаковые кузнечики... Все уже было. Да и нет здесь палок, кроме метел. А кости... кости только наши. Будут.

— Просто повозка? — робко спросила Тиана.

— Самобеглая повозка, — кивнул Трикс. — Тоже было. Да и из чего ее делать? Песок рассыплется!

— Ну, если подумать, то в песке, наверное, тоже есть железо... — сказала Тиана. — Просто его меньше. А под песком какая-нибудь глина есть...

— Да хоть бы мы сидели на руднике с рудой, — развел руками Трикс. — Знаешь, сколько волшебников сооружали самодвижущиеся повозки? Эта магия исчерпана!

— Но они сооружали повозки, движущиеся силой магии, — сказала Тиана. — А если ты соорудишь повозку магией, а двигаться она будет естественными причинами?

Трикс поразмыслил. В принципе вещь, сотворенная магией, вполне может приводиться в движение чем-то другим.

Известен случай, когда добрая фея (тут он вспомнил Аннет и вздохнул) пожалела бедную девочку-посудомойку и соорудила ей платье из половой тряпки и роскошную карету из тыквы, в которую запрягла превращенных в лошадей мышек. Девушка благодаря этому нехитрому волшебству сумела проникнуть на благотворительный новогодний бал, там очаровала принца и уж почти было женила на себе — вот только король резко воспротивился неравному браку. После серьезного разговора с королем посудомойка согласилась удовлетвориться придорожной таверной и пятью золотыми годового вспомоществования, ну а принц, когда слегка опомнился, стал очень послушным и примерным сыном. В общем, все кончилось хорошо...

— У нас же нет мышей, чтобы превратить их в лошадей или верблюдов. Вообще никакой живности нет.

— А если повозку будет двигать ветер?

Трикс послюнил палец и поднял вверх. Ветер был слабый и не попутный.

— Надо мыслить смелее, — неожиданно сказал Дэрик. — Что еще может двигать повозку? Какая стихия, кроме ветра?

— Воды здесь нет, — вздохнул Трикс. — Земля по природе своей малоподвижна...

— Огонь?

— А что жечь-то будем?

— В пустыне полно черного масла, — подсказал Дэрик. — Я пока к школе пробирался — несколько раз целые поля видел, где оно из-под земли выступило. Мне проводник сказал, что оно горит хорошо. Его даже в светильниках используют... только копоти много.

Трикс взял метлу и, выбрав участок пустыни поровнее, принялся чертить схему.

— Ну, допустим... Вот у нас повозка. Железная. На четырех колесах...

— Колеса провалятся в песок, — заметил Дэрик.

— Сделаем их широкими.

— И сиденья... — подсказала Тиана. — Не стоять же нам...

— А сверху тент, — вздохнул Дэрик, вытирая пот. — Теперь главное — как огонь нас будет двигать?

— Ракеты летают из-за огня, — задумчиво сказал Трикс. — Если между колесами закрепить большую ракету, в которой будет гореть черное масло...

— Как-то чересчур, — вздрогнул Дэрик. — А если проще сделать? Пусть масло горит в прочном железном сосуде. А дым от сгорания толкает рычаг, который толкает колеса...

— Ну как это рычаг сможет толкать колеса? — удивился Трикс.

— Вот, смотри...

Мальчишки увлеченно принялись чертить на песке. До Тианы доносилось:

— Два сосуда с рычагами! Нет, четыре!

— Пусть восемь!

— Хорошо, восемь... А тут шестеренки, как в часах, только больше...

— И рычагом можно менять шестеренки, тогда скорость будет то больше, то меньше...

— А если не шестеренки? Вот такой конус, на нем ремни... мягче будет ход. И ремень сам станет сползать...

— Муфту, муфту сюда надо!

— Ты что? Хочешь, чтобы привод был на задние колеса?

— Ну а что, на передние, что ли?

— Кто же запрягает лошадь позади телеги?

— У нас не телега!

— Тогда пусть привод и на задние колеса, и на передние!

— А здесь светильник, чтобы масло ночью путь освещало!

— Два!

— Палкой я управлять не стану! Давай колесо сделаем?
Как штурвал на корабле!

— А как ходу прибавлять?

— Тут педаль с заслонкой, чтобы масло текло сильнее... А тут тормоз сделаем. Он будет к оси прижиматься...

— И когда шестеренки меняешь, надо их от рычагов отводить... Третья педаль нужна...

— А ветер в глаза будет бить?

— Стекло же из песка делают, песка тут навалом! Пусть у нас впереди будет стекло...

— Почему только впереди? С боков тоже, и сзади...

— Место для метел надо оставить...

С некоторым удивлением Тиана поняла, что увлеченные общим делом мальчишки внезапно стали очень похожи — словно настоящие кузены, а не названные. Она терпеливо дождалась, пока Трикс с Дэриком закончили обсуждение и, отойдя в сторонку, потрясенно разглядывали нарисованную на песке самоходную телегу.

— Мальчишки... — попросила Тиана.

— Что? — спросил Трикс рассеянно.

— У меня одна просьба есть...

— Говори...

— Пусть она будет розовой.

— Чего? — возмутились хором и Трикс, и Дэрик.

— Черная! — воскликнул Дэрик.

— Белая! — гневно сказал Трикс.

Тиана укоризненно смотрела на них.

— Ладно, — вздохнул Трикс. — Не по-моему, не по-твоему. Пусть будет так, как Тиана хочет... — Он набрал воздуха и с отвращением выдавил: — Розовая...

— Девчонки... — согласился Дэрик, передернувшись. — Ладно. Давай колдуй... поглядим, что у тебя получится...

Трикс покачал головой:

— Нет, рано. Имя! Мне нужно имя для повозки.

— Милосердие! — предложила Тиана.

— Чего? — возмутился Трикс. — С какой стати?

— Ну, она же облегчит нам дорогу... А еще имя такое есть, красивое...

— Девчачье имя! Нет, на цвет я согласен, но имя должно быть другое.

— Сами тогда придумывайте, — обиделась Тиана. — Хорошее имя... Любой был бы счастлив такой повозке.

— Повозка для людей! — предложил Дэрик. — Или просто — Народная Повозка!

— Ага, ничего, — кисло поддакнул Трикс. — Народная Повозка... Хорошо, но хочется чего-то...

Он задумался. И Тиана, и Дэрик послушно ждали, признавая право волшебника назвать свое творение.

— Бэ-Эм-Вэ! — сказал Трикс.

— А что это значит?

— Большая Механическая Волшебная!

— Здорово, — честно признал свое поражение Дэрик. — Мне нравится.

Тиана, похоже, все равно осталась недовольна, но спорить не стала.

Ну а Трикс, раскинув руки (что, на его взгляд, очень подходило для колдовства) и запрокинув голову (тоже выглядело хорошо, вот только солнце жарило сквозь веки), стал колдовать:

— Сокрытые в песках пустыни элементы высвободились и пришли в движение, складываясь в невиданный доселе экипаж. Просторный, на широких больших колесах, с удобными сиденьями, с фонарями для темноты и стеклами от ветра, но самое главное — с затейливым механическим устройством, где сгорающее черное масло движет колеса посредством хитрой механической передачи, которую волшебник хорошо представляет, но в деталях описать не берется...

— Цвет! — страшным шепотом сказала Тиана.

— И ярко-розового цвета! — рявкнул Трикс.

После чего открыл глаза.

Перед ними стояло нечто. Оно было железное, но при этом ярко-розовое, будто цветок или нежная прудовая рыбка. Широкие колеса повозки были покрыты чем-то черным и упругим. У повозки были дверцы и окна, а также красивые застекленные фонари спереди.

— Ух ты... — прошептал Дэрик. Открыл дверцу и заглянул внутрь. — Слушайте, тут сиденья верблюжьей кожей обиты! Мягкие какие... откуда кожа-то?

— Видимо, где-то поблизости был верблюд, — смущенно признался Трикс. — Давайте не станем вдаваться в эту тему...

Ребята забрались в повозку. Трикс сел впереди слева, перед круглым штурвалом, тоже обтянутым кожей. Дэрик справа от него. Тиана забралась назад.

— Слушай, тут еще всякого разного полно, — озабоченно сказал Дэрик. — Стрелки какие-то... Часы, что ли? Только странные и много их. И ключ какой-то торчит...

Трикс повернул ключ — и повозка мягко заурчала.

— Ура, ты ее завел! — с восторгом сказал Дэрик. — Вот это да! У нас получилось... Трикс, но мы же немножко по-другому все представляли. И зачем все эти часы за штурвалом?

— Понимаешь, — попытался объяснить Трикс, — магия — она как вода.

— Мокрая? — поразился Дэрик.

— Нет... Текучая. Она всюду ищет дырочку. Слабое место. Если волшебник пытается наколдовать что-то, уже в мире имеющееся, и не важно даже — в нашем мире, или в другом, то магия как бы хитрит немножко. И делает не то, что волшебник хотел, а то, похожее, что уже существует.

Дэрик замотал головой:

— Не понимаю!

— А я поняла, — сказала Тиана. — Магия — она как хитрый портной. Ему заказали сшить небывалое красивое платье. Сам он придумать такое не может, но когда-то давным-давно видел то, что нужно. Он и шьет по памяти. Будто сам придумал. Мне однажды сшили такое бальное платье... А на балу я встретила старую-престарую тетюшку из провинции в таком же! Вот скандал был...

— Точно, — обрадовался Трикс. — Очень похоже. Только для того, чтобы магия так схитрила, надо не просто похоже все описать, надо еще и назвать истинное имя, которым вещь называется. Выходит, я случайно угадал!

— И где-то в мире есть такая повозка, и зовут ее Большая Механическая Волшебная?

— Да!

Дэрик вздохнул.

— Хорошо быть волшебником...

— Ребята, а вы заметили, что тут прохладно? — неожиданно спросила Тиана. — Тут из дырок дует холодный ветер!

— Волшебство, — гордо сказал Трикс. — Ну... где тут рычаг... попробуем...

Он надавил ногой на один из торчащих из пола рычагов — и повозка бодро двинулась вперед. Трикс судорожно вцепился в штурвал, повернул его — повозка ловко объехала дюну. Придавив рычаг посильнее, юный волшебник заставил повозку мчаться быстрее.

— Трикс... дашь немножко штурвал покрутить? — с завистью спросил Дэрик.

— Попозже, — сказал Трикс, с наслаждением набирая скорость.

— Ну Трикс...

— Погоди ты...

К вечеру поуправлять повозкой успели все. И сам Трикс, и Дэрик, и даже Тиана — причем у нее получилось ничуть не хуже.

Водить удивительную повозку оказалось не очень трудно, хотя большие барханы и приходилось объезжать. Но езда по пустыни утомляла. Глазу хотелось чего-то большего, чем песок.

И когда в закатном свете на горизонте появились какие-то руины, Трикс даже обрадовался. За штурвалом в этот момент сидел Дэрик, который и направил повозку к развалинам. Чем ближе ребята к ним подъезжали, тем более знакомыми казались руины...

— Это же древняя столица Самаршана! — сообразил наконец-то Трикс. — Сердце Ада!

— Ты здесь был? — удивился Дэрик.

— Да... То есть нет. — Трикс вздохнул. Похоже, предстояло все-таки объяснить Дэрику происходящее. — Понимаешь, в чем дело... Я уже сражался с Прозрачным Богом. То есть буду сражаться... ты сейчас все поймешь. И он магией забросил меня сюда. Я хотел телепортироваться в Дилон, но так получилось... в общем, я, наоборот, призвал к себе из Дилона Тиану. И мы нашли тут в руинах джинна. Он нас немножко обманул, но все-таки доставил в Дахриан. А там султан взял власть в свои руки, сместил визиря и хотел нас арестовать. Мы убежали и попросили помощи у драконов. И те отправили нас в прошлое. Чтобы мы могли научиться мастерству ассасинов и победить Алхазаба. Тогда мы и встретились...

— Очень запутанная история, — спокойно сказал Дэрик. — Но общую суть я понял. Ты сейчас и здесь, и в Дахриане?

— Ну... — Трикс подумал, посчитал в уме. — На самом деле я сейчас в Босгарде, в башне мага Щавеля. Но уже собираюсь вылетать в Самаршан ближайшим драконом! А в Дахриане я видел тебя с твоим отцом...

— Значит, до столицы мы доберемся, — сказал Дэрик. — Здорово.

— Доберемся, — вздохнул Трикс. — Ты — точно доберешься. А мы — не знаю... Быть может, Алхазаб нас убьет, а тебя отпустит.

Он остановил повозку в тени древних стен. Подумал и повернул волшебный ключик.

— Ты чего? — удивилась Тиана.

— Джинн, — коротко ответил Трикс.

Тиана нахмурилась. Потом улыбнулась.

— Кое-кто задолжал мне три желания, — сказала она.

Место, где через неделю они найдут джинна, ребята искали довольно долго. Дэрик ничем помочь не мог, а Тиана и Трикс постоянно спорили. Но в конце концов они согласились, что это было где-то здесь.

— Нет ничего хуже, чем обидеть мага, — мрачно сказал Трикс, вытягивая руку. — И даже могучему джинну следовало бы подумать головой, прежде чем обманывать волшебника Трикса Солье! Явись же из глубины песков волшебный сосуд, в котором обитает коварный джинн Китап!

Песок зашуршал и в руку Трикса выпрыгнула старая медная лампа. Дэрик отступил на шаг, покраснел, взял покрепче метлу и снова выступил вперед.

— Ну, берегись... — усмехнулся Трикс и небрежно потерял лампу.

Повалил густой белый дым. Из дыма выступил улыбающийся юноша в белых штанах и цветастой рубашке.

— Слушаю и повинуюсь, мой новый хозяин... — начал он. И тут глаза его расширились и он завопил: — Эй, нет! Только не это! Ты же Трикс Солье! Я твои желания уже исполнил!

— Ты их еще не исполнял! — возмутился Трикс. — Я тебя через неделю найду!

— Через шесть дней, между прочим! — огрызнулся Китап. — Ты чего здесь делаешь? Люди не умеют путешествовать во времени!

— Зато драконы могут, — злорадно сказал Трикс. — И джинны, вероятно?

— Да нам, джиннам, вообще время поровну! — гордо ответил Китап. — Нам что прошлое, что будущее — без разницы, мы в своем времени живем.

— Три желания, — напомнил Трикс. — Ты обязан выполнить три моих желания.

— Нет! Я их уже выполнил! Скоро выполню, точнее!

— Но ведь еще не выполнил? — настаивал Трикс.

— Это сложный случай, — со вздохом согласился Китап. — Подашь апелляцию в совет джиннов?

— А сколько ждать ответа? — сразу же уточнил Трикс.

— Недолго... минут пять по нашему времени... — Трикс ждал. Китап отвел глаза: — Неделю-две по-вашему.

— Тогда уже не важно будет.

— Так все и задумано, — подтвердил Китап.

— Ладно, хватит спорить. — Тиана шагнула вперед и взяла лампу. — Мои желания действуют?

— Да... — Китап хитро усмехнулся. — Что желаешь, прекрасная госпожа? У меня есть замечательное бальное платье из белого шелка, ушитое розовыми бриллиантами и розовым жемчугом, как раз твоего размера...

— Сам носи свое платье!

— Это что, приказ? — завопил перепуганный Китап.

— Нет пока, — задумчиво ответила Тиана. — Но если опять начнешь юлить и обманывать — будешь ходить в шелковом платье до скончания веков!

Китап вытер пот со лба и заговорил куда менее высокомерным тоном:

— Ребята, ну войдите в мое положение! Я обычный джинн. Из хорошей семьи, учителя хвалят... Но у нас же есть определенные правила, некоторые ограничения... я не могу не попытаться вас обмануть. Это правило такое!

— Белое платье с розовым жемчугом, — задумчиво сказала Тиана. — Интересно, пойдет ли розовый к цвету твоих глаз?

— Не пойдет! — возмутился джинн. — Ну просто совершенно не пойдет! Госпожа и повелительница, ну меня же тысячи лет высмеивать будут!

— Тогда ты будешь выполнять наши желания честно и прилагая все свои старания, — заявила Тиана. — И не думай, что меня проще обмануть, чем мальчишек. На самом деле все совсем наоборот.

— Я уже вижу, — признался Китап. — Чего ты хочешь?

— Во-первых, давай усвоим раз и навсегда — мои слова считаются желанием, только если я подтверждаю их словами «И это мое желание!»

— Слушаю и повинуюсь! — воскликнул Китап. — Твое желание исполнено, повелительница! Осталось еще два!

Трикс от огорчения всплеснул руками. Но Тиана спокойно кивнула:

— Хорошо. Я знала, что ты за это уцепишься. Но я полагаю, что тебе принципиально важно обмануть в выполнении желания хотя бы один раз. Лучше ты обманешь в самом начале, чем в конце.

— А ты неглупа, госпожа! — восхитился Китап. — Хорошо. Даю слово, что два оставшихся желания я выполню честно!

Тиана царственно кивнула:

— Нам надо узнать природу силы Алхазаба, известного как Прозрачный Бог, чтобы суметь победить его! И это...

Китап замахал руками:

— Стоп-стоп-стоп! Не говори желания, которого я все равно не могу исполнить!

— Ты не знаешь? — возмутилась Тиана. — Люди не знают, драконы не знают, джинны тоже не знают?

— Может, я его... метлой? — спросил Дэрик. — Боковой с поворотом и прямой в живот!

Тиана отмахнулась:

— Погоди... видишь, он и впрямь пытается объяснить.

— Я... — Китап задрожал всем телом. — Я... я... Я знаю. Джинны знают все, такова наша природа. Но... это четвертое ограничение...

— Какое еще четвертое? — воскликнул Трикс. — Есть три правила: не давать всемогущество или волшебных способностей, не воскрешать мертвых, не влиять на разум и чувства...

— Четвертое ограничение — секретное, — признался Китап. — О нем говорят, только если возникает реальная опасность. Мы, джинны, по своей природе — хранители равновесия. Мы не за и не против. Мы не добро и не зло. Мы призваны сохранять равновесие в мире людей и не позволить никому достичь всемогущества.

— Почему?

— Потому что если люди объединятся под властью единого всемогущего правителя — они погибнут. — Китап развел руками. — Поверьте, нет ничего хорошего в том, что кто-то один, пусть даже добрый и мудрый, захватит власть над миром. Сила людей — в их различии, в непохожести друг на друга. Северные варвары и пустынные кочевники, дикие племена болот и чванливые жители больших городов — все вы чем-то хороши, а чем-то плохи. И это позволяет каждому человеку найти свое место в жизни. Это дает вам, людям, возможность приспособиться к чему угодно. Ни один правитель, будь он как угодно хорош, не позволит роду человеческому развиваться и расти.

— Спасибо, — сказала Тиана, помолчав. — Я запомню.

— Так в чем правило-то! — напористо спросил Дэрик.

— Это уточнение к первому правилу — о всемогуществе. Мы не только не можем дать человеку всемогущество, но и не должны раскрывать его тайну. А тайна Прозрачного Бога —

это тайна всемогущества. Если вы узнаете, в чем его секрет, вы станете равными ему.

— Вот это да... — прошептал Дэрик, опуская метлу. — Всемогущество!

— Видите? — горько сказал Китап. — Тиана, я тебя очень прошу. Не заставляй меня отвечать на этот вопрос.

— А иначе что? Тебя засмеют?

— Я умру! — воскликнул Китап. — Джинн, нарушивший четвертое правило, умирает!

— Значит, ты ответишь на мой вопрос, — задумчиво произнесла Тиана. — Ответишь, а потом умрешь... так?

Китап молчал, опустив голову.

— Спрашивай, — сказал Дэрик. — Давай, Тиана! Мы будем всемогущими, представляешь?

Тиана посмотрела на Трикса и тихо сказала:

— Я не могу... Он, конечно, обманщик, но... не могу. Он же тогда сразу умрет!

— Ты права! — неожиданно поддержал ее Дэрик. Широко улыбнулся: — Прости, я дурак!

— Скажи мне, джинн... а есть ли кто-нибудь, кроме джинов и самого Алхазаба, кто знает природу его могущества? — спросила Тиана.

— Это все равно четвертое правило... — простонал Китап.

— А можешь ли ты, Китап, телепортировать нас в то место, где Алхазаб стал всемогущим?

Джинн задумался. Потом сказал:

— Все равно как-то очень близко к нарушению четвертого правила...

— Но мы же не спрашиваем тебя, как он его обрел. Всего лишь просим доставить в то место!

— Нет, — поразмыслив, ответил джинн. — Не могу. Провило...

— Попробуем скомбинировать оба правила. Доставишь ли ты нас к тому, кто знает, где Алхазаб обрел могущество?

Вместо ответа Китап зарыдал.

— Ха! — презрительно сказал Дэрик. — И это могучий джинн... Ему и впрямь пошло бы розовое платье!

Тиана повернулась к Триксу и попросила:

— Придумай ты, а? Я уже не могу...

— Китап. — Трикс подошел к плачущему джинну поближе и заглянул ему в глаза. — Мы вовсе не хотим стать такими, как Алхазаб. Мы, напротив, хотим его остановить...

— Да уж, — вздохнул Китап и посмотрел на Дэрика.

— Понятно, — кивнул Трикс. — Он не будет пытаться, поверь. Я тебе обещаю!

Дэрик фыркнул.

— К тому же ведь Алхазаб уже всемогущ, — продолжал Трикс. — И значит, твоя задача — лишить его могущества! А это лучше всего сможем сделать мы. Я уже сражался с Алхазабом, я его не боюсь, я волшебник. Мне только нужно чуть-чуть знаний...

— Знания — это самое страшное оружие, — пробормотал Китап и вытер слезы рукавом. — Куда страшнее железных солдат... или вашей самодвижущейся повозки... Кстати, она турбированная или просто восьмицилиндровая?

— Чего? — удивился Трикс.

— А, ладно, проехали... — Китап достал шелковый носовой платок и высморкался в него. — Вот что, ребята... Я бы на вашем месте поинтересовался у бедного, несчастного, замученного некорректными вопросами джинна — есть ли на свете существа столь же информированные, как джинны, но лишенные их высоких моральных устоев...

— И это будет желание? — спросила Тиана.

— Конечно. И его я смогу исполнить, потому что оно не содержит в себе в прямом и безусловном виде желания всемогущества.

— Может, я не буду спрашивать, а сразу попрошу тебя отправить нас к такому существу?

Китап пожал плечами:

— Если вы все равно к нему собрались, то какая разница? Можете и попросить отправить. Хочешь сэкономить желание, да?

— Хочу, — кивнула Тиана.

— Все-таки розовое платье? — подмигнул Тиане джинн. — Если честно, то я сам его сшил. Знаешь, между желаниями времени свободного много, я еще немножечко крою и шью...

— Возьми ты его платье, ну в самом деле! — сказал Дэрик. — Раз так настаивает. Потом попроси отправить нас к тому, кто все знает, но не такой придурок... Главное — не забудь лампу с собой захватить!

Китап вздрогнул.

— Не надо, Дэрик, — попросил Трикс.

— Чего не надо? — возмутился Дэрик. — Я тоже хочу победить Прозрачного Бога! Разве нам помешают в борьбе три мешка золота? И какая-нибудь армия... из железных солдат. Ну и тайна всемогущества, конечно!

— Дэрик, это жестоко, — сказала Тиана. — И Китап все правильно объяснил про всемогущество...

— Эти джинны просто не хотят делиться своей силой, — рассмеялся Дэрик. — Ребята, да бросьте вы! Он же не человек! И даже не гном какой-нибудь поганый... Просто джинн!

Трикс и Тиана посмотрели друг на друга. Потом Тиана спросила:

— Трикс, ты понимаешь, что я сейчас сделаю?

Трикс вздохнул и сказал:

— Да, все правильно, Тиана. Это единственный выход.

Китап охнул и прижал ладони к лицу.

— Китап, — сказала Тиана. — Немедленно, со всей возможной безопасностью и тщательностью телепортируй Дэрика в Дахриан, к его отцу! И это — мое желание!

— Предательница! — завопил Дэрик, вскидывая боевую метлу.

— Слушаю и повинуюсь! — радостно вскрикнул Китап и Дэрик исчез.

Наступила тишина. Китап, сияя от радости, смотрел на Тиану. Трикс — тоже.

— Ты ведь хотел, чтобы я именно это сделала? — спросила Тиана. — Мне так жаль... он ведь не такой уж и плохой мальчишка. Только у него детство было тяжелое. И он очень сильно хочет власти...

— Да, — медленно сказал Трикс. — Я именно этого и хотел.

Кто знает — может быть, на самом деле Трикс хотел чего-то другого? И просто не понял слова Тианы? Но мы не будем допытываться. Иногда ведь важно не то, как человек думал, а то, как он поступил. Если правильно поступить ему помогли друзья — в этом тоже нет ничего страшного.

Хотя, конечно же, скорее всего Трикс правильно понял Тиану и с болью в сердце пожертвовал всемогуществом и едва было не сложившейся дружбой с кузеном, чтобы спасти хитрого джинна и сохранить существующий в мире порядок. Даже никаких сомнений в этом нет!

— Китап, — продолжила Тиана. — А теперь я приказываю тебе: со всей возможной тщательностью и безопасностью телепортируй нас с Триксом к существу, которое не уступает тебе по всеведению, но не сковано какими-либо моральными нормами и ограничениями! Лампа же твоя пусть снова зароется в песок на прежнее место. И это...

— Подожди-подожди! — выкрикнул Трикс, но было поздно.

— ...мое желание! — закончила Тиана.

— Слушай и повинуюсь, бывшая госпожа, — сказал Китап. И с легкой грустью добавил: — А теперь прощайте навсегда, очень добрые, очень честные и очень глупые дети!

3

— Повозку жалко, — сказал Трикс.

Они с Тианой оказались в узком и длинном ущелье. Тут царила прохлада и полумрак — скалы были так высоки, что солнце заглядывало сюда разве что в полдень. Тоненький ручеек тек по дну ущелья, весело звеня на камнях. Вдоль ручейка росли кусты, среди которых Трикс с радостью увидел дикую малину и голубику.

Напившись и присев у кустов, Трикс с Тианой принялись обирать спелые ягоды.

— А меня вот это смущает, — призналась Тиана. Помимо боевых метел, которые Китап галантно отправил вместе с ними, они обнаружили после телепортации небольшой изящно запакованный сверток. В свертке оказалось платье — шелковое, расшитое розовым жемчугом и розовыми бриллиантами.

— Да, со вкусом у него неважно, — согласился Трикс. — Я бы выбрал черный жемчуг и черные бриллианты. Оно и подороже было бы, кстати. Но платье красивое, вот только спина сильно открыта...

— Я не о том, — фыркнула Тиана. — Скажи, это похоже на джинна — сделать какой-то подарок просто так?

— Ну, он растрогался все-таки, — предположил Трикс, бросая в рот пригоршню голубики. — Мы же убить его могли. А не убили.

— Тогда почему он назвал нас глупыми? — спросила Тиана. — Значит, считает, что мы сделали какую-то глупость.

— Вернемся в Сердце Ада, подберем лампу и устроим ему трепку! — высказался Трикс. — И повозку заберем, жалко ведь...

— Может, он потому и назвал нас глупыми? Уверен, что мы не вернемся?

— Не бойся, — ответил Трикс. — Мы где-то рядом с мудрым всезнающим существом... — Он запнулся, вздохнул и добавил: — Лишенным всякой совести. Это ты не очень удачно сформулировала.

Тиана спорить не стала, а сделала то, что очень редко делают в такой ситуации мужчины и почти никогда — женщины.

Она промолчала.

Перекусив ягодами и вымыв руки в ручье, ребята двинулись вниз по ущелью. Собственно говоря, вниз или вверх идти — они не знали. Но вниз идти всегда легче и приятнее.

— На самом деле, — рассуждал Трикс, идя впереди и раздвигая метлой кустарник, — мудрое всеведущее существо никак не может быть злобным. Чем выше разум, тем добрее существо.

— А мне кажется, ум и доброта между собой никак не связаны, — пожалала плечами Тиана. — У нас во дворце самая добрая фрейлина — глупая как пробка. Но добрая. Всем поможет, всех выслушает... А рыцарь-маг Гавар, к примеру, очень умный. Но злой.

— То есть ты хочешь сказать — чем больше ума, тем злее человек? — возмутился Трикс, считающий себя добрым юношей.

— Нет, я хочу сказать — это никак не связано. Доброта ни с умом не связана, ни с цветом волос, ни с формой носа. Она сама по себе.

— Ладно, если это умное существо будет злым, то оно поймет, что такое разъяренный добрый волшебник! — сурово сказал Трикс.

— А как ты думаешь, что это за существо? — спросила Тиана.

— Сфинкс! — завопил Трикс.

— Может, и Сфинкс, но чего орать-то? — удивилась Тиана. Сделала еще пару шагов вперед и воскликнула: — Сфинкс!

— Совершенно верное утверждение, но зачем повторять его дважды? — спросил Сфинкс.

Был он точно таким, как описано в легендах (хотя странно, конечно, кто мог бы увидеть сфинкса и его описать, ведь из всех легенд следовало, что в живых после встречи никто не оставался). Размером Сфинкс был с очень крупного слона или средних размеров дракона. Он обладал телом льва, крыльями орла и лицом прекрасной (хотя и с очень большим ртом) женщины. Сфинкс сидел на корточках посреди ущелья, перекрывая его начисто.

— Скажи, ты и есть то самое всеведущее существо, напроць лишенное моральных качеств? — спросил Трикс.

— Верно, — ответил Сфинкс (отнести его к женскому полу, несмотря на некоторые явные признаки, было трудно). — Мне ведомо все, что творится на земле. Не бойтесь меня, дети!

— Хорошо, — пообещал Трикс. — А почему не надо тебя бояться?

— Потому что когда вы пугаетесь, то мясо приобретает неприятный вкус, — сообщил Сфинкс. — Поэтому я спешу вас успокоить — я съедаю не всех, кого встречаю, а только тех, кто не сможет ответить правильно хотя бы на один мой вопрос из трех.

— Я думаю, ты нас пугаешь, Сфинкс! — храбро сказала Тиана. — Что-то я не вижу здесь гору обгрызенных костей!

— Ну кто же бросает самое вкусное? — удивился Сфинкс. — Нет, после моего обеда ничего не остается. Я перевариваю даже доспехи, мне нужно железо для перьев.

Сфинкс расправил крылья, блеснувшие стальным оперением.

— Тогда странно, что ты вообще кого-то отпускаешь, — подозрительно заметил Трикс.

— Кто тебе сказал, что я отпускаю? Еще никто не смог ответить хотя бы на один мой вопрос. Вопросы я задаю только для того, чтобы человек успокоился и стал вкуснее.

— Хочу заметить, — сказал Трикс нарочито громко, — что я — могучий волшебник.

— Знаю, знаю, — кивнул Сфинкс. — И хочешь узнать от меня, в чем сила Алхазаба... Дело в том, мальчик, что я существо немагическое.

— Ты? Немагическое? — не поверил Трикс.

— Абсолютно. Я стал таким из-за не самого достойного поведения моего отца. Он был алхимиком и проводил эксперименты с животными. В результате этих чудовищных экспериментов я и появился на свет.

— Ужасно! — воскликнула Тиана. — Какая жестокость и безответственность!

— Спасибо. Но не волнуйся, я достойно покарал отца. Я его съел. Так вот, будучи существом немагическим, но чудовищным, я абсолютно нечувствителен к магии. Ты можешь поливать меня огнем, рубить волшебным мечом, делать все что угодно — мне это не повредит. А учитывая мои размеры, силу и ловкость — ничем не повредит мне и обычное оружие.

— Учти, мы — почетные драконы! — сказала Тиана. — И если что... они за нас отомстят.

— О, драконы! — Сфинкс улыбнулся. — Давно они не залетали в мое ущелье. Я не очень-то люблю крылья и лапы, но вот хвост... драконий хвост — одно из чудеснейших лакомств на свете! Особенно запеченный. Я предпочитаю свернуть дракона кольцом, засунуть ему в пасть его же хвост, чтобы он пропекся как следует, после чего уже съесть.

— Фу! — воскликнула Тиана.

— Какая мерзость! — Трикс от волнения стукнул метлой как посохом и из-под нее посыпались искры. — Недостойно одного разумного существа есть другое разумное!

— Ну да, вы, люди, предпочитаете грызть друг друга потихоньку, — усмехнулся Сфинкс. — Мучить тех, кто слабее, поборами. Презирать тех, кто сильнее, и делать им гадости исподтишка. Я куда честнее. Я просто ем всех, кто мне по-

падает. Чаще, конечно, попадают козы и бараны, но люди немногим их умнее и тоже приходят.

— Какая же сволочь Китап... — прошептала Тиана. — А я его пожалела...

— Никого не надо жалеть, — наставительно произнес Сфинкс. — Жаль, что вы не выучили этот урок раньше... Ну что, три загадки?

— Мне доводилось играть в эти игры, — сказал Трикс. — Правила обычные? Загадки на логику, а не на общее знание, решение должно существовать...

— Никаких правил, — усмехнулся Сфинкс. — Правило здесь одно — я. Итак, первая загадка. Какое общественное устройство идеально для людей и устроило бы всех в государстве?

— Поскольку нас двое, — храбро сказала Тиана, — то мы имеем право дать два ответа!

Сфинкс захохотал:

— Хорошо. Это забавно, разрешаю... Итак?

— Мудрая и просвещенная монархия, в которой владыка заботится о нуждах своих подданных и укрепляет страну! — сказала Тиана.

Трикс помедлил немного, пытаясь придумать что-нибудь немыслимое.

— Полагаю, — медленно сказал он, — что идеальным было бы общественное устройство, при котором каждый человек имеет право высказать свое мнение, а решение принимается коллективно, суммируя все мнения и выбирая мнение большинства...

— Ха-ха-ха! — воскликнул Сфинкс. — Ни один мудрый монарх не сможет вникнуть во все нужды всех подданных. Никогда общее мнение не окажется действительно устраивающим всех. Вы не переживайте, я здесь какого только бреда не наслушался. Говорили, к примеру, об обществе, в котором каждый делает то, что может, а получает то, что

хочет. Говорили о том, что если обществом станут управлять волшебники и прочие мудрецы, то люди будут счастливы...

— Ну а чем плох этот вариант? — заспорил Трикс.

— Ты на меня посмотри, мальчик! — рявкнул Сфинкс. — Вот он я, результат научного любопытства очень умного алхимика! Хорошо получилось?

— Так каков же ответ? — не выдержал Трикс.

— Ответа нет. Ничего вам, людям, не подходит! Вечно вы всем недовольны! Единственное, что устроило бы всех — одиночество. А всех сразу ничто не устроит!

— Нечестно! — запротестовал Трикс. — У загадки должен быть ответ!

— Нет никаких правил! — рявкнул Сфинкс, разинув огромный рот и обдав ребят горячим влажным дыханием. — Существуют вопросы без ответов и я вправе их задавать!

Устрашенные яростью существа, Трикс с Тианой чуть отступили назад. Сфинкс тем временем поднес ко рту огромную лапу и облизнул длинным красным языком. Из лапы выдвинулись острые когти. Сфинкс минуту полюбовался ими, потом снова сел на корточки.

— Итак, второй вопрос, — сказал он. — Что является причиной любви?

Трикс с Тианой переглянулись и почему-то уставились себе под ноги. Потом Тиана сказала:

— Мне кажется... я так думаю... что причиной любви является доброта и благородство. Внешность, богатство, знатность происхождения, ум и сила... это все, наверное, тоже важно. Но доброе сердце и готовность прийти на помощь — вот что порождает любовь!

Сфинкс усмехнулся и посмотрел на Трикса.

— Любовь — подобна молнии, которая падает с небес, поражая цель по своему усмотрению, — сказал Трикс. — Нет никаких явных причин для любви, поскольку она — дар богов.

— Ерунда, — ответил сфинкс. — Злобность и подлость тоже могут стать причиной любви для человека злобного и подлого. Ну а насчет дара богов — если подумать, сколько несчастий и страданий любовь приносит людям, то это никакой не дар, а страшное проклятие! Любовь — просто попытка людей избавиться от страха перед жизнью!

— А знаешь, Сфинкс, — сказал Трикс, — ты ведь просто забавляешься.

— Конечно! — ухмыльнулся сфинкс.

— Тебе не нужны ответы, ты любой отвергнешь, тебе интересны наши ответы на вопросы, чтобы понять нас.

— Разумеется!

— Но в эту игру можно играть и вдвоем. Твои слова помогают понять тебя. Ты несчастен, одинок и никогда не сможешь никого полюбить — потому что ты урод, единственный в своем роде!

— Чушь! — завопил Сфинкс, гневно замолотив крыльями. — Я одинок и свободен, я чистый разум, лишенный глупых иллюзий. Вы, люди, заняты поисками оправданий для своего жалкого существования — а я просто жру вас и радуюсь жизни!

— Да чему ты радуешься-то? — презрительно сказал Трикс. — Сидишь в пустыне и ждешь случайного путника? Гоняешься за козами?

— Про коз — вранье и навет! — неожиданно вспыхнул сфинкс.

— В чем смысл твоей жизни? — продолжал наседавать Трикс. — Жрать и гадить? Это предназначение шакала. А ты разумное существо! Высокоразвитое! Ты мог бы прославиться в веках, будучи мудрым советником людей, значительно уступающих тебе в уме. О тебе слагали бы песни и легенды, тебе приносили бы подношения...

Сфинкс презрительно фыркнул.

— Стада молодых вкусных овечек, упитанных подтянутых верблюдов, круги козьего сыра и крынки коровьего молока, мед диких пчел и нежные пшеничные лепешки... — продолжал Трикс. — Золото и серебро, яшма и изумруды...

— Топазы и сапфиры, — сказал Сфинкс. — Больше всего люблю.

— Топазы и сапфиры, — согласился Трикс. — Дворцы твоих жрецов выросли бы в пустыне, караваны шли бы к тебе со всех концов мира, принцы и мудрецы склонялись бы ниц, чтобы задать тебе вопрос и получить ответ мудрейшего на свете существа...

— Соблазнительная перспектива... — задумчиво сказал Сфинкс.

— Не стоит ли отринуть затворническую жизнь и принять ту славу и уважение, что подобают тебе по праву? — торжественно закончил Трикс. — И мы могли бы стать теми, кто поведал бы всему миру о мудрейшем и благороднейшем существе, которому надо поклоняться, и кто должен наставлять нас, неразумных, на путь истинный?

— Обалдеть! — сказал Сфинкс. — Трикс... у меня перспектива появилась! И концепция поменялась!

— Я рад, — сказал Трикс, ободряюще подмигивая Тиане.

— Итак, третий вопрос, — сказал Сфинкс.

— Чего? — завопил Трикс. — Какой третий вопрос? Мы же договорились...

— О, если бы ты был первым ассасином «Таящейся гадюки», который опробовал на мне свое искусство восхваления, я бы мог и поддаться, — сказал Сфинкс. — Но я сожрал уже штук сорок ассасинов. Это очень удачно, что к яду, будучи существом насквозь отравленным, я тоже совершенно равнодушен. Ну что, третий вопрос слушать будете? Или начинаем обедать?

— Слушать будем, — грустно сказал Трикс.

— Что является смыслом жизни? — весело спросил Сфинкс. — Что является основным вопросом мироздания, альфой и омегой, началом и концом? Каков ваш ответ?

— Да ты же все равно скажешь, что мы не угадали! — возмущенно воскликнул Трикс.

Сфинкс захихикал:

— Ага! Но ведь забавно будет послушать ваши ответы. Итак...

К сожалению (для Сфинкса) и к счастью (для Трикса с Тианой), ответить им не довелось. Воздух между ребятами и Сфинксом заколебался, будто над раскаленной жаровней, и на ровном месте внезапно появился знаменитый и прославленный маг Радион Щавель.

Маг был одет в старенькую домашнюю мантию, лоб у него был обмотан мокрой тряпкой, а на лице было написано такое страдание, что Тиана горестно охнула, а Триксу захотелось спрятаться за метлу. Когда волшебник возвращается с капитула магов, он обычно очень-очень устал и несколько дней его лучше ничем не доставать.

— Какой Э-А-Эм? — воскликнул Щавель. — Какой долг чести? Что за «колдовать вдумчиво»? Ты вообще что-нибудь способен делать вдумчиво, мой ужасный преспешник?

— А-а-а... — пролепетал Трикс, ничего не понимая. — Учитель... Вы о чем?

— Я о твоём письме! Я возвращаюсь в башню, мне хочется тишины и покоя, а ты куда-то делся, оставив глупое письмо! Что за Э-А-М?

— Это учитель Эам, декан школы «Таящаяся гадюка»! — радостно воскликнула Тиана. — Как я рада вас видеть, волшебник Щавель!

— Мое почтение, ваша светлость... — Щавель со вздохом согнулся в полупоклоне. — Простите, что мой ученик каким-то образом втянул вас...

— Э-А-М — это дракон Элин Абулла Му... — Трикс вовремя остановился и не назвал тайное имя дракона полностью. — Это дракон... Это декан... Декан — дракон!

— Какой дракон? Какой декан? — простонал Щавель. — Каких еще тварей вы нашли на мою несчастную голову?

— Сфинкса... — пролепетал Трикс.

— Сфинкса, — кивнул Щавель. — Ага. Значит, я в Самаршане. Что вообще творится? Я едва-едва смог навестись на тебя, цель почему-то двоилась...

— Она двоилась, потому что меня сейчас здесь две штуки... — признался Трикс.

— Ага, — кивнул Щавель. — Драконы. Элин Абулла... Ага. А где Сфинкс?

— У вас за спиной, — горестно сказал Трикс.

Радион Щавель неспешно повернулся и уставился на возвышающегося над ним Сфинкса. Сфинкс откашлялся и произнес:

— Я жду ответы на вопрос.

— Какой вопрос? — не отрывая взгляда от Сфинкса, спросил Щавель.

— Что является смыслом жизни, основным вопросом мироздания... — с надеждой сообщил Трикс.

— Да нет, глупый ученик! По счету какой?

— Третий...

— Понятно. Довели дело до крайности, значит.

— Слушай, волшебник! — рявкнул Сфинкс. — Я общаюсь с этими двумя, ты можешь проваливать...

Радион Щавель молча смотрел на Сфинкса.

— Учти, я существо чудовищное немагическое, мне магия не страшна... — несколько взволнованно начал Сфинкс.

— Ты кто такой? — спросил Щавель.

— Я — Сфинкс! Я порождение человеческого гения и безумия! Я чистый интеллект, лишенный эмоций, я знаю все и ничего не открываю, я...

— Смелое утверждение, — мрачно сказал Щавель. — Кто виноват? Что делать? Как изменится курс талера к динару в следующем году?

— Вопросы здесь задаю я! — мрачно сказал Сфинкс.

— По какому праву?

— По праву сильного и голодного!

— Но я сильнее, — уверенно сказал Щавель.

— Твоя магия ничего не может мне сделать!

— Магия не может, — согласился Щавель. — А вот осколок скалы, который магия столкнула с края обрыва и который несется вниз прямо тебе в макушку — может!

Он повелительно взмахнул рукой — и сверху возникло облачко пыли и щебня от сорвавшегося вниз камня.

— А! — завопил Сфинкс, которого огрело по голове булыжником размером с хороший арбуз. — Прекрати! Это против правил!

— Каких еще правил? — удивился Щавель. — Нет никаких правил. И если стены ущелья сейчас сойдутся, то от тебя останется одно лишь мокрое место!

— Я был уверен, что магия не в силах мне повредить!

— Напрямую — да, — кивнул Щавель. — Опосредованно — легко. Ну что, хочешь жить?

— Хочу, — признался Сфинкс.

— Тогда прочь с дороги.

— Нам нужен ответ на вопрос! — быстро сказал Трикс.

— И ответь мальчику на вопрос! — пригрозил Щавель.

— Я должен получить хотя бы один ответ, — заупрямился Сфинкс. — Таковы правила.

— Хорошо. Хочешь знать, каков смысл жизни? Смысл в том, чтобы жить. Или ты не согласен? — Волшебник снова поднял руку.

— Согласен, — мрачно ответил Сфинкс. — Убедили. Я пропускаю вас... и отвечу на любой вопрос.

— Где и от кого Алхазаб получил свою немыслимую магическую силу? — спросил Трикс.

— В месте, известном как Сердце Ада, — ответил Сфинкс.

— Сволочь Китап! — ахнул Трикс.

— Под этими руинами лежит древний подземный город пустынных гномов, — продолжал Сфинкс. — Вход в него скрыт белой башенкой, чтобы войти, надо прочесть волшебное заклинание на потайной двери.

— Неужели пустынные гномы еще существуют? — поразился Щавель. — Считается, что их цивилизация была уничтожена много веков назад!

— Вот это я без понятия, — с удовольствием ответил Сфинкс. — Мне ведомо все, что находится на земле и под луной. Под землей — это уже не в моей компетенции. Я знаю лишь, что Алхазаб, заблудившись во время бури, укрылся в развалинах башенки и случайно открыл потайную дверь. Он спустился вниз — а когда вернулся через месяц, то уже был могучим непобедимым волшебником. Все! Я ответил на вопрос, убирайтесь вон! А то мне все-таки хочется проверить, что быстрее — твои слова, волшебник, или мои когти...

— Спасибо, дальше как-нибудь разберемся сами, — кивнул Щавель. Шагнул к Триксу и Тиане, крепко взял их за руки...

...и они оказались в каменистой пустыне, на краю глубокого узкого ущелья, прорезающего равнину будто черная рана.

— Всегда полезно вначале оглядеться, куда собираешься телепортироваться, — пояснил Щавель. — Сперва мы перенеслись сюда, а уж потом, посмотрев сверху на вас со Сфинксом, я телепортировался вниз и своим непоколебимым спокойствием перепугал чудовище.

— Тиана! — закричал худенький маленький мальчик, сидевший на большом вещевом мешке. Вскочил и бросился к княгине.

— Халанбери! — воскликнула Тиана. — Братик!

Они обнялись, после чего Халанбери смущенно отстранился.

— Рад вас видеть, ваша светлость, — церемонно сказал он сводной сестре. Видимо, родители Трикса не теряли даром времени, занимаясь воспитанием маленького бастарда. — Трикс! А я камень столкнул! Ага!

— Так это не магия была? — сообразил Трикс, разглядывая наваленную на краю обрыва гору камней. — Как я рад тебя видеть, Халанбери! — Он не удержался, тоже обнял мальчишку и взъерошил ему волосы. — Ты молодец! Ты нас всех спас!

— Это Щавель придумал! — похвастался Халанбери. — Ага! Сказал, что эту тварь магией никак не пронять, но камень, падающий с большой высоты, лучше любой магии будет...

— Учитель, ты обманул Сфинкса? — понял Трикс. — Но он же все знает!

— Не путай знание со всеведением, — наставительно сказал Щавель. — Сфинкс, будучи существом алхимически созданным из разных стихий, может дать ответ на любой вопрос. Но вначале ему надо этот вопрос сформулировать. Если бы он заподозрил, что я его обманываю... К счастью, он — существо очень нервное, неуверенное в себе, ожидающее от жизни подвоха. И мои слова его сразу убедили. Со временем, наверное, разберется что к чему...

— Учитель, а может быть, мы отсюда уйдем? — спросил Трикс, опасливо поглядывая на темные глубины ущелья. — Давайте перенесемся в Сердце Ада и уже там поговорим...

— Ты готов нас перенести? — заинтересовался Щавель. — Ты освоил телепортацию?

— Не очень, — признался Трикс.

— Жаль. А я не смогу перенести всех нас в то место, где никогда не был.

— Но сюда же вы как-то перенеслись!

— Я телепортировался к тебе, — пояснил Щавель. — Тебя-то я знаю достаточно хорошо. А в Самаршане я бывал всего один раз, очень давно, в юности, на раскопках древней столицы. Я тогда только учился магии и поехал на восток по обмену. Два месяца копались в песке с самаршанскими магами, ничего интересного не нашли, пустые руины...

— Щавель! — воскликнул потрясенный Трикс. — Это и есть Сердце Ада!

— Да? — удивился Щавель. — А мы-то называли это место Всемирная... — Он взглянул на Тиану и осекся. — Ну, в общем, это была совсем другая часть тела. Можно, конечно, попробовать, хотя мне там ужасно не нравилось...

— Подлый обманщик! — донесся из ущелья голос Сфинкса, перекрываемый тяжелыми ударами крыльев. — Это была не магия!

— Ностальгия — сильное чувство, — быстро сказал Щавель. — Все ко мне, живо!

Сложившийся волшебник отличается от ученика волшебника вовсе не магической силой. Ученик, быть может, и заклинания сочиняет ловчее, и фантазия у него богаче, и даже слов он знает больше. Волшебник — это дело опыта. На каждый случай, на каждую неприятность (а неприятности к волшебникам просто липнут) у него готово заклинание, заботливо записанное в книжечку.

Вот и у Щавеля, нечасто покидавшего свою башню и уж тем более не собиравшегося в жаркие края, в заклинательной книге нашлось замечательное волшебство — большой тент из сверкающей серебристой ткани, под которым на солнце было не то чтобы жарко, а всего лишь тепло. Из вещевого мешка Щавель достал объемистую флягу с водой и пакет с крошечными пирожками, которые он понюхал, а потом сказал:

— Их надо немедленно съесть.

— Они защитят нас от жары? — предположила Тиана.

— Нет, это мы их защитим от жары. Еще час и они протухнут.

Так что вначале все пообедали, запивая пирожки с ливером прохладной водой (фляга, похоже, была волшебной, вода в ней не нагревалась) и разглядывая серые руины и застывшую на их фоне розовую самоходную повозку. Потом Трикс кратко, но подробно пересказал Щавелю все, что с ним произошло.

— Ох уж эти драконы... — вздохнул Щавель. — Все-то они припомнят, когда не ждешь... Так ты считаешь, что Элин Абулла Мумрик и был вашим учителем?

— Наверняка, — кивнул Трикс. — Его отец же намекал, что у нас будет помощь... И про то, что дракона он мог бы отправить в прошлое больше, чем на месяц, тоже говорил. Вот он и заслал Элина на несколько лет назад, чтобы тот поступил в школу ассасинов, выучился и нам помог. Значит, драконы и впрямь умеют превращаться в людей!

— Это очень серьезный поступок для драконов, — нахмурился Щавель. — Когда дракон превращается в человека, он живет человеческой жизнью. Если Элин повзрослел на пять лет, то его драконье тело постарело на полтора века! Он пожертвовал целой жизнью, чтобы помочь вам!

— Они так нас уважают? — восхитился Трикс.

— Они так боятся Алхазаба... — вздохнул Щавель.

— Учитель, а почему вы оказались здесь, да еще и с Халанбери?

— Вернулся с капитула. На столе — письмо. Решил для начала заглянуть к твоим родителям... — Щавель нахмурился. — Выслушал от них много обидных слов... можно подумать, я уговаривал тебя приехать ко мне учиться!

Трикс смущенно потупился.

— Ну а Халанбери я захватил с собой, потому что счел это полезным, — туманно добавил Щавель. — Он был не против, можешь поверить. Кстати, очень смывленный и послушный

мальчуган, ему бы немного способностей — взял бы в ученики!

Халанбери наострил уши.

— К сожалению, раз способностей нет, то ничего не поделаешь, — вздохнул Щавель. — Приходится работать с тем, что есть... Пошли, покажешь мне свою самодвижущуюся повозку.

— Бэ-Эм-Вэ! — похвастался Трикс. — Большая Механическая Волшебная!

Выходить из-под тента на палящие солнечные лучи не очень-то хотелось, но желание похвастаться замечательной повозкой пересиливало.

— Любопытно, — сказал Щавель, когда они приблизились к Большой Механической. — Как же она двигалась?

Трикс ошарашенно уставился на повозку. Замечательные черные колеса, покрытые упругим черным материалом, куда-то делись. Одно стекло было разбито. Заглянув внутрь, Трикс обнаружил, что в доске с множеством часов зияет дырка — будто кто-то что-то выковырял из повозки.

На глаза юноши навернулись слезы.

— Не грусти, Трикс, — сказал Щавель и похлопал его по плечу. — Такова судьба всех волшебных повозок, про которые я слышал. Стоит ее оставить без присмотра — вначале куда-то исчезают колеса, потом разбивают стекло и что-нибудь забирают изнутри. Через пару дней тут останется только куча железа, а потом его сожгут.

— Забирают? Сожгут? Кто? — поразился Трикс. — Здесь же пустыня!

— Неизвестно, — торжественно ответил Щавель. — Никто и никогда не мог найти таинственных грабителей. Это загадка мироздания, которую, боюсь, нам никогда не разрешить. Утешься, Трикс, век самодвижущихся повозок недолг, особенно розовых. Но я скажу честно, что впечатлен! Создать

такую замечательную повозку — достижение даже для опытного волшебника!

— Так я теперь волшебник? — обрадовался Трикс.

— Нет. Преспешник. Но очень талантливый. Что ты собираешься делать, Трикс?

Несколько мгновений Трикс подумал, а потом спросил: — Я?

— Правильный вопрос, — кивнул Щавель. — Именно ты. С Тианой, раз уж ты ее впутал в это дело. И с Халанбери, конечно.

— Он-то мне зачем? — возмутился Трикс. — Он славный, но маленький и мало что умеет. А вы нам не поможете, учитель?

— Не могу, — печально сказал Щавель. — Король Маркель строжайше запретил всем рыцарям, алхимикам и волшебникам встречать во внутренний самаршанский конфликт.

— Ага... — задумчиво сказал Трикс. — А я, что очень удачно, не волшебник...

— Именно, — подтвердил Щавель. — Поэтому можешь попробовать... что-нибудь сделать.

— Но хотя бы совет? — спросил Трикс с надеждой.

— А что тут советовать? — Щавель пожал плечами. — Надо будет открыть волшебную дверь и проникнуть в подземное царство пустынных гномов. В этом я вам помогу. Там разобраться с источником силы Алхазаба — это уж как-нибудь сами. Ну и победить Прозрачного Бога!

— Я постараюсь, учитель, — твердо сказал Трикс.

— И не думай, что я восхищаюсь твоим героизмом! — твердо сказал Щавель. — Для нас, волшебников, героизм и самопожертвование — можно сказать, обычное, будничное дело. Ну, пошли под тент. Как же я ненавижу эту жару!

Трикс прекрасно помнил, что помимо жары волшебник ненавидел холод, дождь, слякоть, туман, снег и вообще любую погоду, не отделенную от него стеной волшебной башни. Но упоминать про это благоразумно не стал, а пошел вслед за Щавелем.

Когда-то эта башенка, наверное, была белой. Но века и тысячелетия, пронесшиеся над развалинами города, превратили мраморные стены в серовато-желтые, изъеденные многочисленными дырками и провалами. Вершина башенки давно разрушилась и осыпалась вниз. Нетронутой осталась только одна стена — снежно-белая, гладкая, отполированная до блеска, она сразу притягивала взгляд. Даже в оранжевом свете заходящего солнца мрамор сиял первозданной чистотой.

— Магия, — сказал Щавель. — Она защищала вход в подземное царство гномов. Когда-то народ Самаршана жил с пустынными гномами в мире и согласии настолько прочном, что врата в подземелье вели прямо из Столицы...

— А что случилось потом? — спросил Трикс, сгорая от любопытства.

— Да все как обычно, полагаю. Поссорились из-за пошлин, начали ругаться, самаршанцы установили гномам грабительские цены на продовольствие, те в отместку отвели подземные воды от ирригационных систем, земледелие пришло в упадок, озера высохли, народ разбежался и сия пустыня поглотила город...

— Когда вы здесь занимались раскопками, эту дверь открывали?

— Нет, конечно, — поморщился маг. — Во-первых, мы не смогли разгадать ее секрет. Во-вторых, даже и не пытались. Мало ли какие ужасные тайны могут скрываться в покинутом подземном городе? А если он не покинут, то гномы вовсе не обрадуются вторжению.

Ребята терпеливо ждали. Щавель вздохнул, достал из кармана мантии уже зажженную трубку и присел на камень.

— Надо покурить, — сказал он и с легким отвращением посмотрел на трубку. — Перекурил на капитуле, думал — месяц к ней не притронусь...

— А зачем тогда курите? — удивилась Тиана. — Это же вредно.

— Традиция, — пояснил Щавель. — Перед тем как открыть вход в таинственное подземелье, маг обязан выкурить несколько трубок, задумчиво глядя на таинственные символы, выгравированные на камне...

— Но тут же нет никаких символов, — заметил Трикс.

— О! — Щавель торжественно поднял палец. — Именно!

Некоторое время все хранили молчание, глядя на белую стену. Щавель курил. Трикс почтительно наблюдал за учителем. Тиана, разложив на валуне расшитое драгоценностями платье, любовалась им, потом убрала в вещмешок. Халанбери маялся от скуки — вначале тихо, а потом начал ковырять ногой песок и подкидывать его в воздух.

Щавель выпустил в воздух пару дымных колец, потом два квадрата, треугольник и ромб.

Халанбери начал слоняться внутри развалин, пиная песок. Тиана неодобрительно посмотрела на брата, но тот сделал вид, что не замечает, напротив — зацепил песок особенно сильно.

Облако песка взвилось в воздух, коснулось белой стены — и осело на нем затейливым узором.

— Вот оно! — воскликнул Щавель, вынимая изо рта трубку. — Вот! Остаточная магия стершихся надписей притянула к себе песок! А ну-ка, малыш, подбавь пыли!

— Ага! — радостно завопил Халанбери и заплясал у стены, пиная песок. Часть надписей, впрочем, оказалась для него слишком высоко — пришлось Тиане с Триксом прийти на помощь и зачерпывать песок руками.

Вскоре стену покрыл затейливый витиеватый узор в сарматском стиле, обрисовывающий большую двустворчатую дверь и надпись в рамке из виноградных лоз.

— Скажи волшебное слово, друг, и входи! — торжественно произнес Щавель. — А вот и загадка. Не бывает волшебных дверей без загадок.

— Как они мне надоели! — искренне воскликнул Трикс. — То драконы, то Сфинкс... теперь гномы.

— Что поделатъ, это — Восток, — вздохнул Щавель. — Давайте думать, друзья! Загадка не может быть сложной, этой дверью пользовались непрерывно... Хотя, с другой стороны, она и так обычно была открыта, так что загадку могли сделать и посложнее...

— Волшебное слово... — Трикс задумался. — Все слова вообще-то волшебные. Какое из них надо произнести?

— Свет! — громко сказал Щавель. Потом повторил на самаршанском, на древнесамаршанском (Трикс с удивлением понял, что знает этот диалект, — видимо, драконы не мелочились, обучая его), а потом на каких-то скрежещущих языках, видимо — гномьих.

Ничего не произошло.

— Добро! Зло! Любовь! Ненависть! Абракадабра! Крибле-крабле-бумс! Перестройка! — безрезультатно вещал Щавель.

— А что такое «перестройка»? — спросил Трикс. — Нет, ну я понимаю, но почему это волшебное слово?

— Говорят, когда-то оно уничтожило огромную и великую страну, — пожал плечами Щавель. — Есть еще одно такое же, оно вообще погубило половину мира, но я надеялся никогда не произносить слова из Книги Запретных Знаний... Что ж, придется... Политкорректность!

Но и на это страшное слово нарисованная дверь никак не отреагировала.

— Надо еще покурить, — решил огорченный Щавель.

Но почему-то, вместо того чтобы просто покурить, достал из складок мантии фляжку, отхлебнул чего-то, закашлялся, а уж потом закурил.

— Тут кроется какая-то загадка! — сказала Тиана. — Одновременно простая и сложная.

— Так-так-так! — поощряюще сказал Щавель, глядя на девочку подобревшими и покрасневшими глазами.

— Это вроде как игра слов. Все думают, что это обращение к тому, кто читает надпись...

— Ну конечно же! — завопил Щавель. — Разумеется! Скажи волшебное слово ДРУГ и входи!

Он кинулся к стене и завопил:

— Друг!

Потом он повторил это же слово на двух десятках других языков.

Ничего не произошло.

— Облом, — грустно сказал Щавель. — Все сложнее, чем мы думали. Или проще. Алхазаб был невежественным пустынным вождем, едва умеющим читать и писать. Он не имел никакого понятия о волшебных словах и заклинаниях. Но он как-то вошел сюда...

— Пожалуйста, ну откройся! — воскликнул Халанбери.

Раздался ужасающий скрип. Нарисованная дверь в стене стала рельефной, обрела объем и медленно открылась вовнутрь. Восхищенный древней магией Трикс обежал стену и посмотрел с другой стороны. Разумеется, там ничего не было.

— Ну вот, — сказал Щавель, глядя в темный провал. — Устами младенца... самое простое из волшебных слов — «пожалуйста» — открыло дверь... В мешке вы найдете факелы — зачарованные, между прочим, горят трое суток без перерыва, немного еды, воды и предметы гигиены.

— Спасибо, — сказала Тиана с чувством.

— Я даже положил зеркальце и грешок, — похвастался Щавель.

Тиана подскочила к старому магу и поцеловала его в щеку.

— Ну ладно, ладно, к чему эти нежности... — смущенно проворчал Щавель. — А то мне станет стыдно, что я вас покидаю в этот тревожный миг.

— Покидаете? — поразился Трикс.

— Конечно. Здесь наши пути расходятся, потому что древний закон неумолим — если старый опытный маг спускается с молодыми спутниками в таинственное подземелье, ему суждено там погибнуть.

— А если спускаются только молодые спутники?

— Тогда — как придется, — пожал плечами Щавель. — Но я верю в вас.

— Хотя бы заберите Халанбери! — попросила Тиана. — Он еще маленький и глупый!

— Чего? — возмутился мальчик.

— Нет, нет и нет! — твердо сказал Щавель. — Халанбери — ваш ключ и талисман в этом приключении. Берегите его. И внимательно прислушивайтесь ко всем его советам, даже если они покажутся вам нелепыми!

Трикс и Тиана удивленно переглянулись.

— Удачи вам, дети! — торжественно сказал Щавель. Развел руками — и исчез.

— Ага! Будете меня во всем слушаться... ай! — Халанбери обиженно глянул на сестру и потер затылок. — Чего дерешься?

— Не возникай! — сказала Тиана. — Если Щавель велел тебя слушаться, это еще не значит, что сестра не вправе дать тебе подзатыльника.

Халанбери сердито засопел и отошел поближе к Триксу.

— Ну что, пойдём? — спросил Трикс, роясь в мешке. Он достал пару факелов, один вручил Тиане, другой взял себе.

— А мне? — возмутился Халанбери.

— Пусть у тебя руки будут свободными на всякий случай, — сказал Трикс. — Мало ли какая опасность...

— Ага! Тогда мне нужно оружие! — потребовал Халанбери.

От боевой метлы, однако, он наотрез отказался. Триксу пришлось дать ему свой ножик, скорее перочинный, чем боевой, Халанбери немного поворчал, но в итоге согласился.

Ребята разожгли факелы, еще немножко постояли, глядя на уходящие вниз, в темноту каменные ступени. Потом двинулись в путь.

И едва они переступили порог, как каменная дверь закрылась за их спинами.

4

Очень страшно идти втроем по темному древнему подземелью, где стены и потолок тонут в темноте, а свет двух факелов едва-едва разгоняет мрачные тени. Крутая лестница, где лишь с одной стороны сделаны перила, а другая обрывается в пропасть, спускается все ниже и ниже, в мрачные глубины земли, где-то далеко-далеко звонко капает вода, а больше звуков почитай и нет — слышно только испуганное дыхание товарищей и осторожные шаги. Ну и эхо, конечно, в подземельях всегда есть зловещее эхо, от которого бежит по спине холодок и кажется, что кто-то крадется сзади...

Очень страшно втроем в подземелье. Обязательно найдется кто-то, кто будет бояться больше всех, будет хвататься за руки друзей потными ручонками, вздрагивать от каждого звука и, чтобы заглушить страх, непрерывно болтать, вселяя ужас в сердца товарищей.

Страшнее только вдвоем. Когда оказываешься сам-друг в страшном месте, то каждый пытается выглядеть храбрецом, рисуясь перед товарищем. Каждый говорит смелые слова и смеется, а ужас ледяной рукой сжимает сердце, и вот уже слова застывают на губах, повисает зловещая тишина, и твой товарищ издает жалобный всхлип, теряя остатки самообладания.

Но всего страшнее, конечно, в одиночестве. Тут уж что хочешь делай — сосредоточенно молчи, изучая дорогу, ругайся ужасными словами, распевай веселые песни — все равно ни на минутку не забудешь о том, что ты один и никто тебе не поможет.

— Хорошо, что нас трое, — сказал Трикс, шагая впереди.

— Это очень хорошо, что нас трое, ага, — поддержал его Халанбери. — Просто замечательно и совсем не страшно, верно? А еще лучше было бы, пойди мы целым отрядом. Вот если бы с нами был могучий мудрый маг — вроде Щавеля, потом какой-нибудь сильный ловкий рыцарь с огромным мечом, вроде сэра Гламора, и могучий варвар вроде Хорта, и еще привычный к подземельям гном — Паклус, к примеру...

— Паклус не гном, а четвертьгном! — поправил его Трикс. — Размечтался... еще бы эльфа в подмогу захотел...

— Ага! Эльфа было бы здорово, — согласился Халанбери. — И еще бы Иена, он хороший.

— С такой огромной компанией непременно случилась бы беда, — сказала Тиана.

— А с нами не случится? Правда? — заискивающе спросил Халанбери, сжимая перочинный ножик.

Ему никто не ответил. Лестница становилась все круче и круче, ступеньки — все более и более стертыми и пологими. Наконец настал миг, когда Трикс остановился и сказал:

— Все! Дальше идти нельзя, мы просто покатаемся вниз!

— Тогда давайте покатаемся! Как с горки! — радостно предложил Халанбери. — А то я уже устал идти!

— Ты что? — ужаснулся Трикс. — А если там внизу — бездонная пропасть? Или острые пики и копыя? Или просто груда камней? Как можно быть таким безответственным и неосмотрительным?

— Трикс... — задумчиво сказала Тиана. — Помнишь, что сказал Щавель?

— Что он нас покидает.

— Нет, я о другом. Он велел слушаться Халанбери, даже если его советы покажутся нелепыми...

Трикс озадаченно почесал затылок. Они уже спустились на огромную глубину, никаких боковых проходов и ответвлений не было. Либо возвращаться, либо послушаться совета Халанбери.

— Я мог бы вызвать свет магией, — сказал Трикс. — Но если за нами кто-то наблюдает, то он сразу поймет, что среди нас — волшебник.

— А за нами наблюдают? — испугался Халанбери.

— Мне кажется, что я все время чувствую на затылке пристальный взгляд, — признался Трикс. — Не то чтобы злой, но очень напряженный и внимательный.

— Это я на тебя смотрю, — объяснила Тиана. — Чтобы вниз не смотреть, смотри тебе на затылок. Тебе постричься надо, кстати.

Трикс, который как любой нормальный подросток не любил стричься, вздрогнул.

— Плохая примета — стричься в путешествии, — сказал он.

И, размахнувшись, запустил факел вниз по лестнице.

С замиранием сердца ребята следили, как факел катится вниз, все ускоряясь и ускоряясь, потом раздался негромкий плюхающий звук и огонь замерцал, стал чуть мутнее, будто сквозь стекло.

— Вроде бы ничего... — сказал он. — Ладно. Я пойду первым и, если все пройдет нормально — позову вас.

Стараясь больше не раздумывать о том, что ждет его внизу, он присел на покатые ступеньки — и заскользил вниз. Ступеньки почти сразу исчезли вовсе, остался лишь наклонный желоб, по которому Трикс и мчался в полной темноте. Ужасно мешали боевая метла и вещевой мешок, который он не снял с плеч. Вверху медленно уменьшалось пламя факела в руках Тианы. Внизу медленно разгорался свет факела, бро-

шенного Триксом. Казалось, что до него еще далеко, но внезапно что-то мягко ударило Трикса по ногам — и он оказался в воде!

Плавал Трикс очень плохо, а подземное озеро оказалось ужасно глубоким. Волшебный факел лежал где-то глубоко на дне и преспокойно горел в воде — предусмотрительность Щавеля сыграла с Триксом дурную шутку. В панике он замолотил руками и ногами, вынырнул, уцепился за уходящий в воду каменный желоб и завопил:

— Да будет свет!

Древнее заклинание не подвело, даже получилось лучше обычного. Вокруг разгорелось бледное сияние и Трикс смог оглядеться. Лестница со сточенными ступеньками была на самом краю огромного подземного озера с удивительно прозрачной чистой водой. До берега, похоже, было совсем недалеко, метров пять, и Трикс немного успокоился — такое расстояние мог проплыть даже он.

— Погодите, не спускайтесь пока! — крикнул он вверх, глядя на крошечное пятнышко света. В ответ огонек подергался влево-вправо и стремительно заскользил вниз. Трикс, ругаясь во весь голос, отплыл в сторону — и через полминуты в воду с плеском вошла Тиана — не выпустившая своего факела, а следом за ней — Халанбери.

Тиане помог уцепиться за камень Трикс, а Халанбери, как ни странно, неплохо умел плавать. Он вынырнул сам и радостно завопил:

— Ух ты! Тепленькая!

Вода и впрямь была на удивление теплая, словно не из подземного озера, а из южного моря.

— До берега доплывешь? — забирая у Тианы факел, спросил Трикс. Размахнулся и забросил факел на берег.

— Доплыву, — храбро сказала Тиана и поплыла к берегу, по-дамски перебирая руками под собой. Трикс, несмотря на тяжелый вещмешок за спиной, плыл с ней рядом. Халанбери

обогнал всех и оказался на берегу первым. Выбрался на камень, тут же обхватил себя за плечи и пожаловался:

— Холодно!

Воздух в пещере и впрямь был холодным, только от воды шло тепло. То ли озеро было зачарованным, то ли лежало над жилой подземного огня.

— Тиана, тебе надо переодеться, — с тревогой сказал Трикс, помогая девочке выбраться из воды. Вещмешок, к счастью, был непромокаемым. Трикс достал из него бальное платье и с сомнением посмотрел на Тиану.

— А что делать-то? — вздохнула княгиня. — Давай...

Она взяла платье и целомудренно удалилась в темноту. Трикс взял Халанбери за руку и отвел в другую сторону от факела.

— Нам же не во что переодеться, — заспорил мальчик.

— Выжмем одежду и снова наденем ее, будет теплее.

Так они и сделали. Может быть, одежда и не стала теплее, но, выжимая ее, они немного согрелись. Когда через несколько минут мальчишки вернулись к факелу, Тиана уже ждала их, одетая в расшитое драгоценностями платье.

— Вот это да! — воскликнул Трикс. Тиана в бальном платье выглядела гораздо старше и еще красивее, чем раньше. — Ух ты...

— Ты сама переоделась? — удивился Халанбери. — А обычно звала двух фрейлин...

— Фрейлины — это для порядка, — фыркнула Тиана. — Что, правда красиво?

Трикс закивал.

— Затяни мне шнуровку на спине, — попросила Тиана.

Трикс на негнущихся ногах подошел к княгине и стал дрожащими руками стягивать шелковые ленточки между лопатками. Он, конечно, мало что видел в полутьме (заклинение света уже рассеялось и светил только факел), но и кусочек голой спины размером с ладонь взволновал его куда

больше, чем мог бы представить себе подросток, живущий в другом мире — с телевизором, компьютером и глянцевыми журналами. Даже то, что Тиана слегка дрожала от холода и ее спина была покрыта гусиной кожей, ничуть не умаляло переживания юного волшебника.

А больше всего Трикс волновался, что Тиана заметит его волнение.

— Трудная шнуровка, да? — сочувственно спросила Тиана. — Бальные платья — они такие... Если честно, то у мальчишек одежда куда удобнее. Если бы женщинам можно было, я бы носила штаны. Ну, красивые какие-нибудь, с драгоценными камешками, вышивкой...

От ее слов Трикс немного успокоился и дошнуровал платье, завязав для надежности ленточки тройным морским узлом.

— Спасибо, — сказала Тиана, не оборачиваясь. — Тебе правда понравилось платье?

— Ага, — тихо ответил Трикс и сам себе показался похожим на Халанбери. — Очень понравилось.

— Оно похоже на свадебное, — сообщила Тиана. — У бабушки было очень похожее. Я на нее очень похожа, только бабушка была выше...

— Я видел памятник, — сказал Трикс и густо покраснел.

Тиана покраснела тоже, но Трикс этого не видел.

— У нее еще волосы были очень длинные и густые, — сказала Тиана.

— Да, очень! — пылко сказал Трикс. — Совсем ничего не видно, с какой стороны ни подходи...

Он замолчал и мысленно со всей силы двинул себя по лбу. Поскольку у хороших волшебников даже мысли обладают силой, то лоб немного заболел.

— Она очень переживала за свой народ! — пылко сказала Тиана. — А на самом деле была очень скромная и хорошего воспитания... и я ею очень горжусь!

— Конечно! — поддержал ее Трикс. — Я ни капельки не сомневаюсь, ты сделала бы то же самое!

Наступила неловкая тишина.

К счастью, в этот момент к ним подскочил заскучавший Халанбери и воскликнул:

— Ага! Все с тряпками возитесь? А я вот что нашел, ага!

Он торжественно протянул грязную ладошку, на которой в свете факела ярко блестела монетка.

— Самаршанский четвертьдинарий, — сказал Трикс, с облегчением и сожалением одновременно отступая от Тианы. — Новенький, с профилем Абнуваса! Это наверняка обронил три года назад Алхазаб.

— Значит, мы на правильном пути... — с легкой обидой глядя на Халанбери, сказала Тиана. — Надо же... Щавель был прав, ты дал хороший совет!

— Что Щавель прав, я не удивляюсь... — сказал Трикс, возвращая монетку в требовательно протянутую руку. — Где ты нашел монетку?

— Там! — показал Халанбери в темноту.

— Зачем ты туда ходил? — напустилась на него Тиана.

— Надо было, — не стал вдаваться в уточнения мальчик.

— Пойдем, — решил Трикс. Выжав (очень бережно) мокрую ассасинскую одежду Тианы, он спрятал ее в вещмешок, решив просушить позже. Третий, последний факел он решил пока не доставать и не зажигать. — Значит, дело было так. Алхазаб, заблудившись в пустыне, укрылся от песчаной бури в руинах. Поднятый в воздух песок осел на волшебной стене и он увидел надпись. Прочитал ее... и каким-то образом угадал волшебное слово.

— Да он, может, только одно волшебное слово и знал, — фыркнула Тиана. — «Пожалуйста...»

— Потом он пошел вниз, дверь за ним захлопнулась, он спускался все ниже и ниже, в полной темноте... ну, может, факел какой-то соорудил, прежде чем в дверь сунуться... —

размышлял вслух Трикс. — И когда лестница превратилась в горку, он махнул рукой — и сказал «поехали»...

— Ну, вряд ли бы он так сказал, — скептически отозвалась Тиана.

— Не важно! Ну сказал он, допустим, «маленький шаг одного человека — большой шаг для всего человечества», — вдохновенно сказал Трикс. — И покатился вниз. Упал в озеро. Выплыл. Отряхнулся и пошел в темноту... Что ж! Мы пойдём по его стопам! Веди нас туда, где ты был, Халанбери!

— Давайте только пройдем немножечко левее или правее, — озабоченно сказал Халанбери.

Так они и сделали. Пошли вперед, но чуток левее. Уперлись в стену пещеры. Некоторое время ругали Халанбери, потому что маленьких ругать всегда проще и приятнее, чем себя. Потом Халанбери обиделся, ушел в сторону и наткнулся там на сгоревший дотла факел и нарисованную на камне копытю стрелку. Видимо, Алхазаб был не настолько глуп, чтобы не отмечать свой путь. Халанбери простили и пошли в ту сторону, куда указывала стрелка.

Там ребята и увидели свет.

Свет в пещере бывает разный. Если светится вдалеке тусклый желтый огонек — ура, это выход на поверхность, это солнышко шлет в подземные глубины свой привет. Если мерцают две зловещие красные точки — бойся, путешественник, это глаза страшного чудища! Если мерцают два зловещих красных блюдца — то бойся еще сильнее, это глаза очень большого страшного чудища! Если блистает россыпь разноцветных искр — то тебе повезло наткнуться на залежи драгоценных камней, но будь осторожен — рядом могут водиться гномы! Если движется навстречу пляшущее пламя факелов — спрячься и посмотри, кто их несет. Ну а если ты видишь светящуюся надпись «ВЫХОД», то ты скорее всего не в пещере.

Свет, который увидели ребята, был очень странный — зеленовато-голубой, ровный, немерцающий. Триксу вспомнилась только биография Гуина Девиана, отчаянного авантюриста и жулика, который в неисследованных подвалах королевского замка встретил светящуюся аквамариновым светом русалку, плававшую в лохани с водой, поддавшись на слезные мольбы, поцеловал ее — после чего у русалки отвалился хвост, она превратилась в прекрасную деву и попросила Гуина окончательно снять с нее проклятие. Для этого требовалось из каждого сундука в королевской сокровищнице взять по монете и прогулять деньги в кабаках и прочих увеселительных заведениях Столицы. Историю эту Гуин рассказал королю и его придворным, когда стража схватила его у ворот с тяжелым мешком золотых и серебряных монет. Король Маркель (Трикс нетвердо помнил, какой именно) отнесся к истории скептически, но взбудораженные романтическим флером высокородные дамы упростили короля спасти русалку и Гуин со своим грузом был отпущен в город. Надо сразу признать, что снять проклятие удалось — через месяц Гуин вернулся к королю с хорошенькой девушкой, которую объявил расколдованной русалкой, попросил для нее хорошего приданого и уехал в свадебное путешествие на море.

В правдивость Девиана Трикс верил не до конца. Но в любом случае светящаяся русалка в подземелье — штука такая редкая, что просто не может повториться дважды. Так что Трикс остановился и стал вспоминать какое-нибудь разведывательное заклинание.

Тиана тоже остановилась. Она историю Гуина Девиана не читала, поскольку ее старались не давать незамужним девушкам. Зато ей вспомнился один сумасшедший алхимик, попросивший у регента Хасса финансов на исследование горючих свойств подземного газа. По мнению алхимика, газом этим, пробуравив в земле дырку, можно было бы отопли-

вать и освещать города, а при необходимости — взрывать врагов. Какая перспектива больше привлекала Хасса — неизвестно, но деньги он алхимику выделил. Тот поселился в горах на окраине города, нанял гномов, которые бурили в земле дыру, и соорудил огромную просмоленную бочку, в которую собирался набирать газ. В конце концов эксперимент завершился полным успехом — газ заполнил бочку и с оглушительным грохотом взорвался, осветив и даже слегка согрев весь город. Вот именно такое, голубовато-зеленое пламя и видела Тиана с балкона дворца за несколько мгновений до того, как по небу беспорядочно пролетели горящие доски, ругающиеся гномы и вопящий благим матом алхимик. Воспоминание было не из самых приятных и Тиана остановилась.

А вот Халанбери по малолетству не только не читал сомнительных жизнеописаний, но и знаменитого алхимического взрыва не запомнил. Поэтому, увидев свет, он радостно завопил и кинулся вперед, никак не реагируя на крики Тианы и Трикса.

— Русалка! — вопил Трикс.

— Газ! — зывала к брату Тиана.

Но тот слишком обрадовался проблеску света и бежал без остановки.

Пришлось последовать за ним без всякой подготовки и разведки, подходящих осторожным и здравомыслящим путешественникам.

Уже через несколько мгновений стало ясно, что из просторной пещеры с озером они попали в широкий коридор, явно рукотворного происхождения. На это указывали:

ровные, обтесанные с простоватым изяществом стены;
выложенный гладко пригнанным полированным камнем пол;

инкрустированный полудрагоценными и поделочными камнями потолок;

торчащие из стен светильники в виде бронзовых русалок, в разинутых ртах которых горел аквамариновым светом газ;

семь гномов с кирками за спиной, двигавшиеся навстречу ребятам.

Увидев бегущего на них Халанбери и следующих за ним Трикса и Тиану, гномы немедленно остановились и построились знаменитым на весь мир гномьим скирдом — самый маленький стал впереди, чтобы подрубать противнику ноги, а еще трое забрались на плечи товарищей, чтобы быть вровень с противником, и взяли кирки на изготовку. Построение и впрямь напоминало маленький бронированный скирд, внезапно выросший в туннеле. Говорили, что в подобном боевом порядке гномы способны сражаться целый день от рассвета до заката, чему немало способствует популярная у их детишек игра «в кавалерию».

Сообразив, что сейчас может начаться кровавое сражение, причем к боевой магии гномы очень сильно устойчивы, а от самой хорошей боевой метлы их защитят доспехи и бороды, Трикс отчаянным усилием догнал Халанбери, схватил его за шкуру и остановил. Семь пар настороженных глаз недоверчиво смотрели на Трикса поверх окладистых бород и из-под кустистых бровей. Остро наточенные кирки поблескивали в пламени светильников. У одного из гномов торчал изо рта недогрызенный кусок сушеного мяса, что несколько снижало общий пафос картины, но он энергично работал челюстями над этой проблемой.

К гномам Трикс относился в целом хорошо, гораздо лучше, чем к чванливым не по делу эльфам. К тому же славный рыцарь Паклус, у которого он некоторое время (чуть больше суток) служил оруженосцем, был на четверть гном — и был он славным малым. Беда была в том, что про гномов в королевстве (как и в Самаршане, впрочем) мало чего знали. С людьми они охотно торговали и с удовольствием сражались, но в городах селились редко, породнялись и того реже, а в

свои подземные города пускали очень и очень неохотно. Несколько подробных описаний гномьей жизни и обычаев, составленных путешественниками и искателями приключений, выглядели достаточно правдоподобно, но, к сожалению, почти во всем противоречили друг другу. Согласно одному трактату, пожалуй, самому известному и авторитетному, при встрече с враждебно настроенными гномами следовало немедленно сесть на корточки, чтобы оказаться ниже их, и тем показать свое дружелюбие. Но другой, не менее авторитетный источник утверждал, что подобный жест только оскорбит и раззадорит гномов, поэтому следует выпрямиться как можно сильнее, а желательно — еще и водрузить на голову высокую шляпу, поскольку гномы боятся нападать на тех, кто выше их.

Поэтому Трикс заколебался, не зная, приседать ему или выпрямляться, и упустил момент первому начать разговор. Начал его Халанбери, радостно завопив:

— Гномики!

Глаза у гномов остекленели. Трикс с ужасом вспомнил, что все исследователи сходились в одном — при общении с гномами нельзя употреблять никаких уменьшительных слов. А уж тем более таких слов, которые относятся к самим гномам, вроде «гномики», «ручки», «бороденки»...

— Вы правда здесь живете? — продолжал тараторить Халанбери. — Вы ведь нам поможете, ага? Мы тут заблудились! А вы ведь все-все-все тут знаете! Ой, какие у вас красивые доспехи... а этим кайлом можно любой камень разрубить?

Внезапно лица гномов помягчели. Конечно, по отношению к лицам гномов это слово можно употреблять с некоторой натяжкой — все равно что сказать, что известняк мягче гранита. Он-то, конечно, мягче, но все равно не перина.

— Можно, маленький человечек, — неожиданно приятным и мягким голосом сказал стоящий впереди гном. Он был ростом как раз с Халанбери. — Это универсальный горно-

проходчески-боевой инструмент, выполненный из легированной молибденовой стали, с полой трубчатой рукоятью, усиленной изнутри ребрами жесткости. Люди обычно называют его киркой... но мы предпочитаем старое доброе слово «кайло».

— Ага! Мне тоже больше нравится слово «кайло», — кивнул Халанбери. — Оно такое... твердое. Уважительное.

Гномы, сидевшие на загровке у своих товарищей, опустили кирки (простите — кайла) и слезли вниз. А Халанбери продолжал:

— Скажите, а почему у вас у всех двузубые кайла? Ведь камень раскалывать удобнее ударником.

Трикс пихнул Тиану и спросил:

— Слушай, его отец вроде как был неудачником-мештрелем, а потом садовником, верно? Никак не горным мастером?

— Его отец — мой отец, — фыркнула Тиана.

— Ну... я про приемного. Откуда Халанбери столько знает про инструменты?

Тиана развела руками:

— Сама не знаю!

Гномы выдвинулись вперед и собрались вокруг Халанбери. Маленький гном кивнул и сказал:

— Удобнее, ты прав, человек. Но опытный гном дробит куски породы одним легким ударом в нужную точку. Так меньше риск раздробить скрытые в камне драгоценности.

— Хотя в боевом клевце ударник полезен, — высказался другой гном. — Если противник очень хорошо бронирован, то проще вначале оглушить его ударом или переломать все кости, а потом уже долбить острием в одну точку.

— Я не разделяю твоей точки зрения, Хру, — ответил самый маленький гном. — Хороший воин пробьет любые доспехи.

Видимо, маленький гном был предводителем отряда, потому что спорить с его мнением никто не стал.

— Ага, — сказал Халанбери. — Уж если дробить — так лучше молотом. Посмотрите, какой у меня есть молоточек!

Он снял с пояса игрушечный боевой молот, прошлым летом подаренный ему варваром Хортом, и с некоторым смущением продемонстрировал гномам:

— Маленький, конечно, ага... Но им я отправил одного витаманта на дно морское!

— Можно посмотреть? — спросил предводитель. Бережно взял молоточек, осмотрел и кивнул: — Неплохая работа... для людей. Но тебе скоро понадобится молот побольше, маленький воин. Как тебя звать?

— Халанбери. Друзья иногда зовут меня Ага.

— Меня зовут Груя, — ответил гном.

— Так ты девочка? — обрадовался Халанбери.

Гномиха хмыкнула.

— Спасибо, маленький воин. На самом деле я уже совершеннолетняя, но спасибо за комплимент. Зови меня Гру, а я буду звать тебя Ага.

Они с Халанбери пожали друг другу руки, причем гномиха даже сняла кованую перчатку. Потом небрежно спросила:

— Эти двое гнались за тобой? Тебе помочь с ними справиться?

— Что ты, Гру! — возмутился Халанбери. — Это моя сестра — Тиана. Единственная и любимая. Только у нас разные мамы. А это Трикс, великий волшебник и... — Халанбери вдруг смутился, — мой самый лучший друг. Ага!

— Великий волшебник? — Груя с живым интересом посмотрела на Трикса. — Это интересно... это очень интересно.

Гномы принялись о чем-то возбужденно перешептываться. Трикс решил, что настала и его очередь вступить в разговор:

— Уважаемая Груя! Уважаемые гномы!

Бороды развернулись в его сторону.

— Простите, что мы вторглись в ваши владения...

— Так вы вторглись? — нахмурилась Груя и подошла ближе. Триксу она была ростом по плечо. — Ага сказал, что вы заблудились...

— Ну да, мы заблудились... — растерялся Трикс. — Но мы же как бы вторглись... это такая фигура речи. В общем, я извиняюсь, что мы появились здесь без разрешения.

— Как бы вы его спросили, не появившись здесь? — резонно ответила Груя. — Мы уже давно не ведем никаких дел с поверхностью, древний город разрушен и занесен песком, удивительно, что вход все еще сохранился.

— Ну... тогда мы спрашиваем разрешения посетить вас и надеемся на ваше гостеприимство... — сказал Трикс смущенно.

Гномы посовещались. Потом Груя вновь заговорила с Триксом:

— Мы — народ культурный и невоинственный. Незванным гостям мы не слишком-то рады, но и прогонять не станем. Добро пожаловать в единственное в мире царство пустынных гномов!

Они обменялись рукопожатиями. Потом гномы вежливо поздоровались с Тианой, которую Трикс как воспитанный юноша представил им. Похоже было, что Тиана вызвала у гномов живейший интерес (а может быть, интерес вызвало расшитое белое платье), но с ней гномы вели себя сдержаннее.

— Мы собирались на рыбалку, — сказала Груя. — Но раз такое дело — двинемся обратно в город.

— На рыбалку? Это в том озере? — из вежливости уточнил Трикс. — А где ваши удочки?

— Удочки? — засмеялась Груя. — Нет ничего лучше кайла, чтобы...

Она осеклась. Протянула руку и потрогала влажную рубашку Трикса.

— Что-то не так? — спросил Трикс.

— Вы погружались в озеро?

— Ну... вообще-то мы в него упали.

— Видимо, шум и свет распугали рыбу, — сказала задумчиво Грюя. — Вам повезло.

Трикс посмотрел на острое лезвие кайла, которым гнома собиралась добывать в озере рыбу, сглотнул и решил ничего не уточнять.

Путь к городу гномов был неблизок, но туннели, пробитые в скалах, оказались широки, чисты и хорошо освещены. По пути Грюя охотно рассказывала про свой народ:

— Мы — единственные гномы, которые приспособились жить в пустыне. Основная проблема — песок, даже если докопаться до скального основания, то входы остаются под угрозой обрушения. Можно укреплять их досками, выкладывать камнями, но мы, гномы, не любим полумер. Пришлось договориться с драконами. Молодой дракон способен поместиться в туннеле, а выдыхаемое им пламя спекает песок в камень. Конечно, драконы славятся своей жадностью...

Триксу смутно вспомнилось, что как раз драконы любят жаловаться на жадность гномов.

— ...но драгоценных камней в этих недрах хватает. Есть и руды, и озера черного масла, и пузыри с газом. Хорошие места, если честно. И спокойно.

— Ну а чем вы питаетесь? Вы же... — Трикс замялся.

— Поссорились с людьми, которые здесь жили, — признала Грюя. — Да, рацион у нас небогат, за что заранее извиняемся перед гостями. Но у нас есть тушканчиковые фермы, грибные плантации, подземные озера с рыбой и спрутами, силки на песчаных червей...

Тиану всю передернуло.

— Конечно, мы скушаем по нашей далекой родине в северных горах... — продолжала Грюя. — Там всегда прохладно,

там привычный нам камень, там святилища предков, там вкусная и разнообразная еда...

Кто-то из гномов печально вздохнул.

— Но мы привыкли и к жизни в пустыне! — твердо сказала Груя, окидывая товарищей строгим взглядом. — Мы живем в безопасности, мы сыты, богаты, у каждого из нас есть хрустальный шар и мы в курсе всего, что происходит в мире.

— Магический хрустальный шар? У каждого? — поразился Трикс. — Но хрусталь, пригодный для магии, так редок, волшебники покупают его за огромные деньги у... у гномов. Да. — Он смутился. — Я понял. Но... простите мой вопрос, Груя... он не очень вежлив...

— Почти все твои вопросы невежливы, — спокойно ответила Груя. — Ничего, спрашивай.

— Откуда у вас магические шары? Ведь вы, гномы, лишены магии! Вы ей противоположны, на вас плохо действуют заклинания! Неужели... неужели вы научились волшебству?

Трикса вдруг осенило — ведь это, наверное, и есть тайна Алхазаба! Он попал в неведомый подземный город, где живут гномы, умеющие колдовать! И те научили его своей магии, которая оказалась сильнее человеческой!

Однако его вопрос, похоже, и впрямь оказался очень невежливым. Гномы нахмурились, а Груя даже потянулась к рукояти кайла. Впрочем, она тут же взяла себя в руки.

— Твой вопрос выдает в тебе пытливый ум, юный волшебник. И да, и нет.

— Что «и да, и нет»? — не понял Трикс.

— Ответ — и да, и нет. Мы поговорим об этом позже. Это будет серьезный разговор.

Трикс не стал настаивать. Он был достаточно понятливым юношей, чтобы сообразить — разговор дошел до какой-то очень скользкой и опасной темы.

— Скажите, а почему у вас светильники в виде русалок? — спросил он, желая сменить тему. — Я слышал про светящихся русалок, живущих в подземелье, но считал, что это выдумки...

Груя явственно застонала, а пальцы ее на этот раз даже вцепились в кайло — чтобы тут же выпустить.

— Ты и впрямь умен, наблюдателен и обладаешь огромными знаниями, — сказала она. — Я восхищена. Но прошу тебя, давай оставим столь серьезные темы для серьезного разговора!

Сбитый с толку Трикс посмотрел на Тиану. Та недоуменно пожала плечами.

— Ну... тогда давайте о чем-нибудь другом поговорим... — начал Трикс. Но в голову не лезло ничего, кроме дурацких и совершенно неприличных вопросов, вроде «почему женщины-гномы носят бороду», «а что, тушканчики вкусные?».

— Давай, — настороженно сказала Груя.

— Мне все-таки кажется, что вам тут скучновато жить, — сказал Трикс. — Магический шар — это хорошо, конечно... но хочется же и попутешествовать, попробовать что-нибудь новенькое... У вас, наверное, есть какая-то великая цель, почему вы здесь обитаете вдали от сородичей?

Груя остановилась как вкопанная. Ее спутники, угрожающе насупившись, принялись доставать из-за плеч свои орудия. Но гномиха все-таки собралась и выкрикнула:

— Стойте! К нам прибыл великий волшебник, несмотря на юный возраст, отличающийся умом и сообразительностью! Мы должны смириться с этим фактом и, соблюдая присущее гномам гостеприимство, отвести его на совет старейшин. Быть может, его появление — заря новой эры? Быть может, это знак?

Гномы задумались.

— Давайте двинемся дальше, — примирительно сказала Груя. — Но я прошу тебя, волшебник, давай пока не говорить

о столь серьезных и щекотливых вещах. Давай поведем обычную светскую беседу?

Трикс осторожно кивнул.

— Нравится ли тебе моя борода? — спросила Груя. — Все незамужние гномихи носят бороду, это знак того, что мы не связаны семейными обязательствами и можем вести такую же независимую жизнь, как и мужчины. Когда я выйду замуж, мне придется лишиться бороды... это трудная и неприятная процедура, в которой используется горячий воск и липкий пластырь. Боли мы не боимся, но жизнь без бороды, без риска, в кругу семьи... это так тоскливо!

Все гномы дружно закивали.

— Так вы все — девушки? — поразилась Тиана.

— Можно сказать и так, — кивнула Груя. — Но вам, наверное, скучны наши семейные обычаи. Может быть, поговорим о кулинарии? Вы когда-нибудь пробовали тушеных тушканчиков? Мы обычно жарим их на сухой сковородке, они и сами по себе жирные...

Трикс подумал, что теперь он просто обязан будет написать какой-нибудь трактат о гномах, хотя бы небольшой.

Существует три классических описания гномьих городов.

Первое из них составил Рансу Бейон: мошенник, бретер, жиголо, мятежник, менестрель и поэт, который, скрываясь от стражников, заблудился в подземелье и был спасен отрядом гномов-рудокопов.

«Будучи наслышан о мрачности гномьего народа и не питая любви к замкнутым помещениям, слишком живо напоминающим королевские застенки, я был готов к зрелищу скучному и унылому. Каково же было мое удивление, когда по выходу из туннеля мне открылась пещера столь огромная, что глаз с трудом различал ее границы и освещенная столь ярко, будто мы оказались на поверхности в погожий денек!

Многочисленные лампы — масляные, газовые, алхимические и магические — испускали яркий свет, причем изобретательность гномов направила изрядную часть ламп вверх, в потолок пещеры, искусно выложенный сверкающими драгоценными камнями, блестящими зеркалами и яркой мозаикой с изображением неба, облаков, созвездий и драконов. Каменные своды, отражая этот свет, создавали чудесную волнительную иллюзию открытого пространства. Привольно раскинувшийся в пещере город гномов был не меньшим чудом. Милые узкие улочки, застроенные уютными кирпичными домиками, сходились во множестве просторных площадей, мощенных тщательно пригнанной брусчаткой и украшенных фонтанами и цветниками. И улицы эти не пустовали, о нет! Веселые и добродушные гномы, разряженные в яркие разноцветные одежды и легкие декоративные доспехи, сновали туда-сюда, размахивая пивными кружками, полными изумительного пенного напитка. Никакой неприязни и предубежденности ко мне, чужаку, не было и в помине. Не успел я и глазом моргнуть, как в одной моей руке оказалась полная кружка, а на другой игриво повисла девушка гномьего рода, очень хорошенькая, если не обращать внимания на коренастость и бороду. Толпа повлекла нас с собой, мы перемещались из одного кабачка в другой, пели песни и танцевали, опробовали не менее семи сортов пива (полагаю, их было гораздо больше, но я сбился со счета), слушали гномов-менестрелей и наблюдали представление фокусников и акробатов. Не удержавшись, я исполнил пару своих шуточных баллад: «От пьянства умираю под столом» и «Я переел, чему не рад...», за что был удостоен аплодисментов и нескольких поцелуев. Что же касается моей спутницы, чья борода к тому моменту стала казаться мне очень милой, то она стала нашептывать мне на ухо такие шуточные вольности, которые я не рискну передать...»

Вторым описанием осчастливил человечество мистик и проповедник Вом Иквинский, отправившийся к гномам проповедовать аскетизм и здоровый образ жизни.

«Испорченная человеческая природа заставляет нас приписывать другим расам те недостатки, которыми страдаем мы сами. Гномов, к примеру, обвиняют одновременно в пороках пьянства и распутства — и в чрезмерной жадности и мрачности. Укрепленный верой своей я был готов к любым испытаниям и наполнил сердце терпением. Но действительность посрамила скептиков! Подземный город гномов оказался местом хоть и мрачноватым, но тихим и спокойным. По чистеньким свежевymетенным улицам медленно шли семьи подземных тружеников — нахмуренные бородатые лица глав семейства излучали терпеливое спокойствие; жены их, вопреки наветам лишенные бород и вполне благообразные, вели за руки детишек; умирительно-крошечные малыши с завитыми бородками с любопытством и трепетом взирали на меня. Остановив одну из семей, я спросил, не желают ли они выслушать слова недостойного проповедника о правильном образе жизни. Гномы смутились и ответили, что не желают слушать речи недостойных. Мне пришлось умирить свое самоуничужение и убедить их, что «недостойный» — всего лишь фигура речи. Вскоре вокруг меня на площади собрались тысячи бородатых человечков. Они всецело разделили мое отвращение к накопительству и стяжательству, горячительным напиткам, шумным бессмысленным празднествам и пустым гулянкам. Покидая обиталище этих простых, чистых сердцем и душой человечков, я возблагодарил Творца — теперь я как никогда был уверен в правильности своих взглядов на жизнь и знал, что оставляю за собой преданных соратников, ведущих скромную, тихую, достойную жизнь...»

Третье описание принадлежало известному торговцу и банкиру Оану Феллеру, отправившемуся к гномам, чтобы

заклучить крупную сделку по поставке зерна и закупке доспехов.

«Утро третьего дня пути. Приближаемся к входу в гномий город. Прочитал воспоминания Бейона. Похоже, чтобы стать своим среди гномов, требуется быть пьяницей и распутником. Что ж, обычные профессиональные вредности в работе купца. Пожевал сушеной расторопши, чтобы защитить печень, и выпил настойку таежного корня, чтобы укрепить силы. Надел легкомысленные одежды.

Полдень третьего дня пути. Двигаемся по туннелю. Читал трактат Вома Иквинского. Много думал. Надел скромную серую хламиду, снял перстни, съел лимон, чтобы придать лицу скорбное выражение.

Вечер третьего дня пути. Прибыли в гномий город. Всюду снуют гномы — собранные и деловые. Улицы умеренно освещены, никаких украшательств и излишеств. Склоняюсь к мнению, что прав был Иквинский.

Утро четвертого дня пути. Провел деловую встречу с руководителем гильдии кузнецов. Очень хорошо считает. Беседовали семь часов, настоять на своих условиях так и не смог, пришлось заключать взаимовыгодную сделку.

Вечер четвертого дня пути. После подписания бумаг выпили неплохого бренди, выкурили по трубке и отправились ужинать в клуб кузнецов.

Утро пятого дня пути. Возвращаемся в Столицу. Размышлял о гномах. Деловые люди, не чуждые естественному желанию умеренно расслабиться после работы. Думал о Рансу Бейоне и Вома Иквинском. Очевидно, что они завравшиеся идиоты...»

Много лет среди людей, интересующихся гномами, идет дискуссия, чьи же воспоминания о гномьих городах ближе к истине. Все три версии имеют немалое количество сторонников. Следует отметить и остроумную идею, выдвинутую одним молодым волшебником, что правдивы все три версии,

просто речь в них идет о разных городах и разных гномьих кланах. К сожалению, исследования не подтвердили этой теории — тщательное сличение карт доказало, что все три путешественника имели в виду один и тот же город.

К сожалению, никто из ученых не догадался взять в руки календарь. Иначе выяснилась бы любопытная деталь — Бей-он попал в город гномов в пятницу вечером, Иквинский — в воскресенье утром, а Феллер — во вторник.

Трикс с друзьями оказался в городе пустынных гномов в четверг. Четверг — хороший день для визитов к гномам. Они уже пришли в себя от веселой пятницы и веселой субботы, провели в семейном кругу тихое, полное раскаяния воскресенье, пережили тяжелый, трудный понедельник, слегка воспряли духом во вторник, порадовались среде — ведь неделя перевалила за середину. В четверг гномы мечтают о пятнице, традиционно едят рыбу, чистят кольчуги и даже позволяют себе уйти с работы не в девять часов вечера, а в восемь или в половине восьмого. В общем — люди как люди, только бородатые и маленькие.

Фонари на улицах гномьего города светили ярко и чисто. Свод пещеры утопал в темноте, но закрепленные на нем зеркала уютно и загадочно поблескивали, будто затуманенные облаками звезды. Встречные гномы смотрели на ребят с живейшим интересом, но любопытства открыто не проявляли, это у гномов считается невежливым. Груя со своей командой явно наслаждалась всеобщим вниманием и поэтому непрерывно общалась с Триксом и Халанбери (почему-то упрямо игнорируя Тиану, отчего та все больше и больше дулась).

— Это здание городской лечебницы, — поясняла она. — У нас, гномов, не очень много болезней, всего восемь — и еще одна, про которую не принято говорить вслух. Это ревматизм от сырости, артрит от тяжелого труда в штольнях, силикоз от пыльного воздуха, расстройство желудка от од-

нообразной пищи, слепота от тусклого освещения, мышечная слабость и судороги от нехватки солнечного света, страх замкнутых пространств и страх больших открытых помещений.

— А еще одна? — все-таки не удержался Трикс, разглядывая лечебницу — и впрямь не очень большую.

Груя поколебалась, но все же ответила:

— Перхоть в бороде. Очень неприятная болезнь.

Остальные гномихи явно были смущены, одна даже хихикнула, но потом все дружно закивали в знак согласия.

— А вот это здание — Совет Старейшин. — Груя указала на внушительное здание из белого камня, стоящее по соседству с лечебницей. — Оно специально построено рядом с лечебницей, чтобы пожилые мудрецы могли быстрее получать необходимую им помощь. Нас уже ждут.

— Ждут? — удивился Трикс. — Но откуда они узнали...

Груя смущенно продемонстрировала крошечный хрустальный шар, спрятанный в изящном чехле, сплетенном из тонкой серебряной цепочки и украшенном драгоценными камнями.

— Я сообщила старейшинам, как только у нас выдалась свободная минутка. Ни один гном в нашем городе не выходит из дома без волшебного шара.

Трикс с завистью посмотрел на гномиху. Радион Щавель обещал подарить ему свой старенький волшебный шар через год обучения — если, конечно, Трикс будет очень стараться. Шар работал на близком расстоянии, излучал магическую энергию так сильно, что при работе грелся в руках, мог действовать непрерывно не более получаса, после чего сутки должен был восстанавливаться, к тому же хрусталь в нем был самый низкосортный и из-за этого изображение было черно-белым, а звук — тихим. Но все равно Трикс очень, очень мечтал получить настоящий волшебный шар! Какой же волшебник без магического шара!

А в городе всеми забытых пустынных гномов, которые и колдовать-то не умели, волшебный шар был у каждого! И пусть даже город расположен над (или под) залежами первосортного хрусталя, пусть гномы добились небывалых успехов в вытачивании из него шаров — но сколько волшебников нужно, чтобы превратить куски хрусталя в магические артефакты!

В этом явно крылась загадка — такая же, как и в обретении Алхазабом немыслимой волшебной силы!

Трикс мрачно подумал, что навсегда разлюбил загадки.

— Идем, — поторопила его Груя. — Идем, не стоит заставлять старейшин ждать. А то еще заснут...

При слове «заснут» Трикс и сам невольно зевнул — последний раз он спал еще в школе «Таящаяся гадюка» и проснулся, как подобает ассасину, рано. А после этого случилось путешествие на метлах, разговор с джинном, расставание (очень неприятное, если честно) с кузеном Дэриком, встреча с Сфинксом, появление Щавеля и Халанбери, возвращение к руинам древней столицы, тайна каменной двери, спуск в подземелья, встреча с отрядом Груи, путь к городу гномов... Если честно, то, по мнению Трикса, сейчас было уже утро следующего дня после расставания с Абвом и Эамом, и больше всего он хотел поспать.

Но долг не позволял ему дать слабину. Если даже маленький Халанбери держится — то он, волшебник, не смеет показывать усталость. Как там говорил Щавель? Героизм и самопожертвование — для волшебника обычное дело!

— Пойдем! — сказал Трикс твердо.

— Только пусть Ага идет первым, — смущенно сказала Груя.

— Почему? — удивился Трикс.

— Чтобы произвести на старейшин хорошее впечатление, конечно!

5

То, почему одни люди нравятся другим — тайна, недоступная ни волшебникам, ни мудрецам, ни даже самаршанским рыночным торговцам (хотя они добились в искусстве нравиться немалых успехов — это знает каждый, кто зашел на базар за пригоршней изюма и вышел оттуда с двумя арбузами, кульком хурмы и связкой кореньев для супа — на изюм, увы, денег уже не хватало).

Еще загадочнее, почему одни люди больше нравятся не-людям, а другие — куда меньше. Всем известно, к примеру, что эльфы хорошо относятся к людям, косящим на один глаз. Никаких дурацких поверий, к примеру, что такие люди приносят им удачу, у эльфов нет. К глухим, одноруким или рябым у них никаких симпатий не возникает. А вот минотавры, например, очень любят торговцев перцем и прочими пряностями. Но их предпочтение хотя бы как-то оправданно — они утверждают, что торговцы пряностями наиболее хороши на гриле.

Почему Груя так симпатизировала Халанбери, оставалось для Трикса загадкой. Первой мыслью, конечно, было, что гномы любят детей. Может быть, за непосредственность характера, может быть, за маленький рост? Маленький рост — это очень правдоподобно, верно?

Но Щавель, отправляя с ними Халанбери, явно имел в виду что-то другое. Похоже, была какая-то общность между Халанбери и Алхазабом. И вот тут уже Трикс терялся в догадках. Здоровый, грубый, плохо воспитанный пустынный вождь вроде бы мало чем походил на шустрого мальчишку.

Как бы там ни было, но впереди, вместе с Груей, шел Халанбери. Следом за ним — Трикс и Тиана, а уже потом, сняв шлемы, пригладив бороды и закинув на плечи свои кирки, остальные гномихи. Выглядело это не то почетным

караулом, не то стражей, но Трикс для бодрости духа решил принять первый вариант.

Здание гномьего совета, несмотря на свою внушительность, снаружи выглядело очень просто, без излишеств. Зато внутри гномы постарались. Белый мраморный пол был инкрустирован мозаикой удивительно тонкой работы, на стенах поблескивали драгоценные камни, которыми на поверхности короли бы украшали свои короны, потолок покрывали барельефы тонкой резьбы, изображающие трудовые будни и ратные подвиги гномов. Вдоль стен стояли сверкающие статуи из стали, бронзы и редких металлов — и эти статуи, сжимающие в руках кирки, провожали процессию внимательным взглядом стеклянных глаз. Трикс понял, что чуть ли не первым из людей видит знаменитых гномьих големов — механических слуг и воинов, способных в одиночку сразиться с целым войском.

Трикс, как и все люди, прекрасно знал, что гномы мастера в обращении с камнем, металлом и тонкой механикой. Но одно дело — знать, а другое — видеть собственными глазами. Печальная шутка «Насколько люди отстали от гномов? Навсегда!» всплыла в его голове. Следующая мысль была еще тревожнее — единственным, что мешало гномам стать властелинами мира, была их неспособность к магии. И если народ искусных механиков и мастеровых научится еще и колдовать...

Голос Груи прервал его размышления.

— Гости с поверхности! — торжественно объявила гномиха, едва они вошли в зал Совета Старейшин. Тут все было уж совсем роскошно — от драгоценностей, скульптур, мозаик, инкрустаций, витражей, барельефов, горельефов и койланоглифов рябило в глазах. Мебель — от великолепного трона, на котором восседал, очевидно, самый главный гном, и до скромной табуреточки, на которой примостился один из старейшин, покрывали маркетри и интарсии. В зале были

даже огромные окна, через которые и лился внутрь свет — на первый взгляд он казался солнечным!

Гномов в Совете было семеро — видимо, это число у гномов, как и у людей, считалось особенным. У гнома, восседавшего на троне, борода спускалась до пола и была уложена у ног кольцами. У того, что сидел на табуретке, борода едва доставала до пояса. Все остальные гномы щеголяли бородами промежуточной длины.

— Ты говорила, что к нам пришли трое, — сказал гном, сидящий на троне. — Учтивый, Умный и Та, Что Носит Белое Платье.

Тиана возмущенно фыркнула.

— Именно так, — кивнула Грюя.

— Что ж... — рассудил гном. — Мы приветствуем уважаемых гостей. И просим их поприветствовать Старейшину Совета. Кто из нас — старейшина?

— Опять загадки... — простонал Трикс.

— Здравствуй, уважаемый старейшина гномов! — тут же выступил вперед Халанбери. Как ни странно, обращался он к тому гному, что сидел на табуретке и обладал самой короткой бородой.

— Почему ты назвал меня старейшиной? — спросил гном на табуретке.

— Потому что ты самый скромный, — сказал Халанбери. — А настоящий правитель не станет восседать на троне, он предпочтет править чуть-чуть со стороны. Так делает регент Хасс, например...

Трикс чуть не ахнул от удивления. А ведь Халанбери, похоже, прав! Так правит Хасс... так правил визирь Аблухай... так, скромно, среди воинов, сидел на представлении сам Прозрачный Бог Алхазаб!

— Твое мнение понятно, — кивнул гном. — Далее?

Тиана, которой явно надоело состоять в непонятной роли «Той, Кто В Платье», шагнула вперед.

— Приветствую, старейшина! — сказала она, обращаясь к гному на троне. — Твоя борода самая длинная — а борода очень важна для гномов. Она самая седая — значит, ты самый старый и самый мудрый. И трон у тебя самый роскошный, а правитель, принимая гостей издалека, должен произвести на них впечатление.

— И твое мнение понятно, — теперь разговор вновь вел гном на троне. — Далее?

Трикс помедлил, глядя то на гнома с самой длинной бородой, то на гнома с самой короткой. А потом ответил:

— Здесь нет Старейшины Совета.

— Почему? — с интересом спросил гном на троне.

— Потому что это — Совет Старейшин, — ответил Трикс. — Вы все равны! Тот, кто хочет видеть величие и прямо-мату, примет за старейшину гнома на троне. Тот, кто верит в хитрость и ум, назовет старейшиной самого скромного.

— А тот, кто мудр, поймет разницу между словами «Совет Старейшин» и «Старейшина Совета», — кивнул один из молчавших до сих пор гномов. — Ты прав. Уважаемая Груя, ты не ошиблась в своем докладе.

— Мы, гномы, перебрали множество вариантов правления, — вступил в разговор его сосед. — Вначале у нас было единоличное правление — мы называли его «Гномон», что означало «гном — он». Это очень удобно — сразу видно, хорош или плох правитель. Но если правитель оказывался тираном, то свергнуть его было очень сложно — ведь мы, гномы, крайне законопослушны. Поэтому мы перешли на Двугномовую систему правления — подразумевалось, что один гном всегда уравнивает недостатки другого гнома и дополнит его достоинства. Но в эпоху Двугномия очередное правление рано или поздно заканчивалось ссорой...

Трикс понимающе кивнул. Кому как не ему, выросшему в со-герцогстве, были понятны плюсы и минусы двоевластия...

— Тогда мы пришли к идее Троегномия, — продолжил еще один гном. — Три — красивое и устойчивое число. Ведь даже стул не устоит на двух ножках, а на трех — легко! Третий гном всегда может примирить спорщиков, третий гном способен трезво посмотреть на ситуацию со стороны, третий гном вносит одновременно и элемент стабильности, и элемент хаотичности в принятие решений...

Трикс закивал.

— Но Троегномия тоже имела свои недостатки, — вздохнул кто-то из гномов. — Почему-то так уж у нас, гномов, получается, что если три гнома решили что-то обсудить — они решают скрасить беседу пивом. А решения, принятые во время распития пива, слишком часто бывают ошибочны...

— И у нас наступила эра Четверовластия! — торжественно поддержал его скромный гном с бородой средней длины. — Четыре — очень правильное, стабильное число...

— Но оно, увы, прекрасно делится на два... — хихикнул другой старейшина, улыбающийся чаще других.

— И мы получили ту же самую ситуацию, что и с Двугномием! Так что эту эру еще называют эрой Четвертования...

Теперь все гномы говорили поочередно, да так ладно и быстро, словно репетировали заранее.

— Попыткой достичь стабильности стали времена Рукогномия, или Правящей Пятерни. Ведь не зря же все разумные расы — гномы, эльфы, люди — созданы с пятью пальцами на руках! Пять — не делится на два, пять — красивое и полное магии число, пять дней в неделю мы трудимся. Правящая Пятерня состояла из четырех голосующих гномов: Указателя, мудреца, дающего направление мысли, Среднего — рядового гнома, кто выражал общенародное мнение, Безымянного — он являлся на собрание в маске, никто не знал, кто он такой и чьи интересы выражает, и Маленького — молодого

представителя низших классов, ведь мнение молодежи и черни очень важно учитывать во избежание бунта!

— А пятый? — с любопытством спросил Трикс.

— Пятым был Большой, или Противостоящий, самый старший и уважаемый гном. Он лично не принимал участие в выработке решений, но его слово было решающим в их принятии, замыкало Пятерню, подобно тому, как без большого пальца руки невозможно ничего взять в руку!

— Великолепно! — воскликнул Трикс с неподдельным восхищением и невольно посмотрел на свою ладонь. — Какая правильная, разумная, красивая система! Она просто обязана работать!

— Она и работала... — вздохнул гном на табуретке. — У нас наступили времена изобилия, процветания и гражданского согласия. И длились они очень долго, до тех пор, пока от всеобщего благоденствия молодежь не утратила задор и нетерпимость юности, чернь стала преуспевающей и богатой, рядовое население принялось беситься от жира, ученые занялись пустыми мудрствованиями, старики принялись предаваться порокам юности и впали в детство, а под маской Безымянного являлись на заседание Совета все, кому не лень. Система перестала работать...

— Про краткие и смутные времена Шести Умнейших Гномов и говорить нечего... та же самая беда, что и с Двугномием, и с Четверовластием. С тех пор было решено, что Совет состоит только из нечетного числа гномов...

— Нынешняя Семигномовщина — очередной глупейший поиск недостижимого идеала! Семь гномов представляют семь дней недели и выбираются из старых хрычей, еще не впавших в окончательный маразм, соответственно худшим свойствам характера. Понедельник! — говоривший гном встал с табуретки и раскланялся. — Мизгномия — неприязнь ко всему гномьему роду, самобичевание, уныние и беспросветность...

— Вторник, — поднялся еще один гном. — Трудолюбие — ключ к преодолению своих пороков!

— Среда! — с улыбкой поднял руку третий гном. — Оптимизм и трезвый взгляд в будущее!

— Четверг, — вскочил гном, который был Четвергом. — Большие успехи и грандиозные планы!

— Пятница! — помахал руками самый веселый гном. — Жизнь прекрасна и удивительна! Это надо как следует отметить!

— Суббота, — задумчиво поддержал его шестой гном. — Надо больше забот уделить семье. Но расслабиться вечером, конечно же, не помешает.

— Воскресенье, — звучно произнес самый старший гном с самой длинной бородой. — Надо думать о вечном. Надо стремиться к недостижимому. Раскаиваться в своих недостатках.

— Интересная система, — признал Трикс. — Работает?

— Фигово, — поморщился Понедельник.

— Да брось ты, уже двести лет как прекрасно работает! — заспорил Четверг.

— Рано или поздно любая система устаревает и нуждается в обновлении, — признал Воскресенье. — Но для этого мы уже разработали Девятку — только она сможет спасти всех гномов в случае мирового катаклизма, и Одиннадцать Разгневанных Гномов — альтернативный вариант, когда гномам придется самим устроить мировой катаклизм.

Трикс сглотнул. Он не сомневался, что гномы это смогут. Если захотят, конечно.

— Теперь, когда ты представляешь, кто именно перед тобой, ты можешь задавать вопросы, — деловито сказал Среда. — Ведь наверняка ты появился в наших владениях не случайно.

В этот момент кожаная сумочка, притороченная к его кольчуге, затряслась и стала издавать мелодичный звон.

— Извините... — буркнул Среда, доставая из сумочки хрустальный шар. Уставился в него. Сказал: — Да. Нет, занят. Позже. Ну я же просил сегодня меня... Ладно, ладно! Зайду за тушканчиками. Одного, потрошеного, не очень жирного... Все, пока!

Остальные гномы терпеливо ждали, пока диалог закончится. Среда спрятал хрустальный шар, пробормотал: «Супруга...» и, насупившись, уставился на Трикса.

— Уважаемые старейшины гномов, у меня очень много вопросов! — признался Трикс.

— Что ж, многие вопросы заслуживают многих ответов, — мрачно сказал Понедельник.

— Говори, — дружелюбно подбодрил Четверг.

— Но учти, — задумчиво сказал Воскресенье, — многие вопросы заслуживают лишь одного ответа. Если ты задашь правильный вопрос, то сможешь спрашивать дальше. Если задашь неправильный — получишь один ответ и на этом все закончится.

Трикс возмущаться не стал. Если честно, то он заранее подозревал, что сейчас последует какая-то каверза. Так что он немного подумал, а потом спросил:

— Почему фонари у вас сделаны в виде русалок?

Гномы переглянулись.

— Ты задал правильный вопрос, — кивнул Вторник. — Мы поклоняемся русалке.

— Как абстрактной идее? — полюбопытствовала Тиана. — Как гению чистой красоты?

— Это не вопрос! — заволновался Трикс. — Это она просто так спросила!

— Мы все равно ответим, — решил Суббота. — Та, кто носит белое платье, имеет право спрашивать. Мы поклоняемся одной конкретной русалке.

— Почему вы живете здесь совсем одни, не общаясь с внешним миром? — спросил Трикс. — Гномы не любят пу-

скасть к себе людей, но ведь вы любите торговать и путешествовать...

— И это правильный вопрос, — согласился Четверг. — Мы, пустынные гномы, поставили перед собой великую цель, исполнение которой занимает все наше время. У нас не остается сил и средств на торговлю и путешествия.

Трикс подумал еще немного. И задал тот вопрос, что волновал его больше всего:

— Вы пытаетесь научиться колдовать?

Гномы старейшины заерзали. Потом Понедельник воскликнул:

— Ну как ты спрашиваешь? Ты перескочил как минимум через три вопроса! Ты должен был спросить, почему у нас так много магических предметов, не попадал ли к нам три года назад человек по имени Алхазаб, не научили ли мы его волшебству... Боюсь, мы закончим отвечать на этом вопросе...

— А вот не надо меня пугать! — разозлился Трикс. — И мне надоели все эти загадки, шарады и правила! Вначале я играю в загадки с одним драконом... потом с другим. Потом все эти восточные загадки... визири, султаны, интриги... Потом ассасины! Потом Сфинкс! И он хотел нас сожрать, между прочим! Потом заколдованная дверь! А теперь еще вы! Хватит! Мне надоело! Вы, старейшины, тоже от меня чего-то хотите. Иначе не стали бы разлагольствовать! И я больше не стану никогда и ни с кем играть в загадки! Говорите, что вам нужно! А я скажу, что нужно мне! И мы решим, можем друг другу помочь или нет!

Гномы переглянулись.

— Тебя извиняет только молодость, — скрипуче произнес Понедельник. — Ты посягаешь на традиции!

— Положено проводить испытание загадками, когда предстоят великие дела! — укорил Воскресенье.

— А вы об этом думайте не как о традициях и не как о великом деле! — дерзко возразил Трикс. — Вы об этом думай-

те, как об обычной сделке. Торговой операции. Вы мне — я вам!

Гномы оживились. То, что они много веков провели в изоляции от всего мира, вовсе не сказалось на их любви к торговле. О нет! Торговая жилка свойственна каждому гному, а уж гномам пустынным, нахватавшимся всякого от самаршанцев, она свойственна вдвойне.

— Интересная точка зрения! — сказал Вторник.

— Торговля — двигатель прогресса! — добавил Среда.

— Очень люблю торговать... — со вздохом признался Четверг.

— Нет ничего лучше конца рабочей недели, чем остаться в прибыли... — мечтательно произнес Пятница.

— И отдых слаще, когда работа выполнена... — улыбнулся Суббота.

Понедельник и Воскресенье нахмурились, но возражать не стали. Может быть, потому, что прекрасно поняли — Семигномовщина их мнение не разделяет.

— Говори ты, Четверг! — решил Суббота.

— Ты совершенно прав, юный волшебник, — кивнул Четверг. — Нам кое-что от тебя нужно. И мы готовы дать тебе в ответ очень многое. Вопрос лишь в том, сможешь ли ты исполнить наши желания.

— Я попробую, — сказал Трикс. — Я не знаю, конечно, смогу или нет. Но я обещаю, что буду очень стараться.

— Достойный ответ, — кивнул Четверг. — Тогда слушай меня, Умный! Ни для кого не секрет, что весь народ гномов, щедро одаренный долголетием, силой, мастерством в обращении с металлами и камнями, красотой и великодушием, не говоря уже о многих прочих талантах, не умеет колдовать. Ну просто совершенно не умеет!

Трикс кивнул.

— Конечно, у этого явления есть и положительная сторона, — продолжал Четверг. — Мы и к вражеской магии сильно

устойчивы. Но нам... пусть даже гномы нечасто в этом со-
знаются... нам очень хочется владеть магией. Создавать что-
то не только силой рук, но и силой Ума и Слова! Мы часто
учились у ваших волшебников. Мы скупали магические кни-
ги. У нас даже был — не здесь, а в столице Подгорного Цар-
ства — Подземный Тайный Университет, где гномы учились
магии. Увы... никто так и не научился колдовать. Со временем
уныние поселилось в сердцах всех гномов. Многие смирились
с тем, что магия нам недоступна. Некоторые ученые выдви-
нули теорию, что волшебство исходит с неба и впитывается
с самого рождения из света Солнца и мерцания звезд, поэто-
му мы, подземные жители, изначально лишены волшебного
дара. Эта теория стала главенствующей. Но здесь, под горя-
чими песками пустыни, мы обнаружили существо, рожденное
подобно нам в подземных глубинах — и умеющее колдовать.
Прекрасно колдовать...

— Это русалка? — спросил Трикс.

Гномы печально закивали. Четверг вздохнул:

— Да. Народ подземных русалок очень невелик. Когда-то,
тысячи лет назад, их предки заплыли в подземные реки и
озера из океана. Может быть, они были изгнанниками, может
быть — любознательными исследователями. Но получилось
так, что они остались жить под землей и никогда не видят
солнечного света. Но это им не мешает, человек! Совершен-
но не мешает колдовать! Любая из подземных русалок —
сильнее всех ваших магов, вместе взятых!

— Я слышал про русалок, — кивнул Трикс. — И все гово-
рят, что они умеют колдовать. Правда, не так, чтобы очень
уж сильно...

— Не знаю насчет океанских и речных, — сказал Чет-
верг. — А вот подземные русалки — прекрасные волшебницы!
Они очень дружелюбны и охотно колдуют для нас. Собствен-
но говоря, колдуют просто так... мы дарим им украшения, но

им ничего от нас не надо, и самые драгоценные колъе и перстни через неделю выносит волной на берег.

— Это они вам наделали волшебных шаров? — понял Трикс.

— Да... — понурил голову Четверг. — И еще много разных волшебных предметов. Все, что мы просим, они для нас делают...

— Но это же прекрасно! — восхитился Трикс. — Зачем вам уметь колдовать, если кто-то колдует за вас?

— Это мечта, мальчик... — печально сказал Четверг. — Зачем тебе любовь красивой девушки, если она может полюбить кого-то другого?

Трикс покраснел и сказал:

— Не очень-то хорошая аналогия... Но я понял, да. Вам просто хочется уметь колдовать?

— ДА! — хором воскликнули гномы.

— А русалки готовы колдовать для вас, но не хотят вас научить?

Тут Трикс, к своему изумлению, увидел, что из глаз Четверга катятся слезы.

— Они готовы... Они так добры... Они учили нас. Они учили наших детей. Они были терпеливы и добры. Но мы так ничему и не научились...

— Может, они обманывали? — робко предположил Халанбери.

— Нет, мальчик! — Четверг замотал головой. — Нам, конечно, тоже приходила в голову эта крамольная мысль. И когда к нам внезапно попал тот дикий... какой-то глупый вождь кочевников...

— Алхазаб.

— Да, Алхазаб... — Четверг понурился. — Тот, кого нынче зовут Прозрачным Богом. Мы вежливо приняли его и предложили поучиться волшебству. Он был в восторге и... и...

— Он научился... — задумчиво сказал Трикс.

— Вот именно! Он учился тому же самому, что и мы. Но у него вышло! Всего за три дня! Он стал волшебником, поблагодарил нас за помощь и одним лишь словом унесся из подземелий к своему дому!

— Овладеть телепортацией за три дня... — Трикс с завистью вздохнул. — Это и впрямь очень странно. Но вывод напрашивается один...

— Что мы, гномы, лишены магических способностей... — кивнул Четверг. — Не считай нас дураками, мальчик. Мы готовы принять горькую правду и прекратить свои попытки. Но для этого нам надо понять, в чем же дело. Почему люди могут, эльфы могут, драконы могут, джинны могут, русалки могут... — голос гнома упал до шепота, — а мы — нет...

— Вы хотите, чтобы я узнал правду? — понял Трикс. — А если она вам не понравится?

— Правда не может нравиться и не нравиться! — возмутился Четверг. — Правда — это правда! А ты, обучаясь у русалки, поневоле станешь таким же Великим Волшебником, как и Алхазаб. Ну и... сможешь его остановить. Ведь такова твоя цель?

Трикс кивнул.

— Мы, «обучаясь у русалки»! — внезапно сказала Тиана. — Мы втроем отправимся к вашим русалкам!

— Хорошо, Та, Что Носит Белое Платье, — кивнул Четверг.

— Почему вы зовете меня таким дурацким именем? — не выдержала Тиана.

— Дурацким? — Четверг в волнении начал жевать клочок бороды. — Да как... да почему ты, Та, Что... В наших преданиях сказано, что однажды, когда народ гномов будет в печали и тоске, в подземные глубины придет Та, Что Носит Белое Платье. И когда все станет хуже некуда, она вернет нам надежду и счастье!

— То есть вы меня уважаете? — смутилась Тиана.

— Еще никто в мире не спускался на глубину тысячи гномьих сажений, одевшись в белое платье! — воскликнул Четверг. — Как же нам тебя не уважать?

К Триксу невольно закралась мысль, что хитрый джинн все-таки чем-то им помог. Просто старался не показать этого. Почему-то.

— Мы пойдем втроем, — решил Трикс. — Мы раскроем тайну русалок и расскажем вам все, что узнаем. За это вы можете нам выйти отсюда... и сразиться с Прозрачным Богом.

— И сразиться? — возмутился Суббота. — Разве речь шла о сражении?

— Теперь — идет! — твердо сказал Трикс. — Я понимаю ваши мотивы, но вы повинны в том, что в надземный мир пришел жестокий властолюбец, которого никто не может остановить. И если мы промедлим, то весь мир заливает кровью... так, что она станет сочиться с ваших сверкающих потолков, уважаемые Старейшины!

Он произнес это так твердо и резко, что гномы растерянно подняли головы, глядя на потолок. А потом опустили глаза к полу.

Видимо, они прекрасно знали, что делает их давний гость, став всемогущим. И им было за это стыдно.

— Чего ты хочешь? — спросил Воскресенье.

— Отряд боевых големов! — твердо сказал Трикс. — Говорят, они противостоят магии еще лучше, чем вы!

— Ты получишь големов, — вздохнул Понедельник. — Ох... грехи наши тяжкие...

— И отряд гномов-бойцов! — продолжал Трикс. — Там, где спасует самый мудреный автомат, разумное существо найдет выход!

— Давно уже гномий скирд не выходил на поверхность! — твердо сказал Пятница. — Что ж... Окропим песок красненьким!

Больше никто высказываться не стал. Видимо, гномы были готовы к такому требованию.

— Мы готовы отправиться к русалкам, — сказала Тиана. — Правда, мальчики?

— Нет-нет! — тут уж вскочил Пятница. — Не сегодня! Сейчас уже поздно. Сейчас уже пятница наступила, между прочим! Вам пора отдохнуть и набраться сил. Вечером мы откроем большой праздник в вашу честь!

— А в субботу, хорошо позавтракав и собравшись с духом, вы отправитесь к Озеру Русалок, — сказал Суббота. — И да будет путь ваш короток и радостен!

— Что скажешь, Трикс? — кротко спросила Тиана.

Трикс посмотрел на нее и понял, что Тиане очень-очень сильно хочется выспаться. И поест. И даже повеселиться с гномами, раз уж на ней такое красивое платье.

Но если он скажет: «Мы отправляемся прямо сейчас!», то она не станет спорить. И, наверное, не станет укорять его потом.

Как мы уже говорили, Тиана была просто замечательная девушка. Огромная редкость не только для благородных семейств, но и вообще.

К счастью, Трикс тоже был хорошим юношей. И очень хотел спать.

— Мы с благодарностью принимаем ваше приглашение отдохнуть и посетить ваш праздник, уважаемые Старейшины, — сказал Трикс, прижимая руку к сердцу. — Я говорю — спасибо вам.

Гостевой дом, куда Груя отвела ребят, был не очень-то приспособлен для людей. Потолки в комнатах были низковаты (гномы делают высокие потолки только в торжественных залах), кровати короткие, зато широкие и со специальной стойкой-вешалкой, на которую можно было зацепить бороду, чтобы не мялась во сне. Но даже Трикс пока еще не был ростом со взрослого, и на кровати более-менее поместился. На подставку для бороды он поместил боевую метлу (на вся-

кий случай, чтобы была под рукой), прилег, решив отдохнуть минутку перед тем, как раздеться.

И, разумеется, тут же крепко уснул.

Снилось ему очень много всего — как всегда бывает, если человек очень устал, но впереди у него еще много несделанной работы. Что-то из увиденного во сне было явной ерундой — например, снилась Триксу длинная серая дорога, по которой неслись сотни волшебных повозок, самых разных цветов и форм. Были там и Большие Механические Волшебные, и всякие разные другие. Еще снился несусветный кошмар — все люди на Земле стали волшебниками, дни и ночи сидят перед своими хрустальными шарами и, вместо того, чтобы заниматься делом, болтают друг с другом, спорят, ругаются и хвастаются. Потом сны стали поспокойнее и ближе к реальности. Например, приснился Триксу кузен Дэрик, злой и обиженный, который вернулся в Дахриане к отцу и покаялся за свою отлучку, но про обучение в школе ассасинов и короткую дружбу с Триксом так и не рассказал. То ли боялся гнева отца, то ли стыдился его насмешек. Еще снилась Тиана в Белом Платье, танцующая в огромном бальном зале. Кроме Трикса и Тианы в зале никого не было, даже музыка доносилась со стороны. Вначале все было хорошо, Трикс смотрел, а Тиана танцевала. Потом платье у Тианы почему-то стало все укорачиваться и укорачиваться, достигнув вначале смелой длины — до щиколоток, потом откровенной — до голеней, а потом — о ужас, совершенно непристойной — чуть ниже колен! Трикс, понимая, что виной всему волшебство коварного джинна, попытался заколдовать платье обратно — но получилось это плохо, у платья стали удлиняться рукава, а подол пополз еще выше! Трикс в ужасе попытался закрыть глаза, но во сне закрыть глаза не получалось. И тогда невероятным усилием воли Трикс проснулся.

Минуту Трикс лежал, размышляя о том, какой он воспитанный и благородный. А потом еще десять минут о том, какой он дурак — ведь это же был всего лишь сон!

Потом он решил, что уснуть все равно больше не получится. Встал, умылся в тазике, немного позанимался с метлой и вышел из своей комнаты.

Оказалось, что проснулся он самым последним — и Тиана, и Халанбери уже сидели в гостинном зале, где потолки были повыше, газовые фонари (в виде русалок, конечно же) поярче, на полу лежали мягкие ковры, а на огромном каменном столе уже был накрыт завтрак.

Поесть гномы любили просто, но плотно. Поэтому на завтрак были поданы:

вареные яйца;

яйца жареные в каменных плошках, с беконом и травами;

бекон, посыпанный травами;

яйца сбитые в омлет, с травами и беконом;

какой-то горячий напиток вроде кофе, только зеленый и терпкий;

холодная вода.

Трикса и Халанбери завтрак вполне удовлетворил. Омлет был вкусный, напиток странный, но бодрящий. А вот Тиана ограничилась только парой вареных яиц и чистой водой.

Вскоре после завтрака пришла Грюя. Вместе с ней ребята отправились на прогулку по подземному городу.

— Люди порой думают, что мы, гномы, живем в норах, будто какие-то кролики, — задорно тряся бородой, рассказывала Грюя. — Вырубает себе комнаты, соединяем их коридорами... Полная ерунда! Всегда приятно иметь немного пространства над головой... ну, конечно, если оно прикрыто сверху крепким, надежным камнем. А уж в этом пространстве мы и строим свои дома.

— А вы могли бы жить под открытым небом? — не удержался от вопроса Трикс. — Некоторые люди думают, что гномы боятся, когда наверху ничего нет...

— Ну как же «ничего»? — удивилась Грюя. — Там воздух. Потом пустота. А потом другие каменные шары, на которых, наверное, живут другие люди и гномы.

— Каменные шары? — поразился Трикс. — Вы верите в эту теорию?

— Конечно, — подтвердила Груя. — И наш мир — каменный шар, уж мы-то, гномы, все про камень знаем.

Трикс спорить не стал, а предпочел расспрашивать дальше:

— Так почему же вы не живете под открытым небом, под светом солнышка?

— Под порывами ветра, струями дождя, хлопьями снега, — саркастически ответила Груя. — Открытые набегам врагов со всех сторон! Вынужденные летом охлаждать свое жилище, а зимой отапливать. Спускаясь в шахты на работу по целому часу. Вот еще!

— Значит, это не страх, не причуда, не вопрос веры и убеждений, — задумчиво сказал Трикс. — Только расчет...

Ему показалось, что у него возникла какая-то смутная догадка. Но такая смутная, что Трикс даже не понял, о чем именно. А тут они вышли на маленькую площадь перед красивым трехэтажным зданием красного кирпича, крытого черепицей, с большими витражными окнами и трубой, из которой шел легкий дымок. Перед зданием были разбиты клумбы с маленькими яркими цветами — Триксу пришлось хорошенько присмотреться, прежде чем он понял, что и трава, и цветы не настоящие, а искусно вырезаны из камня.

— Ой! — поразилась Тиана. — Как красиво! Будто на детском рисунке!

— Это школа, — пояснила Груя.

— Никогда не видела гномов-детей, — призналась Тиана.

— Конечно, что им делать на поверхности? Все гномы учатся в школе не менее десяти лет — Груя вздохнула. — Ну а те, что потупее, могут учиться и дольше. Не сдал экзамен по минералогии, не смог отличить с завязанными глазами изумруд от алмаза или пирит от колчедана — добро пожаловать на второй год обучения! Не удивился учитель механики твоим часам или машинке для стрижке бороды — будешь еще

год учиться механике... — Груя вздохнула и призналась: — У меня так и случилось. Я сделала устройство для измельчения мяса. Очень упрощает кухонный труд, особенно приготовление котлет. Специальный шнек подает куски мяса под вращающееся лезвие... — Она махнула рукой и с горечью добавила: — Мужской шовинизм! Учитель сказал, что подобные устройства не подходят гномам, поскольку мешают женам проявлять заботу о мужьях...

Триксу стало неудобно за неведомого учителя. Он откашлялся и сказал:

— Знаешь, я знаком с одним пареньком... он из гильдии колесников. Занимается всякими механическими штуковинами для облегчения кухонной работы. Хочешь, я тебя с ним познакомлю? Он собирается открыть сеть харчевен для еды на бегу. Ручаюсь, твоя мясомолка ему понравится!

— Это же у вас, в королевстве... — вздохнула Груя. Но глаза у нее загорелись.

— А ты не можешь туда поехать?

— Я? — Груя замялась. — Только если мы научимся магии. Или выясним, что это невозможно. Весь наш народ дал зарок, что мы никуда отсюда не двинемся, прежде чем не разберемся с магией до конца.

— Понятно, — кивнул Трикс. — А ты... ты бы чего хотела сама? Научиться?

— Магия — это здорово, — сказала Груя. — И обидно, честное слово, что гномы не колдуют. Но ведь мы зато многое другое умеем, верно? И если уж на то пошло, то я лучше кайлом в забое помашу, или над верстаком с шестеренками повожусь, чем разные заклинания придумывать!

Трикс задумчиво кивнул.

В этот момент, очевидно, в школе закончились занятия и на площадь высыпала гномья детвора. Тиана умиленно ахнула и присела на корточки, чтобы не смущать детей своим ростом. Впрочем, маленькие гномы (самые большие из них

едва достигали ростом Халанбери) не были ни испуганы, ни смущены. Ребята оказались в плотном кольце крохотных бородатых человечков (у девочек бороды были заплетены в косички и украшены драгоценными камешками, у мальчиков в бородки были вплетены сверкающие шестеренки и винтики). Маленькие гномы хватали ребят за руки, трогали одежду и болтали, болтали напропалую:

— А вы правда люди? Я полагаю, вы люди, потому что гномы такими высокими не бывают. Вот если бы вы были ниже, вы могли бы быть гномами, у которых из-за болезни выпала борода, но вы высокие. Значит, вы люди!

— Посмотрите, какое у меня кайло! Я его сам сделал, на уроке изготовления инструментов. Хорошо, что у нас был урок изготовления инструментов, если бы был урок рудознательства, то я бы не сделал такого кайла!

— Вы колдовать умеете? Мы не умеем, но мы учимся. А люди умеют. Если бы я был человеком, то мне даже учиться бы не пришлось, правда?

Тиана всплеснула руками и сказала:

— Какие они рассудительные! Какие умненькие!

Трикс был с ней согласен, гномьи дети и впрямь были не по возрасту серьезны. Но что-то в их разговорах Трикса смущало. Вроде и говорили ученики правильно и умно, но какое-то странное ощущение оставалось в итоге — будто на самом деле ничего и не было сказано!

К счастью, тут из школьного здания вышел гном-учитель, сказал детям, что перемена закончилась, и увел их обратно на уроки. А ребята со своей сопровождающей смогли продолжить путь.

До вечера они смогли посмотреть еще много всего интересного:

подземные фермы, где разводили тушканчиков;

мастерские, где гранили драгоценные камни и делали из них украшения;

механический завод, где изготавливали всякие затейливые вещи (только в цех производства гномов ребят все-таки не пустили);

трубы, по которым из подземных глубин в город гномов поступал горячий газ для освещения улиц;

памятник гному, изобретателю кайла,

и еще много, много всего — частью забавного, частью странного, а частью самого обыденного, как и у людей.

Чем ближе был вечер, тем больше гномов появлялось на улицах. Закончив работу, они наскоро забегали домой переодеться (некоторые пренебрегали даже этим) и отправлялись веселиться на улицы. Повсюду открывали бочонки с пивом (Трикс из любопытства и вежливости попробовал, но гномье пиво ему совершенно не понравилось), раскладывались на столах закуски и сладости. Гремела музыка, танцевали пары, все улыбались друг другу. Трикс, Тиана и Халанбери повсюду были желанными гостями — их осыпали комплиментами, желали удачи, хлопали по плечам (ну, те гномы, что могли дотянуться). В общем, это был прекрасный вечер, и у Трикса без всякого пива закружилась голова — особенно когда они с Тианой под одобрительные хлопки гномов станцевали на одной из площадей.

И лишь одно не давало Триксу покоя — неприятное ощущение, что он почти было понял что-то важное, но так и не раскрутил мысль до конца...

А ведь завтра им предстояло отправиться на встречу с русалками!

Часть четвертая

ТРИКС СРАЖАЕТСЯ

1

Труден и опасен путь в подземных пещерах, если нет с тобой гнома-проводника. Широкий и удобный проход может в любой миг закончиться глухой стеной или оборваться в бездонную пропасть, в то время как верный путь на первый взгляд вызывает страх и кажется непроходимым. Грозят прорывом подводные реки, затаился в каменных пузырях горючий газ, ползают во тьме ядовитые безглазые твари... Накатывает уныние, в голову лезут страшные мысли — «а не останемся ли мы здесь навсегда?».

Но если с тобой гном — можно быть спокойным. Во всяком случае, так сказала ребятам Груя, сопровождавшая их вместе со всей своей командой.

— Мы запах газа вынюхиваем за тысячу шагов, — хвасталась она. — Шум воды за камнями слышим за двести. Любую ядовитую гадину во тьме ощущаем. Еще у нас прекрасное чувство направления, мы не можем заблудиться. Ну и, в конце концов, у нас есть хорошие карты, а на каждом повороте мы рисуем стрелочку светящейся краской!

Вышли они с самого раннего утра и до обеда шли по широким освещенным туннелям, иногда встречая других гномов. Потом перекусили холодным ростбифом и горячим зеленым кофе. Ну а дальше путь пошел через места более заброшенные и дикие.

— Мы могли бы проложить к озеру русалок широченный проход, — сказала Груя. — Но они не любят шум и попросили нас оставить все так, как есть. Вы не беспокойтесь, здесь нетрудная дорога...

Нетрудная дорога оказалась не такой уж и легкой. В двух местах пришлось идти по скальному карнизу над пропастью, в глубине которой багрово светилась текущая лава. Потом — переходить через эту же пропасть по каменному мосту, довольно хлипкому на вид и к тому же без перил. Дальше встретились два места, где нужно было идти на четвереньках, так низко опускался каменный свод, и одно место, где пришлось ползти. К счастью, Тиана с утра благоразумно надела костюм ассасина, а не восхитившее гномов Белое Платье, иначе оно быстро превратилось бы в Черное Рваное Платье, а мало ли какие пророчества у гномов на этот счет?

К счастью, после узкой щели, где всем было не по себе, путь стал легче. Вскоре ребята вышли в огромную пещеру, освещенную двумя громадными бронзовыми светильниками-статуями. Конечно же, это были все те же русалки — только высотой метров пять, изящно стоящие на своих рыбьих хвостах и держащие в одной руке пылающий газовый факел. Другой рукой русалки деликатно прикрывали обнаженные груди. Одна русалка улыбалась, другая казалась печальной.

— Эти сооружения имеют одновременно и утилитарные цели — осветить озеро русалок, — шепотом сообщила Груя, — и являются нашим почтительным даром уважаемым подводным волшебницам. Две русалки символизируют две стороны магии — радостную и грустную.

Сразу за статуями начиналось озеро русалок. Озеро как озеро, если честно, именно таковы большинство подземных озер — с кристально чистой водой, которую не сразу заметишь даже при свете, и с чистым, не замусоренным берегом. Вода едва заметно колыхалась, лаская светлый чистый песок. Трикс

опустил руку и поразился тому, какая она холодная — совсем не как в том озере, куда они упали с лестницы.

— Вот здесь будет наш лагерь. — Грзя указала на стоящие между статуями палатки. Те явно были установлены уже давно и основательно — с прочным металлическим каркасом, на выровненной и выложенной камнем поверхности. — Мальчики селятся налево, девочки направо.

— А можно наоборот? — поинтересовался Халанбери.

— Можно, — кивнула Грзя. — Никакой разницы между палатками нет.

— А... можно нам вдвоем поселиться в одной палатке? — смущенно спросила Тиана. — Я понимаю, это не очень принято, но ведь Халанбери мой брат, а Трикс... Трикс старый и верный друг! А вы же все девушки, вы поселитесь в другой палатке...

Грзя помолчала, испытующе глядя на Тиану. Потом кивнула:

— Располагайтесь, приводите себя в порядок... через час мы позовем русалок.

Трикс, Халанбери и Тиана разложили свои вещи (впрочем, вначале Тиана воспользовалась верной боевой метлой и хорошенько вымела палатку). Внутри было довольно просторно, стоял десяток топчанов, так что каждый смог расположиться удобно.

— Если нам удастся научиться у русалок магии, — рассуждал Трикс вслух, — то это очень хорошо. Мы все станем великими волшебниками и изменим жизнь в мире к лучшему.

— А если к худшему? — скептически спросила Тиана.

— Ну, мы же не злодеи и не дураки! Даже если мы станем всемогущими, мы никогда не станем завоевывать другие страны и повелевать всем миром. Вообще не станем использовать магию в личных целях! Мы только установим повсюду справедливые законы, покараем зло и накажем витаминтов.

Тиана кивнула, успокоенная.

— Ага! А можно мне будет немножко, ну совсем немножко наказать тех мальчишек, что меня обижали в Дилоне? — спросил Халанбери.

— Ну, если только немножко, — решил Трикс.

— И я бы тоже кое-кого наказала, — с чувством произнесла Тиана. — Немножко... За то, что меня пытались отдать витаминтам!

— Я их тоже хочу наказать! — пылко сказал Трикс.

Некоторое время все молчали, обдумывая появившиеся перспективы. Потом Трикс сказал:

— Но это — если получится... А если нет, то нам хотя бы надо ответить на вопрос гномов. Выяснить, почему они не умеют колдовать. Тогда мы получим помощь — боевых гомов и гномий скирд! И как-нибудь уж сумеем победить Алхазаба!

Призыв русалок, как выяснилось, был настоящей церемонией. Вначале Груя открыла здоровенный баул, который несла с собой из города. Внутри баул оказался выложен сверкающей серебряной фольгой и заполнен... рыбой.

— Это специальная сумка, — пояснила Груя. — У нее двойные стенки, между ними закладывается лед. Продукты внутри остаются холодными и не портятся очень долго. — Она помолчала, глядя на рыбу, а потом спросила: — Как ты считаешь, твоему знакомому, который занимается всякой кухонной механикой, такая штука бы понравилась?

— Наверняка, — ответил Трикс, не кривя душой.

Груя повеселела и, подхватив сумку, вышла к берегу озера, к тому месту, где были сооружены крепкие каменные мостки, выдающиеся шагов на десять. Там она торжественно выпрямилась, вытянув вперед руку с крепко ухваченной за хвост рыбешкой.

Все затаили дыхание.

— Придите, о наши добрые мудрые волшебницы! — воскликнула Грюя. — Придите, мы зываем к вам!

Некоторое время ничего не происходило.

Потом где-то в глубине возник мерцающий голубовато-зеленый свет. Он стремительно приближался к поверхности. Гномихи охнули, одна даже принялась аплодировать.

Свет все близился и близился. Наконец стали видны уже и очертания гибкого извивающегося тела. С громким плеском русалка вынырнула из воды, описав красивую дугу, пронеслась мимо Грюи, в полете выхватила зубами рыбешку из ее руки и плавно ушла обратно на глубину.

Теперь уже все гномихи принялись аплодировать.

Грюя достала новую рыбку. Тем временем русалка описала под водой круг и вынырнула снова. Рыбки с ней уже не было.

Прыжок — хват!

Прыжок — хват!

Так повторялось раза три или четыре. Наконец Грюя опустила руку. Русалка пару раз выпрыгнула вхолостую, потом, очевидно, поняла, что рыбки пока не предвидится. Она развернулась, отплыла было от берега, потом вернулась обратно — и выбралась на камень, выступающий из воды в нескольких шагах от берега, где и уселась в красивой позе, слегка повернув голову, опершись руками о валун и изящно свесив в воду сверкающий хвост. От русалочки шло приятное аквамариновое свечение, будто от позеленевшей бронзовой статуи в лучах солнца.

— Это традиционный знак, что русалочка готова к общению... — прошептала одна из гномих.

— О, милая русалочка! — воскликнула Грюя. — Мы пришли к тебе, чтобы прикоснуться к твоей мудрости!

Русалочка повернула белокурую голову и улыбнулась. Улыбка у нее была приятная, милая, только застрявшая в зубах чешуя выглядела немного неуместно.

— Чего вы хотите, миленькие гномики? — ласково спросила русалка. — Вам надо что-нибудь наколдовать? Или вы хотите постигнуть искусство волшебства?

— Мы привели своих друзей, милая русалочка! — воскликнула Груя. — Не могла бы ты поучить их волшебству? Ну а мы принесли тебе множество красивых украшений... и свежей рыбки.

— Рыбка — это хорошо. — Русалка оживилась. — Я с удовольствием поучу твоих друзей, маленький гномик. Прямо сейчас?

Груя обернулась. Трикс кивнул.

— Прямо сейчас, — сказала Груя. — Вот они, трое наших гостей с поверхности — Умный, Учтивый и Та, Что Носит Белое Платье... Временами.

Взгляд русалки прошелся по ребятам.

— Садитесь, гости с поверхности, — учтиво сказала русалка. — Ты, Трикс... Ты, Тиана... Ты, Халанбери по прозвищу Ага...

— Подумаешь... — прошептал себе под нос Трикс. — Обычное заклинание истины... — И уже погромче спросил: — А куда садиться-то?

— Конечно же, на эти чудесные плетеные стульчики, — хихикнула русалка.

Трикс обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как из воздуха появляются три красивых стула, плетенных из виноградной лозы. Вот тут он не нашелся что сказать. Конечно, любой волшебник может создать предмет, кому как не Триксу это знать. Но, во-первых, для этого хорошо бы иметь поблизости те субстанции, из которых предмет будет создан. А во-вторых, фразы вроде «появись передо мной красивый стол» не работают давным-давно, поскольку затерты до самых букв.

Пришлось сесть и сделать вид, будто для него появление мебели из воздуха ничего особенного не представляет.

— Вы хотите научиться магии? — спросила русалка все так же доброжелательно.

— Да! — ответил Трикс. — Ну, то есть я умею колдовать. Немножко. А Тиана и Халанбери — нет. И мы бы хотели научиться такому волшебству, как у вас... милые русалки...

— Ваше желание понятно, — кивнула русалочка. — Поверьте, человеческие дети, нам совсем не жалко научить вас нашей магии. Но подумайте в то, что многие, многие века мы учим магии живущих здесь гномов. И до сих пор ни один из них ничему не научился.

— Но вы научили человека, пришедшего из пустыни. Алхазаба.

— Да, мы научили своему волшебству Прозрачного Бога, — кивнула русалка. — Но это вовсе не значит, что научитесь вы.

— Мы готовы попробовать! — вступила в разговор Тиана.

— Дело в том, что мы сами не понимаем, почему наша магия работает, — призналась русалка. — Для нас это — совершенно естественная вещь. Мы колдуем и все получается. Гномы колдуют — и у них ничего не выходит... Что ж, давайте попробуем, нам и самим интересно...

Трикс весь обратился в слух.

— Для начала, — произнесла русалка, — перед тем, как произнести заклинание, надо взмахнуть хвостом...

Она звонко шлепнула хвостом по воде.

— Но мы не сможем! — возмутилась Тиана. — У нас хвостов нет!

— У Алхазаба тоже не было, — усмехнулась русалка. — Шучу я, шучу... Давайте начнем с самых азов. Что есть магия?

— Слова, — ответил Трикс. — Когда человек... ну, или кто-нибудь еще, произносит свое желание правильно, красиво и необычно — мироздание откликается и выполняет его желание. Чем красивее сказанные слова, чем необычнее их форма — тем сильнее волшебство.

— Правильно, — кивнула русалка. — Это основа всякого волшебства... Не хотите ли прохладительных напитков?

В руке у Трикса внезапно появился красивый хрустальный бокал, полный пенящегося лимонного напитка.

— Это невозможно! — выдохнул Трикс.

— Почему? — удивилась русалка.

— Потому что нельзя просто так сказать «Не хотите ли напитков!»! Надо тщательным образом описать желаемое, описать красиво, ярко и образно, так, чтобы и сам волшебник, и присутствующие люди, и вся Вселенная зримо представили тот результат, которого волшебник хочет добиться. И после этого, в зависимости от свежести использованных слов и тщательности их размещения в заклинании, волшебство совершается с той или иной силой... или не совершается вовсе.

— Ты это только что уже говорил, — заметила русалка. — И что? Каким образом это могло помешать моему волшебству?

Трикс глотнул напитка — он был холодный, кисленький и вкусный.

— Самый первый маг в мире мог сказать: «Не желаете черешни?», — попытался пояснить Трикс. — И появлялась вкуснящая черешня! Но после этого слова утрачивали силу! В следующий раз черешня была бы недозрелой или червивой. А потом бы и вовсе не появлялась!

— Почему? — терпеливо спросила русалка.

— Ну потому что слова утрачивают силу! Сказанные точно так же, как и раньше, они уже не работают!

— С самого начала времен мальчики подходят к девочкам и говорят: «Я тебя люблю!», — сказала русалка. — Эти слова не просто стерлись, вместо них дырка должна была получиться! Но каждый раз у девочки начинает сильнее стучать сердце и вспыхивает волшебный пламень любви!

— Это не совсем то! — попытался заспорить Трикс. — Ну... любовь, конечно, тоже волшебство. Но оно другое. В результате любви ничего не возникает!

— Как раз в результате любви все и возникает, — строго ответила русалка. — Большой уже парень, должен понимать, что детей не в капусте находят!

— Но мы же о магии! О чародействе! — взмолился Трикс. — Вот, гляди... появиись передо мной красивый деревянный стол! Разумеется, ничего не произошло.

— Не сработало, — спокойно признала русалка.

— Потому что слова затерты! А вот если так... — Трикс на миг задумался. — Воздух передо мной помутнел и словно бы загустился, вначале возникла столешница — круглая, инкрустированная перламутром, потом три изящные резные ножки — и вот уже маленький красивый столик стоял на песке у подземного озера!

Столик появился. Был он не такой уж и красивый, инкрустация была плохо подогнана и топорщилась, ножки оказались уж очень изящными и тонкими, но это все-таки был настоящий столик — на который Трикс торжествующе поставил пустой бокал. Столик закрипел, но выдержал.

— Сработало, — кивнула русалка. — Теперь моя очередь. Появиись рядом еще один красивый столик!

Трикс печально посмотрел на возникший из воздуха столик. Он был очень красив. И явно куда прочнее. Гномихи на берегу не выдержали и зааплодировали.

— Почему? — спросил Трикс. — Ну почему?

— Не знаю, — сочувственно ответила русалка. — Вот та же самая проблема и с гномами. Мы им все честно рассказываем и показываем, они повторяют — но у них магия не работает. А вот у Алхазаба все сразу начало получаться! Мы только рассказали ему об основных направлениях магии, привели примеры заклинаний — и все сразу завертелось.

— У Алхазаба получилось. У гномов нет. У меня нет... — Трикс задумчиво посмотрел на Тиану. — Попробуй ты, а?

— Хочу красивое круглое зеркальце! — вытянув руку, сказала Тиана.

На миг воздух над ее ладонью замерцал — но так ничего и не возникло.

— Я знала, что не получится, — вздохнула Тиана. — Я так и знала...

— Халанбери, — сказал Трикс. — А поколдуй-ка ты.

Мальчик смущенно посмотрел на него.

— А можно?

— Конечно, — твердо сказал Трикс. — Ты думаешь, почему Щавель отправил тебя с нами? Да потому, что знал, ты — великий волшебник!

— Я? — восхитился Халанбери.

— Конечно! Просто ты никогда не пробовал колдовать. Но ты же теперь видишь, как это просто? И Щавель сразу почувствовал в тебе могучий дар! Давай, не стесняйся! Чего ты хочешь?

— Халву! — воскликнул Халанбери. — Не тахинную, я ее терпеть не могу, а арахисовую! С изюмом! Мягкую и рассыпчатую! Ой...

Все уставились на кусок халвы в руках Халанбери.

— Вот такую... — удовлетворенно сказал мальчик и откусил. — Ага! Вкусно!

Русалка соскользнула с камня и в два гребка достигла берега. Наполовину высунулась на песок и уставилась на кусок халвы. С восторгом сказала:

— Получилось! У него тоже работает!

— Работает-работает! — закричала Груя. — Работает!

Но особой радости в ее голосе не было. Трикс вздохнул и взял у Халанбери кусочек халвы. Разжевал. Было вкусно.

— Этой халвой не наешься, — предупредил он.

— Ну и ладно! — отмахнулся Халанбери. — Зато вкусно, ага!

— Как приятно научить кого-то магии! — сказала русалка, одобрительно глядя на Халанбери. — Я знаю, гномы подозревают, что мы их неправильно учим...

— Нет-нет! — запротестовала Груя.

— Подозреваете, — твердо ответила русалка. — Но мы и впрямь учим всему, что умеем сами. Тут все очень просто! И мы не знаем, почему у кого-то получается, а у кого-то — нет. Никто не знает...

— Я знаю, — сказал Трикс.

Наступила тишина, даже Халанбери перестал жевать.

— Ваша магия не для гномов, — сказал Трикс. — Боюсь, магия вообще не для гномов. Извини, Груя.

— Ничего-ничего, — быстро сказала Груя. — Но... Старейшины захотят узнать причину!

— Я тоже хочу, — торопливо сказала русалка. — Мы знаем, что мы величайшие в мире волшебницы. Но вот почему — нам самим неизвестно. Говори!

Трикс помолчал. Потом посмотрел на Грую и твердо сказал:

— Отряд големов и гномий скирд!

— Старейшины никогда не обманывают! — пылко ответила Груя. — Я... я сама пойду в первом ряду, держа кирку наперевес! Девчонки?

— Мы все пойдем! — закричали гномихи.

— И еще магический шар, — немного стесняясь, сказал Трикс. — Хороший, цветной, со звуком.

— Свой отдам! — пообещала Груя.

— Свой не надо, пусть старейшины дадут.

— Кто я такая, чтобы решать за старейшин? — развела руками Груя.

Трикс фыркнул.

— И впрямь! Кто ты такая? Случайно попалась нам на пути, потом связалась со старейшинами, доставила прямиком к ним и провела к озеру с русалками. Кто же ты такая, а, Груя?

— У нас Семигномовщина! — запротестовала Груя. — Я к старейшинам никакого отношения...

— Да хоть бы и Тринадцать Проклятых Гномов! Все равно не бывает правителей без доверенных людей... то есть гномов!

Груя потупилась. Потом сказала:

— Дадут тебе волшебный шар. Самый лучший, что у нас есть. Слово Капитана Тайной Стражи Подземелий!

— Постой-постой! — вмешалась русалка. — Зачем ты что-то просишь у гномов, которым все волшебное делаем мы? Я тебе наколдую любой магический предмет, если ты раскроешь тайну нашей магии!

— А если после того, как я ее раскрою, ты больше не сможешь колдовать? — спросил Трикс.

Русалка сердито ударила хвостом по воде.

— Не шути так!

— А я не шучу, — ответил Трикс. — Если я все правильно понял, то такой исход вполне возможен.

Русалка замолчала.

— Мне говорить? — спросил Трикс.

— Говори, — кивнула русалка.

— Магия не только в красоте слов, — сказал Трикс. — И не только в их новизне. Волшебство — оно еще зависит от того, кто говорит... и от того, кто слушает.

— Это общеизвестно, — немного настороженно сказала русалка.

— Так вот, сила вашей магии в том, что вы — русалки. А гномы не умеют колдовать потому, что они — гномы.

— Ты хочешь сказать, что мы самые умные? — восхитилась русалка.

— Ты хочешь сказать, что мы самые глупые? — возмутилась Груя.

— Нет! — Трикс замахал руками. — Вовсе не так! Это не глупость и не ум. Понимаете... волшебство — это баланс.

— Между добром и злом! — кивнула русалка.

— Нет... то есть не только между добром и злом. Еще и между верой и недоверием... воображением и приземленностью... даже подземленностью... Извини, Груя.

Наступила зловещая тишина.

— Для того чтобы волшебство свершилось, надо его представить и в него поверить, — быстро сказал Трикс. — Груя! Вот Расскажи, как устроена твоя мясомолка!

Груя помолчала. Потом кивнула:

— Хорошо. Мясомолка в своей основе имеет широкую трубку, выполненную из бронзы, диаметром в сто зерен... это такая мера длины... и с толщиной стенок в десять зерен. Внутри трубки закреплён шнек, представляющий собой паятивитковую бронзовую спираль, при вращении подающий куски мяса по направлению к четырехлопастному ножу...

— Груя, ты хорошо представляешь себе то, что описываешь? — спросил Трикс.

Гномиха запнулась. Потом кивнула:

— Конечно! Да я же сама мясомолку делала!

— Легко ее сделать? — продолжал допрос Трикс.

— Трудно, — признала Груя. — Очень. Все рассчитать надо хорошо, выточить...

— Так ты веришь, что если произнесешь заклинание, то мясомолка появится из ничего?

Груя задумалась. Потом покачала головой:

— Нет, Трикс. Не верю. Это серьезная и кропотливая работа. Тут надо хорошо все придумать, начертить и тщательно сделать по чертежу.

— В этом-то все и дело, — сказал Трикс. — Вы, гномы, очень умные и способные. Вы живете в подземных глубинах и мастерите удивительные вещи. Вы привыкли взвешивать каждый свой шаг, каждое движение кайла. Вокруг вас — глухие каменные толщи, над вами нависают тяжелые опасные скальные своды, скрытые в земле пузыри газа грозят взрывом, во мраке таятся свирепые чудовища, от влажного воздуха ноют суставы, бороды покрываются перхотью...

Кто-то из гномов всхлипнул.

— Вам ничего и никогда не дается даром, — продолжал Трикс. — Вы можете надеяться только на себя и на своих

товарищей. Магия привлекает вас... но в глубине души вы в нее не верите. Вы слишком ясно представляете себе природу вещей, слишком хорошо понимаете, как трудно сделать их руками, чтобы создавать из ничего.

Груя едва заметно кивнула.

— Но в этом на самом-то деле нет ничего ужасного, — сказал Трикс. — Все живые существа разные. Одни умеют одно, а другие — другое. Это вовсе не значит, что кто-то лучше, а кто-то хуже! Зато — вы умеете творить настоящие чудеса своими руками! Зато — и враждебная магия не может вам повредить, ведь вы в нее не верите. Не пытайтесь перехитрить собственное естество... цените свои сильные стороны, а не переживайте о слабых!

— Спасибо, Умный, — сказала Груя. — Я чувствую, что ты прав.

— Тогда скажи и про нас! — потребовала русалка. — Почему мы умеем колдовать?

Трикс вздохнул:

— Вы живете в воде. Живете в легкости и свободе. И даже более того — от всех опасностей внешнего мира вы укрылись в подземных озерах, где у вас нет никаких врагов и никаких проблем... кроме разве что скуки. Вам ничего не нужно... ну, может быть, кроме рыбки, ведь еду не наколдуюшь... Вы фантазируете легко и свободно, вы верите любому своему слову. Вы не знаете, как на самом деле сделать ту или иную вещь, как разжечь огонь, что такое деньги... Вы просто говорите — и все происходит, потому что себе вы верите безоговорочно.

— Но мы самые великие волшебницы! — сказала русалка. — А наши сестры, которые живут в морях и океанах, умеют наколдовывать только самые простые вещи... бурю, например... или жемчужины...

— Ну да, — кивнул Трикс. — Когда вокруг вас гномы — которые верят каждому вашему слову, вы становитесь вели-

кими волшебницами. Гномы, которые за вас додумают, на что похож столик... или как работает магический шар... Гномы — которые сами не умеют колдовать, но обеспечивают вашу магию!

— Ты врешь, врешь, врешь! — закричала русалка и замала руками. — Мы самые великие волшебницы! Мы сами по себе великие! Мы все на свете можем!

— Потому вы и делаете для гномов все, что они попросят, — продолжил Трикс, не слушая русалку. — Ведь это для вас единственная возможность быть великими волшебницами... правда?

— Неправда! — Русалка от возмущения схватила обкатанный водой камешек и запустила им в Трикса. Но промазала. — А почему тогда научился волшебству Алхазаб? Мы его научили!

— По той же самой причине, по которой получилось волшебство у Халанбери, — ответил Трикс. — Потому что свирепый вождь пустынного племени на самом деле всего лишь большой ребенок. Неученый, не понимающий, как устроен мир... и при этом безоговорочно верящий себе. Только ребенок может поверить, что любое слово становится правдой. Что стоит только захотеть халвы — и она появится...

Халанбери, у которого из рук бесследно исчез кусок халвы, обиженно посмотрел на Трикса.

— Извини, Ага, — сказал Трикс. — Но это правда. Мы, люди, не такие, как гномы, и не такие, как русалки. В нас есть и фантазия, и приземленность. Иногда мы очаровываем себя своими же словами, потому что в каждом человеке до старости живет маленький ребенок. Такие люди и становятся магами. Ну а если человек не верит в себя и в чудеса — то он волшебником никогда не станет. Даже если будет произносить очень красивые слова... они не оживут.

— Значит, ты не сможешь стать таким, как Прозрачный Бог? — спросила русалка.

Трикс покачал головой.

— Нет, не смогу. Я такой, какой я есть. Алхазаб — такой, какой он есть. Он смог научиться вашей магии, потому что увидел, как вы колдуете — и решил, что это очень просто. А его племя — оно ему верит. И потому любая ерунда, которую говорит Алхазаб, получается. Мне надо подумать, что с этим делать.

— А что делать нам? — печально спросила русалка. — Я... я даже не знаю, получится ли у меня теперь колдовать! Когда ты объяснил, как все это устроено...

— Не знаю, — признался Трикс. — Но, наверное, получится. Просто немножко отдохни и успокойся.

— Мы считали, что мы самые великие волшебницы в мире! — воскликнула русалка. — А ты говоришь, что это лишь потому, что мы ко всему относимся несерьезно, будто дети, и потому, что нам верят гномы!

— Ну и что? — пожал плечами Трикс. — Какая разница, как получается волшебство, если оно получается? Да, вы великие волшебницы! Но только вместе с гномами! На самом деле вы нужны друг другу. Вы умеете фантазировать и верить своим словам. Гномы верят вам и понимают, как на самом деле будет выглядеть и работать то, что вы придумываете! Вместе — вы величайшие волшебники! Порознь — просто гномы без магии и русалки, умеющие наколдовывать простые вещи. Так и оставайтесь вместе! Вы же и так живете рядом и хорошо ладите!

Гномихи и русалка удивленно уставились друг на друга.

— А ведь Трикс прав, — сказала Груя. — Мы все время переживали, что не умеем колдовать. Мы зря переживали! Мы умеем! Вместе с вами!

— Но только не надо рассказывать остальным гномам, почему так происходит, — сказала русалка. — А то магия может расстроиться.

— Мы расскажем только Старейшинам, — решила Грюя. — А сами уйдем из города — чтобы случайно не проговориться.

— В настоящий поход? — в восторге воскликнула одна из гномих. — Мы увидим другие города гномов? Мы будем торговать с людьми? Может быть, даже подеремся с эльфами?

Грюя кивнула.

— Давайте уж вначале не с эльфами, а с Прозрачным Богом, — быстро сказал Трикс.

— Мне очень жаль, что наша магия не поможет тебе справиться с Алхазабом, — грустно сказала русалка. — Он не очень плохой человек, иначе мы совсем не стали бы его учить. Но он очень простой. Очень-очень. И если он считает что-то правильным, то вовсе не задумывается о последствиях... — Русалка грустно потупила взгляд. — Но по крайней мере твой маленький друг тоже научился колдовать!

Трикс посмотрел на Халанбери. И обнаружил, что тот с упоением сосет сахарного петушка на палочке. Смутившись, Халанбери быстро спрятал леденец за спину.

— Так ты и впрямь научился магии! — воскликнул Трикс. — Ну... это дает нам некоторые преимущества! Наколдуй... ну, огненный шар!

— Появись огненный шар, жаркий, страшный и кру-
глый! — воскликнул Халанбери, вытягивая руку.

Ничего не произошло.

— Ты сконцентрируйся, — посоветовал Трикс. — Поищи слова посвежее...

— Сейчас... — Халанбери старательно наморщил лоб. Что-то пробормотал. Потом вздохнул: — Я как-то не очень хочу огненных шаров. Они большие и жгутся.

— А леденец — хочешь? — уточнил Трикс.

— Ага! — просиял Халанбери. — И еще сахарную вату... — Он посмотрел на левую руку, в которой внезапно появился огромный пук розовой сахарной ваты. — Получилось!

— Бесспорное доказательство родословной, — сказала Тиана. — Халанбери, ты весь в князя Дилона, нашего прапрадеда! Он тоже умел наколдовывать только сласти!

— Хочешь орешков в глазури из йогурта? — спросил Халанбери.

Дождаться, пока гномы соберут боевой скирд, ребята не стали. Всем известно, что сбор скирда дело долгое. Вначале гномы должны почистить доспехи и наточить кирки — на это уходит целый день. На другой день гномы прощаются с родственниками и друзьями, а вечером и ночью пьют пиво. Весь следующий день гномы грустят и отдыхают. И наконец, на четвертый день с утра гномий скирд (не менее сорока и не более семидесяти бород, ведь гномов всегда считают по бородам) выступает в поход.

— Через пять дней, к вечеру, мы с друзьями попытаемся победить Прозрачного Бога в магическом поединке, — рассказывал Трикс. — У нас это не получится. Всех моих друзей Алхазаб возьмет в плен, а меня забросит в пустыню.

— В плен? — скептически спросил Понедельник. — Алхазаб обычно пленных не берет. Мне даже не хочется говорить про то, что он с пленными делает...

— Я знаю, — кивнул Трикс. — Поэтому нам надо напасть на него сразу после того, как он телепортирует меня с поля боя, и до того, как он начнет пытать моих друзей.

— Значит, скирд должен затаиться где-то на поле брани, — деловито сказал Среда. — А то пока мы будем колотить кочевников, пробираясь поближе, уйдет немало времени.

Трикс склонился над большой картой, которую принесли ему гномы, и задумчиво ткнул пальцем в бумагу.

— Вот... Здесь высохшее озерцо... тут растут две пальмы, они ограничивают сцену... Зрители расселись в котловине...

— Интересная инженерная задача, — сказал задумчиво Четверг. — Но озеро упрощает ситуацию.

— Оно высохло... — вздохнул Трикс.

— Ничего страшного. Все равно подземные воды, питавшие озеро, проходят где-то рядом. Мы попросим наших добрых покровительниц... хм... наших сестер по магии, русалок. Они доставят скирд под дно озера. Там мы устроим временную базу, пророем несколько ходов к поверхности и в нужный момент вырвемся из-под земли!

— Вместе с големами? — на всякий случай уточнил Трикс.

— Конечно. Первая и третья оперативно-тактическая группа големов уже приданы скирду.

— А вы успеете? — спросил Трикс. — У вас будет всего два дня и одна ночь...

— Успеем, — кивнул Воскресенье. — Ибо мы дали слово, а слово гнома — тверже гранита.

Успокоенный Трикс кивнул. И сказал:

— Я тем временем...

— Мы тем временем! — поправила его Тиана.

— Мы тем временем замаскируемся и проберемся в лагерь кочевников, — решил Трикс. — Скажем, что мы пришли служить Алхазабу. Я так понимаю, что к нему со всего Самаршана приходят, и взрослые, и дети, и мужчины, и женщины. Мы постараемся быть поближе к Прозрачному Богу, и когда он отправит меня, прежнего, в пустыню...

Трикс задумался.

— Ты нанесешь ему коварный удар ассасина? — предположил Вторник.

— Обрушишь на него ужасающее заклинание? — спросил Пятница.

— Вызовешь на честный поединок? — высказал догадку Суббота.

— Пока еще не знаю, — признался Трикс. — Но у меня еще есть время, чтобы над этим подумать. Это должно быть

что-то неожиданное и смертоносное... что-то, пострашнее боевой метлы или огненного шара.

— Ты учти, — смущенно сказал Понедельник. — Скирд готов умереть в бою, и големы не знают сомнений. Если надо — мы разгоним кочевников до самых краев пустыни. Если потребуется — вступим в бой с магом. Но если волшебство Прозрачного Бога и впрямь так сильно, как говорят, то даже мы, гномы, окажемся ему подвержены.

— Это означает, что вы должны будете разогнать охрану Алхазаба и не дать кочевникам наброситься на меня, — кивнул Трикс. — А с Прозрачным Богом я должен справиться сам.

Старейшины закивали.

— Я знаю, — сказал Трикс. — Не беспокойтесь, пожалуйста. Я не стану требовать от вас невыполнимого.

— Невыполнимого вообще нельзя требовать, — сказал Суббота. — Ни от кого.

— Неправда, — ответил Трикс. — Невыполнимое можно требовать, но только от себя.

Путь на поверхность оказался куда проще, чем спуск. Груя с подругами провела ребят в дальний конец пещеры, где в скальную породу была врезана массивная стальная дверь. Огромные засовы держали ее закрытой.

— Это один из выходов на поверхность, — сказала Груя. — Он не использовался уже тысячу лет... но механизм должен быть в порядке.

Она указала на высеченную в камне надпись:

КЛЕТЬ ГРУЗО-ПАССАЖИРСКАЯ. Вместимость — 2000 самородков или 20 гномов в боевом облачении. Не использовать гномам моложе 150 лет без разрешения взрослых! При входе в клеть вначале войдите сами, затем вкатите тележки, при выходе — вначале выкатите тележки, потом выходите сами!

НЕ ДОПУСКАТЬ ЗАЩЕМЛЕНИЯ БОРОД, ОПАСНО ДЛЯ
ЖИЗНИ И ДОСТОИНСТВА!

За повреждение клетки — три года рудничных работ!

Срок проверки — один раз в 1500 лет.

Берегите клетки! Клеть сохраняет ваше здоровье!

— А ключ? — спросил Трикс.

Вместо ответа Груя наклонилась и приподняла изящную терракотовую плиту, установленную перед дверью. Под плитой лежал длинный ключ сложной формы.

— Встретимся наверху, — открывая дверь, сказала Груя. — Мы вместе сразимся... и вместе победим!

— Победим! — звякнув кайлами о броню, поддержали ее подруги.

— Спасибо, Груя, — сказал Трикс.

— Спасибо и вам, — кивнула Груя. — Тебе, Умный, тебе, Учтивый, и тебе, Иногда Носящая Белое Платье! Я всегда мечтала увидеть настоящее Белое Платье!

С этими словами Груя привстала на цыпочки и крепко поцеловала Трикса в подбородок. Трикс смутился, но, к счастью, Груя тут же поцеловала и Тиану (та даже наклонилась, чтобы гномихе было удобнее), и Халанбери.

— Идите, — вытирая выступившие на глазах слезы, сказала Груя. — Идите, а то я что-то расчувствовалась...

Ребята смущенно вошли в дверь. За ней и впрямь оказалась прочная просторная клеть — только потолок был низковат. На стене медленно, с шипением разгорался газовый фонарь. Возле двери торчали две рукоятки, над одной было написано «ГОРОД», над другой «ПОВЕРХНОСТЬ». Рукоятки почему-то были закопченные, будто какой-то хулиган жег их спичками.

— Мы обязательно победим! — пообещал Трикс, у которого тоже защипало глаза — то ли от волнения, то ли от под-

текающего из лампы газа. И твердо нажал на рукоять «ПОВЕРХНОСТЬ».

С лязганьем сошлись решетчатые дверцы клетки. Закрылась железная дверь, за которой толпились гномы. Где-то зажурчала вода, заскрипели шкивы, загремели зубчатые колеса.

И клеть поползла вверх.

2

К вечеру того же дня, едва начало смеркаться, к шатру бедного пастуха Хамуда (любой пастух, у которого меньше ста овец и пяти верблюдов, в пустыне считается бедным — ведь прокормить двух-трех жен и десяток детей не так-то просто) пришли из пустыни три удивительных человека. Один был стройным юношей с добрыми, но серьезными глазами, какие бывают у людей, перенесших не по возрасту много приключений, но вышедших из них достойно и успешно. Другой юноша был хрупок, белокур и так симпатичен, что Хамуд посчитал бы его девушкой, не будь он одет в мужскую одежду, что для девушки немыслимо. «Ай-яй-яй, — подумал Хамуд, с огорчением глядя на юношу. — А девкой был бы краше!» Третий был совсем еще мальчишкой и потому внимания не заслуживал. Однако Хамуд, как подобает настоящему кочевнику, к шатру которого пришли незнакомцы, вежливо поклонился гостям, велел женам принести чистой воды, дочерям — кислого забродившего верблюжьего молока, шубата, а сыновьям — зарезать овцу, ту, черную, которая два дня назад подвернула ногу, наступив в сусличью нору, и все никак не могла оправиться. На вид неожиданные гости были светлокожими и слишком уж чистенькими, но говорили на са-

маршанском так хорошо, что никак не могли быть чужестранцами. Только мальчишка больше молчал, иногда бормоча что-то невразумительное или жизнерадостно говоря «Ага!» Но это разъяснилось легко — по словам юноши с добрыми глазами, в детстве мальчик упал вниз головой с верблюда и с тех пор немного не в себе. Хамуд, прекрасно понимающий, что сумасшедшие угодны всевышнему — ведь не зря же тот милосердно лишил их разума, избавив от тягот земного существования, посочувствовал мальчику и поручил его заботам младших сыновей. Поскольку у бедного больного ребенка в карманах оказался просто нескончаемый запас халвы, жженого сахара и еще каких-то незнакомых лакомств, то вскоре за ним табуном ходили все дети Хамуда, а временами к ним присоединялась даже младшая жена.

Сам же Хамуд, как подобает хозяину шатра (пусть даже маленького и бедного), сел с юношами у костра и, в ожидании пока старшая жена приготовит плов, попивал шубат и разговаривал с гостями.

Оказалось, что родом юноши из далеких мест. Жили они вблизи соляных озер, дни и ночи помогали родителям добывать соль — что в тех краях делается очень затейливо. Каждый день соледелы купаются в соляных озерах, потом сохнут на солнце, а осевшую на коже соль соскребают друг с друга костяными скребками. Работа эта нетрудная, но соль щиплет кожу и осветляет ее — отчего они и выглядят такими бледными.

Посочувствовав соледелам, Хамуд подлил им еще шубата и спросил, что же занесло юношей в такую даль. Как он и ожидал, старший юноша — звали его Трикс, воздел руки к небу и воскликнул, что даже до их краев дошла слава Алхазаба, Прозрачного Бога. Вот потому он со своим лучшим другом Тианом не утерпели, испросили разрешения у родителей, прихватили с собой младшего брата Тиана — дурачка Агу и отправились на поиски Алхазаба.

Хамуд покивал, потом вздохнул и велел средней жене принести кальян. Гости сидели у костра и ждали его ответа.

— Не надо врать старому Хамуду, — со вздохом сказал пастух. — Хамуд не путешествовал к краю света, Хамуд не учился у мудрецов. Но Хамуд знает сердца людей и Хамуд знает жизнь.

Юноши смущенно переглянулись.

— Хорошо, я скажу тебе правду... — начал Трикс. — Мы...

— Вы не спрашивали разрешения у своих досточтимых родителей, — кивнул Хамуд. — Вы захотели славы и приключений, богатства и уважения. Тайком покинули вы шатры своих отцов, а дурачок просто увязался за вами.

— А... — пробормотал красавчик Тиан.

— Молчите, молчите... — махнул рукой Хамуд. — Отцов надо чтить и слушаться каждого их слова. Но что случилось бы с миром, если бы дети повторяли судьбу родителей, а не пытались добиться большего? Не бойтесь, Хамуд — пастух с передовыми взглядами! Когда я был в ваших годах, я тоже спорил с родителями. И хотя они всю жизнь водили отары с востока на запад, с запада на север, а с севера снова на восток, я решил иначе. Я вожу овец с востока на юг, с юга на запад, а с запада на восток. Потому что каждый человек рожден для того, чтобы принести в мир что-то новое!

Гости, открыв рты, слушали Хамуда.

— Алхазаб — могучий воин! — продолжал Хамуд. — Лев пустыни, орел гор, тигр джунглей, акула морей и крокодил болот! Алхазаб — великий волшебник. От слов Алхазаба дрожат небеса, тускнеет солнце и закипают реки. Алхазаб — Прозрачный Бог. Честь служить Алхазабу!

Юноши покивали.

— Мой старший сын тоже служит в его войске, — гордо сказал Хамуд. — Два месяца назад он отправился в лагерь Прозрачного Бога и за это время успел покрыть себя славой

и заслужить всеобщее почтение. Два дня назад ко мне заезжал фуражир Алхазаба. Так и сказал — твой сын хорошо сражается, все его любят и ценят. Я передал войскам Прозрачного Бога пять жирных баранов!

— Как легко должно быть на сердце у отца такого отважного сына! — похвалил Хамуда Трикс.

Хамуд кивнул и сказал:

— Идите в лагерь Прозрачного Бога и найдите там Амаля, сына Хамуда. Пусть он устроит вас на хорошее место в войсках Алхазаба — да склонится перед ним вселенная!

— Спасибо тебе, мудрый Хамуд, пастух передовых взглядов! — нежным голосом произнес Тиан. — Мы воспользуемся любезной помощью твоего героического сына!

Хамуд ласково похлопал юношу по плечу и спросил:

— Скажи, а нет ли у тебя сестры, мечтающей о простой кочевой жизни среди бескрайних каменистых степей и бесплодных песчаных пустынь, под жарким светом солнца и ослепительным мерцанием звезд, в теплой семейной обстановке, вдали от бесчисленных соблазнов деревенской жизни и утомительного труда солескребов?

— Тяжело тебя огорчать, но у меня нет сестры, — признался Тиан.

— Нет в мире совершенства... — вздохнул Хамуд. К счастью, тут его старшая жена принесла блюдо с вареной бараниной и пиалы с кусками пресного теста в бульоне — это всегда утешало доброго пастуха.

На следующий день, рано утром, Хамуд сам проводил гостей в дорогу, снабдив их твердым соленым овечьим сыром, водой и даже несколькими кусками мяса.

— Вот в том направлении лежит оазис Джем-был, куда направляется войско Алхазаба, — пояснил Хамуд. — Дня за три-четыре вы доберетесь до него, если удача будет к вам благодушна.

— Понятно, — сказал Трикс и зачем-то потрогал метлу, которую нес за спиной. Хамуда очень удивляло, зачем юноши несут с собой метлы, полезные в домах, но совершенно бесполезные в пустыне, однако вежливость не позволяла задать такой вопрос. Впрочем, поразмыслив, Хамуд понял, что эти метлы юноши захватили из дома как память о своих матерях, и был даже тронут такой сентиментальностью.

— Сына зовут Амаль, — еще раз напомнил Хамуд. — Передавайте ему привет!

— Обязательно, — пообещал Тиан. — Спасибо тебе, милый Хамуд!

Пастух крикнул и побрел обратно к шатру. На полпути он вдруг хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Ну конечно! Я забыл спросить, нет ли у него двоюродной сестры!

С этими словами он побежал обратно — но его гостей уже и след простыл. Только чертили песок две неглубокие линии, будто кто-то бежал, оседлав палку, как играющий в лошадки ребенок, а потом подпрыгнул и... и что?

Хамуд задумался. Но от шатра вкусно пахло утренними лепешками, средняя жена доила верблюдицу и молоко звонко падало в ведерко, а дети, задорно перекликаясь, собирали кизяк для вечернего костра. Хамуд махнул рукой и пошел к своим любимым женам и детям.

Однако еще долго после этого, беря из мешочка щепотку соли, чтобы посыпать вареное мясо, пастух вздыхал о чем-то своем...

Хотя полеты на метле не нравились ни Триксу, ни Тиане, но другого выхода не было. Не идти же и впрямь по пескам четыре дня! Так что, крепко вцепившись в рукоять, Трикс неся над дюнами — невысоко, метрах в трех, чтобы если уж доведется упасть, то бояться пришлось бы недолго. Рядом на своей метле летела Тиана, усадив за спиной Халанбери. То ли

сидеть по-дамски было удобнее, то ли у нее оказалось лучшее чувство равновесия, чем у Трикса, но она ничуть не отставала, а временами даже залетала вперед — несмотря на лишний груз.

Летели они почти до полудня — пока солнце не стало жарить так невыносимо, что пришлось остановиться, после чего Трикс, немного постаравшись, наколдовал приличный тент и большую подстилку из тростника, чтобы не так жарил раскаленный песок. Под тентом было прохладнее и все облегченно растянулись на циновке, давая отдых напряженному телу. Летать на метлах было ничуть не легче, чем ходить пешком!

Потом выпили воды — горячей, уже чуть-чуть затхлой. Даже такой воды было мало, хотелось пить ее и пить — но Трикс убрал полупустой бурдюк.

— Бесполезно, — сказал он. — Если много выпить, то вспотеешь и вся вода уйдет.

— Я хочу вспотеть! — захныкал Халанбери.

— Потей, — ответил непреклонный Трикс.

— Ну я пить хочу! — заканючил мальчишка. — Я очень-очень пить хочу!

— Это потому что ты все время лопал халву и пастилу, пока мы летели! — нахмурился Трикс. — Что, думаешь, я не слышал?

— Ну, лопал... — пробормотал Халанбери. — Ага... Так вкусно же... Оно ведь все равно наколдованное, ни вреда, ни пользы, только пить хочется...

— Вот именно! А пить хочется впустую, без причины. Так что потерпишь.

Халанбери совсем загрустил. Посмотрел в поисках утешения на сестру — но та поджала губы и отвернулась. Тогда Халанбери пробормотал себе под нос:

— Стану могучим волшебником, наколдую себе ведро воды... а Триксу — бородавку на носу!

— Никем ты не станешь и ничего ты не наколдуешь, — безжалостно сказал Трикс.

— Почему это? Не забыл — меня сам Щавель к вам привез! Потому что у меня талант! Потому что я будущий могучий волшебник! — вскинулся Халанбери.

— Никакой ты не волшебник! — отрезал Трикс.

— Ага! А кто я тогда? — Халанбери взмахнул руками и выкрикнул: — Нуга и карамель!

— И что? — презрительно сказал Трикс, глядя на появившиеся в руках Халанбери куски молочно-белой нуги и кремово-желтой карамели. — Волшебник умеет все! Что-то лучше, что-то хуже, но все. А ты умеешь только сласти наколдовывать. Такие, как ты, называются чудадеями.

— Чудадеями? — поразился Халанбери.

— Именно. Чудадей — волшебник, который умеет делать только что-то одно. И ладно бы полезное, дождь, к примеру, вызывать, или огненные камни на врага обрушивать. А ты делаешь волшебную пищу! Она не насыщает, понимаешь? Толка нет, одна видимость!

— Но Щавель же меня позвал! — На глаза Халанбери вернулись слезы. — Я же... я же вам помог! Я прошел тем же путем, что Прозрачный Бог...

Нуга и карамель в его руках затрепетали и растаяли.

Триксу стало стыдно. Он открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь утешительное — и тут его осенило!

— Халанбери... — Трикс вскочил и крепко обнял мальчишку. — Халанбери! Ты молодец! Ты умница! Щавель не зря тебя к нам привел!

— Да? — Слезы у Халанбери мгновенно высохли.

— Да! — завопил Трикс. — Кажется, у меня есть план! Хороший план!

От избытка чувств он даже выдал Халанбери еще одну порцию воды и немножко попил сам. После чего вновь растянулся на циновке, напряженно обдумывая свою идею.

— Трикс, ты не хочешь мне рассказать, что придумал? — возмутилась Тиана.

— Нет, извини... — задумчиво сказал Трикс.

— Что?

Трикс вздохнул:

— Тиана, мне предстоит сразиться с магом, равным по силе тысяче драконов. И у меня есть одна-единственная идея, как его победить. И для того, чтобы идея сработала, надо, чтобы в требуемый момент мной восхитились и ужаснулись. Кто будет мной восхищаться? Ты и Халанбери. Так что лучше вы все узнаете и восхититесь в свое время!

— А если мы не восхитимся, а решим, что твоя идея — полная ерунда? — спросила Тиана.

— Тогда все будет очень плохо, — признал Трикс. — Но я буду очень стараться!

Тиана надулась, но спорить не стала. Кажется, мы уже говорили о том, что она была удивительно умная девушка?

— Только есть одна проблема, — задумчиво сказал Трикс. — Колдовать мне придется на самаршанском, а Халанбери этого языка не знает. Придется... придется его научить. Магически, конечно.

— Может, не стоит? — засомневалась Тиана. — Если он ляпнет что-нибудь не то?

— Выхода нет, — вздохнул Трикс. — Халанбери, ты понимаешь, что мы притворяемся простыми самаршанцами издалика? Ты не будешь ничего рассказывать о нас?

— Нет, конечно!

— Тогда... — Трикс достал свой Айпод и полистал в поисках нужного заклинания. Щавель в свое время записал ему очень хорошее заклинание «Розовый камень», которое помогало выучить любой язык. Халанбери терпеливо ждал. — Вот оно... — Трикс открыл заклинательную книгу на нужной странице, откашлялся, после чего произнес: — Мальчик.

Девочка. Мужчина. Женщина. Мальчик идет. Мужчина стоит. Женщина готовит. Девочка играет. Что ты делаешь? Я играю. Что у тебя есть? У меня есть яблоко.

— Есть яблоко? — обрадовался Халанбери. — Что же ты молчал?

Трикс поморщился и продолжил:

— Раз. Два. Три. Роза красная. Небо голубое. Трава зеленая. Женщины плывут. Мужчина идет. Женщина пьет воду. Мужчина ест рис. Три. Два. Раз.

Он закрыл Айпод.

— Я теперь знаю самаршанский? — восхищенно спросил Халанбери.

— Не знаю, — признался Трикс. — Ты на всякий случай старайся больше молчать. Но Щавель очень хвалил это заклинание...

Халанбери некоторое время расхаживал, произнося вслух:

— Женщина ест рис. Мужчина бежит. Один мальчик стоит. Две девочки гуляют...

К сожалению, понять, говорит ли он на самаршанском или на языке королевства, было решительно невозможно. Это обычная беда, когда учишь язык с помощью волшебства — ты сам не понимаешь, на каком языке разговариваешь. Есть, конечно, хороший способ — попытаться сказать слово, которое в одном языке есть, а в другом нет. Например, если тебе удалось сказать одним словом «пиво, сваренное осенью из хмеля нового урожая», то ты говоришь на языке королевства, а если ты одним словом назвал «верблюда-самца, старше года, но моложе трех, светлой масти и с коротким хвостом» — то ты говоришь на самаршанском.

Но Трикс, увы, этого способа не знал.

Когда солнце склонилось настолько, что его лучи заползли под тент, Трикс решительно поднялся. Придумал ли он

свой план до конца, или просто решил, что ждать больше не имеет смысла, — так и не было понятно.

— В путь! — сказал он.

Поздним вечером того же дня Амаль, сын пастуха Хамуда, собирал по окраинам оазиса Джем-был кизяк.

Это только изнеженный городской житель считает, что оставшаяся за лошадьё «лепешка» никуда уже не годна. Это только северный селянин нахмурится и скажет, что как удобрение кизяк никуда не годится, легко сожжет нежные ростки и отравит почву.

О, настоящий кочевник знает цену своей лошади!

Ее быстрым ногам и доброму взгляду, ее мудрому выбору дороги и чутью на воду, ее крепкой шкуре и прочному волосу, ее жирному молоку — и вкусному мясу.

Ну и, конечно же, кизяку.

Ведь ночью в пустыне холодно, а оброненная утром лепешка к вечеру высыхает и превращается в прекрасное, хотя и немножко запашистое, топливо. У горящего кизяка можно греться, над тлеющим кизяком можно готовить еду (ту же конину, к примеру). Ну а свежий кизяк хорошо прикладывать к ушибам и синякам...

Амаль вздохнул и потер ноющую скулу. Суровые воины Алхазаба были уверены, что чем больше затрещин достанется новобранцу, тем быстрее он станет достойным звания защитника пустыни.

Добрый Хамуд не знал, что первое время новые воины Алхазаба никак не могут прославиться и хорошо сражаться, ибо в бой их никто не пускает (да и какие сражения могут быть в армии великого Прозрачного Бога, перед которым трепещут враги и преклоняются друзья?). Первые два месяца воины собирают кизяк для нужд армии (поэтому их называют «запахи»), следующие полгода просто помогают во всяких нуждах (и выматываются настолько, что их зовут «духи»),

потом еще полгода учатся владеть оружием (и называют их уже довольно уважительно — «молодые»), потом получают право зачерпывать из общего котла еду, а не соскребать остатки со стенок (и зовутся потому «черпаками»), ну и в итоге их начинают уважительно звать «ага», то есть «дедушка».

Амаль как раз заканчивал свой срок службы «запахом» и готовился стать «духом». Не то чтобы он ожидал от этого каких-то разительных перемен в своей жизни — но все-таки перспектива появлялась...

Этим вечером Амалю везло. Он нашел уже четыре прекрасные, большие, сухие лошадиные лепешки. Если найдет еще одну — то костер будет жаркий и его, наверное, не станут сильно колотить.

— Ничего, ничего... — шептал Амаль. — Вот пройдет год, и никто уже меня не станет бить. Сам всех поколочу!

— Эй, запах! — раздался вдруг в темноте голос Шамада, старшего в подразделении, куда был отправлен Амаль. Шамад был широк в плечах, быстр в движениях и скор на расправу. Был он к тому же дедушкой, и исполнилось ему уже двадцать лет.

— Здесь я! — торопливо ответил Амаль. — Слушаюсь!

— Тебя тут ищут... — с каким-то смущением в голосе сказал Шамад. — От отца твоего пришли...

В первое мгновение Амалю почудилось, что в армию Ал-хазаба мог прийти кто-нибудь из его братьев. Потом он понял, что тех, кто постарше, отец не отпустит — трудно будет пасти отару, а младшим еще рано искать воинской славы. С тревогой в сердце он заспешил на голос Шамада.

У костра, разведенного еще одним молодым воином, Амаль увидел всех своих боевых товарищей в количестве одиннадцати человек. Все они были непривычно тихи. А рядом с ними стояла странная троица — двое совсем молодых парней и тощий мальчишка, которому никак уж не светило попасть в солдаты. Вся троица была светлокожей, будто жители королевства, хоть и помотававшиеся под жарким солнцем,

и с довольно мирными лицами. Зато старшие ребята были одеты в облегающие черные одеяния, чем-то напоминающие боевую одежду зловещих ассасинов. Впрочем, всем известно, что ассасины давным-давно не появляются среди людей!

— К тебе тут пришли, — сказал Шамад. Выглядел он как-то очень странно — лицо его было помято и исцарапано, словно... ну, словно, к примеру, его хорошенько поколотили прочной метлой, вроде тех, что были за плечами у старших гостей. Но кто мог бы поколотить силача Шамада, прекрасно владевшего острым кривым клинком, Амаль даже представить себе не мог.

Во всяком случае это никак не смогли бы сделать двое миролюбивых пареньков и мелкий мальчишка. К тому же лица и руки были исцарапаны у всех воинов, а это совершенно неслыханно, чтобы двое юношей поколотили одиннадцать человек!

— Здравствуй, Амаль! — воскликнул один из парней, тот, что покрепче и повыше. Подошел к Амалю и, не гнушаясь запаха, крепко его обнял. — Меня зовут Три, я из племени соледелов. Это мой друг Ти и его младший братец, блаженный Ага. Твой отец, любезнейший Хамуд, у которого мы гостили, передает тебе привет, вот этот вот соленый сыр и интересуется, как твои дела!

— У меня все хорошо, — сглотнув слюну, ответил Амаль. — Как чувствует себя папа, мамы, братья и сестры?

— Замечательно, — порадовал Амалья Трикс.

— А как чувствуют себя верблюды и овцы? — продолжал Амаль.

— Они хорошо пасутся и доятся, — продолжил Трикс. — Твой уважаемый отец рассказал нам, что ты достиг большого уважения в войсках славного Алхазаба и можешь поспособствовать нам в том же...

Кто-то из сидящих у костра воинов нервно хихикнул. Юноша по имени Трикс нахмурился и посмотрел на Шамада.

Шамад покрылся каплями пота и посмотрел на хихикнувшего воина. Тот закрыл голову руками и пригнулся.

— Все вы любите славного Амаля, сына достойного Хамуда, — нежным мелодичным голосом сказал второй юноша. — Ведь верно?

— Все мы любим Амаля! — хором ответили сидящие у костра.

— Мы еще зайдем и проверим, — небрежно обронил Трикс. — Вы же все воины славного Алхазаба, верно?

— Верно! — хором взревели воины.

— И вы никогда не обижаете младших?

— Никогда!

— А если только кому-то из вас придет в голову обидеть того из друзей, кто выглядит младше и слабее, кто не может постоять за себя, кто чем-то вас насмешил... незнанием ли воинских приемов, нежными чертами лица или метлой за плечами... — говоря, Трикс стал прохаживаться вокруг костра, заложив руки за спину, — ...то чудовищные угрызания совести, немедленно проснувшись в вашей душе, начнут грызть вас изнутри — причиняя ужасную боль в затылке, вызывая тоску и желание раскаться!

— А! — взвыл один из воинов, хватаясь за голову. — Нет, нет, нет! Я никогда, никогда не обижу своих боевых товарищей! Нет, нет, нет...

— И это правильно! — одобрил Трикс, кивая. — Итак. На чем мы остановились?

— На соблюдении порядка и дисциплины, неустанном поддержании в подразделении товарищеской атмосферы, независимо от срока службы, родовитости и физической силы! — повторно вспотев, воскликнул Шамад.

— Дело говоришь, — кивнул Трикс. — Будешь старшим в данном подразделении.

— Я и так... — начал было Шамад и осекся. — Слушаюсь!

— Теперь вернемся к основному вопросу, — продолжил Трикс. — Мы, неумелые и неопытные воины, желаем послужить великому Алхазабу...

— Слава Алхазабу, Прозрачному Богу! — внезапно рывкнули хором солдаты. Трикс запнулся, но продолжил:

— И мы так сильно рвемся ему послужить, что у нас просто сил нет терпеть долгие годы обучения. Хочется поскорее стать достойнейшими из достойных. Как это сделать? Мнения есть?

Наступила тишина. Воины сидели вокруг костра, почесывали царапины и разминали ушибы, вздыхали и морщили лоб, но никто не проронил ни слова. Сильнее всех морщил лоб Шамад, даже стало слышно, как скрипят от натуги могучие кости его черепа, но и он ничего не мог сказать.

— Дозволено ли будет мне высказать одну глупую идею? — робко спросил Амаль.

— Конечно! — оживился Трикс.

— Завтра днем, по повелению могучего Алхазаба, состоятся традиционные ежемесячные бои между желающими того воинами. Победитель будет принят в число Фаворитов, Стергущих Бога.

— Куда-куда принят? — не понял Трикс.

— Ну, раньше их называли Гвардией Публичного Устрашения, а потом Кругом Гарантированной Бдительности. Это личная охрана Прозрачного Бога.

— Хорошая традиция! — обрадовался Трикс.

— Поскольку Прозрачный Бог — самый сильный в мире волшебник, то он не нуждается в магической защите, — осторожно добавил Амаль. — И на состязании Алхазаб лично следит за тем, чтобы бои шли без всякой магии.

Трикс кивнул. Потом уточнил:

— А каким оружием можно биться?

— Любым, — ответил Амаль.

— И это тоже — хорошая традиция! — улыбнулся Трикс.

* * *

...Когда большая армия стоит на привале в пустыне, то в полдень мало кто высовывается из шатров. Уныло бродят патрули, закутанные с ног до головы в белые одежды (только глупые северяне на жаре пытаются раздеться, жители юга знают, что одежда защищает не только от холода, но и от жары). Бредут по своим делам посыльные (именно в самое пекло каждому командиру приходит в голову мысль: а не спросить ли у другого командира, как тому нынешняя жара?). Поят верблюдов и коней молодые воины (которых только и отряжают на такую каторжную работу).

Но в этот день лагерь Алхазаба наслаждался прохладой. Рано утром Прозрачный Бог вышел из своего шатра, потянулся, посмотрел на небо и сообщил, что сейчас появятся облака. Минут через пять откуда-то со стороны моря примчались тучи. Неведомая сила подхватила облака над горячими волнами, сбила в кучу и с дикой скоростью дотащила до пустыни. Если бы облака могли думать и говорить, они бы искренне возмутились тому, что им суждено бесследно растаять над пустыней, повинаясь воле могучего мага, а не прожить свою короткую облачную жизнь в привычной обстановке.

К счастью, облака — это всего лишь мельчайшие капли воды и льда в воздухе, поэтому они не могли ни думать, ни говорить, ни возмущаться поведением Прозрачного Бога. Они могли лишь прилететь и зависнуть над оазисом Джембыл, медленно испаряясь под лучами солнца и защищая воинов Алхазаба от зноя.

Не то чтобы Алхазаб считал необходимым обеспечить прохладу тем воинам, которые будут соревноваться за право его охранять. Если кто-то из них не выдержит зноя и упадет замертво — то он сам виноват. Но будучи человеком хоть и простым, но неглупым, Алхазаб прекрасно понимал, что

сотня-другая зрителей, погибших на массовом мероприятии, никак не способствует укреплению авторитета вождя. А вот вовремя призванные или разогнанные облака — наоборот.

Поэтому над оазисом Джем-был скопились совершенно немыслимые в пустыне тучи, а собравшиеся поглядеть на потеху зрители наслаждались прохладой — или зябко кутались в бурнусы, в зависимости от того, из какой части пустыни они явились на службу Прозрачному Богу. На арену, которой служило дно высохшего озерца, тем временем собирались бойцы.

Первым был воин по прозвищу Тарантул. Молодой, хрупкий на вид, он с детства закалял себя укусами ядовитых пауков, в результате чего приобрел потрясающую гибкость, стойкость к ядам и полную нечувствительность к боли. Одет он был в кожаную броню синих и красных цветов. Сражаться предпочитал двумя длинными веревками, на концах которых были закреплены тяжелые шипастые шары.

Вторым вышел мрачный крепкий горец, которого все звали Прыгучий Мыш. Говорили, что свое мастерство он отточил, наблюдая за тушканчиками (из чьих бархатистых шкурок и было сшито его черное одеяние). Больше всего он любил рукопашный бой, но также замечательно кидался камнями и стрелял из пращи.

Третий воин, по слухам, был бывшим рыцарем из королевства, сошедшим с ума от жары и навсегда оставшимся в пустыне. Он так и ходил в железной броне, которую снимал крайне редко — только если его верблюд не выдерживал запаха и начинал брыкаться. Но уж свой шлем Железноголовый, как его называли, не снимал никогда.

Четвертым был юноша неведомого происхождения, найденный во младенчестве лежащим в яме поблизости от какого-то мелкого стойбища. Ходил он всегда в красном плаще, в сражении тоже предпочитал рукопашную, а называть себя просил Обычным Человеком.

Пятый был мрачным неразговорчивым дикарем, никогда не брившимся и не стригшимся, одевавшимся в лохмотья и дерущимся страшными железными перчатками, из которых торчали острые лезвия. За сильный аппетит он был прозван Обжорой.

Шестой, которого звали Капитаном, одевался в красно-синюю кожаную броню, а сражался круглым острым щитом, годным и для защиты от ударов, и для метания во врага.

Вот такими были прославленные воины, претендовавшие на место среди Фаворитов, Стережущих Бога!

И когда к ним на арену вышли двое подростков, хоть и одетых в черные одежды, будто прославленные в легендах ассасины, но вооруженные почему-то лишь метлами, дружный хохот потряс оазис. Смеялись молодые солдаты, смеялись старые опытные воины, смеялись военачальники и приближенные Прозрачного Бога.

Даже сам Алхазаб позволил себе улыбнуться.

— Уйдите достойно, дети, — негромко сказал Обычный Человек. — Сделайте вид, что вышли подмести арену, и уходите. Если вас случайно покалечат, то будет очень обидно.

— Мы вышли сражаться за право быть в охране Прозрачного Бога! — гордо ответил юноша постарше. — Меня зовут Три, а моего друга — Ти. Мы воины и вправе сражаться на арене!

— Здесь место для настоящих героев, а не для детей, — попытался урезонить их Тарантул. Он и сам был немногим старше самоуверенных юнцов, но пользовался заслуженным уважением товарищей.

— Тогда ты можешь уйти! — звонким голосом ответил второй юноша.

После подобного оскорбления даже добрый Тарантул оставил всякие попытки урезонить юнцов. Железноголовый тяжело вздохнул под своим шлемом и сказал:

— Эх... молодежь...

Раздался рев трубы — наступало время для схватки.

И в этот миг Алхазаб поднял руку. Голос его, усиленный волшебством, разнесся над всем оазисом:

— Вначале пусть сразятся эти смелые дети. Один из них выйдет на бой с Тарантулом, другой начнет поединок с Обычным Человеком. И... надо быть снисходительными к дерзости юных.

Тарантул и Обычный Человек склонили головы. Приказ Алхазаба был понятен — дать юнцам трепку, но не убивать их до смерти. По рядам кочевников прокатился одобрительный гомон — доброта Прозрачного Бога тронула даже суровые сердца воинов пустыни.

Трикс и Тиана переглянулись.

— Я беру на себя этого, в красном и синем, — сказал Трикс.

— Так они оба в красном и синем, — заметила Тиана.

— Я того, который в плаще, — уточнил Трикс.

— Тогда я того, который с веревками, — кивнула Тиана.

Два прославленных воина неторопливо приближались к ребятам. Неожиданно, когда их разделял еще добрый десяток шагов, Тарантул подпрыгнул и метнул вперед свои шипастые шары. Метил он не в самих ребят (такой удар запросто бы убил любого), а чуть мимо, чтобы потом резким рывком обмотать их веревками будто паутиной и повалить на песок. Сердце у Тарантула было доброе, и он по возможности предпочитал связать врага и отдать его в руки палача, а не убивать самостоятельно.

Но в этот раз у Тарантула что-то не заладилось!

Ребята дружно вскинули метлы и перехватили веревки в воздухе. Рывок — упор — и Тарантул с удивлением понял, что это он летит лицом вперед, повинувшись натянувшимся веревкам!

Выпустив свое оружие, Тарантул перекатился по песку и, уже сражаясь в полную силу, выхватил два пузырька с клеем,

добытым из вареных пауков. Один бросок — и едкая липкая жидкость зальет глаза наглым детям!

Но метла в руках Трикса резко повернулась, и выбила пузырек прямо в лицо самому Тарантулу! Завопив, тот принялся сдирать с век клей. Но Трикс уже развернулся — и со всего маху обрушил черенок метлы на голову Тарантула.

Раскинув руки и удивленно глядя в затянутое тучами небо, Тарантул рухнул на песок. В широко открытых глазах его будто читался вопрос: «Как? Меня? Почему?»

Увидев падение Тарантула, Обычный Человек пригнул голову и бросился на Тиану, спеша схватить ее своими могучими руками. Но Тиана, уперев метлу в песок, приняла его бросок на черенок. Удар пришелся герою в живот, но сила его рывка была так велика, что он продолжал двигаться — и пронесся на черенке над Тианой, после чего зарылся головой в песок.

— Сила моя покинула меня... — простонал Обычный Человек и зарыдал.

Зрители зашумели. Кто-то возмущенно вопил, переживая за поражение товарищей, но большинство от души радовалось появлению новых героев. Пострадавших увели под руки.

Алхазаб поднял руку — и наступила тишина.

— Обжора и Прыгучий Мыш, — негромко сказал Прозрачный Бог. — Бой без правил!

Трикс с Тианой переглянулись — и стали плечом к плечу. Обжора и Прыгучий Мыш тоже посмотрели друг на друга. Перемигнулись, кивнули — и слаженно бросились в атаку. Прыгучий Мыш не спешил приближаться, он бежал неторопливо, одновременно с силой кидая острые камешки. Один из них попал Триксу в плечо — и рука едва не отнялась от боли.

А вот Обжора рвался в рукопашную. Растопырив руки со страшными перчатками-когтями, он устрашающе ревел, будто дикий зверь, и кровожадно пучил глаза.

Медлить было нельзя. План нападающих был прост и понятен — пока они отвлекутся на схватку с Обжорой, Прыгучий Мыш забросает их камнями.

Трикс размахнулся и заученным на тренировках движением метнул метлу в Прыгучего Мыша. С угрожающим гудением полтора метра отборного клена, крепко обмотанного гибкой виноградной лозой, устремились в лицо Прыгучему Мышу. Тот, оправдывая свое прозвище, подпрыгнул, ловко уклоняясь от удара. Но метла внезапно развернулась в воздухе — и полторы тысячи тонких ореховых прутиков хлестнули Мыша по лицу.

— Ай! — завопил Мыш и запрыгал на месте, молотя руками воздух. — Ай-яй-яй!

Тем временем Обжора уже приблизился на расстояние атаки. Он зорко следил за метлой в руках Тианы, и Трикс понимал — наносить удар бесполезно, острые стальные когти способны разрубить даже черенок из железного дерева.

Поэтому Трикс прыгнул Обжоре под ноги и изо всех сил пнул его по коленям. Ощущение было таким, словно он ударил по двум кускам железа. Однако и Обжоре пришлось не сладко — он споткнулся, упал и смертоносные когти зарылись в песок. И Тиана не упустила этого шанса — она запрыгнула Обжоре на спину и принялась колотить его черенком, не давая перевернуться или вытащить руки.

— Достаточно! — прервал бой Прозрачный Бог. — Не убейте этих... неплохих воинов.

Опозоренные и несчастные, Прыгучий Мыш и Обжора удалились.

— Очень, очень неплохо, — задумчиво продолжил Алхазаб. — Неужели вы владеете искусством ассасинов?

— Да, Прозрачный Бог! — воскликнул Трикс. — Мы сами изучили его по самоучителю!

Алхазаб кивнул:

— Вы прекрасные самоучителя. Что ж... Капитан и Железноголовый!

Было понятно, что напоследок Прозрачный Бог оставил самых сильных противников. Трикс покрепче стиснул свою метлу и посмотрел на Тиану.

— Берегись его щита! — прошептала девочка. — Я слышала про него от Амаля... все думают, что щит — только для защиты, а он им нападает!

— Меня больше тревожит рыцарь... — признался Трикс. Два героя приближались, неспешно и неумолимо. Трикс подумал секунду и сказал:

— Пошли!

Они двинулись навстречу.

Капитан и Железноголовый переглянулись. Приближающийся противник был им непривычен и вызывал тревогу. Капитан резко отвел назад руку со щитом — и со страшной силой метнул его в Тиану.

Девочка присела и в тот миг, когда гудящий и вращающийся щит пролетал над ее головой, вздернула вверх метлу. Черенок пришелся в центр щита — и тот, прервав свой полет, закрутился на метле, словно волчок. Капитан остолбенел. А Тиана ловкими движениями метлы погасила движение щита, перехватила его рукой — и двинулась к Капитану. Тот встал в оборонительную позицию, готовый увернуться от брошенного снаряда.

Но Тиана не собиралась метать щит. Она подошла к Капитану на расстояние шага и изо всех сил ударила его щитом по голове! Капитан закатил глаза и рухнул.

— Ничего себе... — прошептал Трикс.

— Зря пренебрегал занятиями по бою кухонной утварью, — ответила Тиана. — Щит — это ведь, по сути, просто большая сковородка!

Сообразив, что он остался в одиночестве, Железноголовый взревел и выхватил огромный меч. Удары он наносил

редкие, но страшной силы — и неумолимо надвигался на ребят. Напав с двух сторон, Тиана и Трикс ухитрились нанести Железноголовому несколько удачных ударов — но броня надежно защищала безумного рыцаря.

— Нам не пробить его доспехи! — в ужасе воскликнула Тиана.

Трикс тоже прекрасно это понимал. Приемы ассасинов, при всей их ловкости, мало годились для боя с закованными в броню рыцарями. Тут даже острый нож или обычный меч ничем не могли помочь — рыцаря обычно приходилось молотить тяжелым мечом минут двадцать, прежде чем тот не выдерживал синяков и ушибов и просил о пощаде. А уж случаи, когда броню удавалось пробить, воспевались менестрелями (хотя, как правило, дело тут было не в силе удара и заточке меча, а в слабости доспехов).

Конечно, если долго-долго колотить Железноголового палками, то он не выдержит грохота и запросит о пощаде. Но для это надо колотить так долго, что он за это время успеет изрубить целую армию...

Вертясь и крутясь вокруг могучего воина, Трикс и Тиана уворачивались от ударов и тыкали его то прутьями, то черенками метел. Казалось, что толку от этого никакого. Ах, если бы можно было применить магию! Но Прозрачный Бог сразу почует неладное...

Полный отчаяния Трикс со всей силы ударил Железноголового под мышку, где рыцаря прикрывала не глухая броня, а плотная железная сетка, давно уже проржавевшая от пота. Сетка была такой мелкой, что если прутья и проникали между звеньями, то только чуть-чуть, самыми кончиками. Но Железноголовый внезапно вздрогнул, замер и... хихикнул.

— Подмышки! — закричал Трикс и принялся со всей силы крутить и ворошить метлу.

Тиана немедленно присоединился с другой стороны.

Рыцарь замер с поднятыми руками, вздрагивая и хихикая. Видимо, он уже очень давно не мог всласть почесаться — и неожиданная щекотка стала для него непосильным искушением.

Пользуясь моментом, Трикс подхватил с земли оброненную Тарантулом веревку и захлестнул ею ноги рыцаря. Тот вяло махнул мечом — но так и не смог нанести удар. Хохоча и громокая железом, безумный воин упал на песок. Трикс подхватил вторую веревку и что было сил стянул рыцарю руки.

— О, не останавливайтесь! — простонал рыцарь. — Щекочите же меня! Щекочите!

Из чувства сострадания Трикс с Тианой еще с минуту щекотали рыцаря сквозь кольчужные звенья. Потом Трикс бросил метлу и стянул веревки между собой. Железноголовый остался лежать, будто опрокинутая на спину черепаха.

Повернувшись к Алхазабу, Трикс поклонился и выкрикнул:

— Мы победили всех соперников, Прозрачный Бог! Достойны ли мы встать в ряды твоей стражи?

Минуту Алхазаб размышлял. Потом сказал:

— Да, вы победили всех соперников. Но не друг друга. Сразитесь между собой.

Трикс и Тиана переглянулись.

— Соглашайся, — прошептала Тиана одними губами. — Я сдамся...

Трикс покачал головой, опустил на колени и воскликнул:

— О Прозрачный Бог! Проси от нас чего хочешь, хоть самой жизни! Но не заставляй нас биться меж собой! Мы побратались и поклялись никогда не поднимать друг на друга оружия! Не заставляй же нас лишиться чести, ведь не подобает охранникам великого правителя быть бесчестными!

Алхазаб хмыкнул. Оглянулся на своих советников. Потом на воинов.

Воины выглядели очень серьезными. Многие кивали. Воины вообще-то очень серьезно относятся к такой вещи, как братание.

— Хорошо, — кивнул Алхазаб. — В твоих словах есть дерзость, но есть и благородство. А я ценю и благородство... и дерзость. Я сам такой!

Прозрачный Бог захохотал и воины разразились одобрительными возгласами.

— Вот вам золото, чтобы купить себе верблюдов и достойное оружие. — Алхазаб взмахнул рукой и бросил на арену кожаный кошель. — Мне нравится ваш стиль, но воин должен сражаться мечом, а не метлой! Сегодня же вечером вы заступите в мой караул.

Развернувшись, Алхазаб пошел в свой шатер. А на арену бросились воины Прозрачного Бога — каждому хотелось поприветствовать новых героев добрым словом и похлопать их по плечу.

Из толпы Трикс и Тиана выбрались только через полчаса — полуоглохшие и горящиеся от боли в плечах.

3

Кочевник без верблюда — что купец без кошелька. Как перемещаться по выжженным солнцем пескам? Как преследовать глупых торговцев и трусливых крестьян? Как убежать от злобных стражников и толпы крестьян с кетменями?

И, разумеется, охранникам Прозрачного Бога не подходит ходить пешком.

Трикс с Тианой стояли перед небольшим загоном на окраине лагеря. Вывеска на изгороди витиеватыми самаршанскими письменами сообщала, что это «ПУСТЫНЬВЕР-

БЛЮД: представительство крупнейшей в Самаршане конторы по аренде верблюдов, открыто с восхода солнца и до полудня». К вывеске Трикс вначале отнесся с некоторым скепсисом — они уже посмотрели загон с верблюдами на продажу и убедились, что денег на двух верблюдов не хватит, посмотрели верблюдов в «ДРОМАДЕРЕ: самый большой выбор прокатных верблюдов Самаршана» и в «ГОРБЕ: Дешевые Качественные Верблюды от Лучших Производителей». «Дромадер» их тоже не порадовал ценами, верблюды в «Горбе» были уж слишком плешивые и ленивые.

«Пустыньверблюд» им нравился больше. Верблюдов здесь было много и выглядели они довольными жизнью.

— Присматриваете своего первого верблюда, цветы моего сердца? — вкрадчиво произнес торговец, подошедший к ним со спины. Торговец был немолод, бородат и обладал честным взглядом настоящего жулика.

— Нам нужны два верблюда, — уточнил Трикс.

— Зачем? — удивился торговец. — Поглядите на этого чудесного верблюда! У него два горба... не очень модно, но надежно! Крепкие ноги большой длины. Немаркая коричневая масть. На верблюде крепится шесть подушек — одна впереди, одна сзади и две по бокам, очень удобно сидеть! Большой желудок — значит, придется реже его кормить. А уж сколько груза можно навьючить...

— Нам не нужен грузовой верблюд, — замотал головой Трикс.

— А! — просиял продавец. — О! Романтика путешествий в пустыне! Два верных друга на двух верблюдах мчатся под звездами... Вот! Прекрасные спортивные верблюды. Одногорбые, но вам же не грузы возить? Ноги короткие, зато двигаются очень быстро. Прилагается зонтик от солнца, который можно легко закрыть или открыть даже во время движения. Жрут, конечно, очень много...

— Ты не понял нас, уважаемый торговец, — терпеливо сказал Трикс. — Мы — новые Фавориты, Стерегиущие Бога. Нам нужны боевые верблюды, на которых не стыдно будет показаться на глаза Алхазабу!

— Так-так-так... — Торговец на миг задумался. — Тогда вам нужна вот эта парочка! Черные, устрашающего вида. Очень крупные. Немного угловатые, но для боевых верблюдов это не грех. Прочная шкура, обучены сражаться ногами и кусать врага. Ноздри при необходимости закрываются, на глаза опускаются ресницы.

Черные верблюды Триксу понравились. Несмотря на устрашающий рассказ торговца, выглядели они спокойными и даже дружелюбными.

— Нам нужно арендовать двух верблюдов на три дня, — сказал Трикс.

— Минимальный срок аренды этих верблюдов — две недели, — грустно сказал торговец. — Очень большой спрос на боевых верблюдов, у нас же ожидается война!

— Сколько это будет стоить? — насторожился Трикс. Но услышав цену, расслабился — она была вовсе не такая грабительская, как в «Дромадере».

— Мне они нравятся, — сказала Тиана, и Трикс стал отсчитывать золотые монеты. Торговец бережно сгреб деньги, потом достал лист пергамента:

— Так... и еще пять золотых в залог.

— Чего? — поразился Трикс.

— Пять за каждого верблюда, — будто не слыша его, уточнил торговец. — Итого десять.

— За что?

— На случай, если вы их не вернете. Страховка от невозврата.

— Но вы же нам потом деньги вернете?

— Конечно! — Торговец прижал руки к груди.

Трикс выгреб еще десять монет. Торговец жадно заглянул в почти опустевший кошель и спросил:

— Страховать будете?

— Так мы же уже...

— Это вы от невозврата. А если вы вернете верблюдов поцарапанными? Без седел? Или помятыми в бою? Всего три монеты — и эти проблемы не будут вас волновать!

Трикс молча отдал последние монеты. Торговец еще раз поглядел в кошель и вздохнул. Быстро черкнул что-то на пергаменте.

— Так... верблюдов принимаете новых, без царапин и видимых повреждений, с полными горбами воды, — пробормотал торговец. — Такими же должны вернуть — напоенными, накормленными и целыми.

— Разве у верблюдов вода в горбе? — удивился Трикс. — Я слышал, что это выдумка.

— Принято так говорить, — уклонился торговец от ответа. — Ну что, расписывайтесь...

— Сейчас... — Трикс на всякий случай обошел верблюдов, внимательно их осматривая. Потом сказал: — Вот у этого царапина на задку.

— Ерунда, в колючку сел... — поморщился торговец, но все-таки отметил что-то на пергаменте.

— А у этого — под седлом потертость! — мстительно сказал Трикс.

— Ерунда, неудачно к другому верблюду притерся... — помрачнел торговец.

— И еще один глаз бельмом закрыт!

— Ну... не то чтобы совсем закрыт... щелочка-то есть... — вздохнул торговец. Тиана подошла к нему и хмуро уставилась на пергамент, где был схематично изображен верблюд. Торговец что-то недовольно пробурчал и перечеркнул на схеме один глаз крестиком. Потом, воодушевившись, спросил: — А

ездить каждый будет на своем верблюде? Если будете меняться, то страховка удваивается!

— Каждый на своем, — сказал Трикс.

Торговец неохотно подписался под пергаментом и принес ребятам две заостренные палки.

— Вот ваши стимулы.

— Что? — не поняла Тиана.

— Стимул! — раздраженно сказал торговец. — Палка для погоняния верблюда. А вы как ее называете?

— Просто палкой, — отрезал Трикс, забирая свой стимул.

— Нет, это несовременно, — покачал головой торговец. — Всем приятно, когда погоняют культурно, и людям, и верблюдам. Так что говорите «стимул», а то будете выглядеть деревенщинами.

Вооружившись крепкими стимулами и покалывая ими верблюдов в бока, ребята выехали из загона. На первый взгляд верблюды и впрямь были неплохи — шли ровно и быстро, слушались приказов беспрекословно, пахли умеренно.

— В одной старинной летописи, — похвастался познаниями Трикс, — верблюдов поэтично называли кораблями пустыни.

— Почему? — спросила Тиана.

— Ну, тут целых три причины, — с удовольствием объяснил Трикс. Каждому человеку приятно, когда ему дают возможность блеснуть эрудицией, и Трикс не был исключением. — Во-первых, на верблюде качает так же, как на корабле...

Тиана кивнула.

— Во-вторых, погонщики верблюдов ругаются почти так же сильно, как моряки. А больше чем моряки, ругаются только летописцы.

— Наверное, ругаются погонщики плохих верблюдов, — решила Тиана.

— Ну и в-третьих, если верблюд случайно забредет на зыбучие пески, то ты можешь утонуть вместе с ним...

Тиана испуганно посмотрела на Трикса.

— Я не хочу тонуть в песке!

— Это нечасто случается, — поспешил успокоить ее Трикс. — А опытные верблюды, если попадают в зыбучие пески, сразу ложатся на брюхо, гребут ногами и выплывают на твердую почву!

Честно говоря, последнее Трикс придумал, чтобы успокоить Тиану. Но при его словах по верблюдам пробежали всполохи голубого колдовского света, после чего верблюд Трикса повернул голову — и посмотрел на него с удивлением и благодарностью.

— Ты осторожнее колдуй! — прошептала Тиана.

— Я случайно... — покаялся Трикс. — Зато теперь нам зыбучие пески не страшны... Отправимся за оружием?

— Только я мечом не умею сражаться, — призналась Тиана.

— Надо что-то похожее на метлу, — кивнул Трикс. — Но благородное, чтобы Алхазаб был доволен.

— Копье? То же самое, что и метла, только вместо прутьев — стальной наконечник.

— Копье, — согласился Трикс. — Годится!

Оружейную лавку искать долго не пришлось, в лагере их было не меньше, чем загонов с верблюдами. Были тут и роскошные шатры с гордыми вывесками вроде «Самаршанское оружие — лучшее оружие в мире!» или «Самаршанмечторг», были палатки попроще, с надписями: «Кузнец Жамаль — кую под вас на заказ!» или «Оружейник Абуз — тридцать лет на рынке! (с перерывами на обед)». Но Трикс выгреб из кармана остатки денег, грустно на них посмотрел — и направил верблюда к самым дешевым оружейным развалам — там, где ни палаток, ни вывесок не было, только разложенное под легким тентом прямо на песке или старых циновках оружие...

Они остановились возле торговца, который показался Триксу добродушнее остальных — немолодому, плотному, но немного обвисшему кожей, будто раньше торговец был куда

толще, с рыжеватой бородкой, в длиннополом халате и с прикрытой крошечной тубетейкой головой.

— Ищите оружие, славные воины? — неожиданно мягким голосом спросил торговец.

Трикс кивнул.

— У доброго Вязиля есть все, что нужно, — гордо произнес торговец. — Будь я самым опытным самаршанским оружейником, я посоветовал бы вам... — Он на миг задумался. — Копья. Меч — славное оружие для воина, но он требует большой силы. А копье — ловкости и проворства!

Покоренные тем, что мнение торговца совпало с их собственным, Трикс и Тиана спешили.

— Но я не самый опытный самаршанский оружейник, — неожиданно сказал торговец, помогая ребятам привязать верблюда. — Я самый умный. И поэтому я не посоветую вам копья. Нет! Я не посоветую вам и боевые шесты, и алебарды, и дротики. И мечи, конечно, тоже не посоветую! Нет-нет-нет! Вам не нужно оружие нашего сурового Самаршана. Вам не нужно оружие хитроумных витамантов. Вам не нужно оружие заносчивых жителей королевства. Вам не нужно оружие свирепых северных варваров!

— Так какое же нужно оружие нам? — невольно подхватывая тон торговца, спросил Трикс.

— О, вам нужно оружие дальних и мирных стран! — воскликнул Вязиль. — Тех стран, где растят чай и ездят на слонах, где растят рис и рисуют красивые картинки на рисовой бумаге! Редкие торговцы везут оттуда оружие, ведь страны эти не прославлены среди нас своими победами и завоеваниями!

— Но почему тогда нам нужно их оружие? — удивилась Тиана.

— Да потому, что с ним мало кто умеет обращаться, — усмехнулся торговец. — Ведь и метлы за ваши спинами — не просто метлы, нет? О, мудрый Вязиль узнает боевую метлу среди тысячи обычных метелок! Если вы те самые юноши... —

при этих словах мудрый Вязиль как-то очень задумчиво посмотрел на Тиану, и Трикс поспешил заслонить ее плечом... — да хоть бы и... да и не мое это дело, нет. Если вы те самые воины, что победили на турнире, сражаясь боевыми метлами, так к чему вам копья или мечи? Все знают, как сражаться таким оружием — и против такого оружия! А я дам вам то, против чего не умеют сражаться наши доблестные воины!

— А мы-то сумеем этим оружием сражаться? — спросил Трикс с сомнением.

— Человек, умеющий драться метлой, может взять в руки любое оружие! — торжественно сказал торговец. — Вот... рекомендую обратить внимание... боевые грабли!

Трикс и Тиана изумленно уставились на грабли, лежащие на циночке. С виду грабли были самые обычные.

— Драться, конечно, можно чем угодно, — рассудительно сказал Трикс. — Табуреткой. Вилкой. Ночным горшком. Но чем грабли лучше копья или дубинки?

— Ну как же «чем»? — возмутился Вязиль. — Смотрите...

Он подхватил грабли и энергично взмахнул ими в воздухе, комментируя свои действия:

— Во-первых, широкая переколадина граблей облегчает попадание в противника. Во-вторых, удар наносится не только тяжелой деревянной частью, но еще и острыми бронзовыми зубцами, прочно закрепленными в грабелине.

— В чем-чем? — тихо спросила Тиана, плохо знакомая с крестьянским бытом. Торговец на ее слова внимания не обратил:

— В-третьих, грабли позволяют не только ударить противника, но и зацепить его, подтащить к себе... ну и в дальнейшем, как вы сами понимаете, хорошенько пограбить, — возвращая боевые грабли на место, Вязиль добавил: — Ну и, в конце-то концов, может случиться так, что вы захотите заняться скромным трудом дехканина... А у вас уже будет инструмент!

— Нет, грабли нам не годятся, — покачал головой Трикс. — Спасибо, конечно, но Прозрачный Бог хочет, чтобы мы выглядели достойно и устрашающе. Так что никакого садового-огородного инструмента... оружие из мирных далеких стран нам не годится.

— Постойте-постойте! — замахал руками торговец. — А как насчет вот этого...

Он продемонстрировал ребятам копье с очень широким и длинным наконечником и каким-то рычагом на древке.

— Втыкаете... — Вязиль сделал выпад. — Потом дергаете рычаг и...

Наконечник копья с лязганьем разошелся в стороны, будто огромные ножницы. Тиана ойкнула.

— Ваш противник не только пронзен, но и разрезан! — радостно воскликнул Вязиль. — И если он не обладал изрядным телосложением, то разрезан напополам! Единственный недостаток — надо хорошенько чистить механизм после боя...

Тиана зажмурилась.

— Или вот это чудесное оружие! — Вязиль с горящими глазами подхватил с циновки что-то похожее на металлический пояс. Меч из стали настолько гибкой...

— Что свертывается в пояс, — кивнул Трикс, вспоминая, как коварный Гриз сверг его отца с трона. — Знаю... ой!

Пояс и впрямь раскрылся в меч — но оказалось, что свернут он был не в один оборот, а в четыре или пять. Раскрытый меч был метра три в длину и хищно покачивался в руках торговца.

— Меч-плеть! — радостно воскликнул Вязиль. — Доспехи им пробить трудно. Зато исхлестать врага в лапшу — без всяких затруднений!

— Меня сейчас стошнит... — тихо сказала Тиана.

— Почему в мирных и красивых странах делают такое жуткое и причудливое оружие? — воскликнул Трикс.

— Как раз поэтому! — радостно объяснил торговец. — Если все вокруг мирно и красиво, если мудрецы учат народ послушанию и гармонии, а художники способны выгравировать батальную сцену на маковом зерне или вырастить рошу из тополей, кленов, лип и вишен так, чтобы при взгляде с соседнего холма весной виден был образованный листьями лик правителя в юности, а осенью — его же в старости, то натура человеческая жаждет чего-то в противовес. Чего-то ужасного, безобразного и кровавого. Конечно, начнись в тех странах войны постоянные и массовые, наподобие наших, оружие стало бы проще. Но крестьяне и горожане в тех странах вообще не имеют права брать в руки оружия, сражаются лишь воины... потому и оружие столь свирепо и удивительно... — Вязиль перевел дыхание и добавил: — А смерды — да, они сражаются просто и незатейливо — цепями для молотбы риса, косами и вилами... граблями, опять же... подушками...

— Подушками? — с надеждой спросила Тиана. — Значит, доброта есть в их сердцах?

— Ну, как сказать... — Вязиль пожал плечами. — Бой подушками тих, но ужасен. Тяжело дышат победители, прижимая побежденных подушками, колотят пятками побежденных, пытаясь вдохнуть воздух...

— Не надо продолжать! — потребовал Трикс. — Торговец, нам нужно что-то более мирное и традиционное!

— Тогда вашему другу я посоветую это копьё, — разочарованно сказал торговец. — Острый наконечник прямой заточки, без всяких зазубрин и шипов... нежное и доброе оружие... Ну а вам... вижу, у вас есть посох. Боевой? Умеете обращаться?

— Ну... да... — ответил Трикс, потрогав свой магический посох.

— Тогда вам я бы посоветовал вот этот наконечник для посоха. Превращает простую дубинку в пернач... — Торговец протянул Триксу увесистую металлическую трубу, из которой

торчали четыре треугольных выступа. — Надеваете на посох... диаметр, мне кажется, подходящий... заклиниваете накрепко... Будете выглядеть словно воинственный молодой маг!

Трикс отдернул руку от наконечника.

— Нет, знаете, мне лучше тоже копьё... — попросил он.

Торговец вздохнул и пожал плечами:

— Как угодно... Но все-таки жаль, что мы так неохотно перенимаем красивые экзотические обычаи...

Расплатившись остатками монет — к счастью, расстроившийся торговец торговался недолго и отдал копы почти даром, Трикс и Тиана двинулись к шатру, в котором укрывалось от зноя подразделение Шамада. Впрочем, согнанные Прозрачным Богом тучи до сих пор не разошлись до конца, и воины сидели снаружи. К удивлению Трикса, все они внимательно слушали Халанбери, который прохаживался взад-вперед и возбужденно рассказывал:

— И тут мы увидели пустынных гномов! Ага! Они шли нам навстречу по туннелю и распевали боевые песни! А в руках у них были сверкающие кайла! При виде нас одни гномы забрались другим на плечи, чтобы быть выше, и приготовились сражаться. Но я не испугался и вышел навстречу...

— Заклинание сработало! — с восторгом и тревогой одновременно воскликнул Трикс.

— Я ему уши оторву! — прошептала Тиана, колотя пятками верблюда. — Он же нас выдаст!

Но дружный взрыв хохота заставил ее умерить пыл.

— Так прямо все и забрались друг на друга? — спросил Шамад.

— Ага, все! Только их предводительница, Гру, осталась стоять!

— О! Расскажи нам про гномьих женщин! — обрадовался кто-то из воинов. — Правда, что они ростом по пояс и с бородой?

— Правда! — подтвердил Халанбери.

Все дружно захохотали.

— А правда, что у них золотые зубы?

— Нет, зубы обычные!

Воины захохотали еще громче. Трикс и Тиана спешили и подошли поближе.

— А они лысые?

— Нет! — запротестовал Халанбери. — Некоторые с длинными волосами, некоторые с косами...

Амаль, утирая выступившие от смеха слезы, повернулся к Триксу:

— Как же мудр всевышний! — воскликнул он. — Когда он не дает кому-то физической стати, приятной для глаз наружности или мастерство в торговле, то взамен обязательно дарит какой-нибудь приятный пустячок. К примеру — способность врать так складно и красиво, что заслушаешься!

Трикс облегченно вздохнул.

— Да, это верно, — сказал он. — В моих краях тоже так. Те сказители, которые некрасивые и одинокие, рассказывают о любви. Те, кто трусоват и не владеет оружием, воспевают битвы и сражения. А те, кто простоват и тугодум по природе, рассказывают о мудрости и тайнах мироздания.

— Все в мире устроено справедливо! — кивнул Амаль. — Ну скажи сам, зачем великому воину воспевать отвагу в бою? А любимцу женщин — хвастать о любовных победах? Всевышний дает каждому либо умение что-то делать, либо способность красиво об этом говорить!

Трикс почесал затылок. Как-то оно все-таки обидно получалось, что бы ни говорил Амаль...

— Вечером мы идем охранять Алхазаба, — сказал Трикс. — Мы оставим своего маленького друга с вами? Никто его не обидит?

— Да ты что, — возмутился Амаль. — Даже если бы вас не боялись, никто бы мальчика не обидел. Послушать байки у

костра — это же такая радость! Ему достанется самый лучший кусок мяса и самая неподгорелая лепешка!

Помолчали. Потом Амаль вздохнул и произнес:

— Мы все так вам завидуем! Вы будете охранять Алхазаба...

— Ага, — кивнул Трикс, почему-то чувствуя неловкость.

— Быть может, — дрогнувшим голосом сказал Амаль, — вам даже выпадет честь... защищать его от врагов... и пасть в бою...

— А ты бы хотел пасть в бою за Прозрачного Бога? — спросил Трикс.

— Конечно! — Амаль вздохнул и понурил голову. — Но вряд ли мне выпадет такая честь. К тому времени, как я научусь хорошо сражаться, Алхазаб уже будет владеть миром!

Трикс задумчиво кивнул. Конечно, преданность солдат своему полководцу — дело похвальное и обычное. Плох тот генерал, за которого не готов умереть хотя бы один солдат.

Но воины Прозрачного Бога не просто готовы были за него умереть, они прямо-таки об этом мечтали! Такое, конечно, тоже случается — но только если полководец совершил что-то уж совсем невероятное: победил в битве с превосходящими силами живых мертвецов, отвоевал родную землю у коварных захватчиков или искренне старался уберечь своих солдат и не посылал их на смерть почем зря.

Но ведь Алхазаб пока не выиграл ни одной крупной битвы. Он легко громил неподвластные ему племена, присоединял все новые и новые территории, но в этом не было ничего удивительного для могучего волшебника. Солдаты должны были его бояться, уважать, возможно — рассчитывать на легкие победы и богатую добычу... но вот любить предводителя так, чтобы мечтать умереть за него...

— Амаль, скажи, а почему ты так любишь Прозрачного Бога? — спросил Трикс.

Против его опасений Амаль не обиделся на вопрос и не насторожился. Он расплылся в улыбке, будто влюбленный юноша, которого попросили рассказать о любимой, и сказал:

— Ах, Три, как можно не любить Алхазаба? Ведь он не только самый мудрый, но и самый добрый человек в мире. Он хочет, чтобы все жили счастливо, в мире и довольстве, чтобы не было войн, чтобы все люди были добры друг к другу и поступали с ближними своими по справедливости! Как же его не любить?

— Ага... — чувствуя себя не в своей тарелке, ответил Трикс. — И впрямь.

Караул вокруг огромного, роскошного шатра Алхазаба расставлял лично Хамас, самый давний и преданный соратник Прозрачного Бога, прославившийся как полководец еще задолго до того, как Алхазаб обрел свою силу. В отличие от большинства вождей, которые не верили в могущество Алхазаба и пытались с ним бороться, Хамас вовремя понял, что ветер поменялся — и присягнул на верность Прозрачному Богу вместе со всем своим племенем. Рассказывали, что когда войско Алхазаба (тогда еще совсем небольшое) подошло к армии Хамаса (и многие сочли это недостойным деянием, ведь отец Алхазаба был дружен с Хамасом), тот выехал на встречу врагу, воткнул рукоятью в песок свой меч, разорвал на груди одежды и воскликнул: «Слава Алхазабу, чьи помыслы чисты, как вода, и прозрачны, как хрусталь! Слава Алхазабу, вставшему вровень с богами и даже немного выше! Если Алхазаб велит — я умру с его именем на устах!» Алхазаб, который готовился к долгой и кровавой схватке (пусть он и был великим волшебником, но опыта у него тогда было немного, а на стороне Хамаса стояло немало умелых колдунов), немного помедлил, а потом взмахнул рукой и сказал: «Повелеваю!» Все ожидали, что Хамас после этих слов выхватит меч и бросится в бой. Но Хамас и впрямь прыгнул грудью на

клинок! Вот только Алхазаб успел что-то шепнуть и стальной меч рассыпался брызгами воды, а Хамас, живой и невредимый, плюхнулся грудью в лужу. Соратники Алхазаба принялись льстиво хихикать, уверившись, что Прозрачный Бог (впрочем, тогда его еще так не звали) решил унижить прославленного воина. Но Алхазаб спрыгнул со своего верблюда, подошел к Хамасу, помог подняться, обнял, расцеловал в обе щеки, как принято у кочевников, и опоясал своим мечом, после чего воскликнул: «Тому, чьи помыслы чисты, нет нужды бояться Алхазаба! Я стал богом, но душа моя прозрачна перед вами!»

Так Алхазаб стал Прозрачным Богом и обрел верного соратника и преданного друга. Хамас не только вел в бой войска Алхазаба, но и пробовал каждое приготовленное для него блюдо, и лично проверял караулы у шатра Прозрачного Бога.

И в этот вечер он собственноручно осмотрел оружие каждого охранника (копья Трикса и Тианы заставили его неодобрительно поморщиться, но, видимо, под впечатлением утренней схватки, он ничего не сказал), расставил их вокруг шатра и лишь потом ушел к себе.

Двенадцать охранников замерли — спинами к шатру, лицом к лагерю, готовые отразить любые опасности или умереть, как и положено хорошим охранникам.

Первый час Трикс простоял довольно спокойно. Было даже интересно наблюдать за тем, как спускается солнце, как разжигают в лагере костры и поят верблюдов, играют в кости и ссорятся из-за лучших кусков. От лагеря тянуло тлеющим кизяком и подгорелым мясом, из-за спины, от шатра Алхазаба, пахло гораздо более приятно — вареной бараниной со специями и ароматическими маслами. Хихикая и кутаясь в покрывала, прошли в шатер девушки-танцовщицы, некоторое время мелодично брэнчала дамбра — традиционный самаршанский инструмент из высушенной тыквы, в которую

была воткнута палка с двумя струнами, звякали серебряные подвески танцовщиц. Но танцовщицы ушли быстро, а их сменил старичок-сказитель — и из шатра донесся монотонный речитатив, рассказывающий о сражениях, чудовищах и приключениях под аккомпанемент все той же дамбры...

Трикс переминался с ноги на ногу. Стоять на месте оказалось куда труднее, чем идти или даже прибиться в башне Шавеля...

Снова забренчала дамбра. Потом, хрипло откашливаясь, прошел обратно сказитель. Потом ушел музыкант. Потом повар. Трикс зевнул и покосился на соседей. Увы, те стояли прямо и неподвижно, глядя перед собой. А сменить караульных должны были только через три часа...

Зашуршал откинутый полог шатра. Послышались шаги. Потом зажурчало. Потом снова слышались шаги — приближающиеся к Триксу.

И Алхазаб, Прозрачный Бог, спросил его, а точнее, не спросил, а сообщил:

— Ты тот самый юноша, который виртуозно владеет метлой. Тебя зовут Три.

— Да, Прозрачный Бог! — выпалил Трикс.

— Не хочу беспокоить слуг, я уже всех отпустил. Не мог бы ты подмести в шатре?

— Конечно, Прозрачный Бог! — воскликнул Трикс.

— Твой товарищ здесь?

— Да!

— Я дам вам две метлы, — пообещал Прозрачный Бог.

Трикс и Тиана, переглянувшись, последовали за Алхазабом. Охранники за их спиной молча сдвинулись, заполняя пустые места.

Вслед за Прозрачным Богом ребята прошли в шатер. Конечно, до роскоши дворца султана это походное жилище никак недотягивало, но по сравнению с обычными походными шатрами выглядело вершиной роскоши. Шатер был

из плотного белого войлока, просторный, устланный мягкими коврами, с множеством крошечных масляных светильников, наполнявших его мерцающим мягким светом. Повсюду были разбросаны цветастые подушки, на низеньком столике — за ним полагалось есть, сидя прямо на полу, стояли вазы с фруктами и сладостями и кувшины с напитками.

— Тут вроде чисто... — робко сказал Трикс.

Алхазаб засмеялся и махнул рукой:

— Да я не за тем вас позвал, юные воины. Садитесь, ешьте и пейте, будьте моими гостями...

Нельзя сказать, что Трикса сильно обрадовало это гостеприимство. Правители просто так не зовут к себе обычных охранников! Но делать было нечего, Трикс и Тиана положили копья и сели, невольно прижимаясь друг к другу. Алхазаб сел напротив и радушно придвинул к ним блюдо с халвой.

— Ешьте, ешьте... Молодые любят сладости. Я прекрасно помню, я еще и сам не стар. — Он засмеялся.

Трикс опасливо взял кусочек халвы.

— Гадаете, зачем я вас позвал? — спросил Алхазаб.

— Да, Прозрачный Бог, — призналась Тиана.

— Не пускайте беспокойство в свои сердца, ибо я не замышляю дурного или недоброго, — успокоил ее Алхазаб. — Вы говорили, что пришли из дальнего края соляных озер... я никогда там не был, но ведь это тоже мои земли. Расскажите мне, как живет народ соледелов. Только честно, без утайки!

Трикс откашлялся. Посмотрел на Тиану.

— Рассказывай ты, — предложила она.

— Хорошо, Прозрачный Бог, — кивнул Трикс. В голове у него крутилось сразу несколько историй, придуманных от начала и до конца. По одной из них край соледелов был мирным и счастливым местом. По другой — бедным и опасным. Трикс никак не мог решиться, какую историю выбрать. — Мы, соледелы, живем у огромных соляных болот на самом краю Самаршана...

— Откуда там соль? — спросил Алхазаб.

— Соль? — задумался Трикс. — Из болот.

— Это я понимаю, дурачок, — беззлобно ответил Алхазаб. — А откуда она берется в болотах?

— Тут есть разные мнения, — сказал Трикс, понимая, что совершенно не разбирается в происхождении соли. — Одни люди говорят, что волны соленого океана во время штормов стекают в низины, отчего вода в болотах и становится соленой. Другие считают, что сама земля под болотами наполнена солью — огромными валунами соли, которая растворяется в болотной воде.

— Обе версии здоровые, — рассудил Алхазаб, подумав. — А как вы добываете соль?

— Разными способами, о владыка мира! Старики и старухи обычно бродят по болотам и ищут кристаллы соли, налипшие на болотных растениях или камнях. Эти кристаллы они отламывают и несут в деревню. Тяжел труд стариков, многие из них тонут в трясине, порой на них нападают болотные крокодилы, по осени и весне поедом едят их гадкие болотные комары. Соль, которую они добывают, грязная и не очень вкусная, поэтому стоит она дешево и называют ее стариковской солью. Знаючи люди пускают ее лишь на корм скоту...

Алхазаб поморщился.

— Фу, какая гадость...

— Другую соль добывают взрослые, — продолжал Трикс, уже увереннее. — Они черпают воду из болота, процеживают сквозь тонкую кисею и кипятят в котлах. Когда вся вода превращается в пар, на дне котла остается слой соли. Эта соль ценится дороже и зовется огненной солью, или взрослой. Ее обычно и пускают в пищу. Работа эта под силу лишь сильным и крепким людям, потому что испарения кипящей соленой воды ядовиты, заставляют людей кашлять, а дрова для костров приходится нести издалека, ведь поблизости мы уже сожгли все леса...

— Так... — продолжал Алхазаб.

— А самая редкая и дорогая соль — детская, — продолжал Трикс, которого понесло вовсю. — Все девочки и мальчики племени уходят в уединенные участки болота — мальчики налево от деревни, девочки направо. Потом, раздевшись догола, дети купаются в бочажках, в темной, холодной и соленой воде, после чего сохнут на солнце. Проступившая на их теле и соскобленная оттуда скребком соль считается самой чистой и вкусной. Многие считают, что она возвращает молодость, и платят за нее золотом!

— Фу! — воскликнул Алхазаб, сморщившись. — Какая гадость! И вообще, в этом есть что-то крайне непристойное!

— О да! И знал бы ты, Прозрачный Бог, как щиплет кожу эта соль! — вздохнул Трикс. — К тому же она осветляет кожу и мы становимся бледными, будто северяне. Но в наших краях живут небогато и даже детям приходится добывать соль...

— Так везде! — Алхазаб сердито взмахнул рукой. — Так везде и всюду, юноша! Дети кочевников собирают кизяк и пасут овец, а старики с утра до ночи взбивают кумыс и стригут скот. В городах с малолетства трудятся в гильдиях и лавках. В горах лазают на скалы за птичьими яйцами и выковыривают из тайных щелей драгоценное мумиё. На островах ловят рыбу и ныряют за раковинами жемчужниц. И что у нас, в Самаршане, что в королевстве, на юге и на севере, на западе и востоке, — всюду, всюду люди только и делают, что бьются в тисках нужды и лишений!

— Угу... — подтвердил Трикс. — Так и есть.

— А знаешь, почему так? — спросил Алхазаб.

— Почему?

— Да потому, что люди подозрительны друг к другу и не желают жить мирно! Каждый правитель обирает своих подданных, потому что ему надо кормить стражников и воинов, дознавателей и правдознавцев. Вот в чем корень всех бед!

Железо, из которого можно сделать плуги и молоты, идет на мечи и копья. Сильные люди не занимаются ремеслом, а учатся убивать друг друга! Вот в чем корень всех зол! Война — проклятие человеческое!

Трикс с Тианой переглянулись.

— Ну... да... — признала Тиана.

— Вот почему я решил завоевать весь мир, — уже спокойнее продолжил Алхазаб. — Лишь если весь мир станет единым целым, если всеми станет править один-единственный правитель, то люди забудут о войнах и смогут жить спокойно и богато. Когда я стал величайшим в мире волшебником, то я не сразу решился сделаться владыкой мира. Три дня и три ночи сидел я в пустыне и думал: стоит ли завтрашнее счастье той крови, что прольется сегодня? Ведь ни один правитель, не важно, маленький кишлак под его началом или огромное царство, не отдаст мне свою власть добровольно. Вновь и вновь спрашивал я себя, стоит ли мирное будущее войны в настоящем? И знаете, что я решил?

— Что? — зачарованно спросил Трикс.

— Стоит, конечно! — воскликнул Алхазаб. — Только дурак не поступится малым, чтобы обрести большое! Представьте себе счастливый новый мир, в котором установится замечательный новый порядок! Все станут говорить на одном языке, все будут подчиняться одним законам, все станут молиться одному богу... — Тут Алхазаб даже немного смутился и сказал: — Но в принципе я даже на этом не настаиваю. Не надо молиться, пусть просто меня уважают... Знаете, как я назвал такое светлое будущее?

— Как? — Трикс уже понял, что ему суждено изъясняться с разговорившимся Алхазабом исключительно вопросами.

— Глыбализация! Это от слова «глыба». Означает, что все люди будут держаться вместе, сообщая... — Алхазаб вздохнул. — Но знаете, юноши, меня все равно порой посещают сомнения. Вот и сегодня... я думал о предстоящей битве с

войсками султана, о том, что тысячи людей и драконов погибнут, прекрасный Дахриан превратится в руины, а плодородные орошенные земли занесет песок и пепел... Я вновь задал себе вопрос: стоит ли идти таким путем? Или, быть может, отказаться от войны, создать счастливое процветающее общество на подвластных уже мне территориях и постепенно, личным примером, убедить окрестные государства присоединиться? И тогда я решил — расспрошу кого-нибудь о том, как живется в далеких краях, есть ли где-то в мире хоть немного справедливости и покоя. Взгляд мой упал на тебя, Три, и я возрадовался. Вот храбрый добрый юноша из краев соледелов, он отважно сражался на турнире, он верен своей дружбе, у него честные глаза. Расспрошу его о жизни у далеких болот, и если хоть там хорошо, то я не стану воевать!

Трикс почувствовал, как у него запылали от стыда уши.

— Но когда я услышал твой рассказ... — Алхазаб встал, всплеснул руками. — Несчастные старцы, тонущие в болоте ради кристаллика соли! Мужчины и женщины, вываривающие соль на кострах. Дети, ради прихоти дураков купающиеся в жгучей соленой воде! Сердце мое переполнилось болью и состраданием, Три! Минутная слабость ушла и уже никогда не вернется!

Голос Алхазаба окреп.

— Я принесу счастье этому миру, какова бы ни была цена! И если мне придется вначале залить весь мир кровью — что ж, так оно и будет! Ибо ценой мира всегда была война!

— Что же я наделал... — одними губами прошептал Трикс.

— Спасибо, юноши! — Глаза Алхазаба сияли. Он ласково похлопал по плечам Трикса и Тиану. — Возвращайтесь к своей службе. И спасибо за то, что помогли вашему повелителю справиться с его минутной слабостью!

Трикс и Тиана, переглядываясь, вышли из шатра. Щеки у Трикса горели. Получилось так, что он сам, своей безответственной болтовней, убедил Прозрачного Бога продолжать свой поход! Ну что ему стоило рассказать другую историю! Он ведь ее даже придумал — про тихие, мирные просторы соляных болот, на которых цветут орхидеи и живут веселые дружелюбные собачки; про праздник сбора первой соли; про соляные розы, которые влюбленные дарят друг другу; про удивительные вкусные блюда, которые готовят в хижинах соледелов; про соль красную — которую добывают на границе болот и пустыни, про соль зеленую — которую собирают по весне; про соль черную — которую положено есть в дни печали и траура... Это была хорошая история, красивая и спокойная. Но Триксу показалось, что в ней мало действия, и он стал рассказывать про стариков, тонущих в болоте, и детей, купающихся в едком рассоле... Ну как же так? Это ведь даже и не волшебство было! Просто слова, без всякой магической силы! Просто вранье! И вдруг это вранье заставило могучего волшебника решиться на войну!..

Крепко сжимая копье, Трикс стоял на своем посту и размышлял. Рано или поздно некоторые волшебники понимают, что слова, даже не обязательно сложенные в заклинание, обладают немалой силой. Иные после этого становятся куда осторожнее со словами... или же — наоборот. И те и другие становятся великими волшебниками, только первых называют — добрыми, а вторых — злыми.

Но Трикс, конечно, о таких вещах не знал.

И поэтому он просто стоял, ожидая смены караула, и думал о том, как победить Прозрачного Бога. Ему было немножко страшно, в чем он мало кому бы признался. Но еще ему было жалко Алхазаба — и вот об этом он не рассказал бы никому.

Говорить о добром — всегда труднее, чем о злом.

Трикс и Тиана, прячась за спинами других воинов, смотрели на въезжающий в лагерь Алхазаба фургон бродячего театра. Актеры нервно озирались, поминутно поправляли на рукавах белые повязки, которые должны были гарантировать их безопасность, и вообще, на взгляд Трикса, выглядели такими подозрительными, что будь он настоящим охранником Прозрачного Бога — тут же завопил бы «Вяжи их, братцы!»

Наконец фургон доехал до высохшего озера и остановился. Из шатра Алхазаба вышел Хамас, заставил актеров построиться и коротко допросил. Трикс нервно облизнул пересохшие губы, размышляя, не обнаружит ли полководец неожиданного сходства между юным актером Триксом и новоиспеченным охранником Три. Но Хамас к Триксу не приглядывался, да и вообще, успокоившись и всмотревшись хорошенько, юноша понял, что между ним сегодняшним и им же месяц назад не так много общего. Волосы у Трикса изрядно отросли, так что впору было завязывать их пучком на затылке по обычаю ассасинов, прежний Трикс был гораздо более светлокожим, менее сухощавым, да и глаза у него были куда наивнее. Пожалуй, даже если бы Трикс прежний и Трикс нынешний встали рядом — они показались бы братьями, но никак не одним и тем же человеком.

Может быть, именно поэтому смотреть на самого себя было хоть и удивительно, но вовсе не так странно и пугающе, как ожидал Трикс. «Это ведь не я, — неожиданно подумал он. — Это тот мальчишка, каким я был. А человек все время меняется, он каждый день становится другим. На самом деле мы живем не одну жизнь, мы живем тысячи жизней — просто они идут одна за другой, и мы не сразу замечаем, что прежняя жизнь закончилась, а началась новая...»

— Тебе надо постричься, — шепнула Триксу на ухо Тиана, прервав его философские размышления. — Тебе длинные волосы не очень идут...

— Ладно... — чуть смутившись от такой заботливости, ответил Трикс.

— Жалко, меня с вами не было!

— Почему? — удивился Трикс.

— Ну ты что, и впрямь не понимаешь? Какое зеркало позволит так хорошо увидеть себя со стороны, да еще и в движении, и со всех сторон? Годится или нет прическа, красивая ли походка, загадочен ли взгляд...

Как ни был Трикс увлечен разглядыванием самого себя, но он мысленно отметил, что в словах Тианы есть интересное зерно. Если удастся соорудить какое-то магическое устройство, которое позволит женщинам изучать себя со стороны, то спрос на него будет немаленьким!

Тем временем Хамас разобрался с комедиантами, дал им последние указания и удалился. Труппа господина Майхеля принялась за работу, а праздные зрители начали понемногу расходиться. Поспешили уйти и Трикс с Тианой.

— Понимаешь, — объяснял Трикс, — ни в коем случае нельзя, чтобы я-прежний увидел себя-нынешнего.

— Почему?

— Потому что это будет парадокс.

— Какой?

— Я же не видел себя, когда приехал к Алхазабу вместе с театром. Понимаешь?

Тиана задумалась.

— Не очень. Ты себя не видел... ну и что? Теперь увидишь!

— Но я же помню, что не видел! — торжественно объяснил Трикс.

— А будешь помнить, что видел, но забыл!

— Нет, мне кажется, такого не должно быть, — ответил Трикс, подумав. — Как я могу не помнить то, что было?

— Подумаешь, — фыркнула Тиана. — У регента Хасса это после каждого праздника случается, и ничего!

— Нет, я так не могу! — взмолился Трикс. — А если от этого случится какая-то катастрофа? Получится, что я и видел себя, и не видел... магия — вещь опасная!

— Но здорово все-таки было бы подойти к актерам и предупредить, — задумчиво сказала Тиана. — Они бы тогда не боялись, знали бы, что все будет хорошо...

— Мы сами пока не знаем, хорошо ли будет! — твердо ответил Трикс. — Нет уж, давай, как договорились. Дождем-ся вечера и...

Тиана еще раз оглянулась на актеров и кивнула:

— Ладно. Если ты так считаешь...

Трикс облегченно вздохнул. У него было смутное чувство, будто он только что спас весь мир.

Кто знает, возможно, так оно и было?

К вечеру сцена была готова, а кочевники собрались смотреть представление. К сцене они шли не с пустыми руками! Давно известно, что когда человек слушает музыку или пение, то ему и в голову не придет что-нибудь жевать — ведь чавканье и стук зубов ужасно мешают слушать. А вот когда человек смотрит — не важно, театральное представление, гладиаторские бои или гонки на верблюдах, ему непременно нужно что-нибудь съедобное. И это вовсе не потому, что внезапно пробуждается аппетит. Просто надо чем-то занять рот, ведь зрелища вызывают сильное желание вопить, орать, обзывать и нахваливать, так недолго и голос сорвать.

Ну а еще остатки еды могут пригодиться, если зрелище не понравится — ими хорошо кидать в артистов или спортсменов. Хорошо еще, когда зрители склонны к вегетарианству и приносят с собой в основном яблоки, помидоры и жареную

кукурузу! Кочевники, в силу своего тяжелого быта, предпочитают есть мясо, а мяса без костей не бывает.

Даже Трикс, хотя у него от волнения начисто пропал аппетит, а уж кидать едой в самого себя он точно не собирался, не удержался и купил у торговца пакетик вяленых фиников. Вместе с другими охранниками они сели недалеко от Алхазаба, отделяя того от толпы простых солдат. Не то чтобы Прозрачный Бог боялся своих воинов, но так было принято. Халанбери, несмотря на все его негодование, пришлось сесть вдалеке вместе с солдатами из отряда Шамада. Может быть, Трикс и Тиана сумели бы провести Халанбери с собой, но они дружно решили, что это неразумно. Пусть лучше мальчишка будет подальше от сцены и Прозрачного Бога, кочевникам он явно приглянулся и его никто не обидит.

По мере того как шла пьеса, Трикс все больше и больше нервничал. Успели ли гномы прокопать туннель? Успеет ли он спасти комедиантов? Удастся ли победить Алхазаба? От волнения Триксу то казалось, что пьеса тянется нестерпимо медленно и актеры едва-едва бормочут свои роли, то, наоборот, что все чрезмерно торопятся и вот-вот придется действовать...

А Тиана, сидящая рядом, к его удивлению, искренне увлеклась пьесой! Она хохотала, увидев изображавшего ее Песю, ругалась при виде Гавара и вообще, словно совсем забыла, что сейчас произойдет...

— А ну-ка, парень, покажи этому ходячему мертвецу! — завопил Алхазаб, подбадривая того Трикса, что был на сцене. И Трикс опять ощутил угрызения совести при мысли, что ему придется сражаться с этим в общем-то неплохим человеком.

Спектакль тем временем неумолимо приближался к развязке. Нет, не к той, которая была придумана Майхелем, а к той, что случится на самом деле...

— Из глубин моей мертвой души, истлевшей, но не исчезнувшей, из зловонной мертвечины моего навеки остано-

вившегося сердца, — зловеще заговорил Гавар. — Из самой природы витамантии, ненавидящей все суетное, все теплое и живое, явилось страшное заклятие — еще никогда не звучавшее под небом этого мира...

Шумевшие до тех пор кочевники притихли и, казалось, слегка испугались. Где-то вдалеке печально прокричал верблюд — и Триксу показалось, что это его верблюд...

— Хорошо играет, — негромко сказал Хамас, сидящий перед Триксом, рядом с Алхазабом. — Не слишком ли он хорошо играет, мой господин?

— Само неумолимое время, которое мы, витаминты, так ненавидим, склонилось перед моей непоколебимой волей, — вещал Гавар, старательно отворачиваясь от зрителей. — И... прервался ход времен! Вечный покой опустился на...

Трикс увидел, как Хамас опустил ладонь на рукоять меча.

— Опустился на шатер Прозрачного Бога, волшебника Алхазаба! — рявкнул Гавар.

Словно бы миллионы серебряных колокольчиков печально зазвенели в пустыне. Трикс не стал оборачиваться, но он и так знал, что шатер Алхазаба замерцал колдовским светом.

— Время остановилось! — ликующе воскликнул Гавар, оборачиваясь к кочевникам. — Века и тысячелетия пронесутся мимо — а шатер останется стоять среди песков. Никто не сможет войти в него — и никто не сможет выйти, ибо там нет времени, нет жизни и нет смерти! Отныне и навсегда, пока сама Вселенная не сожмется в булавочную головку и не лопнет от натуги!

«Хорошо сказал!» — с профессиональной завистью подумал Трикс.

Повисла ледяная тишина.

Гавар злобно засмеялся.

«Мы решили, что победили!» — печально подумал Трикс. — И на самом бы деле победили, если бы удосужились выяснить, как выглядит Прозрачный Бог и где он сидит!»

Тем временем Алхазаб поднялся и гневно закричал:

— Мерзкий кусок гнили! Я оставил в шатре свой любимый плащ!

По толпе пронесся ликующий шепот.

Витамант, и без того мертвенно-бледный, слегка позеленел от страха и растерянности. Он поднял руку и воскликнул первое, что, очевидно, пришло ему в голову:

— Свирепый негасимый огонь пожрет твоё тело, Алхазаб!

Как и было памятно Триксу, это нехитрое заклинание хоть и окутало Алхазаба пламенем, но без всякого результата. Уже через мгновение огонь стек с Прозрачного Бога, будто вода, которую плеснули на кусок масла. Языки пламени при этом не погасли, заплясали на песке, и Трикс ощутил сильный жар — магический огонь был настоящим, вот только ничего не мог поделать с Прозрачным Богом.

— Несокрушимые узы сковали твои руки и ноги, витаминт! — рявкнул Алхазаб и засветился голубым колдовским светом, будто сказал невесть какое сильное заклинание. — Твой гнусный язык раздулся и уже не может пошевелиться!

Бедолага-витамант возмущенно замычал. Руки и ноги его дернулись в разные стороны, будто у марионетки. Из раскрытого рта вывалился толстый черный язык, похожий на надувшуюся пиявку.

Трикс печально посмотрел на самого себя, стоящего на сцене. И с гордостью понял, что его страх почти не заметен. Вот Трикс на сцене нахмурился, открыл рот и выкрикнул:

— Алхазаб зря торжествовал победу! Молодой маг нанес ему коварный и безжалостный удар! Все соки тела — от черной желчи селезенки и желтой желчи печени до красной крови в жилах и бесцветной слизи в голове, — все они вскипели, разрывая Алхазаба на части!

Все — и комедианты, и зрители — в ужасе заголосили, глядя на Алхазаба.

Прозрачный Бог вздохнул и горько сказал:

— А ведь я за тебя болел в этой пьесе... Коварный мальчишка, волшебник-недоучка, презревший законы гостеприимства и справедливости — повинуюсь моей воле, воле Прозрачного Бога, ты отправляешься в самое сердце ада!

Прозрачный Бог вновь окутался колдовским огнем.

И Трикс на сцене исчез.

— Пора... — едва слышно прошептала Тиана. — Пора!

Трикс в панике огляделся вокруг. Ну где же гномы? Где же боевые големы?

— Негодяй! — донесся со сцены тонкий, но пронзительный голос. И крошечная фея Аннет стрелой метнулась к Алхазабу. Зависнув в воздухе перед его лицом, фея аж засверкала от волшебства — крошечные искорки разлетались в разные стороны и с шипением прожигали одежды солдат. — Верни Трикса!

— Это еще что за говорящая огненная муха? — возмутился Алхзаб.

— Я цветочная фея, а не огненная муха! — воскликнула Аннет. — Я фея-фамилиар Трикса!

— Юного актера? — с любопытством спросил Алхзаб.

— Могучего волшебника! Он и есть тот самый Трикс! Верни его!

Фея уперла кулачки в бока и воинственно добавила:

— А не то...

— Что «не то»? — развел руками Алхзаб. — Ты меня заколдуешь, фея? Не получится! Когда я стал величайшим в мире волшебником, я первым делом защитил себя от любого враждебного колдовства. Меня не сможет победить даже могучий дракон, не то что ты, дитя цветов.

— Но... — Голос феи дрогнул. — Но... пожалуйста! Верни его, пощади...

— С какой стати? — возмутился Прозрачный Бог. — Ты слышала, как он пытался меня заколдовать? Это была законная самооборона!

— Так и он оборонялся! — не сдавалась Аннет.

— Нет, мы не будем устраивать здесь дискуссий! — покачал головой Алхазаб. — Вы все виновны в покушении на меня и поэтому будете сурово наказаны.

Актеры на сцене задрожали от страха.

— Пожалуй, этим витамином я займусь отдельно, — сказал Прозрачный Бог, разглядывая связанного невидимыми узами Гавара. — Полезно будет узнать планы витаминов, а также пределы их магии и способность переносить боль. Тебя, смешное бесполезное существо, я оставлю при себе, ты приятна взгляду и забавна в разговоре. Ну а всех остальных предателей комедиантов...

— Отдай их своим воинам, Алхазаб, — предложил Хамас. — Они изрубят их на куски, проткнут копьями и втопчут в песок верблюжьими ногами.

— Хорошее предложение, — кивнул Алхазаб. — Но мы не будем столь суровы. Пусть презренных комедиантов выпорют плетями и с позором прогонят в Дахриан...

— Тогда лучше отправь меня вслед за Триксом! — внезапно воскликнул Иен. — Отправь меня в Сердце Ада!

— И меня, — внезапно сказал Бамбура. Альби, прижавшаяся к его ноге, утвердительно гавкнула.

— И меня! — сказал Хорт.

— И меня! — подтвердил Шараж.

Майхель посмотрел на товарищей и сказал:

— Ну... если вопрос ставится так... то детишек пусть выпорют и отпустят, хорошая порка никогда не вредила молодежи. А я... я как все. С товарищами.

— Какое самопожертвование, — удивленно сказал Алхазаб. — Что ж, я собирался проявить милосердие, но если вы так просите...

Трикс понял, что тянуть дальше нельзя. Он встал, шагнул к Прозрачному Богу и положил руку ему на плечо.

— Что еще? — спросил Алхазаб, обернувшись. — А... это ты, мальчик из селения соледелов...

Внезапно нахмурившись, он пристально всмотрелся в Трикса.

— Я — волшебник Трикс! — воскликнул Трикс. — Тот самый, которого ты безуспешно пытался отправить в Сердце Ада!

— Трикс! — закричала Аннет и, ахнув, упала на песок. Тиана торопливо подобрала впавшую в беспамятство фею и спрятала за пазуху.

— Я не пытался, я отправил! — возразил Алхазаб, утратив к фее всякий интерес. — Как ты вернулся? И почему ты вернулся раньше, чем был изгнан?

— Потому что я великий волшебник! — стараясь придать голосу твердость, сказал Трикс. — И я вызываю тебя на магическую разборку!

— Что? — Алхазаб нахмурился. — На магическую дуэль?

— Нет, на разборку! Пусть заклинаниями сражаются слабаки, не постигшие глубин магии. Мы же разберем наше волшебство и поймем, кто из нас сильнее!

— Господин мой, я чувю подвох в его словах! — воскликнул Хамас. — Лучше будет, если я зарублю предателей, вкравшихся в ряды твоей стражи.

Трикс перехватил копьё покрепче, хотя в свою способность сразиться с опытным воином не очень-то верил.

— Я полагаю, что ты прав, верный Хамас... — задумчиво сказал Алхазаб. — Раз уж он смог выжить после моего заклинания, то разумно будет попробовать сталь...

И в этот миг земля под ногами задрожала, песок фонтанами ударил вверх и из-под земли стали выбираться сверкающие стальные големы. Размахивающие руками, в которых были зажаты огромные сабли, топающие огромными ногами, сверкающие стеклянными глазами, големы выглядели очень внушительно. Воины Алхазаба в ужасе попятились. Несколь-

ко смельчаков попытались ударить големов мечами, некоторые принялись стрелять из луков и кидать копья — но не похоже было, что големам это хоть как-то вредит.

Через несколько мгновений големы образовали круг, отгородив Прозрачного Бога, десяток его охранников и сподвижников, трупку господина Майхеля и Трикса с Тианой.

— Забавно, — спокойно сказал Алхазаб. — Это же...

— Гномы! — завопил Хамас.

И впрямь, вслед за големами из-под земли лезли гномы. Мрачные, воинственные, с заплетенными в боевой уклад бородами (на кончике каждой бороды — шипастый тяжелый шар, чтобы отмахиваться от врагов), с остро наточенными кайлами. Единственное, что немного выбивалось из их облика, — это большие темные очки, поблескивающие из-под шлемов. Гномы встали спиной к големам, образовав второй, меньший круг.

— Эй, бородатые! — окликнул их Алхазаб. — Привет! Как это понимать? Я пришел к вам с миром, я ушел от вас как друг. Почему вы встали на сторону моих врагов?

Вперед вышла Груя. Она выглядела немного смущенной, но ответила твердо:

— Привет и тебе, Алхазаб, которого мы приняли как друга и который ушел не попрощавшись.

— Не хотел вас беспокоить... — буркнул Алхазаб.

— Мы, лишенные магии, помогли тебе стать самым великим волшебником в мире, — продолжала Груя. — А ты даже не объяснил нам, в чем наша проблема.

— Ну не умеете вы колдовать — и все тут, — ответил Алхазаб. — Разве я клялся, что дам вам ответ?

— Пусть так, — согласилась Груя. — Но ты начал войну. Ты готов весь мир утопить в крови!

— Великие дела требуют великих жертв. — Алхазаб пожал плечами. — Раз уж я стал так могуч, что могу переделать весь этот мир, — почему бы не сделать его лучше?

— А ты уверен, что, разрушив старое, сумеешь построить новое?

— Кто меня остановит?

— Он. — Груя указала на Трикса.

Хамас кивнул охранникам и те встали вокруг Прозрачного Бога. Трикс поймал негодующие взгляды недавних боевых товарищей и смущенно опустил глаза.

— Позволь нам убить их всех! — сказал Хамас. — Наши войска сметут этих железных кукол и бородатых карликов. Дай приказ!

— Будет много крови... — задумчиво сказал Алхазаб. — Чего ты хочешь, гном?

— Поступи как подобает вождю. Сразись с Триксом, один на один.

— Я уже побеждал щенка в честной магической дуэли, — ответил Алхазаб. — Могу победить и в обычной схватке!

— А ты победи меня в бою на словах! — предложил Трикс.

— Это еще как?

— Я говорю о магической разборке, — объяснил Трикс. — Когда сражаются два воистину могучих мага, они не бросают друг в друга огненными шарами и не отправляют друг друга в болота и пустыни. Они всего лишь разбирают колдовство друг друга на отдельные слова и высказывают свое мнение по поводу заклинаний.

— И что? — удивился Алхазаб.

— Тот, кто первым начинает орать, размахивать руками и обзывать, считается побежденным, — объяснил Трикс. — Потому что маг, потерявший самообладание, теряет и все свои способности, это каждому известно.

— Я? Орать, размахивать и обзывать? — Алхазаб захохотал. — Я могу прикрикнуть, могу пригрозить, могу и оскорбить. Но я делаю это спокойно и взвешенно, как и подобает

вождю и волшебнику. Это глупое состязание, из которого ты не выйдешь победителем, сосунок!

— Тогда почему ты боишься сразиться со мной? — спросил Трикс.

Алхазаб усмехнулся. Щелкнул пальцами и сказал:

— Слушайте меня, мои верные воины! Гнусные предатели вызывают меня на поединок. Что ж, все вы станете его свидетелями! Сейчас мы с этим недорослем, который презлейше отплатил за предобрейшее, выскажем все, что друг о друге думаем. Кто первый потеряет выдержку — тот и проиграл! А победитель решит, что делать с пособниками проигравшего и им самим!

Голос Алхазаба гремел над пустыней. Волшебным образом он был слышен каждому, как бы далеко тот ни находился.

— Трикс... — Тиана, по-прежнему бдительно защищавшая его спину, повернула голову. — Трикс, порицание и эксглюмация не помогут, он слишком самоуверен и горд!

— Я знаю, что делаю... — шепотом ответил Трикс.

Повинуясь жесту Алхазаба, его стражники и Хамас неохотно отступили. Груя взяла за руку Тиану и отвела в сторону.

Прозрачный Бог и Трикс остались один на один. Трикс воткнул копье в песок и скрестил руки на груди, всем своим видом стараясь показать, что ему ничуть не страшно.

Некоторое время Алхазаб смотрел на Трикса. Потом сказал:

— Ты явился из пустыни, самонадеянный юнец без рода и племени. Тебе дали место у наших костров, тебя пустили сражаться за право быть среди лучших воинов. Я позволил тебе и твоему другу победить и не сражаться меж собой, я дал тебе золото. Ты удостоился чести хранить мой шатер, я зазвал тебя под его своды, угостил халвой и доброй беседой. Ты отплатил мне предательством. Настроил против меня моих друзей-гномов. Привел злобного витаманта. Проклял меня

страшным проклятием. Кто ты после этого? Позор своих родителей, предатель своих друзей, человек, не держащий слова и не имеющий чести! Я обвиняю тебя!

Кочевники восторженно взвыли. Трикс даже пошатнулся от резких и, что уж тут говорить, справедливых упреков Прозрачного Бога.

— Твоя очередь, — с улыбкой сказал Алхазаб.

— Ты пришел из пустыни в царство гномов, — твердо ответил Трикс. — Ты обещал помочь им, но, обретя силу — убежал, не сказав ни слова! Ты обратил свой меч и свое волшебство против всех племен пустыни, страхом и жестокостью заставил их подчиниться твоей воле. Но и этого тебе показалось мало! Ты восстал против власти добрейшего султана и повел кочевников на великий город Дахриан. Ты знаешь, что в грядущей битве падут десятки тысяч людей, что погибнут мудрые драконы, иссохнут реки и сгорят поля — но это не останавливает тебя. Ты хочешь властвовать не только над Самаршаном, ты хочешь завоевать все населенные земли — и тебя не пугает, что земля начнет сочиться кровью. Ты говоришь, что, завоевав весь мир, сделаешь его добрым — но кто будет жить в новом добром мире? Солдаты, привыкшие убивать и не ценящие ничью жизнь? Овдовевшие жены? Осиротевшие дети? Вырастет ли добрый плод на злой почве? Тебя надо остановить любой ценой, пусть даже ценой предательства и коварства. Я обвиняю тебя!

Гномы и комедианты принялись аплодировать и одобрительно кричать. Алхазаб нахмурился. Потом сказал:

— Хорошо. Правда есть и в моих словах, и в твоих, юнец. Пусть же победителем станет тот, чье волшебство сильнее! Когда ты решил меня убить, ты сказал: «Алхазаб зря торжествовал победу! Молодой маг нанес ему коварный и безжалостный удар! Все соки тела — от черной желчи селезенки и желтой желчи печени до красной крови в жилах и бесцветной

слизи в голове, — все они вскипели, разрывая Алхазаба на части!»

Трикс досадливо кивнул. У Алхазаба была хорошая память.

— Давай же разберем твое волшебство, — иронично сказал Алхазаб. — Волшебство мальчишки-недоучки, тщасшегося казаться настоящим магом. Во-первых — какое обилие эмоций! «...торжествовал победу! ...безжалостный удар! ...на части!» Ты все время вопишь, мальчик! Твое волшебство — напыщенные фразы и эмоции. Где красота слога? Где вдумчивость? Где мудрость? Сплошная истерика! Во-вторых, какие скучные и однообразные приемы. Перечисление, вгоняющее слушателя в транс — «от черной желчи и желтой желчи», «до красной крови и бесцветной слизи»... Скучно, мальчик! Скучно и примитивно! Уверен, на этом простом приеме построены все твои заклинания! В-третьих, какой примитивный выбор эпитетов... «коварный», «безжалостный»... тебе просто не хватает слов, ты говоришь, будто плохой летописец. Наверное, ты и начитался этих слов в глупых хрониках, а теперь лепишь направо и налево... Ну и в-четвертых...

«Вот это сильно! — мрачно подумал Трикс. — Обычно все останавливаются на «в-третьих», а он пошел дальше!»

— В-четвертых, ты пытаешься завлечь и поразить слушателей и самого себя пустой кровожадностью. «Соки вскипели... разрывая Алхазаба на части...» — передразнил Прозрачный Бог. — Да видел ли ты настоящую битву, мальчик? Настоящую кровь, разрубленные тела? Слышал ли ты стоны и проклятия умирающих? Нет, нет и нет! Если бы твое заклинание сработало и меня впрямь разорвало бы на части — ты бы выблевал на песок свой сегодняшний завтрак и вчерашний ужин, а потом не мог бы спать целую неделю от жутких кошмаров! Итак, ты плохой волшебник, ты даже не волшебник, а так себе — самонадеянный недоучка, криком и ужасами

пытающийся произвести впечатление на людей. И все твои друзья это понимают. Я сказал!

Кочевники взвыли от восторга. Трикс почувствовал, как у него задрожали коленки. Алхазаб сказал то, о чем и он сам временами думал. То, что ему порой высказывал Щавель...

Неужели он и впрямь никудышный волшебник, вздумавший тягаться с великим мастером? И этим обрекший на гибель своих друзей?

Алхазаб ждал, презрительно глядя на Трикса.

Трикс посмотрел на Тиану. Та с испугом смотрела на него. Трикс перевел взгляд на сцену. Комедианты, опустив руки, прятали глаза. Гномы опустили головы. Даже големы, казалось, поникли. И только Гавар, с высунутым языком и растянутыми руками-ногами мычал, пытаясь что-то сказать...

«Он прав, — подумал Трикс. — Он прав... и мои друзья это понимают. Они уже не верят в меня. Никто в меня не верит. Я недотепа, непоседа, недоучка. Ничего у меня толком не получается, вечно я лезу куда не надо, ничего толком не знаю...»

— Трикс, он врет! — неожиданно разнесся над оазисом тонкий голосок Халанбери. — Ты великий волшебник! Я в тебя верю! Он просто всех закол...

Голос стих, будто кто-то спохватился и зажал рукой рот Халанбери. Гавар принялся кивать, насколько ему это позволяли магические путы.

«Он просто всех закол... Заколол? Заколебал? За... Заколдовал! — Трикс вскинул голову. — Ну конечно же! Хотя мы вроде бы и не колдуем, а просто ругаемся друг с другом, но мы волшебники. И магия Алхазаба действует и на моих друзей. Только Гавар не поддался. Может, потому что он мертвый. Или потому что он мне не друг?»

— Спасибо тебе, уважаемый Алхазаб, за разбор моего волшебства, — ответил Трикс, разводя руками. — Как-то даже и не пойму, с чем спорить? С тем, что в волшебстве моем мно-

го чувств и эмоций? Так вся наша жизнь состоит из них! Что же удивительно, что в магии моей, которая есть суть от сути жизни, звучат чувства? Перечисления тебя смущают? Жизнь наша исчислена и ритмична. За весной приходит лето, за летом осень, за осенью зима, за ней снова весна! Час за часом, минута за минутой, миг за мигом идем мы по дороге жизни в вечность — и только там, в вечности, все остановится и больше не будет перечислено. Магия моя, жива, и в ней есть свежая зелень весны, горячая желтизна лета, серая хмарь осени и... (тут Трикс на мгновение осекся, сообразив, что в Самаршане снега даже зимой не бывает) ...и туманный холод зимы. Ты смеешься над тем, что в моих заклинаниях звучат слова «коварный» и «безжалостный»? Но это те слова, которые неразделимы с тобой, Алхазаб! Ты упрекаешь меня в кровожадности? А кто уничтожил лучших колдунов Дахриана? Кто заставил бедных, голодных голубей отнести обратно к султану останки его убийц? Нет, Алхазаб, не тебе упрекать меня в жестокости! Нет, Алхазаб, не тебе ругать мою магию... ведь ты — вообще не волшебник!

Все — и кочевники, и гномы, и комедианты — разом ахнули. Даже Алхазаб от удивления вздрогнул.

— Я — не волшебник? — переспросил он.

— Ты — не волшебник! — подтвердил Трикс. — Ты магман!

— И что это значит? — презрительно спросил Алхазаб.

— Ты никогда не учился магии, — сказал Трикс. — Ты даже с чужой магией толком не знаком. А зря! Волшебство давным-давно стало точной наукой и все волшебники измерены и классифицированы. Так вот...

Вокруг было очень тихо, и Трикс радостно понял, что захватил внимание слушателей. А что может быть лучше для мага, чем тысячи внимательных слушателей? Да ничего лучшего не бывает! Особенно если противник по недомыслию сделал твои слова доступными для всех собравшихся!

— Самый распространенный вид волшебников — это маги. Самаршанцы называют их колдунами, северяне — шаманами, горцы — чародеями. Но все они суть одно — люди, умеющие своими словами творить волшебство. Какое-то у них получается лучше, какое-то хуже, но магу подвластно все. Их, как правило, и называют волшебниками в народе... Во-вторых, существуют чудодеи, они же — волшебники односторонне развитые. Это те волшебники, чье дарование позволяет творить лишь один вид волшебства — к примеру, лечить подагру или превращать тыквы в кареты. Ну а третий вид — волшебники бесталанные или магоманы. Искренне желая колдовать и бойко придумывая заклинания, они на самом-то деле не способны придумать ничего нового и необычного. Но вера их в себя так велика, что даже магоманы могут чуточку подколдовывать, творя заклинания слабые и непрочные.

Алхазаб рассмеялся:

— Ты сам себе противоречишь, мальчишка! Это у меня-то слабые и непрочные заклинания? У меня, Прозрачного Бога? Да я едва узнал, как делается магия, сказал: «Пусть отныне никакие заклинания, а также никакое человеческое оружие, огонь и вода, когти и клыки, руки и ноги, предметы быта и природные катаклизмы не смогут причинить мне вреда!» И с тех пор я неуязвим ни для магии, ни для грубой силы!

— Да, это так, — кивнул Трикс. — Но не потому, что заклинание твое имело какую-то силу. Тысячи лет маги наколдовывали себе защиту, истерев все слова начисто. И твое заклинание ничуть бы тебя не защитило. И даже тысячи верящих в тебя воинов не смогли бы сделать заклинание настолько сильным! Каковы твои заклинания? «Несокрушимые узы сковали твои руки и ноги, витамин!» Твой гнусный язык раздулся и уже не может пошевелиться!» Да это же курам на смех, Алхазаб! Те же самые эмоциональные и простые слова, к которым ты придирался в моей магии! Самые простые

слова, в них нет ничего необычного, ничего затейливого и интересного!

— Магия проста для меня и я не нуждаюсь в лишнем украшательстве! — резко ответил Алхазаб.

— Да не магия для тебя проста! — насмешливо сказал Трикс. — Это ты — прост, Алхазаб! Я долго думал, как ты смог так быстро стать таким сильным магом. Какой бы ни был у тебя талант, но невозможно сразу всему научиться! А потом... потом я с друзьями прошел твоим путем. И знаешь, что я заметил? Я не смог догадаться, как открыть дверь в подземное царство гномов. И мой учитель, мудрый волшебник, не смог. А вот мой приятель, совсем еще мальчишка — сумел! И дальше, когда мы шли по твоему пути, я положился на его выбор — и он каждый раз поступал так, как поступаешь ты! И пусть у него оказались невеликие способности к магии, он, пройдя твоим путем, стал чудодеем!

— Что ты хочешь сказать? — излишне громко закричал Алхазаб.

— Твоя жестокость заставила меня думать, что ты злодей, не ценящий человеческую жизнь, — продолжал Трикс. — Но ты оказался и добрым, и жестоким одновременно! Ты желал всем добра и ради этого готов был поработить весь мир! Одних ты казнил, других награждал — без всякой логики. Да кто же так себя ведет? У тебя нет даже одной жены, хотя любой вождь уже окружил себя целым гаремом!

— Ты хочешь сказать, что я плохой мужчина, глупец? — возмутился Алхазаб.

— Может, ты и хороший мужчина, но не готов стать ни хорошим мужем, ни хорошим отцом! Скучая в своем шатре, ты не пьешь вино, а ешь халву! Не любишь танцовщицами, а слушаешь сказки! Ты все время называешь меня юнцом и мальчишкой — почему? Разве настоящему магу важно, сколько лет его противнику? Твои простецкие заклинания работают — почему? Как ты можешь не видеть, что слова твои

убоги и стерты? Да ты сам ребенок, Алхазаб! Пусть у тебя выросла борода, пусть ты свиреп и хорошо машешь саблей — ты все равно в душе остался наивным ребенком, который верит в любые чудеса, а больше всего в то, что он умеет все на свете и у него все получается!

— Я не ребенок, я взрослый, я вождь! — завопил Алхазаб. — Я родился в год большого солнечного затмения, тридцать два раза зацветала пустыня с тех пор, как я появился на свет!

— Да не важно, сколько тебе лет! — презрительно сказал Трикс. — Бывают люди, которые и в десять думают как взрослые, и даже в пять на детей не похожи. Вот гномы — они все такие. И потому магия у них не получается, никак. А бывает, что до старости в человеке что-то детское остается. Каждый маг немного чудаковат, все это знают — а ведь это потому, что для волшебства надо верить в сказку. Ну а ты — ты совсем ребенок, хоть и старше меня в два раза. Потому и верил в себя так сильно, что твоя магия работала. Потому и стараешься завоевать мир — потому что ребенок хочет доказать, что он вырос. Потому и стараешься, чтобы тебя не просто слушались, а любили — ведь каждый ребенок мечтает, чтобы его все обожали!

— Ты врешь, врешь, врешь! — закричал Алхазаб. — Ты все врешь! Твоя голова сейчас лопнет от твоего вранья!

На мгновение Триксу стало страшно. Но он ехидно сказал:

— Ну к чему эта детская жестокость, Алхазаб? Сказал бы «пусть твой нос вырастет» или «пусть твои уши отвалятся». А ты сразу угрожать. Как ребенок, который ломает игрушку, в которую не получается играть, честное слово...

— А! — завопил Алхазаб и, выхватив меч, бросился на Трикса.

Но Трикс этого ждал. Можно даже сказать, что он об этом мечтал!

И выхватив копьё из песка, встретил атаку Алхазаба — так, словно в руках у него не копьё, а верная метла. Черенок вверх... черенок вниз... в правое колено... в левый локоть... по лбу... в живот...

Алхазаб рухнул на колени, выронил меч и закричал:

— Убейте его! Убей его, Хамас! Убей, убей, убей! Разруби на кусочки! Он все врет, я великий волшебник, я Прозрачный Бог, я ваш предводитель и я самый-самый сильный! Хамас! Ну ты же знаешь, Хамас!

Над оазисом повисла тишина, только поскрипывали железные суставы големов — те старались повернуть головы и хоть чуть-чуть посмотреть на происходящее. Потом Хамас вышел вперед. Молча достал меч.

Трикс взял копьё на изготовку.

Хамас нагнулся, воткнул свой меч рукоятью в песок, отступил на шаг и сказал, обращаясь не к Триксу, а ко всем кочевникам сразу:

— Я — простой человек. Я не обучен волшебству. Все вы знаете, что я хороший воин и умелый полководец, но я никогда не стремился стать вождем над вождями. Я не давал племена в обиду, но я не пытался заставить жителей городов жить так, как нравится жителям пустыни. Я понимал, где лежат пределы моей силы и моего ума... Алхазаба я знал с детства, все вы знаете, что я дружил с его отцом. И... молодой маг из королевства прав. Я знал, что Алхазаб так и не вырос. Что душа его — душа ребенка, порой доброго, а порой и злого, самонадеянного и робкого одновременно... Когда Алхазаб стал волшебником, я решил, что буду его помощником и слугой. Что я готов быть вторым... быть слугой Бога... и что я постараюсь сделать его лучше и помочь ему повзрослеть... Наверное, я все-таки был слишком самоуверен. Маг из королевства победил! Он доказал, что он, безусый и юный, взрослее и ответственнее нашего повелителя. Простите меня, воины. Алхазаб — не Прозрачный Бог. Он

мальчишка, не сумевший стать взрослым и верящий в свои сказки. И в этом не было бы беды... не заставь нас его вера проливать кровь...

Хамас посмотрел на Трикса и сказал:

— Повелевай, Трикс. Его кровь, моя кровь, наша кровь — твои.

Трикс вздрогнул. Посмотрел на сцену, где молча, прижавшись друг к другу, смотрели на него комедианты. Рядом с ними стоял Гавар, запихивая в рот вывалившийся язык — заклинание Алхазаба развеивалось. Услышав слова Хамаса, Гавар энергично закивал.

— Мне не нужна ваша кровь, — сказал Трикс.

— Тогда возьми наши мечи, — предложил Хамас. — Ты сможешь взять под свою власть мир, я верю тебе. И мы... мы пойдем за тобой. Хотя ты и не житель пустыни, но ты достоин нашей верности.

— Нет, Хамас, — ответил Трикс. — Мне не нужны ваши мечи, их слишком много... и они слишком острые. Вы счастливы, живя в пустыне, разводя верблюдов и сберегая ваши оазисы. Жители Дахриана счастливы, ухаживая за посевами и вода караваны. Жители королевства счастливы, занимаясь ремеслами и строя корабли. Жизнь такая разная и сложная, не стоит делать ее одинаковой и простой. Живите так, как хотите жить... и не мешайте другим, кто живет иначе.

— Ты говоришь, как мудрый и взрослый человек, — с горечью сказал Хамас. — Что ты скажешь про Алхазаба?

— Он твой, — сказал Трикс, помедлив. — Ты же относишься к нему как к сыну. Помоги ему... он ведь и на самом деле умеет колдовать, но уже никогда не сможет достичь подлинной силы. А очень многие захотят отомстить ему за то, что он ими командовал... за то, что он не оправдал их надежд.

Хамас молча подошел к Триксу и крепко обнял его. Трикс растерялся. От кочевника пахло потом, верблюдом и шерстью, но вырываться было бы невежливо.

— Тебя я не назвал бы сыном, — сказал Хамас, — но был бы рад быть твоим братом. Пусть дорога твоя будет легка!

Он расцеловал Трикса в щеки (от чего тот отказался бы еще с большим удовольствием, чем от объятий), вынул из песка свой меч и подошел к Алхазабу.

— Вставай... нам надо уехать отсюда.

Алхазаб вскрикнул, поднимаясь с колен, и при виде этого недостойного для вождя поведения верные охранники в ужасе отвернулись. Хамас снял свой плащ, накрыл им Алхазаба с головой и за руку повел прочь.

А Трикса уже обнимала Тиана (против чего он совсем не возражал!), потом Груя (где-то в районе колен), пробравшийся — и когда только успел! — сквозь кольцо големов Халан-бери (в районе пояса), потом радостно орущий Иен, хохочущий Бамбура, молча улыбающийся Шараж, что-то говорящий (от возбуждения на родном языке) Хорт... Под ногами прыгал и лаял Альби, на макушке танцевала Аннет, а в стороне, взявшиеся за руки, радостно отплясывали старинный народный танец Майхель со своими племянниками.

— Такую мощную боевую силу выпустить из рук! — с сожалением произнес Гавар. Язык у витаманта уже уменьшился до нормальных размеров. — Все-таки ты недотепа.

— Да, я такой! — радостно сказал Трикс, полузадавленный в дружеских объятиях. — Да!

— Быть может, ты об этом пожалеешь, — сказал Гавар.

5

— Если бы я сочинял пьесу о наших героических деяниях, — горько сказал Бамбура, — то я бы закончил ее на позавчерашнем дне. Например, на том, как ты победил Алхазаба,

убедил кочевников вернуться в пустыню, а мы все тебя по-здравили и обнимали...

— Почему? — мрачно спросил Трикс.

— Потому что героическая драма должна заканчиваться хорошо! А если она заканчивается плохо, то это героическая трагедия!

— Драма мне нравится больше, — признался Трикс.

Повозка комедиантов медленно приближалась ко дворцу султана Абнуваса. Честно говоря, даже упряжные верблюды (а верблюд — не самое лучшее животное, чтобы запрягать его) могли бы тянуть повозку быстрее — но движение очень сильно замедляли стражники. Они шли позади, держа наперевес длинные пики. Они шли впереди, сжимая в руках мечи. Они толпились по обочинам дороги, держа на изготовку луки.

В общем, стражников было много.

А еще в небе летали драконы.

А еще на крышах домов сидели мрачные самаршанские колдуны, к каждому из которых для воодушевления и ободрения было придано по три стражника. А еще в канавах затаились алхимики, сжимая в руках колбы со зловещими бурлящими жидкостями.

В общем, Триксу было как-то не по себе. Они с Тианой ехали на своих боевых верблюдах, витаминт Гавар шагал рядом, а комедианты, Иен и Халанбери мрачно сидели на повозке.

— И зачем ты решил вернуться в Дахриан? — простонал Майхель. — Отправились бы домой...

— Ты же сам требовал вернуться! — возмутился Трикс. — Ты хотел забрать сундучок с золотом, который был нам обещан!

— Хотел! — признал Майхель. — Но я бедный комедиант, директор странствующей труппы, который должен заботиться о своих актерах и которому звон золота заглушил вопли

разума! Ты должен был меня отговорить! Но ты же сам заявил, что должен отчитаться перед Абнувасом!

Трикс вздохнул. Это была правда — он хотел рассказать султану, что угроза миновала, что войны не будет... и, если получится, заступиться за Аблухая и Сутара. А еще ему хотелось увидеть драконов и поблагодарить Мумрика за покровительство и науку в школе ассасинов. Да и с купцом Васабом следовало бы попрощаться. Но самое главное... самое главное было в том, что Триксу было неловко перед Дэриком. Почему-то Трикс был уверен, что если они снова встретятся, то обязательно помириятся — и коварный Сатор Гриз устыдится своего бывшего вероломства, а Трикс сумеет выпросить для них прощения у Маркеля — и тогда все закончится очень-очень хорошо, как в сказке...

— Извини, — сказал Трикс Майхелю. — Я виноват.

И посмотрел на Сатора Гриза, который ехал впереди процессии — в пышном облачении Великого Визиря.

Ну кто же мог подумать, что, упрятав в темницу прежнего визиря и шута, султан настолько приблизит к себе беглого со-герцога и его сына?

Дэрик ехал позади отца. Он тоже был в самаршанских одеждах, которые ему на удивление шли, и непрерывно оглядывался на Трикса. Взгляд Дэрика ничего хорошего не предвещал. Конечно, юноша помнил, что обратно в Дахриан его отправила Тиана, но, будучи высокородным по происхождению, обижаться на девочку он никак не мог — это было дурным тоном. Поэтому Дэрик предпочитал обижаться на Трикса.

— Вы-то ни в чем не виноваты, — попытался утешить Майхеля Трикс. — Вы честно выполняли свое поручение. Это мы с Тианой убежали от султана, когда тот решил пойти на сделку с Алхазабом...

Майхель только вздохнул, Шараж печально улыбнулся, зато неумоимо шагающий витагант рассмеялся и сказал:

— Глупец! Настоящий правитель не может себе позволить наказывать только невиновных. А судя по тому, что я слышал об Абнувасе, его доброте и любви ко всему живому, — при этом слове Гавар поморщился, — он должен был стать настоящим правителем.

— Почему это «не может себе позволить»? — возмутилась Тиана. — Правитель должен быть суров, но справедлив. Зачем ему наказывать невиновных? Это вызовет бурление народа!

— Бурление... — презрительно сказал Гавар. — Если правитель будет наказывать только виновных, то часть из них, самые хитрые и умные, от наказания неизбежно ускользнут. И поскольку они хитры и умны, то причинят вреда куда больше, чем недалекие бесхитростные преступники... Именно поэтому настоящий правитель должен порой казнить и преследовать тех, кто на первый взгляд совсем ни в чем невиновен. Ибо таким образом он... что он?

Трикс пожал плечами. А Тиана заворуженно ответила:

— Случайным образом покарает самых хитрых предателей и заговорщиков...

— Верно! — обрадовался Гавар. — Ты не безнадежна, девочка. Советую все-таки подумать о предложении Эвикейта стать его женой.

— Никогда! — возмутилась Тиана.

— Слово «никогда» имеет смысл только для витаманта, — ответил Гавар. — Подумай, подумай... Я даже мог бы замолвить за тебя словечко перед Абнувасом.

— Ты что, считаешь, тебе ничего не грозит? — удивился Трикс.

— Думаю, что нет, — рассудительно ответил Гавар. — Ему требуется казнить тебя, Трикс, поскольку ты пошел против его воли. Тиану он может помиловать в силу природной слабости женского пола и податливости дурному влиянию. Комедиантов... — Гавар пожал плечами. — Может казнить, может высечь плетями, может отправить на соляные болота. Ну

а я? Во-первых, казнить меня трудно. Я и так мертвый, убить меня окончательно — задачка не из легких. Во-вторых, за мной стоит Эвикейт и Хрустальные Острова. Пусть они далеко, но зато и смысла с ними ссориться у Самаршана нет. В-третьих, я могучий волшебник и глупо зря тратить на меня стражников и колдунов, ведь я так просто не сдамся.

— Я тоже волшебник, — напомнил Трикс.

— Ты удачлив и талантлив, — согласился Гавар. — Но тебе не хватает стабильности и собранности, того, что приходит с возрастом. И если не рассусоливать, как поступил глупец Алхазаб, то убить тебя нетрудно.

Трикс сглотнул возникший в горле комок. В общем-то он подозревал, что слова Гавара недалеки от истины.

— А вот и наш любимый султан, — с иронией продолжил Гавар. — Ну что ж, сейчас начнется потеха.

В отличие от бывшего визира, взявший власть в свои руки султан предпочитал роскошным сводам дворца бесхитростную природу. Двери, ведущие в сад, были широко раскрыты, именно туда и направлялась процессия. Посреди круглой поляны, обрамленной цветущими кустарниками, стоял трон, простой, деревянный: из самшита, эбена, палисандра, северной узорчатой березы и атласного дерева. Над кустами порхали и пели крошечные цветные птицы — вначале Трикс поразился тому, что они никуда не улетают, но потом заметил, что каждая птичка привязана за ногу тонкой шелковой нитью. Видимо, желая быть ближе к природе, султан пренебрег расписными тканями, роскошными украшениями и драгоценными металлами — он был одет в простой белый халат из паутины горных пауков-птицеедов: невесомо легкий, прочный, как кольчуга, и дорогой, как груженный специями караван; на голову султан возложил тюрбан с неограниченными алмазами и сапфирами. У ног его мирно лежал белый тигр (говорят, что приручить белого тигра удастся раз в сто лет и на это требуется не меньше сотни тигров и тысячи укротите-

лей) и боевой барашек редчайшей пустынной породы (барашки эти подчиняются только детям с рыжими волосами, да и тем порой норовят впиться в шею, отчего юным укротителям приходится носить длинные крепкие шарфы).

В общем, увидев, как прост и близок к природе стал добрый Абнувас, Трикс не пал духом только потому, что падать уже было некуда.

— Предатели схвачены и доставлены на суд султана! — торжественно объявил Гриз, приближаясь к трону. Абнувас поднял руку и погрозил ему пальцем:

— Не спеши, мой новый визирь. Пусть твоё рвение не заставляет тебя делать поспешных выводов... К тому же... если они схвачены, то почему с оружием и верхом?

— Согласно воле султана, — поклонился Гриз, — мы по возможности старались избежать кровопролития.

Султан кивнул и посмотрел на Трикса:

— Трикс Солье, подойди ближе. Только вначале спешишься... и оставь свою метлу на земле.

Трикс не стал спорить. Он спрыгнул с верблюда, едва не отбив при этом ноги, взглядом остановил Тиану, порывавшуюся тоже спешиться, и приблизился к султану. Аннет сидела у него за пазухой, благоразумно решив не показываться.

— Присядь, — добродушно сказал султан, указывая на траву перед тронem. — Присядь, мой юный друг. Ах, в какое дурацкое, сложное положение ты меня поставил!

— Я? — поразился Трикс.

— Ну конечно! — Абнувас потер переносицу. — Позволь объяснить тебе все как можно проще. Есть на свете люди, которым нравится властвовать. Не одеваться в шелк и парчу, не есть изысканную пищу, не жить во дворце, а знать, что они и есть власть. Казнить, миловать, повелевать... Я не такой. О, я был очень рад тому, что я сын султана и живу в комфорте, не зная бед и лишений. Мне приятно делать людям

добро, а еще приятнее гулять в садах и кормить белок орешками. А вот власть сама по себе — она меня никогда не привлекала. И когда мой бедный визирь решил править за меня, оставив мне полагающиеся султану почести и блага, я был очень, очень рад. Пусть у визиря болит голова от тягот управления государством! Но тут появился Алхазаб... и все полетело кувырком. Сражаться? Война унесет множество жизней и разорит страну. Подчиниться Прозрачному Богу? О, это меня ничуть не смущало, но надо было увериться, что Алхазаб и впрямь способен завоевать весь мир. И ваша маленькая команда, решившая победить Прозрачного Бога, пришлась как нельзя кстати. Если бы вы сразу же победили Алхазаба — я продолжил бы прежнюю жизнь. Если бы погибли все и сразу — даже Абнувас понял бы, что сопротивляться бесполезно. Но ты, Трикс... Ты нарушил все планы! Ты и не победил, и не погиб. Ты вернулся и почти было втянул моего бывшего визиря в войну... ведь для него власть была важна сама по себе, он готов был править из-за моей спины — но не собирался подчиняться Прозрачному Богу. Пришлось мне взять власть в свои руки... взять для того, чтобы отдать ее Алхазабу...

Он замолчал и с беспокойством спросил:

— Не слишком запутано?

— Да нет, ничего... — печально ответил Трикс. — Я понимаю. Знаете, мой папа был со-герцогом. И ему тоже была неинтересна власть сама по себе, он все позволял решать Сатору Гризу...

— Я знаю эту печальную историю, — кивнул султан. — Значит, ты меня понимаешь. Ну так вот, Трикс, я был просто вынужден взять власть... арестовать Аблухая и Сутара... ну и тебя, конечно же. Возможно, я даже сумел бы убедить Прозрачного Бога тебя не казнить, кто знает? Но ты опять все испортил! Ты убежал от моей стражи. Уронил мой авторитет. А потом еще победил Алхазаба! И вернулся в Дахриан! Как

должен поступить настоящий правитель? Молчишь? Я сам отвечу — я должен тебя казнить в назидание остальным! В назидание тому же Сатору Гризу, которого мне пришлось взять визирем...

— А зачем вы его взяли? — мрачно спросил Трикс.

— Очень ценный управляющий, с большим опытом, с прогрессивным взглядом на ведение хозяйства, со знанием жизни и королевства, и витамантов. Если знать про его склонность к предательству, то он очень полезен. — Абнувас пожал плечами и философски добавил: — К предательству все равно склонны все Великие Визирь, тут ничего не поделаешь. Но давай не отвлекаться! Назови мне три причины, по которым я не должен тебя казнить?

Трикс немного приободрился. Похоже было, что Абнувас все-таки тяготится необходимостью с ним расправиться.

— Это легко, о султан! — воскликнул он. — Во-первых, я победил Алхазаба и предотвратил войну. Неужели твоя благодарность за это...

— Войны бы не было, — напомнил султан. — Я бы сдался. Так что это не считается.

— Во-вторых, я сохранил твою власть...

— Я же только что объяснял! — всплеснул руками Абнувас. — Мне нужна не власть, а возможности, с ней связанные. Власть меня, напротив, тяготит. Опять не считается!

— В-третьих, при тебе осталась власть над драконами, которых иначе забрал бы на войну Прозрачный Бог... — грустно сказал Трикс.

— И это не годится! — вздохнул Абнувас. — Через год истекает срок, когда действует данное драконами обещание. Мне придется либо смириться с тем, что я упустил такую силу, либо самому начать войну — ну, чтобы зря не пропадала такая великолепная возможность! Ты не представляешь, как меня это угнетает!

— Тогда я назову три другие причины! — воскликнул Трикс. — Первая — я волшебник, а волшебников в королевстве уважают. И я наследник герцога! И знаком с Маркелем! Если ты меня казнишь — начнется война! Вторая причина — я подружился с пустынными гномами. Их отряд впервые вышел на поверхность... и если они узнают, что меня казнили — начнется война! И в-третьих, я учился в школе ассасинов! Если меня казнить — ассасины отомстят!

— Первая причина меня не тревожит, — признался султан. — Наоборот! Будет прекрасная возможность использовать драконов! Вторая причина тоже сомнительна. Гномы — прагматики. Они не мстят, ведь месть ничего уже не может изменить, зато терять такой рынок, как Самаршан, они не захотят. Меня могла бы остановить третья причина, да... даже драконы боятся ассасинов. Но... — Абнувас наклонился к уху Трикса, — я ведь говорил с твоим кузеном. И я в курсе, что «Таящаяся гадюка» уже не та, что раньше...

— Тогда не знаю, что и сказать, — мрачно произнес Трикс.

— Слушай, это тебя должны казнить, а не меня! — напомнил султан. — Ну неужели ты не можешь придумать причину, по которой я не должен этого делать? А?

— Так ты не хочешь этого делать? — уточнил Трикс.

— Нет, конечно, — вздохнул Абнувас. — Я и казнь Аблухая с Сутаром оттягиваю, как могу... оливковое масло в котле кипятят уже третьи сутки, там скоро смола, а не масло будет...

— А ты нас помилуй, — предложил Трикс.

— Чего? — удивился Абнувас. — Помиловать? Но как я могу это сделать? Я взял власть в свои руки. Мне требуется доказать всем, что я суровый властитель, с которым нельзя шутить. Эх, Трикс... это прежний султан, за которого правил визирь, мог себе позволить быть добреньким...

— А ты будь непредсказуемым, — предложил Трикс. — Вот взял и помиловал! Пусть все говорят: какой у нас султан непредсказуемый и уверенный в себе! Простил волшебника, дерзнувшего его послушаться...

Абнувас задумался. С сожалением покачал головой:

— Не пойдет. Очень сомнительное поведение для правителя. Я просто обязан наказать тебя и наказать сурово. Так, чтобы все ужаснулись. Может быть, я даже помилую всех твоих спутников... и Тиану верну в королевство, чтобы мой венценосный брат Маркель не обижался... и комедиантам золота отсыплю... в конце концов, артисты — они же как белочки.

— Белочки? — удивился Трикс.

— Именно! Их куда проще прикормить, чтобы они ели с твоих рук, чем гоняться за ними... И уважаемого Гавара я, конечно же, с почетом отправлю на Хрустальные Острова. Но вот ты... ты совсем другое дело.

— Совершенно верно, о мудрый султан! — подал голос Сатор Гриз. — Мне очень жаль, ведь я знаю Трикса с младенчества... и даже когда у меня возник конфликт с его отцом — мальчика я приказал отпустить! Но выхода нет... увы... Казнить, нельзя помиловать!

Голос Сатора был в меру печален, но в глазах блеснула злобная радость.

Абнувас развел руками:

— Дорогой Трикс, — сказал он. — Я все понимаю. И что мой Великий Визирь жаждет твоей смерти — тоже. Но он прав, вот в чем беда! Ну назови мне хотя бы одну причину тебя помиловать, а? Только чтобы она была уважительная!

— Я ведь волшебник и буду сопротивляться! — сказал Трикс с угрозой. — Я победил Прозрачного Бога — неужели тебе не страшно со мной сразиться?

— Ты не станешь сопротивляться, вот в чем беда, — сказал Абнувас. — Если я пообещаю отпустить всех остальных — а

я пообещаю, то не станешь. Ты же понимаешь, что им придется туго, и поэтому готов собой пожертвовать. Верно?

Он снова наклонился к уху Трикса и прошептал:

— Ты добрый, почти как я, Трикс. Мы, добрые люди, беззащитны перед злом — даже когда сами его совершаем.

Трикс посмотрел султану в глаза... кивнул и тихо ответил:

— Да, я не стану сопротивляться. И у меня больше нет никаких причин...

— Зато у меня есть! — внезапно воскликнула Аннет, вылетая у Трикса из-за пазухи. — Еще какая уважительная причина! Я — Аннет, фея-фамилиар Трикса! И если ты его казнишь, султан, то я тоже умру!

— Какая прелесть! — воскликнул Абнувас, и Трикс сообщил, что султан ни разу не видел Аннет. — О земля и небо, я столько слышал про фей... но ни разу ни одной не видел!

— Это еще не значит, что нас нет в Самаршане! — огрызнулась фея. — И, между прочим, от нас очень сильно зависит урожайность посевов!

— Только не надо мне угрожать, — поморщился Абнувас. — Это совершенно излишне. Слушайте все! Я, ваш султан, повелитель земли и той части неба, которая над этой землей находится, милостивый и суровый, любимый и обожаемый... — султан поморщился и суховато бросил Гризу: — Ну, ты сам там впиши все, что полагается... Итак, я решил помиловать этого дерзкого волшебника — не из-за деяний, которые он совершил во благо Самаршана, и не из-за последствий, которые может вызвать его казнь, а исключительно из восторга от красоты его феи Аннет. Но дабы примерно наказать мальчишку, я приказываю ему в течение суток убраться прочь из нашего прекрасного Дахриана и запрещаю на год возвращаться в Самаршан! Слушайте и не говорите, что не слышали!

— Слушаю и не говорю, — убитым голосом сказал Гриз. Хотел было что-то добавить, но поймал взгляд султана и осекся.

— В гости не зову, — с сожалением сказал султан. — Сам понимаешь, это будет неправильно. Но если ты захочешь перед отъездом с кем-то встретиться или переночевать у своих знакомых, я не стану их наказывать. Ты им Расскажи подробно все свои приключения, мне потом шпионы донесут...

— Спасибо, добрый султан, за твое милосердие! — воскликнула Аннет, трепеща в воздухе. И повернулась к Триксу: — Чего стоишь? Кланяйся!

Но кланяться Трикс не стал, только склонил голову и сказал:

— Благодарю тебя за доброту, Абнувас. Быть может, ты помилуешь и своего прежнего визира и шута?

— Не зарывайся... — тихо ответил Абнувас. А громче ответил: — Нет, не помилю! Они будут искупать узурпацию власти тяжким трудом. Аблухая... кину я его на культурку! Ему придется стать ректором академии искусств. А Сутара я отправлю послом к королю Маркелю. Пускай там хихикает, сил уже нет терпеть его глупые остроты!

Вот теперь Трикс поклонился султану.

Еще никогда во дворе купца Васаба не собиралась такая удивительная компания. Честно говоря, двор для нее был несколько мал, а столы пришлось занимать у соседей (Триксу показалось, что и часть кушаний — тоже).

С одной стороны сидела труппа господина Майхеля, Иен, Тиана, Халанбери и сам Трикс.

Напротив — семейство Васаба.

С одного торца стола — мрачный как ночь Гавар Вилорой, грустный бывший шут Сутар и неожиданно веселый бывший Великий Визирь Аблухай. (Впрочем, тот, для кого трое суток кипятили чан с маслом, имеет право быть веселым, отделавшись всего лишь переменой места работы, верно?)

На противоположном торце неловко ерзал на стуле Элин Абулла Мумрик. Точнее, в данный момент это был уже не Мумрик, а декан школы ассасинов Эам. Впрочем, теперь Трикс смело называл его Мумриком.

Конечно, прилет дракона во двор купца стал потрясающим зрелищем, и когда удалось собрать разлетевшуюся посуду (ту, что не побилась), успокоить верблюдов (тех, что не убежали, проломив стену), Мумрик даже кое-как уместился за столом. Но вскоре стало понятно, что накормить изрядно выросшего дракона (если, конечно, не догнать убежавших верблюдов) не удастся. Положение спас Мумрик, который превратился в человека.

— Я вообще-то не очень люблю, когда без крыльев и огонь нельзя извергать, — смущенно признался он. — Но к этому облику я уже как-то привык...

— Восхитительный облик! — воскликнул Васаб. — Чудесный! Достойнейший молодой человек... скажите, а женаты ли вы?

— Еще нет, — удивленно ответил Мумрик.

Дочери Васаба с визгом унеслись в дом, а старшая жена посмотрела на купца так, что тот поперхнулся куском лепешки и забормotal:

— Я... так... исключительно из общего интереса...

— Да, найти молодежи достойную пару — тяжелая задача, — вздохнул Майхель. — Вот я приглядываю за своими оболтусами племянниками... а мальчики-то растут...

— Да что вы говорите! — восхитился Васаб. — А прибыльно ли ремесло актера?

— Когда как, — невольно потянувшись к подаренному султаном кошельку на поясе, ответил Майхель.

— Так сколько уже вашим шалопаям? — сладким голосом спросил Васаб.

Песя и Нися переглянулись и слегка покраснели.

Трикс придвинулся к Мумрику поближе и тихо сказал:

— Спасибо тебе большое. Ты нам так помог...

— Ну, это же я втянул тебя в это приключение, — смутился Мумрик. — Папа мне сразу сказал — заварил кашу, теперь расхлебывай...

— Хорошо, что вам не пришлось сражаться с Прозрачным Богом, — сказал Трикс.

— Ага. Только плохо, что гномы на поверхность выбрались, — погрустнел Мумрик. — Понимаешь, они такие мелкие, жилистые... я хотел сказать, упорные. И очень хорошо переносят тяжести. Особенно золото. И почему-то уверены, что все драконье золото принадлежит им, гномам... Ладно, все какое-то разнообразие в дие... в жизни. Лучше скажи — тебя вернуть в королевство?

— Я же не улечу один, бросив всех, — вздохнул Трикс.

— Да я вас телепортирую, — небрежно сказал Мумрик. — Я пока жил в «Таящейся гадюке», научился. Вы, люди, куда быстрее учитесь, чем драконы.

— Телепортируй, — обрадовался Трикс. — Только попозже, конечно. Актеров, наверное, в Столицу, а то на дорогах беспокойно, а они заработали неплохо. Меня с Аннет к Щавелю. Халанбери к моим родителям. Тиану... — он вздохнул, — Тиану в Дилон, во дворец.

— Ох и попадет же мне, — вздохнула Тиана, прислушивающаяся к разговору. — Представляю, что начнется. Такая, сякая... сбежала из дворца...

— А я тебя могу вернуть в ту же ночь, когда ты из дворца пропала, — похвастался Мумрик. — Перенесу во времени, как в школу ассасинов!

— Здорово! — с явным облегчением сказала Тиана.

— Ну а Иена... — Трикс задумался. — Его, наверное, надо в ту крепость на границе, где несет свою службу сэр Гламор. Иен, точно?

Трикс обернулся и обнаружил, что Иена за столом нет.

— Он куда-то отошел, — сообщил Халанбери. — Попросил у дочки Васаба чулок. Та смутилась сильно, но принесла ему целую пару. Он один взял, сказал, что скоро вернется, и что это хорошо, что в Самаршане много песка, а темнеет рано. Спросил дорогу на базар и ушел.

— Станный мальчик, — сказал Мумрик. — Зачем ему девичий чулок? Это какой-то человеческий брачный обычай?

— Боюсь, что нет, — ответил Трикс с некоторой озабоченностью в голосе. — Вот ведь упрямый... я уж и думать забыл...

На своем конце стола откашлялся и поднялся Гавар Вилорой. К счастью, рыцарь-маг сидел с опущенным забралом и никому не портил аппетит своим видом.

— Я хотел бы попрощаться с присутствующими, — сказал он. — Кого-то из вас я, возможно, больше не увижу. С кем-то, подозреваю, мы непременно встретимся...

Халанбери быстренько придвинулся поближе к Триксу.

— Встретимся-встретимся, — пообещал Гавар. — Теперь, когда Прозрачного Бога больше нет, а остался лишь утративший свою мощь и авторитет кочевник Алхазаб... — Он скрипуче рассмеялся. — Эвикейт будет доволен! Но раз уж сегодня мы сидим за одним столом — я подниму бокал за здоровье своих боевых товарищей. Ведь оно вам еще понадобится!

— Какой он мерзкий! — прошептала Тиана, но все-таки взяла бокал.

— Мертвецы — все такие, — почти философски сказал Трикс. — Ничего... еще посмотрим, кому и что понадобится.

Вечер шел своим чередом. Поднимались бокалы, жена Васаба подавала все новые и новые блюда — и Трикс вынужден был признать, что кулинария в Самаршане достигла огромных высот. Кончивший болтать с Майхелем купец подошел к Триксу и спросил:

— Слушай, а как советы из Книги Мудрых Мыслей? Пригодились?

— Советы? — Трикс наморщил лоб. — Первый был такой: в трудный путь отправляясь, не чая вернуться, возьми все полезное у друзей! Но вдвойне возьми все полезное у врагов!

— Верно! — кивнул Васаб. — И как это отразилось в твоих приключениях?

Трикс почесал затылок.

— Ну, наверное, это о том, что мы действовали вместе с витамином?

— Возможно, — кивнул Васаб.

— А еще про школу ассасинов, которых все боятся. И о том, что мы прошли путем Алхазаба и поняли, как он получил свою магию!

— О, Мудрая Книга! — восхитился Васаб. — Как замечательно, что ее советы тебе помогли! А второе предсказание? Помощь друга бывает порой малой, но ее всегда ждешь. Помощь врага может быть и великой, но придет неожиданно! О чем оно было?

Трикс задумался.

— Может быть, это про Хамаса, который признал, что я победил Алхазаба? Или опять же про Гавара, который участвовал в сражении?

— Мудрая Книга... — повторил Васаб. — Ну а третье, третье предсказание? Самое загадочное? И если твоя лучшая коза больше не дает молока, а шерсть ее оскудела, то пусти ее на мясо, ибо какой еще толк от козы?

— Козы мы не встречали, ни одной, — признался Трикс. Но увидев, что Васаб расстроился, тут же добавил: — Хотя... ведь мудрые мысли надо понимать иносказательно? Может, это речь о том, что магия Прозрачного Бога ослабла и теперь он обычный вождь обычного племени?

— Книга — источник мудрости! — сказал Васаб, после чего, довольный и успокоенный, пошел дальше вокруг стола.

А Трикс искоса посмотрел на Мумрика. Тот улыбался.

— Это ведь все глупости, да? — спросил Трикс.

— Насчет Книги? — шепотом ответил Мумрик. — Ну как сказать... Готовиться к путешествию надо тщательно и не пренебрегать ничьей поддержкой, полезно ожидать помощи от друзей, но вдвойне ценна помощь тех, кого ты считал врагами... Да и козу, если она не дает ни молока, ни шерсти, стоит пустить на мясо!

— Но ведь это вовсе не значит, что Книга мне чего-то предсказывала и помогала? — уточнил Трикс.

— Книги вовсе не обязаны ничего предсказывать и помогать, — усмехнулся Мумрик. — Ведь больше всего на свете людям нужен не тот, кто им все растолкует. Куда нужнее терпеливый собеседник, который расскажет о чем-то своем и выслушает все твои мысли. А вот это книга умеет лучше любого человека!

— Какая мудрая мысль! — воскликнул Васаб, который как раз вернулся к ним. — Ее непременно надо записать в Книгу! Жена! Жена, неси Мудрую Книгу и карандаш!

Но в этот момент в двери постучали. Трикс, которого очень тревожило отсутствие Иена, пошел к воротам вслед за Васабом.

Однако это был не Иен. Это был Дэрик — в сопровождении двух стражников и кареты. На Трикса он даже не посмотрел.

— Витаманта Гавара Вилороя любезно приглашает к себе Великий Визирь! — торжественно объявил он.

Гавар стал выбираться из-за стола. А Трикс быстро сказал:

— Дэрик... слушай, мне очень жаль...

Дэрик стоял, надув губы и глядя мимо Трикса.

— Это понятно, что мы никогда друзьями не станем, — произнес Трикс. — И даже союзниками. Но... мне очень

неудобно, что мы тебя вернули в Дахриан... и вообще... Ты извини.

Дэрик молчал.

— Все-таки мы ведь почти помирились... — вздохнул Трикс.

Дэрик скосил глаза на стражников. Потом посмотрел на Трикса и горько произнес:

— Поэтому и обидно!

Трикс ждал, но Дэрик молчал и смотрел на Гавара. Перед витамиантом он любезно раскланялся и даже отворил ему дверь кареты. Трикс продолжал стоять у ворот и печально смотреть на Дэрика. Названный кузен полез в карету вслед за витамиантом, но в последний момент все-таки обернулся.

— А ловко вы меня подловили, — сказал он. — Ладно... в следующий раз буду умнее!

Трикс понял, что это тот единственный маленький кусочек примирения, на который он может рассчитывать, и расцвел в улыбке.

Улыбнулся и Дэрик. После чего с внезапной искренностью сказал:

— Тебе здорово идет, когда ты улыбаешься!

И юркнул в карету.

— Какой-то он очень непоследовательный и противоречивый, — сказала Тиана, подошедшая к Триксу. — Хотя он прав, ты куда симпатичнее, когда улыбаешься, чем когда стоишь вот так, с озабоченной физиономией. Гляди, а вон Иен идет!

Иен и впрямь шел по улице, что-то весело насвистывая и помахивая пыльным чулком. При виде Трикса и Тианы он смутился, быстро затолкал чулок в карман и с легкой опаской приблизился.

— Где ты был? — спросил Трикс.

— Так... прогулялся... — пряча глаза, ответил Иен. — Слушай, ты не поверишь, что я нашел!

— Неужели перстень короля Маркеля? — с иронией спросил Трикс.

— Точно! — расцвел Иен, извлекая перстень из кармана. — Вот ведь растяпа тот работороговец, верно? И перстень посеял, и вообще, говорят, ударился затылком о стену и теперь лежит дома с компрессами!

— Я думаю, нам всем надо побыстрее покинуть Дахриан, — сказал Трикс озабоченно.

...В комнате Трикса в волшебной башне Щавеля все было по-прежнему: холодно, неудобно и одиноко. Только пыли на полу за прошедшие недели немного прибавилось. Трикс, помотав головой, которая слегка кружилась после телепортации, подошел к окну.

Была ночь, но полная луна заливала все чистым белым светом. Лежал свежавывающийся снег, только у самой башни упрямо росли заколдованные Щавелем цветы. Даже не открывая дверь, Трикс понял, что Щавель дома — могучий хруп волшебника доносился к нему даже через два этажа.

— Трикс, затопи камин! — попросила Аннет, прячущаяся у него за пазухой. — Это ужас какой-то, а не климат!

Трикс послушно пошел к камину. Вскоре запылало жаркое пламя, выбравшись на кухню Трикс принес себе кружку вина с пряностями и стал греть ее над огнем. Щавель по-прежнему жизнерадостно похрапывал и Трикс решил отчитаться перед учителем завтра с утра.

— Скучаешь по друзьям? — спросила Аннет, присев на каминную полку.

— Угу, — буркнул Трикс. — Но они дома, с ними все хорошо...

— Тогда не надо грустить, — сказала фея. — Очень глупо грустить, когда все друзья дома и с ними все хорошо.

— Почему не может быть хорошо у всех на свете? — спросил Трикс. — Я бы хотел сделать так, чтобы всем было хорошо...

— О, да ты растешь! — засмеялась фея. — Рано или поздно любой добрый волшебник начинает думать, как бы сделать всех счастливыми.

— И что? — спросил Трикс.

— А ты не понял по Алхазабу? Становится злым, конечно же! Если не выбрасывает эту дурь из головы. Людей нельзя сделать насильно ни добрыми, ни счастливыми, ни умными. Потому что от этого становится только больше зла, горя и глупости! Можно только уговаривать их стать лучше... но никакая магия тут не поможет.

— Я знаю, что нельзя, Аннет, — кивнул Трикс. — И что магия не поможет. Но... но помечтать-то можно?

— Помечтать можно, — разрешила Аннет. — У тебя сейчас вино закипит, мечтатель!

С кружкой в руках Трикс вернулся к окну. И вздрогнул, обнаружив на подоконнике большую белую сову. Сова подняла лапу, к которой бечевкой был привязан свиток, и постучала по стеклу.

— Ой... — воскликнул Трикс, открывая окно.

Сова терпеливо позволила ему отвязать письмо, потом укоризненно посмотрела на волшебника и беззвучно унеслась вниз. Трикс торопливо развернул письмо, под которым красовалась герцогская печать.

Письмо было от отца.

Дорогой возлюбленный сын!

Я бы хотел хорошенько отодрать тебя за уши! Знал бы ты, как мы с Герцогиней волновались, когда ты уехал без спроса! Пока нас не навестил твой учитель, мы не знали, что нам и думать!

Но поскольку ты уже слишком большой, чтобы тебя наказывать, мы настоятельно просим больше так не делать! Учись магии, раз уж у тебя к ней такая страсть. В конце концов, в летописях рассказывается про многих правителей, бывших еще и волшебниками, и мы, посовещавшись, решили, что этим ты не уронишь достоинство нашего рода.

К тому же Щавель — добрый старикан, а Дилон — место спокойное и безопасное. Нам с Герцогиней приятно знать, что ты все время под бдительным присмотром учителя, не ввязываешься ни в какие неприятности и занимаешься научными магическими изысканиями.

*Любящие тебя Герцог Рат-Солье
и Герцогиня Реми-Солье папа и мама.*

Трикс хмыкнул и бережно спрятал письмо в карман.

А улыбаться он не стал, потому что был очень воспитанным сыном. Ну, разве что когда лег в кровать и закрыл глаза.

И то самую чуточку.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Трикс обижается	5
Часть вторая. Трикс интригует.....	137
Часть третья. Трикс удивляется	255
Часть четвертая. Трикс сражается	370

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Сергей
Лукьяненко

НЕПОСЕДА

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-071331-8

Трикс Солье совершил немало славных подвигов, и его уже никто не назовет недотепой.

Похоже, все его мечты исполнились — и можно спокойно учиться волшебству (пусть даже в обучение входит мытье полов и чистка картошки).

Но если приходится под Новый год внезапно отправляться в жаркую и экзотическую страну Самаршан — тут уж не до учебы! Тут надо вспомнить все, что умеешь, и даже немного больше.

Ведь Самаршан — ну просто очень экзотическая страна! Там правит султан (некоторые считают, что визирь), собирает армию Прозрачный Бог (некоторые боятся, что он и впрямь бог, хотя бы из мелких) а местные обычаи отличаются красочностью и непосредственностью.

Тут только и остается, что полагаться на старых друзей — бродячих артистов, старых врагов — витамантов, и сводных родственников находящихся в пожизненной ссылке.

Потому что опасных встреч предстоит много — с джином, связанным моральными ограничениями, сфинксом — никакими ограничениями не связанным, и пустынными гномами (вы считали, что таких не бывает? вы ошиблись!). А все потому, что не следует верить каждому встречному дракону*. Конечно, драконы не умеют врать, но разве им это когда-то мешало?

* Да, да! Теперь еще и драконы, не менее одной головы** на книгу

** Кстати, двухголовых драконов не бывает***.

*** Во всяком случае, в этой книге!

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й